

# ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

**2017**  
**2 (32)**

Ψλ

---

**Институт  
Языкознания**  
Российской академии наук



---

# ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2017  
2 (32)  
Москва

---

# JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2017  
2 (32)  
Moscow

#### **СОУЧРЕДИТЕЛИ:**

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН  
НОУ ВПО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»  
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423  
ISSN 2077-5911  
Подписной индекс Роспечати 37152

#### **РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

**Тарасов Евгений Федорович**, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Уфимцева Наталья Владимировна**, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Баласникова Ольга Вениаминовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Дмитрюк Сергей Валерьевич**, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

**Марковина Ирина Юрьевна**, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

**Маховиков Денис Викторович**, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Свинчукова Елена Геннадьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Степанова Анна Александровна**, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

#### **РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**

**Ахутина Татьяна Васильевна**, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

**Гольдин Валентин Евсеевич**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

**Гриценко Елена Сергеевна**, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

**Демьянков Валерий Закевич**, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Дмитрюк Наталья Васильевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

**Залевская Александра Александровна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

**Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

**Кирилина Алла Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

**Ли Тоан Тханг**, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

**Мартин Ф. Линч**, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

**Мягкова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

**Овчинникова Ирина Германовна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

**Пильгун Мария Александровна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

**Поляков Федор Борисович**, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

**Стернин Иосиф Абрамович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

**Терентий Ливиу Михайлович**, кандидат политических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

**Чжао Цюе**, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

**Черниговская Татьяна Владимировна**, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, Санкт-Петербург (Россия)

**Шапошникова Ирина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

**Шаховский Виктор Иванович**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

**Шкатова Людмила Александровна**, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2017

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2017

© НОУ ВПО «Московская международная академия», 2017

© Авторы, 2017

Подписано в печать 24.06.2017. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,53. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

## **COFOUNDERS:**

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

## **EDITORIAL BOARD**

**Evgeny F. Tarasov**, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Natalya V. Ufimtseva**, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Olga V. Balyasnikova**, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Sergey V. Dmitryuk**, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

**Irina Yu. Markovina**, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

**Denis V. Makhovikov**, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Elena G. Svinchukova**, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Anna A. Stepanova**, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

## **ACADEMIC ADVISORY BOARD**

**Tatyana V. Akhutina**, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

**Valentin Ye. Goldin**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

**Elena S. Gritsenko**, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

**Valery Z. Demyankov**, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Natalya V. Dmitryuk**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

**Alexandra A. Zalevskaya**, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

**Vladimir I. Karasik**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

**Alla V. Kirilina**, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

**Ly Toan Thang**, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

**Martin F. Lynch**, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

**Elena Yu. Myagkova**, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

**Irina G. Ovchinnikova**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

**Maria A. Pilgun**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

**Fedor B. Polyakov**, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

**Iosif A. Sternin**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

**Liviu M. Terenty**, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

**Zhao Qiuye**, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

**Tatiana V. Chernigovskaya**, doctor of Philology and Biology, Professor of St. Petersburg State University, Head of Laboratory for Cognitive Studies, Deputy Director-Coordinator of the Cognitive Branch of Kurchatov Institute, Saint-Petersburg, Moscow (Russia)

**Irina V. Shaposhnikova**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

**Viktor I. Shakhovsky**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

**Ludmila A. Shkatova**, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied research.

4 issues per year. The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2017

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2017

© Moscow International Academy, 2017

© Authors, 2017

## НАШИ ЮБИЛЯРЫ

**Анна Петровна Клименко**.....10

## ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Алексеева С.В., Слюсарь Н.А.** (*Санкт-Петербург, Россия*)

Орфографические соседи в русском языке: база данных и эксперимент, направленный на изучение морфологической декомпозиции.....12

**Бойко Б. Л.** (*Москва, Россия*) Именования врага в письмах фронтовиков первых месяцев Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. ....28

**Бубнова И.А.** (*Москва, Россия*) Школьный учебник как источник современного кризиса социальной идентичности.....36

**Вдовиченко А.В.** (*Москва, Россия*) «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели»: проект, смыслообразование, общение.....50

**Есенова Т.С., Харчевникова Р.П., Есенова Г.Б.** (*Элиста, Россия*)

Антропологический портрет калмыка.....62

**Завьялова Н.Б.** (*Москва, Россия*) Влияние трудной жизненной ситуации на языковое сознание женщин.....74

**Козлова Е.А.** (*Киров, Россия*) Когнитивные лакуны в ценностном и прагмалингвистическом аспектах.....86

**Монгилёва Н.В.** (*Костанай, Казахстан*) Этнокультурный аспект смыслового пространства «моя семья» (на материале устных высказываний о семье).....94

**Нагорная А.В.** (*Москва, Россия*) Прецедентное имя как средство концептуализации события в современном английском языке (экспериментальное исследование).....109

**Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф.** (*Москва, Россия*) Психосемантический эксперимент как инструмент анализа смысла и значения слова.....124

**Пильгун М.А., Дзялошинский И.М.** (*Москва, Россия*) Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты.....134

**Романова Т.В., Земляк В.М.** (*Нижний Новгород, Россия*) Речевые характеристики психотипов пользователей веб-форума.....144

**Тарасов Е.Ф.** (*Москва, Россия*) Онтологические предпосылки теории речевого общения.....160

**Шайхиева Т.Н.** (*Гранада, Испания*) Образ преподавателя в испанском языковом сознании.....168

## ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**Жамалетдинова Э.Х.** (*Москва, Россия*) Поколенческие различия восприятия ценности «долг».....190

**Касымалиева К.Э.** (*Москва, Россия*) Этнокультурная идиоглосса горы в авторской языковой картине мира Чингиза Айтматова.....201

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ**

**Введение в рубрику**

**Стернин И.А., Рудакова А.В., Виноградова О.Е.** (*Воронеж, Россия*)

Проект «Значение как феномен языкового сознания» (психолингвистическое значение слова).....211

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ЛЮДИ И ИДЕИ**

**Постовалова В.И.** (*Москва, Россия*) Отечественная лингвистика XX века

и ее корифеи. Б.А. Серебрянников: учение о языке.....226

**БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК**

**Никуличева Д.Б.** (*Москва, Россия*) Бессмертный полк. В его строю навсегда останутся и мои родители – Савельев Борис Иванович (02.08.1924 – 31.08.2013)

и Рахманкулова Изюм-Эрик Салиховна (14.09.1925 – ).....242





<b>OUR ANNIVERSAR</b>	
<b>Anna P. Klimenko</b> .....	10
<b>THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES</b>	
<b>Alexeeva Svetlana V.</b> ( <i>St. Petersburg, Russia</i> ), <b>Slioussar Natalia A.</b> ( <i>Moscow, St. Petersburg, Russia</i> ) Orthographic Neighbors: A Database on Russian Language and Experimental Studies of Morphological Decomposition.....	12
<b>Boyko Boris L.</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) Naming of the Enemy in the Letters of Front-Line Soldiers in the First Months of the Great Patriotic War.....	28
<b>Bubnova Irina A.</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) A School Textbook as a Source of Modern Social Identity Crisis.....	36
<b>Vdovichenko Andrey V.</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) «Development of the Communicative Model of Verbal Process in the Conditions of the Crisis of the Language Model»: Project, Sense-Production, Communication.....	50
<b>Esenova Tamara S., Kharchevnikova Rosa P., Esenova Galina B.</b> ( <i>Elista, Russia</i> ) Anthropological Profiling of a Kalmyk.....	62
<b>Zavjalova Natalia B.</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) The Impact of Difficult Life Situations on Language Consciousness in Women.....	74
<b>Kozlova Elena A.</b> ( <i>Kirov, Russia</i> ) Cognitive Gaps From the Value and Pragmalinguistic Perspectives.....	86
<b>Mongilyova Natalya V.</b> ( <i>Kostanay, Kazakhstan</i> ) Ethnocultural Aspect of the Semantic Space «My Family» Based on the Oral Statements.....	94
<b>Nagornaya Alexandra V.</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) The Precedent Name as a Means of Conceptualizing Events in Contemporary English (An Experimental Study).....	109
<b>Nistratov Aleksandr A., Tarasov Evgeniy F.</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) The Psychosemantic Experiment as a Tool to Analyze the Meaning and Sense of a Word .....	124
<b>Pilgun Maria A., Dzyaloshinsky Joseph M.</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) The Culture of Communication in Digital and Social-Cultural Globalization: Global and Regional Aspects.....	134
<b>Romanova Tatiana V., Zemliak Viktoriya M.</b> ( <i>Nizhniy Novgorod, Russia</i> ) Speech Characteristics of the Psychological Types of Web Forums Users.....	144
<b>Tarasov Yevgeniy F.</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) Ontological Prolegomenae of Speech Communication Theory.....	160
<b>Chaikhieva Tatiana N.</b> ( <i>Granada, Spain</i> ) The Image of a Teacher in Spanish Language Consciousness.....	168
<b>YOUNG SCIENTISTS'STUDIES</b>	
<b>Zhamaletdinova Elmira Kh.</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) The Generation Differences in Perception Of The Value «Debt».....	190
<b>Kasymalieva Kairkul E.</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) Ethnocultural Idioglossia Mountains in the Author's Linguistic Picture of the World of Chingiz Aitmatov.....	201

**PSYCHOLINGUISTIC PROJECTS IN THE REGIONS OF RUSSIA**

**Introduction**

**Sternin Iosif A., Rudakova Aleksandra V., Vinogradova Olga E.** (*Voronezh, Russia*) The Project “Meaning as a Phenomenon of Linguistic Consciousness” (Psycholinguistic Meaning of the Word).....211

**LINGUISTIC HISTORIOGRAPHY: PERSONS AND IDEAS**

**Postovalova Valentina I.** (*Moscow, Russia*) Russian Linguistics of the XX<sup>th</sup> Century and its Prominent Figures. B.A. Serebrennikov: The Language Theory.....226

**IMMORTAL REGIMENT**

**Nikulicheva Dina B.** (*Moscow, Russia*) Immortal Regiment. My Parents Always Remain on Duty – Boris I. Savelyev (02.08.1924 – 31.08.2013) and Izyum-Erik S. Rakhmankulova (14.09.1925 – ).....242



## НАШИ ЮБИЛЯРЫ



12 марта 2017 года исполнилось 85 лет нашей коллеге –  
**АННЕ ПЕТРОВНЕ КЛИМЕНКО.**

Дорогая Анна Петровна,  
сердечно поздравляем Вас с ЮБИЛЕЕМ!  
Многая Вам и добрая лета!

*Любящие Вас психолингвисты*

Имя Анны Петровны Клименко стало известно в научном мире в 60-е годы. Это было время, когда Анна Петровна и ее друзья-единомышленники объединились в группу научной молодежи и начали развивать в нашей стране концепцию, получившую название «теория речевой деятельности». Их первая коллективная монография «Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики)» вышла в 1966 году. Среди авторов монографии, кроме Анны Петровны Клименко, были известные сегодня всему миру, а в то время молодые исследователи: философы А.А. Брудный и Г.П. Щедровицкий, филологи Б.Ю. Городецкий, О.Н. Селиверстова, Т.В. Рябова, А.А. Леонтьев. К этому кругу молодых авторов присоединился и А.Р. Лурия, уже в то время являвшийся действительным членом АПН СССР. В предисловии к данному изданию А.А. Леонтьев процитировал слова Ч. Осгуда и Т. Сибеока о том, что развитие каждой новой междисциплинарной области в конечном итоге зависит от молодых ученых, и предложил читателям судить, насколько удачным оказался их опыт.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений, что это был крайне удачный опыт. Анна Петровна Клименко стала не только одним из ведущих ученых в области психолингвистики, но и создателем психолингвистической школы в Беларуси. Ее ученики живут и успешно работают в разных городах и странах. А сама Анна Петровна продолжает, как и пятьдесят лет назад, активно работать, создавать научные труды и просто входить в аудиторию, щедро делясь со слушателями своими глубокими знаниями и многогранным опытом.

Но не только широкая эрудиция, глубокий профессионализм, тактичность, доброжелательность и отзывчивость привлекают к этому удивительному Человеку. От природы Анна Петровна получила бесценный и редчайший дар – душевную щедрость, необыкновенную мудрость и неиссякаемый оптимизм. Она всегда была и остается для нас примером беззаветного служения своему делу и дружески-уважительного отношения к коллегам и ученикам.

От всей души поздравляем Анну Петровну с замечательным юбилеем. Желаем ей богатырского здоровья, неиссякаемой энергии, творческих успехов и хороших учеников.

*Ученики и коллеги*

# ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

## ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СОСЕДИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: БАЗА ДАННЫХ И ЭКСПЕРИМЕНТ, НАПРАВЛЕННЫЙ НА ИЗУЧЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕКОМПОЗИЦИИ

(Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №14-04-12034  
«База данных и веб-интерфейс, охватывающие важнейшие психолингвистические  
характеристики для основного лексического фонда русского языка».)

**Алексеева Светлана Владимировна**

м. н. с. Лаборатории когнитивных исследований СПбГУ  
190000, Санкт-Петербург, ул. Галерная, 58/60  
*mail@s-alexeeva.ru*

**Слюсарь Наталия Анатольевна**

доцент Школы лингвистики НИУ ВШЭ  
105066 г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4  
доцент факультета свободных искусств и наук СПбГУ  
190000, Санкт-Петербург, ул. Галерная, 58/60  
*slioussar@gmail.com*

В целом ряде психолингвистических экспериментов исследуется влияние на восприятие слова близких по написанию слов, или орфографических соседей (например, *крот – корт*). Обращение к такому материалу позволяет выявить некоторые закономерности восприятия графического облика слов при чтении и поиска слов в ментальном лексиконе, а также пролить свет на ряд других актуальных для психолингвистики проблем. Однако на материале русского языка такого рода экспериментов практически нет – возможно, в силу отсутствия ресурса для автоматизированного подбора соседей, сбалансированных по разным параметрам. В данной работе мы представляем такой ресурс – базу данных StimulStat, а также результаты эксперимента, в котором она была использована.

В ряде экспериментов, изучающих слова-соседи с перестановкой соседних букв, ставился вопрос, какую роль играет то, происходит ли перестановка внутри одной морфемы или на стыке морфем. Это позволяет понять, происходит ли при восприятии многоморфемных слов морфологическая декомпозиция, и если происходит, то на каком этапе. В отличие от большинства более ранних исследований, в проведенном нами эксперименте (с применением методики лексического решения с праймингом) изучаются не производные слова, а словоформы. На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что формы существительных в косвенном падеже не хранятся в памяти целиком и подвергаются декомпозиции (во всяком случае, если речь идет не о самых высокочастотных формах), в то время как начальная форма обладает особым статусом.

**Ключевые слова:** ментальный лексикон, морфологический анализ, орфографические соседи, словоизменительная морфология, русский язык.

## Введение

Изучение восприятия слов при чтении – одно из основных направлений современной психолингвистики (см., например, [Леонтьев 1979; Залевская 2001]). Важнейшая часть этого процесса – анализ буквенного состава слова. В этой области выделяется целая группа исследований, посвященных влиянию на восприятие слова так называемых орфографических соседей (например, [Acha, Carneiras 2014; Davis et al. 2009; Grainger 1992, 2008; Huntsman, Lima 2002]). Этот термин используется для близких по написанию слов, в частности для слов, отличающихся друг от друга на одну букву (например, *крот – кот*, *крот – кров*) или за счет перестановки соседних букв (например, *крот – корт*).

Исследуется, как на доступ к слову в ментальном лексиконе (в частности, на скорость его прочтения) влияет число слов-соседей, их частотность, как активация одного из слов-соседей влияет на доступ к другому, а также ряд других проблем. На основании полученных результатов можно, во-первых, делать выводы о принципах хранения слов в ментальном лексиконе и о механизмах доступа к ним. Во-вторых, слова-соседи используются в экспериментах, направленных на изучение различных вопросов, которые напрямую не связаны с анализом буквенного состава слова. В данной работе мы обратимся к исследованиям, посвященным проблеме морфологического анализа слов при восприятии. В-третьих, учитывая, что значимость факторов, связанных с орфографическим сходством, была подтверждена в целом ряде работ, эти факторы следует принимать во внимание в самых разных психолингвистических экспериментах. Например, число слов-соседей часто контролируется при подборе экспериментальных стимулов наравне с такими факторами, как длина и частотность [White et al. 2008; Whitney, Lavidor 2004 и др.].

В связи с этим для нескольких языков были созданы базы данных, позволяющие подбирать стимулы с определенными характеристиками, например, пары слов-соседей определенного типа, слова, у которых много или мало соседей и т.д. [Boudelaa, Marslen-Wilson 2010; Davis 2005; Davis, Perea 2005; Duchon et al. 2013; New et al. 2004; и др.]. Автоматизация поиска является в данном случае принципиально важной, так как информация такого рода не представлена в каких-либо словарях и корпусах. В данной работе мы представим базу *StimulStat* – первую подобную базу данных, созданную на материале русского языка.

Один из ключевых вопросов, обсуждающихся в психолингвистической литературе, заключается в том, происходит ли при восприятии морфологический анализ многоморфемных слов, и если он имеет место, то на каком этапе обработки и какие факторы могут оказывать на него влияние. Эксперименты на материале орфографических соседей вносят свою лепту в решение этого вопроса. Обращает на себя внимание то, что перестановкам на стыке основы и окончания посвящено всего две опубликованные работы [Luke, Christianson 2013; Zargar, Witzel 2016].

Вероятно, это связано с тем, что германские и романские языки, на материале которых проводится большая часть исследований, не обладают достаточно развитой словоизменительной морфологией, что заметно усложняет подбор стимулов. Между тем, учитывая, что многие авторы по-разному смотрят на морфологический анализ в случае словоизменительной и словообразовательной морфологии, такого рода исследования представляют большой интерес. В данной работе представлен первый эксперимент такого рода, проведенный нами на материале русского языка.



**Обзор исследований на материале орфографических соседей, посвященных морфологическому анализу**

В настоящее время выделяют четыре основных типа орфографических соседей: соседи с заменой одной буквы (*крот – кров*) [например, Coltheart et al. 1977]; соседи с удалением одной буквы (*крот – рот*) [например, Davis et al. 2009]; соседи со вставкой одной буквы (*кара – карат*) [например, De Moor, Brysbaert 2000]; соседи с перестановкой двух соседних (*баня – баян*) или несоседних (*кот – ток*) букв [например, Andrews 1996]. Слова, являющиеся соседями того или иного типа, образуют орфографическое соседство (пример соседства слов с перестановками: *кот, ток, кто*).

Большая часть экспериментов в этой области использует методику принятия лексического решения с праймингом. Испытуемый должен как можно быстрее определить, является ли предъявленная ему на экране компьютера цепочка букв реальным словом или нет. При этом перед стимульной последовательностью на небольшой промежуток времени показывается другая последовательность (прайм). Например, если прайм совпадает с целевым словом, последнее распознается значительно быстрее, чем в контрольном условии (где стимул и прайм никак не связаны). Это называется эффектом прайминга. Он связан с тем, что ключевое слово уже было активировано в ментальном лексиконе, и чтобы активировать его повторно, требуется меньше времени.

Эксперименты на материале соседей разных типов используются при изучении различных проблем, в частности морфологического анализа слов при восприятии. Существующие модели можно разделить на те, которые рассматривают словоформы [например, McClelland, Patterson 2002; Marslen-Wilson, Tyler 1997; Pinker 1991, 1999; Rumelhart, McClelland 1986; Ullman 2004] и производные слова [Baayen et al. 1997; Pollatsek et al. 2000; Seidenberg, McClelland 1989; Taft, Forster 1975; Taft 2004 и др.]. В каждом случае ставится вопрос о том, хранится ли в ментальном лексиконе сложное слово / форма целиком или же содержащиеся в ней морфемы (в некоторых моделях реализованы обе опции) (см. также [Черниговская 2010]). Одни модели опираются на морфологическую декомпозицию и поморфемный поиск, другие – на поиск целого слова или формы, а третьи предполагают, что могут быть задействованы оба пути, один из которых окажется более эффективным (в зависимости от частотности, семантической прозрачности, морфологической регулярности и ряда других факторов).

Существует несколько способов проверить, происходит ли во время лексического доступа морфологическая декомпозиция. Один из них – сравнить время опознания многоморфемных слов после праймов-псевдослов, полученных из целевых стимулов перестановкой двух букв либо на стыке морфем, либо внутри одной морфемы. Если морфемный анализ является обязательным, то прайминг-эффекта, характерного для слов с перестановкой, в первом случае не будет. Это будет также означать, что информация о морфемных границах становится доступной перед информацией о порядке следования букв в слове или одновременно с ней (см., например, [Zargar, Witzel, 2016]).

Предыдущие исследования с применением данной методики были сфокусированы на словообразовании: на сложных словах (состоящих из двух корней)

[Christianson et al. 2005; Perea, Carreiras 2006], суффиксальных и префиксальных производных [Beysersmann et al. 2013; Duñabeitia et al. 2007; Masserang, Pollatsek 2012; Rueckl, Rimzhim 2011; Sánchez-Gutiérrez, Rastle 2013]. Результаты этих исследований не согласованы. В работах [Christianson et al. 2005; Duñabeitia et al. 2007; Rueckl, Rimzhim 2011] не было обнаружено прайминг-эффекта в условии с перестановкой букв на стыке морфем, а в остальных исследованиях прайминг-эффект наблюдался независимо от условия.

Многие исследователи пытались понять, чем обусловлена разница в полученных результатах. Тестировались разные языки (английский и бакский) [Sánchez-Gutiérrez, Rastle 2013], проверялись влияние семантического сходства между праймом и таргетом [Beysersmann et al. 2013] и индивидуальные особенности читателей [Duñabeitia et al. 2014]. Только в последнем случае была выявлена разница между условиями с перестановкой на стыке и внутри морфемы: у читателей с высокой скоростью чтения, в отличие от «медленных» читателей, снижается размер прайминг-эффекта при перестановке на стыке морфем.

Наше исследование посвящено хранению флективных форм существительных. Насколько нам известно, рассматриваемый нами метод применялся для изучения словоформ только в двух работах на материале английского языка. В первом случае [Luke, Christianson 2013] исследовались регулярные формы прошедшего времени (например, *enjoyed* «наслаждался»), во втором случае [Zargar, Witzel, 2016] – как словоформы, так и производные слова: формы с аффиксами *-ing* (например, *focusing* «фокусирующийся»), *-ed* (например, *stopped* «остановился»), *-est* (например, *largest* «самый большой») и слова на *-er* (например, *cleaner* «очиститель»).

В первом исследовании прайминг-эффект был зафиксирован только при внутриморфемных перестановках в праймах, что свидетельствует в пользу морфологической декомпозиции. Во втором исследовании, напротив, где бы ни располагалась перестановка внутри прайма, прайминг-эффект был значим. Это говорит о том, что морфологическая декомпозиция, если и происходит, то уже после того, как становится доступной информация о порядке следования букв. Объяснить, чем обусловлены различия в полученных результатах, пока сложно – для этого нужны дополнительные исследования. Один эксперимент такого рода представлен в нашей работе.

#### **База данных StimulStat**

Как мы видели выше, слова-соседи используются в качестве материала в разнообразных психолингвистических экспериментах. Кроме того, во многих работах число соседей и их частотность контролируется при подборе стимулов. Однако исследований такого типа для русского языка практически нет. Мы полагаем, что во многом это связано с отсутствием ресурса, который позволял бы отчасти автоматизировать трудоемкую задачу поиска соседей, сбалансированных по различным параметрам.

Эта опция была реализована в базе данных *StimulStat*, которую мы разработали в соавторстве с Д.А. Черновой для подбора стимульного материала для экспериментов на русском языке [Алексеева и др. 2015]. Ресурс доступен по адресу [stimul.cognitivestudies.ru](http://stimul.cognitivestudies.ru). Он включает более 50 000 лексем и более более 1,9 миллионов образованных от них форм. База содержит параметры, связанные с частотностью словоформ и лемм, буквенным составом (длина в слогах и символах, первая



и последняя буква, обратная запись, позиция однозначной идентификации и др.), просодическими особенностями (место ударения в символах и слогах, слоговая структура, наличие сдвига ударения в парадигме и др.), полисемией и омонимией, а также различными грамматическими характеристиками. Кроме того, в базе представлена информация, связанная с орфографическими соседями разных типов.

Некоторые параметры были взяты нами из различных источников (среди них «Частотный словарь современного русского языка» [Ляшевская, Шаров 2009], проект [Ляшевская 2013], морфологический анализатор *rumorphy2* (<https://rumorphy2.readthedocs.org/en/latest/>), включающий словарь проекта *OpenCorpora* ([opencorpora.org](http://opencorpora.org)), «Грамматический словарь русского языка» [Зализняк 1987] и др.). В этом случае преимущество базы заключается в возможности автоматического поиска и одновременного учета. Другие параметры были рассчитаны нами при создании базы.

Среди параметров, которые мы рассчитали сами, остановимся подробнее на соседях различных типов. Мы включили в базу (отдельно для лемм и для форм) следующие типы соседей: соседи с заменой (*ток – сок*); соседи с перестановкой (*баян – баня*); соседи с удалением одной буквы (*крот – кот*) и со вставкой одной буквы (*кот – крот*); соседи, у которых второе слово в паре полностью включено в первое (*абориген – бор, ген*), и соседи, у которых первое слово в паре полностью включено во второе (*бор – абориген, забор*); соседи, имеющие в той или иной позиции общую биграмму (т.е. сочетание из двух букв) (*ток – тонка*) или триграмму (*порвать – поручень*). Для каждого отдельного соседства мы подсчитали количество входящих в него слов или форм, их суммарную частотность, натуральный и десятичный логарифм частотности, минимальную и максимальную частотность слов или форм. Также для каждого слова в соседстве известно, какое количество слов превышает по частотности текущее.

База может использоваться в экспериментальных исследованиях русского языка, а также в любых других работах, где требуется подбор примеров с определенными характеристиками.

### Экспериментальное исследование

В этом разделе мы представим проведенное нами экспериментальное исследование. Мы использовали методику принятия лексического решения с праймингом, описанную во втором разделе. В качестве стимулов выступают пары словоформ-соседей, которые можно разделить на несколько групп:

два существительных в начальной форме (в именительном падеже единственного числа), перестановка затрагивает только основы (например, *крот – кот*);

два существительных в начальной форме, перестановка на стыке основы и окончания (например, *баян – баня*);

два существительных, одно из которых стоит не в начальной форме, а другое – в начальной (например, *клоун – клоун*).

Из предыдущих исследований известно, что при восприятии слов-соседей наблюдается эффект прайминга: если сперва предъявляется одно слово, а за ним второе, то второе воспринимается значительно быстрее, чем в контрольном условии. Наша гипотеза заключается в том, что степень выраженности этого эффекта будет зависеть от того, затрагивает ли перестановка в словах-соседях только основы или также окончание в одном из слов, а также являются ли оба соседа начальными фор-

мами слова или нет. На основании полученных результатов можно будет сделать выводы о том, осуществляется ли при восприятии форм морфологическая декомпозиция и на каком этапе. В проведении эксперимента принимала участие студентка СПбГУ Анастасия Петрова.

#### **Участники**

В эксперименте приняли участие 26 носителей русского языка в возрасте от 18 до 24 лет (15 женщин и 11 мужчин).

#### **Материалы**

Стимульный материал был подобран следующим образом. Используя базу данных *StimulStat*, представленную в предыдущем разделе, мы отобрали все пары соседей с перестановкой букв среди словоформ существительных в определенном диапазоне длины и частотности (известно, что эти два фактора играют в распознавании слов при чтении ключевую роль). Длина словоформ варьировала от 4 до 7 букв, а частотность лемм составляла от 0,4 до 111,3 на миллион согласно «Частотному словарю современного русского языка» [Ляшевская, Шаров 2009].

Отобранные пары словоформ мы разделили на две группы, каждая из которых делится на две подгруппы. В первой группе («начальной») обе словоформы-соседа – начальные формы, т.е. стоят в именительном падеже единственного числа. Для нее нам удалось набрать 18 пар слов<sup>1</sup>. Эту группу мы разделили на подгруппы 1а («основа-окончание») и 1б («основа-основа»), в которых содержится по девять слов. В подгруппе 1а перестановка букв затрагивает окончание (*волна-волан*), а в подгруппе 1б не затрагивает (*гроб-горб*). Во всех парах прайм частотней целевого слова.

Во второй группе («косвенной») одно из слов-соседей стоит в форме косвенного падежа (эти формы использовались в качестве праймов), а второе – в начальной форме. Нам удалось набрать 36 таких пар. Во всех парах перестановка затрагивает стык основы и окончания. Мы разделили эту группу на подгруппы 2а («прайм>цель») и 2б («цель>прайм»), в которых содержится по 18 слов. В подгруппе 2а прайм частотней целевого слова<sup>2</sup> (*призам* (22,4) – *призма* (3,7)), а в подгруппе 2б целевое слово частотней прайма (*рифам* (3,5) – *рифма* (8,5)).

Далее следовало подобрать праймы для контрольного условия, а также квазислова (в задании на принятие лексического решения половина стимульных последовательной всегда не является реальными словами) и праймы для них. Поэтому для каждого уже отобранного нами прайма мы нашли по две словоформы, совпадающих с ним по длине и слоговой структуре и близкие по частотности, но не обладающие орфографическим сходством с ним. Пример приведен в Таблице №1. Эти словоформы использовались в качестве праймов в контрольном условии, а также перед квазисловами. Такого рода отбор гарантировал, что различные экспериментальные условия будут отличаться только с точки зрения интересующих нас факторов, связанных с орфографическим соседством.

---

<sup>1</sup> В целом следует отметить, что словоформ-соседей оказалось меньше, чем мы предполагали изначально.

<sup>2</sup> Здесь и далее частотность указывается в скобках в количестве упоминаний на миллион согласно словарю [Ляшевская, Шаров 2009].

Таблица №1

Пример набора целевых стимулов и праймов, использованных в эксперименте

Целевое слово	Прайм 1 (эксп. условие для целевого слова)	Прайм 2 (контр. условие для целевого слова и квазислова)	Прайм 3 (эксп. условие для квазислова)	Квази-слово
<i>призма</i> (3,7)	<i>призам</i> <i>приз</i> (22,4)	<i>блинам</i> <i>блин</i> (22,9)	<i>кранам</i> <i>кран</i> (23,3)	<i>кранма</i>

Квазислова были созданы на основании одного из праймов путем перестановки букв, как показано в Таблице №1. В результате пара «прайм 3 – квазислово» была аналогична паре «прайм 1 – реальное слово». Иначе, если бы испытуемые заметили, что орфографическое сходство наблюдается только в парах с реальными словами, это могло бы непредсказуемым образом отразиться на времени реакции. Кроме того, выбранная нами методика гарантировала, что целевые стимулы, являющиеся реальными словами и квазисловами, похожи друг на друга по таким ключевым характеристикам, как длина и слоговой состав.

Таким образом, у нас получилось 54 набора, включающих три различных прайма, целевое слово и квазислово. В Таблице №2 приведены средние значения частотности для целевых слов и праймов в различных группах. Средние значения длины внутри групп совпадают.

Таблица №2

Средние значения частотности в различных группах стимулов

Группа	Пример	Целевое слово	Прайм 1	Прайм 2	Прайм 3
1а «начальная, основа-окончание»	<i>волна – волан</i>	3,8	33,8	32,3	31,8
1б «начальная, основа-основа»	<i>гроб – горб</i>	3,1	13,5	12,9	12,7
2а «косвенная, прайм>цель»	<i>призам – призма</i>	2,9	17,4	16,9	17,2
2б «косвенная, цель>прайм»	<i>рифам – рифма</i>	22,4	2,7	2,7	2,6

Затем мы распределили стимулы по двум экспериментальным протоколам следующим образом. В первом протоколе целевое слово из первого набора предъявлялось после прайма 1 (т.е. в условии соседства), а квазислово – после прайма 2 (т.е. в контрольном условии). Целевое слово из второго набора предъявлялось после прайма 2 (в контрольном условии), а квазислово – после прайма 3 (в условии соседства) и т.д. Во втором протоколе условия были распределены зеркально.

Таким образом, внутри одного протокола праймы не повторялись, а также не было случаев, когда испытуемый видел, например, пару *блинам – призма* и прайм *призам* (который является соседом целевого слова) перед каким-то другим стимулом. Именно поэтому нам требовалось по три прайма в каждом наборе. Каждый испытуемый проходил только один протокол.

После получения экспериментальных данных мы планировали провести следующие сравнения:

- между группой 1 «начальной» (в целом) и 2а «косвенной, прайм>цель» (в обеих группах по 18 слов, прайм в обоих случаях частотнее, чем целевое слово, средняя частотность целевых слов близкая, можно сравнить начальные и неначальные словоформы в роли праймов);
- между группами 2а «косвенной, прайм>цель» и 2б «косвенной, цель>прайм» (обе группы по 18 слов, в обоих случаях прайм – неначальная форма, можно сравнить праймы, которые более частотны или менее частотны, чем целевые слова);
- между группами 1а «начальной, основа-окончание» и 1б «начальной, основа-основа» (обе группы по 9 слов<sup>3</sup>, средняя частотность целевых слов близкая, в обоих случаях прайм – начальная форма, можно сделать выводы по поводу роли того, затрагивает ли перестановка букв окончание или нет).

### Процедура

Эксперимент проводился на персональном компьютере *MacBook* с использованием программы *PsyScope* [Cohen et al. 1993]. Все испытуемые тестировались индивидуально в тихом помещении. Никто из испытуемых не был осведомлен об истинной цели эксперимента. Сперва на экране предьявлялась следующая инструкция:

«Уважаемый участник! Положите указательный палец правой руки на клавишу «J» и указательный палец левой руки на клавишу «F». Перед Вами на экране будет появляться знак «\*», цепочка букв и затем другая цепочка букв. Ваша задача: как можно быстрее определить, является ли вторая цепочка букв словом русского языка. Если это слово, нажмите правую кнопку. Если это не слово, нажмите левую кнопку»<sup>4</sup>.

Затем испытуемым предьявлялись восемь тренировочных пар стимулов. После этого у них была возможность задать уточняющие вопросы, если что-либо осталось непонятным. Далее следовал основной блок стимулов, включавший в себя 108 пар «прайм – целевое слово или квазислово».

Сперва испытуемый видел в центре экрана звездочку (точку фиксации). Временной интервал случайным образом выбирался из следующего списка: 1000, 1100, 1200, 1300, 1400 и 1500 мс. Это не позволяло испытуемым сформировать опреде-

---

<sup>3</sup> Из-за того, что количество таких стимулов невелико, мы ожидали получить скорее предварительное представление, на основании которого можно создавать дальнейшие эксперименты, чем статистически значимые результаты.

<sup>4</sup> Половина испытуемых, проходивших каждый протокол, видела инструкцию в таком виде, другая половина должна была нажимать на левую кнопку, если видит слово.

ленные ожидания относительно того, когда появится прайм. Затем в центре экрана (на том же месте, что и звездочка) предъявлялся прайм на 200 мс. Он на 200 мс сменялся пустым экраном, после чего появлялся целевой стимул. Если испытуемый не нажимал на клавишу в течение 500 мс, целевой стимул сменялся пустым экраном. Это было сделано для того, чтобы испытуемые отвечали как можно быстрее. Если испытуемый не отвечал в течение последующих 1500 мс, на экране снова проявлялась звездочка, а затем – следующие прайм и стимул.

### Результаты

Как принято в такого рода исследованиях, мы анализировали количество правильных ответов и время реакции испытуемых. Прежде всего мы удалили данные двух испытуемых, которые допустили ошибки в 20% и 25% экспериментальных заданий. Все остальные участники ошибались менее чем в 15% случаев.

Таким образом, у нас осталось 2592 измерения времени реакции. Из них мы удалили те 243 случая, где испытуемые дали неверный ответ (это составляет 9,4%). Затем, пользуясь процедурой, описанной в работе [Ratcliff 1993], мы рассчитали для каждого экспериментального условия пороговые значения времени реакции (среднее время реакции плюс или минус 2,5 стандартных отклонения) и удалили все данные за пределами этих пороговых значений. В данном эксперименте их оказалось совсем немного – 10 случаев, что составляет 0,4% от общего количества.

Средние значения времени реакции для всех экспериментальных условий в различных группах, а также размер эффекта прайминга (разница между условием соседства и контрольным условием) представлены в Таблице №3. Сначала рассмотрим реальные слова. Можно заметить, что внутри «косвенной» группы (в подгруппах 2а «прайм>цель» и 2b «цель>прайм») эффект прайминга оказался небольшим, в то время как внутри «начальной» группы он выражен довольно ярко. Что касается квазислов, то для них сколько-нибудь заметная разница не наблюдается ни в одной из групп.

Таблица №3

Среднее время реакции испытуемых и размер эффекта прайминга в различных экспериментальных условиях (в мс)

Группа	Стимул / филлер	Контрольное условие	Условие соседства	Размер эффекта прайминга
1а «начальная, основа-окончание»	реальное слово	755,9	693,6	62,3
1b «начальная, основа-основа»	реальное слово	758,4	683,2	75,2
2а «косвенная, прайм>цель»	реальное слово	774,2	750,7	23,4
2b «косвенная, цель>прайм»	реальное слово	719,4	698,4	21,0
1а «начальная, основа-окончание»	квазислово	780,4	787,8	-7,5
1b «начальная, основа-основа»	квазислово	795,6	787,1	8,5
2а «косвенная, прайм>цель»	квазислово	780,4	784,4	-4,0
2b «косвенная, цель>прайм»	квазислово	819,8	804,5	15,3

Чтобы установить, какие различия между условиями являются статистически значимыми, в программном пакете SPSS был проведен дисперсионный анализ с повторными измерениями (RM ANOVA). Сначала мы сравнили ответы в контрольном условии и в условии соседства внутри каждой группы. Значимая разница была обнаружена для групп 1а «начальная, основа-окончание» ( $F(1, 175) = 4,06, p = 0,046$ ) и 1б «начальная, основа-основа» ( $F(1, 173) = 6,33, p = 0,013$ ). Различия в остальных группах оказались незначимыми (для всех сравнений здесь и далее  $p > 0,14$ ). Таким образом, значимый эффект прайминга в условии соседства наблюдается только в тех группах, где праймом является слово в начальной форме.

Чтобы непосредственно оценить различия между праймами в начальной форме и в формах косвенного падежа, мы сравнили группу 1 «начальную» (в целом) с группой 2а «косвенной, прайм>цель». В обеих группах прайм частотнее целевого слова. Был использован двухфакторный дисперсионный анализ, в качестве факторов рассматривалось наличие прайма-соседа (т.е. условие соседства или контрольное условие) и наличие прайма в начальной форме (т.е. есть группа 1 или 2а). Статистически значимым оказалось влияние первого фактора ( $F(1, 690) = 9,31, p = 0,002$ ), а также взаимодействие между факторами ( $F(1, 690) = 6,90, p = 0,009$ ). Это говорит о том, что эффект прайминга в условии соседства выражен в «начальной» группе значительно сильнее, чем в «косвенной».

Затем мы сравнили между собой «начальные» группы 1а и 1б, чтобы оценить, окажется ли эффект прайминга в условии соседства более значительным, если перестановка букв в словах-соседях затрагивает только основу (как в группе 1б) или основу и окончание (как в группе 1а). Был использован двухфакторный дисперсионный анализ, в качестве факторов рассматривалось наличие прайма-соседа (т.е. условие соседства или контрольное условие) и тип этого соседа (т.е. группа 1а или 1б). Значимым оказался только фактор соседства ( $F(1, 348) = 10,21, p = 0,002$ ), второй фактор и взаимодействие факторов на значимость не вышли. Как мы отмечали выше, вероятно, это связано с небольшим количеством стимулов в этих группах.

Наконец, мы сравнили «косвенные» группы 2а и 2б. Эти две группы были введены в эксперимент, чтобы, если в них будет наблюдаться эффект прайминга в условии соседства, оценить, как на этот эффект влияет соотношение частотности прайма и целевого слова (в группе 2а частотней прайм, в группе 2б – целевое слово). Был использован двухфакторный дисперсионный анализ, в качестве факторов рассматривалось наличие прайма-соседа (т.е. условие соседства или контрольное условие) и соотношение частотностей прайма и целевого слова (т.е. группа 2а «прайм>цель» или 2б «цель>прайм»).

Второй фактор оказался статистически значимым ( $F(1, 739) = 12,64, p < 0,001$ ). Это ожидаемый результат, учитывая, что целевые слова в группе 2б намного частотней, чем в группе 2а. Первый фактор, а также взаимодействие факторов значимости не достигли. Это хорошо соотносится с результатами первых внутригрупповых сравнений, показавших, что эффект прайминга в условии соседства статистически незначим в обеих «косвенных» группах.



### Обсуждение полученных результатов и заключение

Как мы кратко продемонстрировали в обзоре литературы, эксперименты на материале орфографических соседей используются при решении целого ряда актуальных для психолингвистики проблем. Чтобы такого рода исследования было легче планировать на материале русского языка, мы включили информацию о соседях разных типов в созданную нами базу данных StimulStat ([stimul.cognitivestuides.ru](http://stimul.cognitivestuides.ru)). Проведенный нами эксперимент также планировался с использованием этой базы.

В эксперименте мы ставили своей задачей проверить, хранятся ли падежные формы существительных в ментальном лексиконе целиком или подвергаются при восприятии морфологической декомпозиции. Была использована методика лексического решения с праймингом, в качестве материала были взяты пары словоформ с перестановкой двух соседних букв. Целевое существительное всегда стояло в начальной форме, а прайм – в начальной (*крот – корт*) или в косвенной (*призам – призма*). Сравнив эти две группы, «начальную» и «косвенную», мы выявили, что эффект прайминга в условии соседства (относительно контрольного условия) выражен в первой группе значительно сильнее, чем во второй.

Остановимся сначала на косвенных формах. Отсутствие прайминг-эффекта свидетельствует о том, что они подвергаются морфологической декомпозиции, причем на раннем этапе: либо до определения порядка следования букв в слове, либо – вероятнее – одновременно с этим процессом (считается, что именно в этот момент слово активирует своих орфографических соседей (см., например, [Zargar, Witzel 2016])). Начальные формы, напротив, вызывают прайминг-эффект, причем вне зависимости от того, затрагивает ли перестановка окончание.

Предположить, что косвенные формы подвергаются декомпозиции, а начальные – не подвергаются, было бы странно. Так как последние никак не маркированы в тексте, получается, что нужно проверять каждую форму на предмет того, не является ли она начальной и не хранится ли целиком, и уже затем приступать к декомпозиции. Мы полагаем, что полученные результаты легче всего объяснить в рамках моделей, сочетающих хранение целых форм и декомпозицию: все формы подвергаются декомпозиции, однако некоторые также хранятся целиком (в нашем случае наличие такой репрезентации оказывается ключевым для прайминг-эффекта). К таким моделям можно отнести, например, модель Х. Баайена и соавторов [Baayen et al. 1997] и поздние версии двусистемного подхода [Pinker 1999] (для последнего цельное хранение морфологически регулярных форм допускается скорее в виде исключения). В рамках дальнейших исследований, вероятно, уже с использованием других методов и материалов, необходимо будет ответить на вопрос, с чем связан выявленный нами особый статус начальной формы: с тем, что она, как правило, частотнее всех прочих форм в парадигме или с другими ее характеристиками?

Обратимся теперь к результатам еще одной манипуляции, которая была осуществлена при создании эксперимента: половина праймов в «косвенной» группе была более частотна, чем целевое слово, другая половина – менее частотна. Мы установили, что испытуемым требуется гораздо больше времени, чтобы принять решение, в первом случае, чем во втором. Но соотношение частотностей никак не повлияло на размер прайминг-эффекта, связанного с перестановкой (т.е. взаимодействие фактора частотности и фактора соседства было незначимым, значимым

оказался только первый фактор).

Экспериментов, где в качестве прайма и целевого стимула использовались бы два реальных слова-соседа с перестановкой, немного, в роли прайма чаще выступает квазислово. Остановимся на работах [Andrews 1996] и [Duñabeitia et al. 2009]. С. Эндрюс на материале английского языка показала, что прайминг-эффект в парах соседей с перестановкой был более выражен для высокочастотных целевых слов при низкочастотном прайме, чем для низкочастотных целевых слов при высокочастотном прайме. Она объясняет это тем, что активация высокочастотного прайма происходит быстрее и, соответственно, обработка целевого слова занимает меньше времени. Вероятно, в нашем случае получить похожие результаты помешала морфологическая декомпозиция. Кроме того, Эндрюс использовала задачу называния, а мы – задачу лексического решения. Наконец, важно отметить, что в исследовании Эндрюс прайминг-эффект был отрицательным, то есть сосед с перестановкой замедлял прочтение целевого слова. Исследовательница предположила, что при предъявлении прайма активируется и его сосед, они конкурируют между собой, и это замедляет время обработки (причем более сильное замедление наблюдается, если праймом является менее частотный сосед).

В работе [Duñabeitia et al. 2009] описана серия экспериментов на материале испанского языка. Использовалась методика принятия лексического решения с праймингом. Для соседей с заменой был выявлен отрицательный прайминг-эффект, как и в работе С. Эндрюс, а в случае соседей с перестановкой прайминг не наблюдался (при любом соотношении частотностей прайма и целевого слова). Исследователи полагают, что, с одной стороны, конкуренция на уровне слов должна замедлить восприятие целевого слова после прайма-соседа. С другой стороны, если у прайма и целевого слова одинаковый набор букв, это должно привести к повышенной активации на орфографическом уровне и ускорить восприятие целевого слова. Эти два эффекта уравнивают друг друга, и в результате ни отрицательный, ни положительный прайминг не наблюдается.

Таким образом, результаты нашего эксперимента не совпадают с полученными С. Эндрюс [Andrews 1996], а с результатами работы [Duñabeitia et al. 2009] совпадают лишь частично. Для «начальной» группы нами был зафиксирован положительный прайминг-эффект, для «косвенной» – нулевой эффект, при этом соотношение частотностей прайма и целевого слова не влияет на наличие и размер эффекта. К сожалению, сравнение трех работ затруднено тем, что в них использовалось разное время предъявления праймов и целевых стимулов, разные задания (в случае сопоставления со статьей С. Эндрюс), разные языки. Поэтому для объяснения полученных различий потребуются дополнительные исследования.

### Литература

Алексеева С.В., Слюсарь Н.А., Чернова Д.А. StimulStat: база данных, охватывающая различные характеристики слов русского языка, важные для лингвистических и психологических исследований // Материалы 21-ой Международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог». 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/AlexeevaSVSloussarNACHernovaDA.pdf> (дата обращения: 21.07.2016).

Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Тверской государственный



университет, 2001. 177 с.

*Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. 3-е изд. М.: Русский язык, 1987. 880 с.

*Леонтьев А.А.* Восприятие текста как психологический процесс // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Киев: Киевский государственный университет, 1979. С. 18–30.

*Ляшевская О.Н.* Частотный лексико-грамматический словарь: проспект проекта // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2013. №. 12. С. 478–489.

*Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка. М.: Азбуковник, 2009. 1090 с.

*Черниговская Т.В.* Мозг и язык: врожденные модули или обучающаяся сеть? // Мозг. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Наука, 2010. С. 117–127.

*Acha J., Carreiras M.* (2014). Exploring the mental lexicon: A methodological approach to understanding how printed words are represented in our minds. *Mental Lexicon*, vol. 9, 196–231.

*Andrews S.* (1996). Lexical retrieval and selection processes: Effects of transposed-letter confusability. *Journal of Memory and Language*, vol. 35, 775–800.

*Baayen R.H., Dijkstra T., Schreuder R.* (1997). Singulars and plurals in Dutch: Evidence for a parallel dual route model. *Journal of Memory and Language*, vol. 37, 94–117.

*Beyersmann E., Duñabeitia J.A., Carreiras M., Coltheart M., Castles A.* (2013). Early morphological decomposition of suffixed words: Masked priming evidence with transposed-letter nonword primes. *Applied Psycholinguistics*, vol. 34, 869–892.

*Boudelaa S., Marslen-Wilson W.D.* (2010). Aralex: A lexical database for Modern Standard Arabic. *Behaviour Research Methods*, vol. 42, 481–487.

*Christianson K., Johnson R.L., Rayner K.* (2005). Letter transpositions within and across morphemes. *Journal of Experimental Psychology*, vol. 31, 1327–1339.

*Cohen J.D., MacWhinney B., Flatt M.R., Provost J.* (1993). Psyscope: A new graphic interactive environment for designing psychology experiments. *Behavioral Research Methods*, vol. 25, 257–271.

*Coltheart M., Davelaar E., Jonasson T., Besner D.* (1977). Access to the internal lexicon. In: *Attention and Performance VI*. New York: Academic Press. Pp. 535–555.

*Davis C.J.* (2005). N-Watch: A program for deriving neighborhood size and other psycholinguistic statistics. *Behavior Research Methods*, vol. 37, 65–70.

*Davis C.J., Perea M.* (2005). BuscaPalabras: A program for deriving orthographic and phonological neighborhood statistics and other psycholinguistic indices in Spanish. *Behavior Research Methods*, vol. 37, 665–671.

*Davis C.J., Perea M., Acha J.* (2009). Re(de)fining the orthographic neighborhood: The role of addition and deletion neighbors in lexical decision and reading. *Journal of Experimental Psychology*, vol. 35, 1550–1570.

*De Moor W., Brysbaert M.* (2000). Neighborhood-frequency effects when primes and targets are of different lengths. *Psychological Research*, vol. 63, 159–162.

*Duchon A., Perea M., Sebastián-Gallés N., Martí A., Carreiras M.* (2013). EsPal:

one-stop shopping for Spanish word properties, *Behavior Research Methods*, vol. 45, 1246–1258.

*Duñabeitia J.A., Perea M., Carreiras M.* (2007). Do transposed-letter similarity effects occur at a morpheme level? Evidence for morpho-orthographic decomposition. *Cognition*, vol. 105, 691–703.

*Duñabeitia J.A., Perea M., Carreiras M.* (2009). There is no clam with coats in the calm coast: Delimiting the transposed-letter priming effect. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, vol. 62, 1930–1947.

*Duñabeitia J.A., Perea M., Carreiras M.* (2014). Revisiting letter transpositions within and across morphemic boundaries. *Psychonomic Bulletin and Review*, vol. 21, 1557–1575.

*Grainger J.* (1992). Orthographic Neighborhoods and Visual Word Recognition. In: *Advances in Psychology*. Amsterdam: North-Holland. Pp. 131–146.

*Grainger J.* (2008). Cracking the orthographic code: An introduction. *Language and Cognitive Processes*, vol. 23, 1–35.

*Huntsman L.A., Lima S.D.* (2002). Orthographic neighbors and visual word recognition. *Journal of Psycholinguistic Research*, vol. 31, 289–306.

*Luke S.G., Christianson K.* (2013). The influence of frequency across the time course of morphological processing: Evidence from the transposed-letter effect. *Journal of Cognitive Psychology*, vol. 25, 781–799.

*Marslen-Wilson W.D., Tyler L.K.* (1997). Dissociating types of mental computation. *Nature*, vol. 387, 592–594.

*Masserang K.M., Pollatsek A.* (2012). Transposed letter effects in prefixed words: Implications for morphological decomposition. *Journal of Cognitive Psychology*, vol. 24, 476–495.

*McClelland J.L., Patterson K.* (2002). Rules or connections in past-tense inflections: what does the evidence rule out? *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 6, 465–472.

*New B., Pallier C., Brysbaert M., Ferrand L.* (2004). Lexique 2: A new French lexical database. *Behavior Research Methods*, vol. 36, 516–524.

*Perea M., Carreiras M.* (2006). Do transposed-letter effects occur across lexeme boundaries? *Psychonomic Bulletin and Review*, vol. 13, 418–422.

*Pinker S.* (1991). Rules of language. *Science*, vol. 253, 530–535.

*Pinker S.* (1999). *Words and rules: the ingredients of language*. New York: Harper Collins. 352 p.

*Pollatsek A., Hyönä J., Bertram R.* (2000). The role of morphological constituents in reading Finnish compound words. *Journal of Experimental Psychology*, vol. 26, 820–833.

*Ratcliff R.* (1993). Methods for dealing with reaction time outliers. *Psychological Bulletin*, vol. 114, 510–532.

*Rueckl J.G., Rimzhim A.* (2011). On the interaction of letter transpositions and morphemic boundaries. *Language and Cognitive Processes*, vol. 26, 482–508.

*Rumelhart D., McClelland J.* (1986). On learning the past tenses of English verbs. In: *Parallel distributed processing: explorations in the microstructure of cognition*. Vol. 2. Cambridge, MA: MIT Press. Pp. 216–271.

*Sánchez-Gutiérrez C., Rastle K.* (2013). Letter transpositions within and across

morphemic boundaries: Is there a cross-language difference? *Psychonomic Bulletin and Review*, vol. 20, 988–996.

*Seidenberg M.S., McClelland J.L.* (1989). A distributed, developmental model of word recognition and naming. *Psychological Review*, vol. 96, 523–568.

*Taft M.* (2004). Morphological decomposition and the reverse base frequency effect. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, vol. 57A, 745–765.

*Taft M., Forster K.I.* (1975). Lexical storage and retrieval of prefixed words. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, vol. 14, 638–647.

*Ullman M.T.* (2004). Contributions of memory circuits to language: the declarative/procedural model. *Cognition*, vol. 92, 231–270.

*White S.J., Johnson R.L., Liversedge S.P., Rayner K.* (2008). Eye movements when reading transposed text: The importance of word-beginning letters. *Journal of Experimental Psychology*, vol. 34, 1261–1276.

*Whitney C., Lavidor M.* (2004). Why word length only matters in the left visual field. *Neuropsychologia*, vol. 42, 1680–1688.

*Zargar E.S., Witzel N.* (2016). Transposed-letter priming across inflectional morpheme boundaries. *Journal of Psycholinguistic Research*, to appear.

**ORTHOGRAPHIC NEIGHBORS:  
A DATABASE ON RUSSIAN LANGUAGE AND EXPERIMENTAL  
STUDIES OF MORPHOLOGICAL DECOMPOSITION**

**Svetlana V. Alexeeva**

Junior research associate

Laboratory for Cognitive Studies

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia),

190000, St.Petersburg, Galernaya Street, 58-60

*mail@s-alexeeva.ru*

**Natalia A. Slioussar**

Assistant professor

School of Linguistics, HSE (Moscow, Russia)

105066, Moscow, Staraya Basmanaya Street, 21/4

Assistant professor

Faculty of Liberal Arts and Sciences

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

190000, St.Petersburg, Galernaya Street, 58-60

*slioussar@gmail.com*

The role of orthographic neighbors (e.g. *trail – trial*) in word processing has been discussed in many experimental studies. These studies address the problem of visual word recognition, lexical access in the mental lexicon and a number of other topics that are currently under debate in psycholinguistics. However, there are virtually no studies on

the material of the Russian language – potentially, due to the fact that there is no resource that would allow searching for such words balanced according to different parameters. In the present paper, we present *StimulStat*, a database that solves this problem, and an experimental study based on it.

A number of experiments studying transposition neighbors asked the following question: does it play a role whether the transposition takes place inside one morpheme or across the morphological boundary? This lets us understand whether multimorphemic words are decomposed in processing and, if yes, at what stage. Unlike the majority of earlier studies, our experiment (using lexical decision task with priming) studies inflected forms rather than derived words. The results let us conclude that noun forms in oblique cases are not stored as a whole and are decomposed (at least, when they are not highly frequent), while the initial (nominative singular) form has a special status.

**Keywords:** mental lexicon, morphological processing, orthographic neighbors, inflectional morphology, Russian.

### References

Alexeeva S.V., Slioussar N.A., Chernova D.A. (2015). StimulStat: baza dannyx, oxvatyvajushhaja razlichnye xarakteristiki slov russkogo jazyka, vazhnye dlja lingvisticheskix i psihologicheskix issledovanij [StimulStat: A lexical database for linguistic and psychological research on Russian language] // Materialy 21-oj Mezhdunarodnoj konferencii po komp'juternoj lingvistike «Dialog» [Proceeding of the 21<sup>st</sup> International conference on computer science “Dialogue”]. 2015, URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/AlexeevaSVSlioussarNACHernovaDA.pdf>

Chernigovskaya T.V. Mozg i jazyk: vrozhdennye moduli ili obuchajushhajasja set'? [Brain and language: innate modules or a learning network?]. In: Mozg. Fundamental'nye i prikladnye problemy [Brain. Fundamental and applied issues]. Moscow: Nauka, 2010. pp. 117–127.

Leont'ev A.A. Vosprijatie teksta kak psixologicheskij process [Text processing as a psychological process]. In: Psixolingvisticheskaja i lingvisticheskaja priroda teksta i osobennosti ego vosprijatija [Psycholinguistic and linguistic nature of the text and characteristics of its processing]. Kiev: Kiev State University, 1979, pp. 18–30.

Ljashevskaja O.N. Chastotnyj leksiko-grammaticeskij slovar': prospekt proekta [Lexico-grammatical frequency dictionary: a preliminary design]. Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. 2013, vol. 12, pp. 478–489.

Ljashevskaja O.N., Sharov S.A. Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka [Frequency dictionary of modern Russian]. Moscow: Azbukovnik, 2009. 1090 p.

Zaljevskaja A.A. Tekst i ego ponimanie. [Text and its comprehension]. Tver: Tver State University, 2001. 177 p.

Zaliznjak A.A. Grammaticeskij slovar' russkogo jazyka. Slovoizmenenie [Grammatical Dictionary of Russian Language. Inflection]. 3<sup>rd</sup> ed. Moscow: Russkij jazyk, 1987. 880 p.

УДК 81'23

**ИМЕНОВАНИЯ ВРАГА В ПИСЬМАХ ФРОНТОВИКОВ ПЕРВЫХ  
МЕСЯЦЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.**

**Бойко Борис Леонидович**

доктор филологических наук, профессор,  
Военный университет МО РФ  
123001, Москва, Б. Садовая, 14  
*borisboiko@gmail.com*

Именования *врага* в письмах фронтовиков первых месяцев Великой Отечественной войны сформированы риторикой государственной идеологии и опосредованы газетной публицистикой, средствами кино и агитационной графики. Неясные образы вероятного противника в годы, предшествующие военному конфликту, с началом войны обретают свою конкретику в лексических единицах экспрессивного ряда – *фашист, фриц, зверь, изверг, гадина*, уточняются определениями *коварный, вероломный, озверелый* и др. Модели поведения граждан, выступивших на защиту Отечества, выражены глаголами *разбить, разгромить, уничтожить, убить* и словосочетаниями *стать грудью на защиту Отечества, отдать жизнь за Родину, сражаться до последней капли крови*. Уверенность в победе над врагом внушается успехами былых сражений с иноземными агрессорами. Вербальная картина начавшейся войны, оценки происходящего, отношение к врагу и задачи по его уничтожению присвоены, на языке психологии – интериоризованы, массовым и индивидуальным сознанием и затем многократно воспроизведены в письмах солдат и офицеров с фронта. Анализ фронтовых писем первых месяцев войны, речевых средств именования врага – фашистской Германии и ее вооруженных сил свидетельствует об усвоении советскими солдатами и офицерами тех оценок войны и противника, которые были даны 3 июля 1941 И.В. Сталиным в его обращении к народу. В текстах фронтовых писем их авторы воспроизводят и дополняют речевые средства эмоциональной оценки происходящего. Выборочный анализ именовании врага в письмах с фронта свидетельствует о корреляции содержания индивидуального сознания с содержанием массового сознания, которое задано извне и опосредовано текстами пропаганды и агитации. На лексическом уровне они уходят корнями в общий фонд русской словесной образности. Для «овнешнения» образов сознания, отвечающих потребности выразить свое отношение к врагу, к текущим событиям войны, к задачам по уничтожению врага, человек обращается к речевому опыту социума.

**Ключевые слова:** именование, враг, Великая Отечественная война, индивидуальное / массовое сознание.

Отношение человека к событиям внешнего мира носит социальный характер. В своих оценках происходящих событий человек опирается не только на собственный индивидуальный опыт, который в основе своей социален, но и на те установки, которые ему диктуются от имени социума представителями правящей

элиты. Если взять последний, наиболее доступный для понимания и массовый способ идеологического воздействия, каким было в первой половине XXв. кино, то уже неполная выборка наименований кинофильмов, выпущенных в период 1937–1941гг., свидетельствует о целенаправленной подготовке народа к войне. В частности, это кинофильмы «Александр Невский» (1938 г.) о победе новгородцев над посягнувшими на русские земли псами-рыцарями Тевтонского Ордена, «Минин и Пожарский» (1939 г.) об отражении польской интервенции 1611–1612 гг., «Суворов» (1940 г., на экраны вышел в 1941 г.) о победе русского оружия в зарубежном походе.

Концептуальный образ неназванного врага, начала войны как нападения на Советский Союз извне, успешного отражения агрессии и стремительного и победоносного завершения войны на чужой территории был дан в агитационном фильме «Если завтра война» (1938). Некоторую определенность с точки зрения идентификации неназванного противника в эту картину для тех, кто в какой-то мере владел немецким языком, вносила легко опознаваемая на слух немецкая речь вражеских солдат и офицеров, пусть и одетых в военную форму без определенных признаков принадлежности к вооруженным силам конкретного государства.

В обращении И.В. Сталина к народу 3 июля 1941 года слово с обобщенным значением *враг* будет применено исключительно к Германии и ее вооруженным силам и конкретизировано в словосочетаниях, где в качестве определения используются прилагательные *немецкий, фашистский, гитлеровский*:

- *гитлеровская Германия, фашистская Германия,*
- *войска Германии, немецкие войска, немецко-фашистские войска, немецко-фашистская армия, фашистские войска, немецко-фашистская армия Гитлера, гитлеровские войска, гитлеровская фашистская армия.*

Идеология Германии определяется в обращении словосочетанием *германский фашизм*, а ее носители – *германские фашисты*. Для именования войны Советского Союза с фашистской Германией используются словосочетания *всенародная Отечественная война, великая война, война всего советского народа, война за свободу нашего Отечества, Отечественная война с германским фашизмом, война с фашистской Германией, война с напавшим врагом, война против фашистских поработителей, война против немецко-фашистских войск, смертельная схватка*. Определение *вероломный* встречается в словосочетаниях *вероломное военное нападение, вероломные действия, вероломные люди*.

Действия советского народа в целом и каждого отдельного гражданина в ходе начавшейся войны в тексте обращения подсказаны семантикой глагола с обобщенным значением *защищать* и в развитии его семантики – глаголами *биться, драться* (процесс) и *уничтожать, разбить* (результат):

- *защищать* – *грудью защищать свою свободу, честь, Родину,*
- *биться* – *биться с врагом, самоотверженно биться за каждую пядь земли,*
- *драться* – *драться до последней капли крови,*
- *уничтожать* – *уничтожать врага и его пособников.*
- *разбить* – *фашистская армия может быть разбита и будет разбита.*



Оценки противника и нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, содержащиеся в обращении, будут многократно воспроизведены в советской печати, пересказаны в устных выступлениях командиров и политработников. Призывы, завершающие текст обращения и вдохновляющие советских людей на борьбу с врагом, предпосланы тексту обращения в качестве своеобразного эпиграфа. С этой целью они расположены на первой полосе газеты «Правды» от 3 июля 1941 года справа от наименования газеты: «Все наши силы – на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!».

На митингах, проведенных по всей стране, в текстах газет и по радио зазвучит **тема ненависти** к агрессору, усиленная метафорами, основанными на сравнении врага с *псами* (псы-рыцари), сформируется обобщенный образ *врага-зверя, изверга, твари*, подлежащей уничтожению. Эти образы в последующем будут конкретизированы (дополнены и развиты) средствами политической графики (перевод семантики слова в семантику изображения), насыщены экспрессивной лексикой разговорной речи. Известнейшие плакаты первых месяцев войны «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!» (художники Кукрыниксы<sup>1</sup>), «Родина-мать зовет!» (Иракий Тоидзе), «Смерть фашистской гадине!» (Алексей Кокорекин) созданы и растиражированы в конце июня 1941 г.

Война, по Клаузевицу, в отношении господствующих в ней тенденций представляет собой сочетание трех элементов – насилия, ненависти и вражды, игры вероятностей и случая [Клаузевиц 2002: 50].<sup>2</sup> Задача внушения ненависти к врагу рассматривалась как одна из первоочередных задач идеологической работы в войсках и среди населения. Это, например, отчетливо видно в известной песне «Священная война», ставшей своеобразным гимном Великой Отечественной войны:

*Вставай, страна огромная,  
Вставай на смертный бой  
С фашистской силой темною,  
С проклятою ордой!*

Припев:

*Пусть ярость благородная  
Вскипает как волна!  
Идет война народная,  
Священная война!*<sup>3</sup>

Вербальная картина начавшейся войны, оценка происходящего, отношение к агрессору и задачи по его уничтожению присвоены, на языке психологии – интериоризованы массовым и индивидуальным сознанием и затем многократно

---

<sup>1</sup> Кукрыниксы – аббревиатура, составленная из фрагментов имен и фамилий художников-сатириков Михаила Куприянова, Порфирия Крылова и Николая Соколова.

<sup>2</sup> Мысль об обращении к трудам Клаузевица в связи с изложением необходимости воспитания вражды и ненависти к противнику как составной части подготовки к ведению войны подсказана Е.Ф. Тарасовым.

<sup>3</sup> «Священная война», музыка А. Александрова на слова В. Лебедева-Кумача. Текст песни опубликован в газете «Известия» 24 июня 1941 г.

воспроизведены в письмах солдат и офицеров с фронта. Анализ фронтовых писем первых месяцев войны, с точки зрения речевых средств именования противника – Германии, ее вооруженных сил, ее солдат и офицеров, свидетельствует об усвоении тех оценок войны и противника, которые были даны в обращении к народу И.В. Сталина, воспроизводят и дополняют речевые средства эмоциональной оценки происходящего. В целях систематизации материала вербальные именования противника в письмах фронтовиков выстроим вокруг тем, заданных в тексте обращения.

**Тема 1.** Именования немцев как представителей страны, совершившей нападение на Советский Союз, включают обобщенные понятия – *враг, враги*. Нейтральные этнонимы – *немец, немцы* заменяются на именования негативной оценки – *фашисты, гитлеровцы, захватчики, бандиты*. Этноним *немец* относится к немецким солдатам и офицерам, к вооруженным силам фашистской Германии в целом.

*...На аэродроме приходится быть очень мало. Немец нажимает, уже занят г. Остров, теперь пытается овладеть Псковом.* – Лейтенант П.М. Булькач, 8 июля 1941 г. // Последние письма, с. 107.

*...Нахожусь около Ленинграда – от города километров 25. И, наверное, сегодня еще ближе передвинут, потому что очень напирает немец.* – Г.Л. Чистяков, предположительно конец июня – начало июля 1941 г. // Последние письма, с. 406.

*...Недалек тот день, когда немцы начнут удирать без оглядки...* – Красноармеец М.М. Крылов, 18 июля 1941. // Последние письма, с. 222.

*...Часто приходится вылетать на бомбежку врага. Достается и нам от огня немецких зениток и атак вражеских летчиков* – Майор В.Э. Меладзе, июнь 1941 г. // Последние письма, с. 68.

*...Гитлеровцы бросили в бой семь дивизий на южном участке обороны, но мы их основательно потрепали и отогнали на юг.* – Капитан И.К. Бородин, 21 августа 1941 г. // Последние письма, с. 135.

**Тема 2.** Именования немцев, основанные на метафорах «звериного» ряда и связанные с фактами сражений с иноземными захватчиками в прошлом, отсылают читателя писем главным образом к памяти о победе новгородцев и владимирцев под предводительством Александра Невского над псами-рыцарями на Чудском озере: *немецко-фашистские псы, озверелые орды, фашистский гад*:

*...На нашем участке фронта немецко-фашистских псов помаленьку вышибаем из занятых ими сел и деревень. Наступило время, когда их будут гнать по всему фронту...* – А.Н. Ацин, 12 сентября 1941 г. // Последние письма, с. 404.

*...Мама, ты не беспокойся обо мне. Свою жизнь не отдам озверелым ордам.* – Старший лейтенант В.С. Белов, 17 сентября 1941 г. // Последние письма, с. 405.

*...Желаю больше бодрости, помогать фронту, и общими усилиями фронта и тыла сомнем фашистского гада, обломаем ему рога, потом уничтожим.* – Комиссар И.И. Мясников. Первые месяцы войны // Последние письма, с. 409.

*...Скоро содрогнется земля, и встанет русский воин-богатырь и скажет: «Ну, кто еще хочет земли русской? Кто придет на землю русскую, тот неминуемо найдет в ней могилу».* – Старший политрук Ф.Н. Дубовой // Последние письма, с. 179–180.



**Тема 3.** Именования этой темы продолжают и развивают ассоциативный и метафорический ряд *враг – зверь* и намечают одновременно тему *ненависти* к врагу, которая усиливается инвективами *кровопийцы, изверги рода человеческого, гады, фашистская сволочь*:

...*Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Борьба с фашизмом – борьба с кровопийцами, извергами рода человеческого.* – Младший сержант Е.И. Терехин, 27 июня 1941 г. // Последние письма, с. 57.

...*26 июня в одном из воздушных боев мой самолет подожгли. Пришлось выброситься на парашюте ... 20 июля вернулся в часть. Дали боевую машину. Вместе с друзьями снова начал бить гадов. До чего ненавижу немецких солдат!* – Анатолий Климов. 7 сентября 1941 г. // Последние письма, с. 254.

...*Одна мысль, одно желание – бить фашистскую сволочь. Нельзя придумать столь скверного слова, чтобы выразить то, чем является эта гадина. Насилия, до которых никогда не додумается зверь, смерть и пожары несет он с собой... О гады! Хочется плакать и убивать, когда слышишь о том, что они делают с нашими попавшими в плен.* – А.А. Лебедев, 16 июля 1941 г. // Последние письма, с. 261.

**Тема 4.** В рамках этой темы объединены разнообразные именования врага и образы действия по уничтожению врага подсказаны глаголами с семантикой борьбы с врагом в диапазоне от глагола с обобщенной семантикой *защищать*, глаголами с семантикой видов борьбы *драться, бить, громить* до содержащего в своей семантике конечную цель процесса борьбы – *уничтожать*:

...*Наша часть продолжает находиться на отдыхе. Собираемся с новыми силами. А там снова в бой – громить фашистскую нечисть.* – Лейтенант А.А. Костянов, 26 июля 1941 г. // Последние письма, с. 91–92.

...*Фашисты от нас за несколько сотен метров, к земле нашей родимой прижались, поганят ее. Бьем их и будем бить.* – Лейтенант Владимир Баженов, конец августа 1941 г. // Последние письма, с. 145.

...*Буду драться до последней капли крови за то, чтобы ты и мои любимые дети были свободными и имели счастливую жизнь.* – Н.Н. Местман, 29 июня 1941 г. // Последние письма, с. 404.

...*Буду до последней капли крови защищать свою родную землю... Я уверен в победе над проклятым врагом. Пока моя жизнь теплится в моем теле, буду безжалостно уничтожать врага.* – Лейтенант А. Кобыльницкий, 9 сентября 1941 г. // Последние письма, с. 183.

**Тема 5.** Именования врага различной ассоциативной природы – *изверги, фашистская банда, фашистское чудовище, фашистские стервятники* и именование с обобщенной семантикой *враг* связываются в рамках этой темы с уверенностью в окончательной над ним победе: *победить, верить в победу, до победного конца, в победе никто не сомневается*:

...*Но недолго извергам этим гулять по нашим полям. Нет и не будет вовек силы, которая могла бы победить Красную Армию.* – Младший лейтенант Д.В. Кокорев, 22 июня 1941 г. // Последние письма, с. 66.

*...Обо мне не беспокойтесь, **верьте в нашу победу**. Помогайте всеми силами нам, фронтовикам, в борьбе с **фашистским чудовищем**. – Младший политрук А.И. Тамбаков, 24 июня 1941 г. // Последние письма, с. 113.*

*...Недалек тот час, когда мы разгромим эту **фашистскую банду**, снова увидимся и будем жить вместе, а пока **борьба до победного конца**. У нас все по-старому. Бьем неплохо **фашистских стервятников**. – Старший батальонный комиссар И.А. Яновский, 24 августа 1941. // Последние письма, с. 130.*

*...Все мы готовы обрушиться на **врага** со своими бомбами и уничтожить его раз и навсегда. **В победе никто не сомневается**. – Капитан В.И. Лахонин. 3 июля 1941 г. // Последние письма, с. 195.*

Таким образом, выборочный анализ именовании врага в фронтовых письмах начального периода войны свидетельствует о корреляции содержания индивидуального сознания с содержанием массового сознания, которое задано извне, опосредовано текстами пропаганды и агитации и на лексическом уровне уходят корнями в общий фонд русской словесной образности. Для «овнешнения» образов сознания, отвечающих потребности выразить свое отношение к врагу, к событиям войны, к задачам по уничтожению врага, человек обращается к речевому опыту социума.

#### **Литература**

Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина 3 июля 1941 года // Правда. 3 июля 1941.

*Клаузевиц К. фон.* О войне. В 2 т. Т. 1. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 558 [2] с. (Классическая военная мысль).

Плакаты Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – <http://tehfov.ru/plakat/1240-plakaty-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941-1945-gg.html>

Последние письма с фронта. 1941. Сборник. Том 1. М.: Воениздат, 1991. 416 с.

Священная война. Песня. Музыка А. Александрова, слова В. Лебедева-Кумача // «Известия», 24 июня 1941 г.

*Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 24-32.

NAMING OF THE ENEMY IN THE LETTERS OF FRONT-LINE  
SOLDIERS IN THE FIRST MONTHS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

**Boris L. Boyko**

Professor

Military University

**Russian Federation Ministry of Defense**

*borisboiko@gmail.com*

Naming of the enemy in the letters of front line soldiers in the early months of the Great Patriotic War have been formed by the rhetoric of the state ideology and mediated by newspapers, motion pictures and agitprop figures. Upon the beginning of the war unclear images of a potential enemy that existed before the conflict gained specifics in lexical expressive units – *fascist, fritz, beast, monster, viper*, – and were clarified through such attributes as *insidious, treacherous, brutal, etc.* The verbs such as *smash, destroy, defeat* and collocations such as *go through fire and ice for the Fatherland, give life for the Motherland, fight up to the last ditch* show the patterns of citizens' behavior when defending the Fatherland. The confidence in victory over the enemy is inspired by the success of the previous fights against invaders. The verbal picture of the war, the assessment of what is happening, the attitude towards the enemy and the tasks for its destruction are appropriated, in the language of psychology – internalized, by mass and individual consciousness and then repeatedly reproduced in the letters of soldiers and officers from the front. An analysis of the front letters of the early months of the war, of the verbal means to name the enemy – fascist Germany and its armed forces, testifies to the assimilation by Soviet soldiers and officers of the assessments of the war and the enemy by J. V. Stalin in his address to the people on 3 July 1941. In the texts of front-line letters, their authors reproduced and supplemented the verbal means of emotional evaluation of what was happening. A selective analysis of the naming of the enemy in the front-line letters testifies to the correlation of the content of individual consciousness with the content of mass consciousness, which was created from the outside and mediated by the agitprop texts. At the lexical level, they are rooted in the general fund of Russian verbal imagery. A person turns to the speech experience of the society to «extinguish» the images of consciousness that meet the need to express their attitude towards the enemy, to the current events of the war, to the tasks of destroying the enemy.

**Keywords:** naming of the enemy, Great Patriotic War, individual / mass consciousness.

**References**

*Klauzevits K. fon.* O voyne [Clausewitz, Carl von. On war]. V 2 t. T. 1. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST»; SPb.: Terra Fantastica, 2002. 558 [2] p. – (Klassicheskaya voyennaya mysl').

Posledniye pis'ma s fronta. 1941 [The last letters from the front. 1941]. Sbornik. Tom 1. – M.: Voenizdat, 1991. 416 p., il.

Plakaty Velikoj Otechestvennoj Vojny. 1941–1945 [Posters of the Great Patriotic War 194–1945]. <http://tehvvov.ru/plakat/1240-plakaty-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941-1945-gg.html>

Svyashchennaya voyna. Pesnya [The Sacred War. Song]. Muzyka A. Aleksandrova, slova V. Lebedeva-Kumacha. «Izvestiya», 24 iyunya 1941.

*Tarasov Ye. F.* Aktual'nyye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Actual problems of the analysis of language consciousness]. Yazykovoye soznaniye i obraz mira / otv. red. N. V. Ufimtseva. M.: IYA RAN, 2000. pp. 24–32.

Vystupeniye po radio Predsedatelya Gosudarstvennogo Komiteta Oborony I.V. Stalina 3 iyulya 1941 goda [Radio address by the Chairman of the State Defense Committee – I.V. STALIN” (Pravda. 3 July 1941)]. Pravda. 3 iyulya 1941.

УДК 81'00

**ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК КАК ИСТОЧНИК СОВРЕМЕННОГО  
КРИЗИСА СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

**Бубнова Ирина Александровна**

заведующая кафедрой зарубежной филологии

ГАОУ ВО МГПУ

*aribubnova@gmail.com*

В статье обсуждается проблема кризиса социальной идентичности, в том числе его этнической составляющей, как одного из проявлений процесса глобализации. По мнению автора, в современной России данный кризис особенно явно проявляется в среде молодежи, так как именно из когнитивной базы этой социальной группы русского лингвокультурного сообщества постепенно исчезают ценности русской культуры. Автор приводит доводы в пользу того, что формирование национальной личности всегда являлось одной из главных целей классической системы образования и достигалось прежде всего в процессе изучения национальной литературы. Как утверждает автор, в современном образовании национальная литература постепенно перестает транслировать в индивидуальное сознание культурные ценности, что происходит благодаря использованию ряда психолингвистических методов воздействия. На примере анализа содержания учебника по литературе, широко используемого в российской средней школе в настоящее время, демонстрируется, каким образом в ходе обучения, имплицитно и эксплицитно в сознании школьника не только создается негативное видение и отношение к истории и культуре своей страны, но и происходит наполнение семантики слов группы лексики, называющей основные культурно маркированные морально-нравственные ценности, формируется доминирующий тип мышления. Доказывается, что современный учебник по литературе становится одним из источников кризиса социальной идентичности, его гражданской и этнокультурной составляющей. Рассматриваются основные методы и приемы воздействия на сознание, используемые в процессе обучения и позволяющие формировать тип личности, не отвечающей интересам национального государства.

**Ключевые слова:** национальная литература, национальная личность, школьный учебник, кризис социальной идентичности, методы воздействия.

**Введение**

Одним из наиболее ярких и заметных проявлений глобализации как мирового процесса «трансформации символов и символических форм, в ходе которого фальсифицируются, верифицируются, и/ или переопределяются существующие в каждом обществе ценности, нормы, социокультурные практики, конституирующие общество» [Кардонова 2007: 12] является кризис социальной идентичности, который, как утверждают многочисленные исследователи, непосредственно коснулся современного российского общества, затронув сразу весь комплекс идентификации

в его сущностных основаниях – гражданскую, этнокультурную и профессионально-статусную составляющие, что стало следствием ослабления национального государства, деконструкции единого этнокультурного кода, объединявшего всех людей, живущих на территории России, а также депрофессионализации, связанной с отсутствием статусной кристаллизации и подменой социального статуса принадлежностью к определенной социально-экономической группе [Ibid: 14–15].

Формирование двух из трех компонентов идентичности – гражданской и этнокультурной – в течение нескольких веков являлось в значительной степени прерогативой института образования.

В Западной Европе, как отмечает Б. Ридингс [2010], таким местом был Университет, модель которого, заложенная В. фон Гумбольдтом, предполагала неразрывное единство процесса и продукта: Университет представлял собой социальный институт, производящий знания о культуре в процессе исследования и распространяющий культуру в ходе преподавания. Главной функцией Университета, как и предполагалось его моделью, была «задача присмотра за духовной жизнью народа», «формирование и расширение национального самосознания» [Ibid: 31], что реализовывалось через охрану и продвижение национальной культуры, которая и была центром, связывающим Университет с национальным государством и придававшим «происходящему в Университете всеохватывающий идеологический смысл» [Ibid: 27]. Неслучайно центральной университетской дисциплиной на Западе к концу XIX – началу XX века оказывается не философия, а литературоведение, а «овладение традицией национальной литературы становится доминирующим способом обучения студентов тому, что значит быть французом, англичанином или немцем» [Ibid: 32].

Стержнем классического русского образования с момента его становления также являлась национальная культура, что было отражено не только в содержании обучения, где гуманитарные дисциплины – искусство красноречия, грамматика, риторика и поэзия – были включены в фундаментальную подготовку и изучались на философском факультете, причем уже с 1768 года по указу Екатерины II в Московском университете, который по праву считается не только первым национальным университетом, но и первым общерусским центром просвещения, чтение лекций велось «природными россиянами на русском языке». Такое же положение было зафиксировано и в Уставе Академии Российской, гласившем: «Императорская Российская Академия долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение русского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение» [Устав Академии Российской].

Таким образом, несмотря на определенные различия, традиционно и в России, и в Западной Европе национальная культура, зафиксированная в слове, рассматривалась как некая высшая идея, хранящая историю народа и его опыт. Ответственность за передачу этой идеи ложилась на институт образования, который, следовательно, выполнял две важнейшие задачи – формирование национальной личности и сохранение национального государства.

Эта же модель уже в XX веке была перенесена в своих основных чертах в советскую школу, где через изучение национальной литературы в сознании ре-

банка формировалось понимание основных национально-культурных ценностей и типичных для своей культуры моделей поведения, через овладение знаком формировалась национальная личность и индивидуальный, но имеющий национальную специфику, образ мира.

Однако глобальный мир и национальная личность – понятия несовместимые, поэтому одна из главных задач глобализации – это задача «унификации» человека, уничтожение национального своеобразия разных народов. Более того, глобальному миру в принципе не требуется не только национальная, но и вообще личность, т.е. человек, психологически готовый к самоопределению и наполненный содержанием, личность со сформированным теоретическим мышлением, основами мировоззрения, системой морально-нравственных ценностей, способная к рефлексии, обладающая самосознанием и самооценкой, а также основами индивидуальности, т.е. такая личность, формирование которой было основной целью системы образования в советский период (см. подробнее об этом: [Божович 2001, Леонтьев А.Н. 1983а, Леонтьев А.Н. 1983б]). Именно поэтому перестройка образовательной системы в современной России, начавшаяся после распада Советского Союза, была направлена на разрушение тех фундаментальных принципов, на которых на протяжении веков строился подход к воспитанию и образованию человека.

В силу того что изменения в образовании охватывают значительный спектр явлений, в данной работе мы остановимся только на одном, но, как нам представляется, имеющем первостепенное значение, аспекте – содержании школьных учебников по литературе, изучение которой, как отмечалось выше, было направлено на сохранение национального характера.

### **Содержание школьного учебника в психолингвистическом аспекте: основные характеристики, определяющие потенциал и направление воздействия на личность**

Содержание школьных учебников, служащее в значительной степени основой для понимания окружающего мира, фундаментом для формирующейся в индивидуальном сознании системы ценностей и, соответственно, для самоосознания себя и своего места в этом мире, для построения личностной траектории жизни, является существенной стороной «личнообразующих» деятельностей в той «социальной ситуации развития» (см. подробнее в [Выготский 1984]), которую представляет собой образовательный процесс.

С точки зрения психолингвистики учебник, как и любой текст, всегда обладает определенным потенциалом воздействия, причем как сила, так и направление этого воздействия на личность определяются следующими его основными характеристиками:

1. Психолингвистической организацией содержания учебника как таковой, т.е. связностью и цельностью, выражающимися в том, чтобы, во-первых, одна часть курса (текста) плавно переходила в другую, была основана на логике познания, и во-вторых, чтобы эта связь не просто ощущалась, но была понята учеником.

Иными словами, речь в данном случае идет либо о системе с определенной внутренней структурой каждого предмета, либо о наборе фактов, которые не имеют внутренних оснований для объединения, а в основе их якобы системного един-



ства лежит не логическое мышление, а мышление, «освобожденное» от жесткой системы координат, привязанных к определенным культурным стандартам, причем поддерживаемое визуально. Ярким примером такого курса является широко распространенный сегодня во многих западных учебных заведениях курс «Устойчивое развитие» (Sustainable Development Course), который включает в себя одновременно изучение биологических ресурсов страны, ее климата, проблем бедности и эффективности труда, стилей жизни населения страны, а также систем управления, образования и науки и многое другое. Совершенно очевидно: отдельные модули внутри этого курса (как и отдельные темы внутри учебника) связаны лишь ассоциативно, что, с другой стороны, полностью соответствует одной из основополагающих характеристик современного состояния культуры, где логическая мысль, по утверждению А. Моля, принимает лишь фрагментарное участие в убеждении, выступая в виде коротеньких последовательностей, связующих соседние понятия в поле мышления [Моль 2008]. Главное назначение таких курсов – это формирование требуемого сегодня от типичного потребителя услуг типа мышления: ассоциативного, клипового и фрагментарного, предопределяющего в конечном счете, во-первых, содержание сознания человека и, соответственно, его образа мира, и во-вторых, возможности внушения получателю информации любых идей, обеспечивающих господство определенной социальной группы, назначившей себя «элитой общества».

2. Ориентация курса на конкретные цели и задачи, на формирование четкого и однозначного отношения к заданной извне системе смысловых координат, основанной либо на ценностях национальной культуры, либо на иных ценностях, не имеющих под собой культурных основ.

Такая система, как и отношение к собственной культуре, истории страны создается прежде всего эксплицитно, в процессе изучения литературы, роль которой, как замечал еще Ф. Шлегель, заключается в сплачивании людей в нацию, так как именно в национальной литературе находит свое выражение жизненное единство культурного знания. Именно национальная литература через описываемые в художественных произведениях ситуации закладывает и модели поведения, и понимание семантики группы лексики, контролируемой извне, к которой относятся такие слова как *совесть, честь, дружба, любовь, предательство, подвиг, мужество, патриотизм, отечество, достойная жизнь, карьера* и т.д., составляющие затем ядро системы смысложизненных ориентаций человека и его образа мира.

Не меньшее влияние на формирование смыслов в сознании школьника оказывается имплицитно, контекстом, куда относится и выбор самих произведений для изучения, и способы подачи фактической информации, которая чередуется с авторскими комментариями, всегда окрашенными эмоционально. В данном случае важно то, что контекст, как экспериментально доказано в рамках психолингвистики (см. об этом подробнее в [Леонтьев А.А. 1972]), во многом определяет понимание конкретных социальных ситуаций, включая и описываемые в художественных произведениях, и, таким образом, воспитывает отношение личности к своей культуре, проявляющееся затем в полной мере в зрелом возрасте в системе смысложизненных ориентаций человека.



3. Когерентность содержания учебного курса, которая влияет как на формируемый тип мышления, так и на конструирование и поддержание социальных стереотипов, детерминирующих поведение человека.

С точки зрения психологии и социологии социальный стереотип представляет собой сложное социально-психологическое явление, входящее в образ мира человека и в значительной степени обуславливающее, при отсутствии сознательной рефлексии, его мировоззрение, систему ценностей, самосознание и самооценку и, что немаловажно, позволяющее управлять его поведением. Именно о последнем свойстве социальных стереотипов и их непосредственной связи с процессом обучения практически сто лет назад писал У. Липпман, отмечая, что стереотипы являются самым тонким и обладающим исключительной силой внушения средством в силу того, что наше знакомство с миром и большинством вещей в нем происходит раньше, чем мы их увидим или познакомимся с ними на опыте, поэтому «эти предварительные представления, если нас не насторожит в этом наше образование, из глубины управляют всем процессом восприятия» [Липпман 2004]. Отсюда следовала и одна из главных задач классического образования – обучение критическому мышлению, которое не позволяет действовать шаблонно, заставляет человека думать над внутренней сутью той или иной социальной ситуации, интенциями ее участников, что в полной мере относится и к изучению национальной литературы, однако не ограничивается только этим.

Отметим, что помимо развития критического мышления национальная литература выполняет еще одну, не менее важную задачу – задачу создания автостереотипа и гетеростереотипов, которые также закладываются в сознание в раннем школьном возрасте. Именно так, к примеру, создается на протяжении уже многих десятилетий представление о себе у школьников США, ведь совершенно очевидно, что ни один гражданин этого государства (как и никакого другого) не рождается с убеждением в том, что он является представителем самой могущественной, самой справедливой и самой лучшей страны на свете. Однако с раннего возраста все школьники (даже те, кто обучается дистанционно) в качестве обязательного изучают такой предмет, как чтение, причем в круг обязательной литературы включены произведения, которые на доступном маленькому ребенку языке в художественной форме рассказывают о героических первых переселенцах, об их трудной, полной опасностей жизни, о поколениях, построивших для своих потомков новый прекрасный мир, отличающийся от всех остальных, где и посчастливилось жить сегодняшним поколениям американцев. Результатом такого целенаправленного и долговременного воздействия является создание и укоренение в сознании подростка автостереотипа, разрушить который практически невозможно, т.к. развитие критического мышления, в отличие от формирования стереотипов, не является, как уже неоднократно упоминалось, целью современного образования в глобальном мире. И далее этот автостереотип уже может активно использоваться не только в его явном виде, но и каналizироваться, т.е. подменяться тем, который нужен для воздействия и стимуляции конкретного вида деятельности в определенной конкретной ситуации.

Кроме общих характеристик, которые, с точки зрения психолингвистики, необходимо учитывать при анализе учебных курсов в целом либо при анализе отдельных текстов для оценки потенциала воздействия и его направления (а обучение всегда направлено на реализацию двух основных целей – информационной и пропагандистской, связанной с созданием определенной установки, формированием системы ценностей), интерес представляют также следующие параметры учебников:

а) конструкция учебника, т.е. его внешние характеристики. В данном случае в фокусе внимания находятся общие принципы графического выражения, те приемы, которые используются для достижения максимальной степени воздействия;

б) архитектура учебника, внутренняя организация его содержания: членение на части, главы, параграфы, которые находят выражение в системе заголовков. Здесь речь идет об оценке текста либо всего учебника с точки зрения его целостности, т.е. его связности и цельности. Возможность полной компрессии текста, т.е. выделения его предикативной структуры – это залог того, что текст будет не только верно понят, но и того, что полученная информация будет зафиксирована в памяти и будет легко извлекаться в случае необходимости;

в) структура учебника, т.е. то, каким образом содержание соотносится с внешними выразительными средствами, используемыми для его маркировки. Как упоминалось выше, в рамках психолингвистики установлено, что в любом тексте на самых разных уровнях (внутри предложений, в чередовании предложений, в чередовании больших кусков текста) для адекватного восприятия, во-первых, должно происходить чередование стандартных и экспрессивных компонентов либо компонентов информативных и тех, где фиксируется отношение автора, и во-вторых, должна быть использована адекватная читателю лексика, т.к. в случае появления слов с неизвестной семантикой смысловое понимание текста невозможно.

Таким образом, анализ содержания учебников по всем выделенным параметрам позволяет сделать достаточно точные выводы о том, какое содержание транслируется через тот или иной учебный предмет в сознание школьника, насколько это содержание соответствует когнитивной базе русского лингвокультурного сообщества, какие ценности и какой индивидуальный образ мира формируется в сознании школьника определенным учебным курсом и, наконец, какую личность мы получаем «на выходе».

**Современные школьные учебники по литературе:  
какую личность они воспитывают?**

Еще раз подчеркнем, что учебники русской литературы оказались в фокусе внимания в связи с тем, что, как уже отмечалось ранее, с XVIII века национальная литература, в которой отражена культура того или иного народа, рассматривается как основное средство воплощения национальной идеи и, соответственно, формирования национальной личности. С другой стороны, изучение классики уже предполагает наличие субъекта культуры, и только при соблюдении этого условия обеспечивается связь поколений и в итоге сохранение национального государства. Однако в настоящее время экспериментальные данные свидетельствуют о том, что содержание когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества, модели

поведения, которые существовали длительное время, неуклонно изменяются, что вполне может объясняться содержанием именно курсов русской литературы.

В качестве основных в ходе исследования ставились следующие задачи:

- выявление психолингвистической организации курсов, т.е. их связности и цельности;
- выявление системы ценностно-смысловых координат, в основе которых могут лежать либо ценности национальной культуры, либо иные ценности;
- оценка когерентности содержания учебного курса, которая влияет на формируемый тип мышления, на конструирование и поддержание социальных стереотипов, определяющих поведение человека во многих ситуациях жизнедеятельности.

Помимо этих основных параметров анализировались:

- конструкция учебника (текста), т.е. его внешние характеристики, общие принципы графического выражения;
- архитектура учебника (текста), внутренняя организация его содержания: членение на части, главы, параграфы, которые находят выражение в системе заголовков, т.е. учебник оценивался с точки зрения его целостности, т.е. его связности и цельности;
- структура учебника (текста), т.е. то, каким образом содержание соотносится с внешними выразительными средствами, используемыми для его маркировки: чередование стандартных и экспрессивных компонентов либо компонентов информативных и тех, где фиксируется отношение автора, адекватность используемой лексики.

Для выявления типа личности, формируемого в современной российской школе, нами был детально проанализирован учебник литературы для 9 класса под редакцией В.Я. Коровиной, наиболее широко используемый в общеобразовательных учреждениях в настоящее время [Литература 2013], который анализировался с учетом описанных выше параметров.

### **Психолингвистическая организация учебного курса**

В аннотации к учебнику под ред. В.Я. Коровиной особо отмечается, что девятый класс завершает этап основного общего образования, поэтому полученные ранее знания выстраиваются в учебнике в стройную систему, охватывающую развитие литературы от древности до конца XX века. Эта же мысль повторяется в «Слове к девятиклассникам», где авторы учебника подчеркивают, что «считают необходимым познакомить учащихся с произведениями русской литературы, включив в учебное пособие в соответствии с программой наиболее значительные тексты» [Литература. Ч.1. 2013: 3].

Таким образом, в сознание школьника закладывается мысль о том, что в данном курсе они встретятся с художественными произведениями, составляющими «золотой фонд» русской литературы.

Первая часть учебника выстроена именно в соответствии с заявленной авторами целью, т.к. сюда включены тексты, знание которых определяет содержание когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества, начиная от «Слова о полку Игореве» до произведений А.Н. Островского.

Вторая часть открывается статьями о Л.Н. Толстом, где даются сведения о его биографии и творчестве, а также об отношении к нему других русских писателей. Кроме Л.Н. Толстого авторы ограничивают этот период в развитии русской литературы некоторыми сведениями о творчестве А.П. Чехова. Что касается XX века русской литературы, то отсюда исключены все произведения, посвященные Великой Отечественной войне, кроме рассказа М. Шолохова «Судьба человека», представленного в сокращении, и стихотворения А.Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом». Даже не упоминается здесь глубоко правдивая, ставшая олицетворением патриотизма и духа нации, исполненная юмора, классически ясная по своей поэтической форме поэма «Василий Тёркин», в которой А. Т. Твардовский создал бессмертный образ советского бойца.

В целом в учебнике выстраивается следующее понимание развития русской литературы: от древнерусской к классической литературе XVIII в. (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин), далее к шедеврам XIX в. (В.А. Жуковский, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.В. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский и А.Н. Островский), затем конец XIX – начало XX вв. (Л.Н.Толстой и А.П.Чехов), далее до конца XX в. русская литература приходит в упадок, т.к. в ней присутствуют в основном поэты, которые не приняли новый строй, и чья судьба сложилась трагически. Проза представлена творчеством М.А. Булгакова, М.А. Шолохова и А.И. Солженицина. Единственный вывод, который могут сделать ученики, – это вывод о полной деградации русской литературы в советский период.

Таким образом, курс может быть признан связным и цельным лишь с формальной точки зрения, но критерию когерентности он не отвечает.

#### **Ориентация курса на определенные цели и задачи**

В первой части учебника тексты подобраны так, что они дают возможность ознакомить школьников с различными периодами истории России, увидеть основные проблемы, которые волновали общество, понять те ценности, которыми руководствовались авторы изучаемых произведений.

В совокупности, предлагаемые школьникам тексты создают широкую картину русского быта, раскрывают и устоявшийся порядок русской народной жизни, и таящиеся за кажущимся равновесием социальные противоречия.

Значительное внимание в комментариях (раздел «В творческой лаборатории...»), который присутствует в каждой части учебника) и заданиях уделяется обсуждению особенностей национального характера, национального типа русской женщины, размышлениям об обществе, любви к Родине, месте и предназначении человека в мире, проблеме гармонии в жизни, сущности счастья.

В целом первая часть учебника ориентирована не только на знакомство школьников с ценностями русской культуры, но и на рассуждения о сущности тех главных философских проблем, которые являлись стимулом для творчества большинства великих русских писателей и поэтов.

Вторая часть направлена на формирование негативного отношения к советскому периоду в истории России. Этому способствуют прежде всего авторские комментарии к биографиям и творческому пути писателей, произведения которых предлагаются для изучения.

### **Когерентность содержания учебного курса, которая влияет на конструирование и поддержание социальных стереотипов, определяющих поведение человека во многих ситуациях жизнедеятельности**

Следует особо подчеркнуть, что содержание первой и второй частей учебника по литературе резко отличаются по двум основным параметрам.

Первый параметр – это критерий отбора произведений, которые рассматриваются авторами учебника как «наиболее значительные».

Как уже отмечалось, в первую часть включены произведения, которые являются основой когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества, позволяющей поддерживать связь между поколениями (хотя и в данном случае следует отметить, что некоторые произведения, считающиеся классическими и являющиеся источником для многих прецедентных для русской культуры имен, исключены из списка «значительных», по мнению авторов учебника, текстов. Так, например, оказался недостойным внимания русский литератор екатерининской эпохи, создатель русской бытовой комедии Д.И. Фонвизин, в результате чего современным школьникам неизвестно прецедентное имя «Митрофанушка». Можно предположить, что сегодня невежество не является качеством, порицаемым в обществе).

Во вторую часть не вошло ни одного произведения, в котором описывается героизм и подвиги советского народа в годы индустриализации, Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Более того, не вошли сюда даже произведения М. Горького, который постоянно цитируется авторами, т.к. роль М. Горького в становлении русской литературы невозможной полностью обойти.

Второй параметр – лексика, используемая для характеристики предлагаемых для изучения произведений, для описания творческого пути авторов, для формулировки вопросов, предлагаемых для обсуждения.

В первой части все статьи и комментарии написаны нейтральным стилем, в них практически не используется лексика с ярким коннотативным потенциалом.

Во второй части используемая лексика создает определенный контекст, на фоне которого советский период в истории России воспринимается только в негативном ключе, создается стереотип СССР как концлагеря, где люди выживали вопреки обстоятельствам. Именно таким образом описывается жизнь практически всех писателей, произведения которых изучаются школьниками.

И. Бунин: *«революционные события встретил в Москве, не понимая и не принимая того, что творилось вокруг»* [Литература. Ч.2. 2013: 47], результат – эмиграция.

А. Блок: *«разочаровался в Октябрьской революции и впал в глубокую депрессию, почувствовав острый разлад с действительностью. ... Все это усугублялось голодом... Попытки спасти Блока не увенчались успехом из-за бюрократической волокиты»* [Литература. Ч.2. 2013: 71–72], результат – смерть.

С. Есенин: *«панихида по погубленной «злым октябрем» деревенской Руси», «росло ощущение потерянности вследствие исчезавшей из-под ног исторической и нравственной почвы», «новый строй чужд и несовместим с его душой»* [Литература. Ч.2. 2013: 84–85]. результат – самоубийство.

В. Маяковский: *«последние годы поэта ждало разочарование в том, что происходит и как развивается республика», «преследования власти, разочарование поэта в происходящем»* [Литература. Ч.2. 2013: 101–102], результат – самоубийство.

М. Булгаков: *«Власть почувствовала угрозу для себя от булгаковской сатиры, направленной против насилия, бескультурья, невежества и революционной демагогии», «жить писателю стало весьма трудно»* [Литература. Ч.2. 2013: 112–113], результат – ранняя смерть.

М. Цветаева: *«Россия встретила Цветаеву безжалостно. Она не могла найти пристанища и была разлучена со своими близкими»* [Литература. Ч.2. 2013: 124], результат – самоубийство.

А. Ахматова: *«революция как неотвратимая расплата за греховность прежней жизни», «роковая судьба поколения», «поддерживала вера в то, что история России может начаться с чистого листа», «мрачные предчувствия», «публичные оскорбления», «опальный поэт», «гражданская смерть»* и т.д. [Литература. Ч.2. 2013: 132–141].

Н. Заболоцкий: *«Вся нелегкая жизнь Заболоцкого была скрытым единоборством с господствующим в стране тоталитарным режимом... ни зубодробительная критика 30-х годов, ни тюрьма и лагеря ГУЛАГа, ни последующая полицейская слежка, ни жестокий прессинг официальной идеологии не заставили Заболоцкого отказаться от самостоятельной мысли...»* [Литература. Ч.2. 2013: 149], результат – ранняя смерть.

Б. Пастернак: *«в его жизни и поэзии моральные категории всегда были выше социальных», «автору была присуждена Нобелевская премия. После этого в стране началась злобная травля писателя»* и т.д. [Литература. Ч.2. 2013: 197–200].

И даже судьба общепризнанного в СССР А. Твардовского описана так:

*«Трудности быта и творческих поисков усугубились дополнительными проблемами, возникшими после тяжелых событий в семье Твардовских в 1930–1931 годах... эта история его в высшей степени коснулась, и возникла легенда о его «кулацком происхождении». Несмотря на все это, недавнему «загорьевскому парню» удалось укрепиться на внутренне прочных общественно-литературных позициях»* [Литература. Ч.2. 2013: 213–214].

Таким образом, вторая часть учебника последовательно формирует в сознании школьника абсолютно негативный стереотип о советском периоде в истории страны, не давая при этом ни одного противоположного примера.

Прилагаемые вопросы и задания сформулированы часто таким образом, что только укрепляют создаваемое авторами отношение к России и русской культуре.

Формируемые негативные стереотипы поддерживаются и тем, что на различных уровнях текста учебника постоянно происходит чередование стандартных информативных и экспрессивных, фиксирующих отношение авторов, компонентов. Часто это отношение выражено имплицитно, при помощи тщательного отбора лексических средств, имеющих негативный коннотативный потенциал, причем, если у авторов нет уверенности, что школьникам знакома данная лексика, она объясняется отдельно, т.е. смысловое понимание текста, формирование и закрепление требуемых стереотипов, контролируется постоянно.



### Психолингвистические характеристики учебника

Конструкция учебника полностью соответствует требованиям эффективности воздействия, что достигается использованием целого ряда приемов, в частности маркировки элементов собственными графическими признаками и учетом силы воздействия каждого из используемых графических признаков.

Фиксация всей информации и ее дальнейшее извлечение из памяти без осложнений поддерживается внутренней организацией содержания учебника, которое органично соотносится с внешними выразительными средствами.

#### Заключение

Проведенный нами анализ учебника по литературе под редакцией В.Я.Коровиной, который широко используется в настоящее время в школьном образовании, показал, что существуют веские основания для утверждений об изменении содержания русской языковой личности, о нарастающем разрыве между поколениями представителей русского лингвокультурного сообщества и утрате специфических черт русской культуры, что может быть в значительной степени обусловлено содержанием учебных курсов по литературе.

Главным следствием «изъятия» из содержания учебника по литературе произведений писателей советского периода (М. Горький, Н. Островский, Б. Полевой, В. Катаев и многих других) является исчезновение из когнитивной базы молодого поколения многих имен героев, которые являются прецедентными и символизируют в сознании национальной личности идеи патриотизма и любви к Родине.

Советский период в проанализированном учебнике литературы представлен тенденциозно, что должно отражаться в восприятии и оценке истории своей страны подрастающим поколением.

В целом в проанализированном учебнике литературы русская культура как органическое целое подменяется механическим соединением отдельных ее частей в конкретном учебном курсе, что неизбежно должно вести к переходу от мышления в категориях ценностей русской культуры к мышлению в категориях практического применения.

Таким образом, логично предположить, что в случае продолжения использования данного учебника в образовательном процессе в ближайшее время могут произойти необратимые изменения в содержании когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества. Следствием таких изменений станет утрата определенных культурных ценностей, зафиксированных в именах героев литературных произведений советского периода, и в итоге утрата специфических черт, характерных для русской национальной личности.

В заключение следует подчеркнуть, что сегодня в нашем обществе сложилась уникальная ситуация. С одной стороны, на самых разных уровнях все чаще раздаются призывы к сохранению своеобразия русской культуры, к воспитанию патриотизма и любви к своей стране. С другой, все эти призывы так и останутся декларациями, если подрастающее поколение будет продолжать обучаться по учебникам, содержание которых не нацелено на сохранение традиции, а напротив, воспитывает личность, в чьем сознании направленно формируется тенденциозное представление о собственной истории и культуре.



### Литература

*Божович Л.И.* Проблемы формирования личности: Избр. психол. тр. / Под ред. Д.И. Фельдштейна; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. 3-е изд. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001. 349 с.

*Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 4. Детская психология /под ред. Д.Б.Эльконина. М.: Педагогика, 1984. 432 с.

*Кардонова И.А.* Глобализация как социокультурная трансформация институциональная перспектива: автореф. дис... канд. философ. наук. Иркутск, 2007. 22 с.

*Леонтьев А.А.* Основные направления прикладной психолингвистики в СССР // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. // Сборник докладов на III симпозиуме по психолингвистике. М., «Наука», 1972. 142 с.

*Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 1. М.: «Педагогика», 1983. 392 с.

*Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 2. М.: «Педагогика», 1983. 317 с.

*Литтман У.* Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

Литература. 9 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений с приложением на электронном носителе. В 2 ч./ Ч.1. [В.Я. Коровина, В.П. Журавлев, В.И. Коровин, И.С. Збарский]; под ред. В.Я. Коровиной. 20-е изд. М.: Просвещение, 2013. 399 с.

Литература. 9 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений с приложением на электронном носителе. В 2 ч./ Ч.2. [В.Я. Коровина, В.П. Журавлев, В.И. Коровин, И.С. Збарский]; под ред. В.Я. Коровиной. 20-е изд. М.: Просвещение, 2013. 383 с.

*Моль А.* Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 416 с.

*Ридингс Б.* Университет в руинах [Текст] / пер. с англ. А. М. Корбута; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 304 с. (Теория и практика образования).

Устав Российской Академии, поданный княгиней Е.Р. Дашковой. 783 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/06-44-ustav-akademia-nauk.shtml> (дата обращения: 27.04.2017).

## A SCHOOL TEXTBOOK AS A SOURCE OF MODERN SOCIAL IDENTITY CRISIS

**Irina A. Bubnova**

Head of Foreign Literature Chair  
Moscow City Training University  
*aribubnova@gmail.com*

The article discusses the problem of social identity crisis including its ethnic component as one of manifestation of globalization process. From the author's point of view, in modern Russia this crisis has become apparent among young people because Russian culture values are fading down from the cognitive base of this social group as a constituent part of Russian lingvo-cultural society. The author gives proofs of the fact that classical education was aimed to national personality formation, and that task was fulfilled through national literature studies. Nowadays, as the author affirms, national literature gradually ceases to pass national values into individual conscience owing to the fact that a whole number of psycholinguistic methods of influence are applied in modern education. Analyzing the content of a literature textbook that is widely used at schools in Russia today, the author demonstrates the ways that allow not only directing and controlling the process of construction of negative attitude to Russian history and culture, but also creating definite values, and meanings of words in pupils' conscience. Moreover, the author argues that a modern literature textbook is becoming one of the sources of social identity crisis and an effective tool, which helps to form the definite type of thinking, and, finally, the definite type of personality that does not meet the needs of a national state.

**Keywords:** national literature, national personality, school textbook, social identity crisis, methods of influence.

### References

*Bozhovich L.I.* Problemy formirovaniya lichnosti [The problems of personality's formation]: Izbr. psihol. tr. / Pod red. D.I. Fel'dshtejna; Ros. akad. obrazovaniya, Mosk. psihol.-soc. in-t. 3-izd. M.: MPSI; Voronezh: MODEHK, 2001. 349 p.

*Vygotskij L.S.* Sobr. soch.: V 6-ti t. T. 4. Detskaya psihologiya [Child's psychology] /pod red. D.B.EH'konina. M.: Pedagogika, 1984. 432 p.

*Kardonova I.A.* Globalizaciya kak sociokul'turnaya transformaciya institucional'naya perspektiva [Globalization as sociocultural transformation]: avtoref. dis. ... kand. filosof.nauk. Irkutsk, 2007. 22 p.

*Leont'ev A.A.* Osnovnye napravleniya prikladnoj psiholingvistiki v SSSR [The main trends of applied psycholinguistics in the USSR] //Rechevoe vozdejstvie. Problemy prikladnoj psiholingvistiki. //Sbornik dokladov na III simpoziume po psiholingvistike. M., «Nauka», 1972. 142 p.

*Leont'ev A.N.* Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya [Selected psychological works]: V 2. t. T. 1. M.: «Pedagogika», 1983. 392 p.

*Leont'ev A.N.* Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya [Selected psychological works]: V 2. t. T. 2. M.: «Pedagogika», 1983. 317p.

*Lippman U.* Obshchestvennoe mnenie [Public opinion] – М.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 p.

Literatura. 9 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij s prilozheniem na ehlektronnom nositele [Literature. School textbook]. V 2 ch./ CH.1. [V.YA. Korovina, V.P.ZHuravlev, V.I.Korovin, I.S.Zbarskij]; pod red. V.YA. Korovinoj. 20-e izd. М.: Prosveshchenie, 2013. 399 p.

Literatura. 9 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij s prilozheniem na ehlektronnom nositele [Literature. School textbook]. V 2 ch./ CH.2. [V.YA. Korovina, V.P.ZHuravlev, V.I.Korovin, I.S.Zbarskij]; pod red. V.YA. Korovinoj. 20-e izd. М.: Prosveshchenie, 2013. 383 p.

*Mol' A.* Sociodinamika kul'tury [Sociodynamics of culture]: Per. s fr. / Predisl. B. V. Biryukova. Izd. 3-e. М.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 416 p.

*Ridings B.* Universitet v ruinah [University in ruins] [Tekst] / per. s angl. A. M. Korbuta; Gos. un-t – Vysshaya shkola ehkonomiki. М.: Izd. dom Gos. un-ta – Vyshej shkoly ehkonomiki, 2010. 304 p. (Teoriya i praktika obrazovaniya).

Ustav Rossijskoj Akademii, podannyj knyaginej E.R. Dashkovej [Regulations of Russian Academy]. 1783 g. [EHlektronnyj resurs] (URL: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/06-44-ustav-akademia-nauk.shtml>).

УДК 81'23

**«РАЗРАБОТКА КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ ВЕРБАЛЬНОГО  
ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ»:  
ПРОЕКТ, СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ, ОБЩЕНИЕ**

Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 17-18-01642  
«Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса  
языковой модели», в Институте языкознания РАН  
(руководитель А.В. Вдовиченко).

**Вдовиченко Андрей Викторович**

ведущий научный сотрудник ИЯз РАН  
125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1  
профессор ПСТГУ  
[anlvdo@mail.ru](mailto:anlvdo@mail.ru)

В статье представлен комплекс теоретических вопросов, которые затрагиваются при выполнении проекта «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели», поддержанного РФФ (2017). Внимание научного коллектива сфокусировано на смыслообразовании в естественном вербальном процессе. В зависимости от способов трактовки смысла, производимого при говорении (письме), любая исследовательская программа может быть признана языковой или коммуникативной. Первая характеризуется повышенным вниманием к вербальным знакам, их единообразию, системности, отношениям между собой и с пользователями, зафиксированная в концепции «языка». При этом в рамках языковой парадигмы принципиально игнорируются неотъемлемые характеристики естественного вербального процесса: акциональность, ситуативность, коммуникативность, индивидуальная мыслимость, интерпретируемость. На этом фоне коммуникативная парадигма предъясвляет более реалистичную диспозицию теоретических объектов. Вербальное действие признается частным случаем коммуникативного действия, которое, в свою очередь, является частным случаем осознанного действия индивида. Интерпретация вербального процесса (как и в случае любой деятельности) рассматривается как понимание семиотических поступков. Выделение единиц вербального процесса оказывается утилитарной процедурой. В рамках проекта эксперименты являются способом иллюстрировать и подтвердить коммуникативную модель вербального процесса, критически осмыслить языковую модель.

**Ключевые слова:** естественный вербальный процесс, коммуникативная модель, языковая модель, смыслообразование, семиотический поступок, коммуникативное действие.

Эта публикация имеет скорее обзорный характер, поскольку анонсирует общие перспективы работы исследовательской группы, созданной в результате взаимодействия Отдела теоретического языкознания и Отдела психолингвистики ИЯз РАН, при поддержке Российского научного фонда. Вместе с тем настоящая статья сама является одним из первых шагов, совершаемых образовавшимся научным

коллективом, поэтому содержательные аспекты совместной теоретической и практической работы не могут оказаться незатронутыми. Они, в свою очередь, имеют для группы установочное и программное значение. Статья претендует на то, чтобы быть актом коммуникации (профессионального общения), направленным внутрь самой исследовательской группы, а также по возможности и за ее пределы.

#### **Идеология проекта**

Проект «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели» направлен на разрешение противоречия между языковой парадигмой (исследовательской матрицей) и самой реальностью естественного говорения/письма путем продвижения коммуникативной исследовательской парадигмы. Предполагается, что реализация проекта обозначит момент неизбежного перехода лингвистического знания в новую, коммуникативную, стадию, позволит самому исследованию (и исследовательской группе) стать частью (и участниками) этого перехода. В результате будут сформулированы и представлены положения, способствующие построению когерентной модели вербального процесса на новом фундаменте как в сфере философии языка, общей теории языка, так и в специальных сферах лингвистических исследований.

Основанием коммуникативной модели, принятой в наиболее характерных своих чертах как общее русло исследования, служит принципиальное утверждение, что в процессе естественного говорения/письма говорящий/пишущий совершает осмысленные (воз)действия [Вдовиченко 2016б]. Он утруждает себя строить вербальную последовательность только ради того, чтобы добиться изменений в мыслимом коммуникативном пространстве, исполнить в нем какую-то актуальную роль. Поскольку смыслообразование (со стороны говорящего/пишущего) является обязательным свойством и непременным атрибутом любого естественного вербального факта, интерпретация смыслообразования в вербальном факте прямо связана с его действительностью (совершенительностью, акциональностью): *смысл сказанного для говорящего/пишущего заключен в производимом коммуникативном воздействии*, иначе (если никакой целевой причины говорения/письма у говорящего нет) ему просто незачем говорить/писать. Деятель, совершающий действие и производящий, таким образом, коммуникативный смысл, с неизбежностью вводит психологические, когнитивные, индивидуальные процессы в поле рассуждений о естественном говорении/письме. Смысл сказанного/написанного однозначно локализуется в сознании того, кто осуществляет действие, и затем того, кто интерпретирует данное конкретное действие, моделируя процессы в чужом сознании на основании собственных возможностей представить данный поступок.

При этом коммуникативный *смысл сказанного не имеет прямого отношения к мысли* – гораздо более объемному и комплексному феномену, чем следующее за ним коммуникативное воздействие [Вдовиченко 2007]. В момент говорения/письма размышление говорящего состоит в том, чтобы осуществить нужные ему изменения в сознании мыслимого адресата. Планируемое воздействие не может быть тем же самым, что невербализованный внутренний мыслительный процесс. Так, *различие между мыслью и планируемым воздействием иллюстративно представляет случай лжи*, когда коммуникант, имея в сознании одно положение дел, пытается представить сознанию адресата иное положение дел, добываясь тем самым нужных

ему целей. В любом случае говорящий/пишущий сперва параметрирует мыслимое пространство, признает возможности своего коммуникативного воздействия, принимает решение, производить ли какое-либо воздействие на адресата, и если да, то каким способом, а потом оказывает искомое влияние – оперирует с сознанием мыслимого адресата, интерпретируя его, адресата, когнитивное состояние, изменяющееся (готовое измениться) в результате такого воздействия. Если в результате внутреннего размышления коммуникант принимает решение не действовать вообще в данном коммуникативном пространстве, то следует констатировать наличие мысли, но отсутствие какого-либо знакового процесса (коммуникации), в котором локализуется смыслообразование. Подобным образом процесс открывания двери ключом (действие) и внутреннее рассуждение о необходимости открыть дверь ключом (мысль) не могут быть признаны одним и тем же. Таким образом, *смыслообразование в естественном вербальном процессе следует считать исключительно коммуникативным феноменом*, который возникает только в процессе акционального выхода говорящего/пишущего за пределы собственного сознания в коммуникативное пространство, с целью произвести в нем изменения.

### **Естественный вербальный процесс и последствия для «языка»**

На ясно очерченной границе между внутренней мыслью и коммуникативным по природе смыслообразованием для коммуникативной модели становится принципиально значимым *различие между естественным и неестественным вербальным материалом* [Вдовиченко 2016а]. Так, примером искусственного материала может служить высказывание (*Куда ты идешь?*), взятое вне конкретной коммуникативной синтагмы (коммуникативной ситуации и ее момента). В этой вербальной последовательности отсутствует смыслообразование, которое наступает в момент актуальной интеракции говорящего и адресата, соответственно произносящего и интерпретирующего данное высказывание. В естественных условиях такой материал (*Куда ты идешь?*) входит в состав многофакторной системы координат, констатированных говорящим для совершения конкретного действия (участникам ситуации понятно, кто спрашивает, к кому обращено, какое действие имеется в виду и пр.), и только в этой системе координат данный вербальный комплекс приобретает актуальность, ради которой и произносится. Только в этой системе вербальный комплекс становится тождественно интерпретируемым.

Соответственно, *понимание смысла сказанного/написанного по необходимости представляет собой восхождение к когнитивному состоянию* того, кто произвел данное действие в многофакторной ситуации (кто расставил в таком порядке единицы речи, кто зафиксировал внимание на данных подлежащих или иных актуальных объектах, кто решил именно в этой ситуации произвести коммуникативное воздействие; при этом наличие источника действия признается независимо от того, возможно ли его предъявить или воссоздать). Только такие вербальные данные (коммуникативные и акциональные) могут считаться естественными, обладающими полнотой реальности.

На фоне приведенных свойств естественного вербального факта следует констатировать *три следствия, важных для оформления коммуникативной модели и ее отношения к языковой модели*.

Во-первых, *элементы вербального процесса сами по себе нетождественны*, их невозможно изучать и считать автономными единицами смыслообразования. Как смыслообразующие комплексы, они не могут существовать вне говорящего, который дает им возможность принимать участие в смыслообразовании на его, говорящего, условиях.

Во-вторых, традиционно описываемый грамматикой *язык* (если воспринимать его как систему смыслопорождающего говорения) *не эффективен как исследовательская метафора* [Вдовиченко 2008]. В новых теоретических условиях (когда семиотическое действие становится главным объектом и порождение смысла локализуется в коммуникативной процедуре) *понятие язык становится непригодным для моделирования естественного вербального процесса*, в котором главным и неотъемлемым является исполнение личной коммуникативной задачи, индивидуальное коммуникативное смыслопорождение. Все, что необходимо для порождения смысла, в языке отсутствует: в нем нет деятеля, нет адресата, нет тождественной закрепленной между означающим и означаемым связи (так, означаемого в принципе не может быть вне индивидуального сознания, поскольку означаемое представляет собой не денотат «вещь в себе», а некий образ или понятие, локализованное в чьем-то сознании). Источником мысли, эмоции, чувства является только индивидуальное сознание. Объекты не формируются независимо от сознания, связи (причинно-следственные, пространственные, временные и пр.) не строятся сами собой. Так, причинность представляет собой довольно произвольное соположение двух выделенных интересующих говорящего объектов (явлений). *Язык не способен производить смыслообразование, поскольку в нем принципиально нет личности*, которая является источником любого коммуникативного действия и, соответственно, смыслообразования в вербальном факте.

В-третьих, следует констатировать, что *говорящие/пишущие порождают и понимают актуальные коммуникативные действия, а не вербальные формулы* (элементы структуры языка). Источником нетождественности и изменчивости вербальных клише как раз и является то обстоятельство, что коммуникант, производящий коммуникативное смыслообразование, сосредоточен на действии, а не на соблюдении единообразных правил употребления слов (которые известны ему как коммуникативные клише). В реальности говорящий говорит не языком («одно и то же»), а добивается изменений в мыслимом коммуникативном пространстве. Он как бы строит шалаш из подручных средств, которые сами по себе его не интересуют. Осуществляемый им процесс семиозиса настолько многофакторный, что правила употребления слов растворяются в коммуникативном синтаксисе. В этих условиях теоретический конструкт язык уже не может сохранять прежний статус автономного средства общения, поскольку *общение осуществляется не словами, а комплексными коммуникативными действиями (с участием или без участия вербального канала)*.

Возникающий, таким образом, кризис языковой модели преодолевается выдвижением новой коммуникативной модели, которая трактует коммуникативное смыслообразование (и его частный случай - вербальный процесс) более реалистично, демонстрирует большой объяснительный потенциал. Если *коммуникативная модель* всецело основана на подлинных неотъемлемых свойствах вербального ма-



териала (коммуникативность, когнитивность, ситуативность, акциональность, интерпретируемость), то *языковая модель* принципиально игнорирует все эти свойства. При этом теоретические достижения и практические результаты языковой модели должны быть переосмыслены и включены (интегрированы) в корпус коммуникативной модели, получая новую этиологию и новый статус.

Предполагается, что признание смыслообразующего коммуникативного действия (с участием вербального канала) в качестве главного объекта лингвистики и, как следствие этого, перевод фокуса лингвистического исследования с нетождественной сферы слов языка в сферу личной смыслопорождающей коммуникативной процедуры вызывает ряд фундаментальных изменений прежней картины вербального процесса, требует создания новых теоретических объектов и новой концептуализации их связей.

### **Научный контекст и практика**

Современные исследования в области лингвистической теории, как российские, так и зарубежные, несмотря на широкий диапазон, объединены 1) презумпцией языка как вполне определенного объекта изучения, 2) приписыванием самостоятельных валентностей предметным единицам вербального процесса (значение морфем, слов, синтаксических конструкций, высказываний; содержание текста и пр.). Естественный вербальный процесс (и вслед за ним коммуникативная модель) свидетельствует о нереалистичности такого видения объекта, об ускользании естественного вербального процесса от такой концепции (способа «схватывания» реальности). Так, аутентичный участник лингвокультурной ситуации не знает лингвистической номенклатуры, традиционно используемой в специальных исследованиях для описания естественного говорения (письмо составляет особую условную практику). Однако, чтобы говорить, ему необходимо чем-то владеть, что-то знать. Если он не имеет понятия о языковой номенклатуре, но умеет говорить, значит, для естественного говорения нужен не язык, а нечто иное (скорее, ему необходима доступная типология коммуникативных действий, включая возможные в их составе вербальные клише). Реалистичной выглядит констатация глубокой условности и искусственности языковой модели. В свою очередь, коммуникативная модель использует принципиально иные способы описания естественного процесса говорения/письма, иную расстановку и набор теоретических объектов, видит ситуацию семиотического действия гораздо более объемной и многофакторной. Нереалистичность языка как объекта исследования (его неэффективность как исследовательского инструмента), а также некорректная этиология смыслообразования в вербальном процессе становятся главными факторами объяснительного кризиса языковой модели.

Исследовательская группа ставит перед собой задачу провести всесторонний анализ и дать оценку перспектив лингвистического исследования в новых сложившихся (и одновременно создаваемых) теоретических условиях, а именно в ситуации кризиса языковой модели вербального процесса и ввиду оформления новой, коммуникативной, модели вербального процесса.

Кроме того, в задачи исследования входит экспериментальное подтверждение основных положений коммуникативной модели, а также реинтерпретация результатов уже имеющихся экспериментов. Эта работа осуществляется в трех

основных направлениях: 1) выявление сходств и различий в интерпретации единых (общих для языковой и коммуникативной моделей) объектов, сопоставление языковой и коммуникативной методологии исследования; 2) синтез имеющихся и разработка новых компонентов коммуникативной исследовательской базы; 3) разработка новой стандартной модели вербального процесса и констатация открывающихся перспектив коммуникативной модели в новых теоретических условиях.

В общем контексте научной деятельности задача исследовательской группы видится в выдвигании (суммировании и разработке) комплекса новой коммуникативной методологии лингвистического описания, что способствует стимулированию конкурентной среды для любых лингвистических идей.

Поскольку коммуникативная модель так или иначе затрагивает целый спектр функционально ориентированных направлений лингвистики (когнитивистики, функционализма, дискурсивного анализа, а также психолингвистики, общей психологии, психологии общения, философии языка и др.), перечень значимых для проекта (в том числе конкурирующих) исследователей и школ, как ныне существующих, так и не потерявших актуальность до сего дня, может быть только намечен (D. Blakemore, G. Brown, R. Barthes, W. Chafe, A. Cienki, T. A. van Dijk, G. Yule, D. Schiffrin, M. Foucault, Ch. J. Fillmore, T. Givón, C. Hardy, W. Labov, R. Langacker, N. Phillips, J. Searle, P. Sériot, M. Tomasello, Н. Д. Арутюнова, М. М. Бахтин, В. Н. Волошинов, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, А. В. Кравченко, М. Л. Макаров и мн. др.).

Принципиальным отличием предлагаемого подхода является признание *смысловой нетождественности вербальной формы вне личного коммуникативного действия (семиотического поступка)*, перенос фокуса лингвистического исследования на *смыслообразующее коммуникативное действие* во всех без исключения случаях использования вербального канала, устного или письменного (а также в случаях коммуникативных действий без его использования), последовательный отказ от концепции языка как методологического принципа, *признание мнемотехнической и вспомогательной функции теоретического конструкта язык*. Ввиду того, что невозможно предъявить факты естественного вербального процесса вне осознанной коммуникативной ситуации и личного действия, коммуникативные параметры вербального процесса, вопреки установкам языковой модели, постулируются как его неотъемлемые сущностные признаки (коммуникативность, когнитивность, ситуативность, акциональность, интерпретируемость). Лишенные коммуникативных параметров, вербальные факты теряют источник смыслообразования, обращаются в искусственно созданный объект анализа, не могут считаться естественным лингвистическим материалом.

#### **Экспериментальная часть**

Принципиальное значение для реализации проекта имеют эксперименты. Они рассматриваются как *акты коммуникативного взаимодействия* между экспериментатором и испытуемым, следствием чего является *фиксируемый набор данных, эксплицирующих аспекты той концептуальной схемы, которая изначально наложена на естественный вербальный процесс экспериментатором*. В ходе любого лингвистического эксперимента, в котором исследователем инициируются акты вербальной коммуникации и изучается коммуникативная деятельность ис-

пытуемых (которые по сути решают предложенные им коммуникативные задачи), исходная теоретическая позиция экспериментатора и, соответственно, фокус его внимания в значительной степени определяет итоговые результаты и их интерпретацию. *Фиксируемые данные так или иначе вписываются в изначально мыслимую экспериментатором концепцию.* Вследствие «объективности» получаемых результатов роль этой концепции не уменьшается, а скорее наоборот, только возрастает.

Так, некоторые последователи У. Чейфа полагали, что каждому языку свойственен свой специфический способ построения нарратива, в том числе в сфере употребления пассивных и активных конструкций [Erbaugh 2001]. Побуждая испытуемых производить «рассказы о грушах» на разных «языках», разработчики эксперимента в числе прочего наблюдали за якобы свойственной этим языкам ориентацией на пассивный или активный залог, тем самым демонстрируя свою уверенность в приоритете грамматического (языкового) представления вербального процесса и возможность рассматривать данный условный грамматический объект автономно. За такими действиями экспериментаторов стоит авторитетная, но не вполне реалистичная концепция «знак-значение», приписывающая самим знакам и конструкциям способность производить смыслообразование.

В свою очередь, иное видение вербального факта (как личного семиотического действия с вовлечением вербальных клише) позволяет экспериментаторам фокусировать внимание на иных, акциональных, аспектах вербального процесса, опираясь на коммуникативную модель смыслообразования.

Так, коммуникативное смыслообразование *может производиться независимо от слов, без вовлечения вербальных элементов в коммуникативное действие.* Поэтому в случае использования слов (а не жестов, картинок, видеоряда и пр.) нет причин приписывать именно им возможность производить коммуникативный смысл.

Кроме того, нужно признать, что эксперимент, как и любое исследование естественных вербальных фактов, направлен не на то, чтобы обнаружить нечто новое в вербальном коммуникативном процессе, а чтобы построить более эффективную операциональную модель этого процесса. Так, естественное говорение совершается независимо от исследовательских способов представления естественной коммуникации, не нуждается в теоретических рассуждениях и описаниях, однако стороннее описание происходящего может быть представлено в виде *более эффективной или менее эффективной внешней схемы (модели)*, позволяющей или не позволяющей наблюдать выделенные объекты (явления) в непротиворечивых отношениях и производить с ними успешные целенаправленные операции. Подобным образом инструкцию по тому, как добраться до определенного места, можно сделать более или менее пригодной для исполнения этой задачи – достижения пункта назначения.

В содержательной стороне проекта выделяются основные положения, формирующие его специфику, которые представляет собой последовательность теоретических и практических (экспериментальных) шагов по введению и адаптации коммуникативной модели, расширению и верификации ее положений, формулированию новых (добавляемых) положений ввиду возможных обнаруживаемых в ходе исследования концептуальных лакун:

1. Естественный вербальный процесс (говорение/письмо) представляет собой частный случай коммуникативного процесса. Порождение и интерпретация любого коммуникативного процесса невозможна вне источника коммуникативной интенции (автора, актора, отправителя, коммуниканта и пр.).

2. Любой коммуникативный (семиотический) процесс представляет собой воздействие на мыслимого адресата, способного быть, с точки зрения адресанта, объектом коммуникативного воздействия.

3. Интерпретация смыслообразования в семиотическом поступке (в том числе совершенном с участием вербального канала) прямо связана с его мыслимой совершительностью (акциональностью), представляет собой по сути понимание того, что осознанно делает автор поступка.

4. Мысль и коммуникативное действие (в том числе вербальное) представляют собой явления различной природы: первая неакциональна, недействительна во внешнем (за пределами данного сознания) пространстве, второе является акциональным феноменом, направленным на достижения изменений во внешнем когнитивном пространстве.

5. Разделение вербального материала на естественный и искусственный производится по признаку наличия/отсутствия коммуникативного действия (которое является ключевым фактором смыслообразования). Естественным является смыслообразующий (действенный, личный) вербальный процесс.

6. Тожественная интерпретация вербального процесса возможна только при условии возведения семиотического действия к источнику действия (известному или воссоздаваемому).

7. Когнитивное тождество в элементах вербального процесса, взятых автономно от источника действия, не обеспечивается ничем, отсутствует.

8. Язык не может обеспечивать смыслопорождающего говорения/письма ввиду принципиального отсутствия личности (источника мысли, эмоции, ценности, точки зрения, осознанного действия, фокуса внимания и пр.).

9. *Говорящие/пишущие порождают и понимают комплексные многофакторные коммуникативные действия*, а не вербальные формулы (элементы структуры языка). Вербальные элементы, как, впрочем, и любые «знаки» (картинки, жесты, модуляции голоса и пр.), нетождественные и неопределенные вне личного коммуникативного поступка, интегрируются осознанной ситуацией действия и затем воспринимаются в его составе в когнитивном тождестве (стремятся к тождеству).

#### **Дискуссии в рамках исследовательской группы**

Частичные (и даже магистральные) различия в точках зрения участников коллектива составляют важный эвристический потенциал проекта. На состоявшихся к настоящему времени (середина мая, 2017) пяти рабочих встречах уже обозначились дискуссионные территории, или спорные темы, которые непосредственно связаны с содержательной стороной проекта. Они проявляются:

- в понимании коммуникативного действия (поступка). Это фундаментальное для проекта понятие осмысляется в оппозиции «коммуникативное vs некоммуникативное действие (поступок)». Любое осознанное влияние на постороннее сознание, осуществляемое опосредованными способами, может быть признано коммуникативным действием. Его замысел возникает при условии, что коммуни-

кант рассматривает в качестве объекта воздействия представимое постороннее сознание, готовое измениться от действий, производимых автором и воспринятых адресатом, в рамках коммуникативного пространства, параметризованного автором и затем адресатом. Так, вербальный текст образован последовательностью семиотических поступков (действий), при постоянном отслеживании автором когнитивного состояния адресата, в постоянно меняющихся условиях, отслеживаемых обоими. Принципиальным является неразрывная связь естественных вербальных данных с личным коммуникативным поступком;

- в понимании интерпретации коммуникативного действия. Здесь дискуссионным оказался вопрос об объекте интерпретации. Распространенным решением этого вопроса являются слова и конструкции того языка, на котором происходит общение. Однако такая модель не достигает искомой объяснительности. Слова и конструкции невозможно понимать вне пространства действия и всей диспозиции лично совершаемого поступка. Поэтому порождение и понимание сводится не к знакам, а к более сложным комплексам данных, или коммуникативным поступкам (в том числе, с участием вербального канала). Традиционно понимаемый знак, безусловно, входит в *data interpretanda* (данные, подлежащие интерпретации), но не может быть тождественным указанием на что-то вне конкретно мыслимой коммуникативной синтагмы. По той же причине и всеобщий «язык» не может производить смыслообразование;

- в понимании принципиального различия мысли и говорения (письма). Вербальный семиотический поступок (говорение/письмо) связан с мыслью косвенно, подобно тому как и любое действие имеет не прямое отношение к замыслу и оценке средств реализации (мысли). Тем более, действие не может быть тождественно мысли. Это различие (мысли и действия) наиболее иллюстративным образом представляет случай лжи как коммуникативной стратегии, в которой заведомо разделены неакциональное состояние сознания (мысль) и производимое на адресата воздействие;

- в понимании нетождественности вербальной формы и неспособности языка производить смыслообразование. Лексема, никогда не имеющая точного закрепленного значения, в таком своем статусе не может быть основанием для взаимодействия говорящих (пишущих), якобы порождающих и понимающих фразы, составленные из слов. Вне процедуры конкретного означивания мыслимых объектов (которые возникают в личном семиотическом поступке, назначаемые говорящим) у слова не может быть понимаемого денотата. Понимать можно не слова, а говорящего (пишущего), и вообще действующего субъекта. Соответственно, любой вербальный материал, лишенный того, кто производит конкретное означивание (а также мыслит денотат, видит адресата и пр.), теряет свой естественный статус, превращается в искусственный объект;

- в понимании оснований коммуникативного взаимодействия между участниками. Языковая парадигма предполагает тождественное знание языка носителями, а также единство культурных (культурно-языковых) концептов и практик, или культуры. Кризисность языковой парадигмы, среди прочего, проявляется в нереалистичности отражения происходящего в сфере порождения и понимания речи. Так, говорение на едином языке далеко не означает единого знания и единого куль-

турного опыта участников общения. Более того, индивидуальные сознания всегда различны в очень значительной мере. Вторичный интерпретатор, знающий тот же «язык» и обладающий знанием тех же слов, зачастую не понимает ничего из сказанного, и наоборот, понимает то, что не сказано, или недосказано. Единообразные слова и высказывания имеют далекие от тождества интерпретации. Общий объем лингвокультурного знания каждого из участников коммуникации никогда не актуализуется в ситуации их интеракции. В то же время подлинные свойства вербального процесса и данных (которые прямо сказываются на адекватности интерпретации), а именно акциональность, ситуативность, когнитивность, или субъективная мыслимость, а также интерпретируемость, не находят места в языковой модели вербального процесса. При этом на основании именно этих свойств вербального процесса реализуется как сама цель говорения, так и возможность интерпретировать затем каждый сложный семиотический поступок;

- в понимании коммуникативной направленности любого семиотического поступка. Ситуация коммуникативного воздействия всегда является мыслимой, представимой, как в случае, когда адресат находится в непосредственной близости от говорящего, так и в случае, когда формально адресат отсутствует в поле зрения автора, как, например, при написании научной или публицистической статьи. Семиотическое действие принципиально направлено на представимое внешнее сознание, поэтому автор, производящий любую форму семиотического действия, по мере своих возможностей всегда мыслит некую диспозицию адресатов (а также условий своего действия) и всегда находится внутри мыслимого коммуникативного пространства.

### **Литература**

*Вдовиченко А.В.* О несамотождественности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии, 2016б №6. С. 164-175.

*Вдовиченко А.В.* Коммуникативное оправдание грамматики. К вопросу о пределах условности грамматического описания // Русский язык за рубежом, 2016а № 4. С. 78-84.

*Вдовиченко А.В.* Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания. -М.: Издательство ПСТГУ, 2008. -512 с.

*Вдовиченко А.В.* Слово как элемент смыслообразования в теории прототипов Дж. Лакоффа и естественном коммуникативном процессе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 3. С. 5-12.

The Chinese Pear Stories – Narratives across Seven Chinese Dialects. By Dr. Mary S. Erbaugh, 2001 (<http://pearstories.org/docu/ThePearStories.htm>).



**«DEVELOPMENT OF THE COMMUNICATIVE MODEL  
OF VERBAL PROCESS IN THE CONDITIONS OF THE CRISIS  
OF THE LANGUAGE MODEL»:  
PROJECT, SENSE-PRODUCTION, COMMUNICATION**

**Andrey V. Vdovichenko**

Lead researcher

Sector of theoretical linguistics

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Moscow, B. Kislovskiy lane, 1

Professor

Faculty of philology

Orthodox St Tikhon University for Humanities

*anlvdo@mail.ru*

The article presents the complex of theoretical questions which are raised at implementation of the project «Development of the communicative model of verbal process in the conditions of the crisis of the language model» supported by Russian Science Foundation (2017). The attention of research team is focused on the sense-production in natural verbal process. Depending on the ways of interpretation of the sense produced in speaking (writing), any research program can be recognized as language one or communicative one. The first is characterized by special attention to verbal signs, their uniformity and systematicity, relations among themselves and with users, fixed in the concept of «language». At the same time within a language paradigm the integral characteristics of natural verbal process are obviously ignored: actionality, situativeness, communicativeness, individual cognitivity, interpretiveness. On this background the communicative paradigm shows more realistic disposition of theoretical objects. Verbal action admits a special case of communicative action which, in turn, is a special case of individual's conscious action. Interpretation of verbal process (as well as in the case of any activity) is considered as understanding of a semiotic act. Allocation of units of verbal process appears a utilitarian procedure. Within the project, experiments are regarded as a means to illustrate and confirm the communicative model of verbal process, to critically rethink the language model.

**Keywords:** natural verbal process, communicative model, language model, sense-producing, semiotic act, communicative action.

### References

*Vdovichenko A.V.* O nesamotozhdestvennosti jazykovogo znaka. Prichiny i sledstviya «lingvisticheskogo imjaslavija» [Non-self-identity of a linguistic sign. Causes and effects of the “linguistic onomatodoxy”] // *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 2016a, №6, pp. 164-175.

*Vdovichenko A.V.* Kommunikativnoe opravdanie grammatiki. K voprosu o predelakh uslovnosti grammaticheskogo opisanija [Communicative justification of grammar. To the problem of limits of conventionality in grammatical description] // *Russkij jazyk za rubezhom* [Russian language in abroad], 2016b, № 4, pp. 78-84.



*Vdovichenko A.V.* Rasstavanje s «jazykom». Kritičeskaja retrospektiva lingvističkog znanija [Parting with language. A critical retrospective of linguistic knowledge]. -M.: Izdatel'stvo PSTGU, 2008. 512 p.

*Vdovichenko A.V.* Slovo kak element smysloobrazovanja v teoriji prototipov G. Lakoffa i estestvennom komunikativnom processe [Word as an element of sense-production in G.Lakoff's prototype-theory and in the natural communicative process] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Problems of cognitive linguistics], 2007, № 3, pp. 5-12.

The Chinese Pear Stories – Narratives across Seven Chinese Dialects. By Dr. Mary S. Erbaugh, 2001 (<http://pearstories.org/docu/ThePearStories.htm>).

УДК 811.512.37'37:579.2

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КАЛМЫКА**

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ  
(проект № 16-24-03002)

**Есенова Тамара Саранговна**

доктор филологических наук, профессор кафедры  
русского языка и общего языкознания  
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет»  
г. Элиста, ул. Пушкина, 11  
*esenova\_ts@kalmsu.ru*

**Харчевникова Роза Пюрвеновна**

доктор филологических наук, профессор кафедры  
калмыцкого языка и монголистики  
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет»  
г. Элиста, ул. Пушкина, 11  
*kharchevnikova\_rp@kalmsu.ru*

**Есенова Галина Борисовна**

магистрант направления подготовки «Русский язык как иностранный»  
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет»  
г. Элиста, ул. Пушкина, 11  
*esenova\_gb@kalmsu.ru*

В статье представлен антропологический портрет калмыка. Материалом послужили словарные обозначения физических свойств и результаты анкетирования. На основе анализа лексических средств обозначения внешнего облика мужчины заключается, что калмыки придают значение физическим характеристикам человека, фиксируя рост, телосложение, возраст, описывая лицо, уши, лоб, руки, ноги, глаза, одежду, положительно или отрицательно оценивая особенности внешнего облика. Негативно оценивается калмыками высокий рост, тучность, неопрятность; положительно – крепкое телосложение, аккуратность, молоджавость. При этом подавляющее большинство обозначений внешнего облика нейтрально. Природно-климатическая среда обитания и хозяйственная деятельность калмыков способствовали развитию чуткого слуха и острого зрения, формировали выносливость, крепость телосложения, что зафиксировано в лексических средствах калмыцкого языка, а также в описаниях ученых, путешественников, миссионеров. Результаты анкетирования свидетельствуют о динамике оценки внешнего облика человека.

**Ключевые слова:** калмыки, мужчины, антропологический портрет, калмыцкий язык, языковые средства обозначения внешнего облика человека.

### **Введение**

В работах этнографов калмыки характеризуются как представители центральноазиатского антропологического типа большой монголоидной расы [Авляев 2002; Ашилова 1969; Ашилова 1976; Эрдниев 1985], хотя отдельные авторы отмечают антропологическую неоднородность калмыков [Чебоксаров 1935; Левин 1937]. Обобщая сведения, изложенные в работах авторов XVIII-XIX вв. [Kopernicki 1872; Kollmann 1884], антрополог С.К. Хойт заключает: «Описания исследователей XVIII-XIX вв. содержат фрагментарную информацию о внешнем облике калмыков и более или менее сходны друг с другом. Они рисуют нам средний тип, как невысокого, сухощавого, статного человека, с хорошо развитой мускулатурой, крупной головой и, как правило, искривленными О-образными ногами. Он имеет прямые жесткие черные волосы, редкую растительность на лице и, в общем, смуглую кожу. Лицо этого человека в среднем круглое и плоское, глазная щель узкая и находится под наклоном, нос невысокий, губы, как правило, толстые, зубы ровные и белые. Некоторые описания добавляют широкие плечи и оттопыренные уши. Таков, по свидетельствам современников, усредненный портрет калмыка XVIII-XIX вв.» [Хойт 2008: 241].

В данной статье мы представим антропологический портрет калмыка через описание его внешности. Нас будут интересовать не конкретные физические параметры калмыка, а его обобщенный портрет, составленный на основе языковых средств обозначения тех или иных признаков, поскольку языковые единицы фиксируют этнический образ. В отличие от этнографических исследований, направленных на описание физических параметров и в конечном счете – характеристику этноса как представителя определенной расы, лингвистические исследования имеют целью создание портрета путем анализа языковых средств обозначения внешнего вида.

### **Материал и методика исследования**

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе изучались словесные обозначения внешности мужчины. С этой целью из Калмыцко-русского словаря под редакцией Б. Д. Муниева [Калмыцко-русский словарь 1977] были выписаны все слова, обозначающие внешние характеристики человека. На втором этапе был проведен психолингвистический эксперимент. В ходе эксперимента информантам было предложено описать внешность калмыка-мужчины средствами калмыцкого языка, после чего было проведено интервьюирование, цель которого заключалась в написании сочинения на тему «Когда я думаю о характеристиках калмыка-мужчины, я вспоминаю...».

В анкетировании принимали участие жители Калмыкии, имеющие разный уровень образования, представители двух возрастных групп: от 18 до 30 лет (младшая группа), от 60 до 80 лет (старшая группа). Выборки были соразмерны (по 50 человек обоих полов в каждой из групп).

### **Результаты исследования**

Лексикографический анализ показал, что в калмыцком языке существует разнообразная лексика для описания внешности человека. Внешность человека можно описать, характеризуя возраст, рост, телосложение, волосы, голову, ноги, руки, лицо, глаза, нос, рот и другие части тела человека или его свойства, связан-

ные с анатомическими особенностями (например, голос). Эти приметы внешности человека обозначаются самой разнообразной лексикой. Рассмотрим лексические единицы, описывающие антропологический портрет мужчины.

**Рост** описывается через специальные слова, в семантике которых содержится компонент «рост». Выделенные из словаря лексические средства условно можно разделить на группы, которые обозначают три разновидности роста: *хахр* ‘низкий рост’, *маитг* ‘низкий, низкорослый’, *теглт* ‘средний рост’, *даңхр* ‘рослый, высокий рост’. Для обозначения высокорослого человека может использоваться прилагательное *ут*, которое, в отличие от лексемы *даңхр*, имеет неодобрительную коннотацию – ‘долговязый’. Прилагательные *теглт* и *даңхр* также имеют коннотативное значение: *теглт* содержит коннотацию ‘коренастый, приземистый’; *даңхр* имеет отрицательную коннотацию, обусловленную тем, что высокий рост ассоциируется с неуклюжестью.

Особенности человека, связанные с ростом, осмысливаются через лексему *нурһн* ‘спина’, в частности ее падежную форму – *нурһта*. По представлениям калмыков, существуют *бацһр нурһта* ‘приземистый’, *тагдһр нурһта* ‘невысокого роста, коротышка’, *хахр нурһта* ‘низкого роста’, *өндр нурһта* ‘крепкого телосложения, высокого роста’. Кроме того, рост можно обозначить через лексему *бий* ‘тело, организм’. Атрибутивные словосочетания, состоящие из падежной формы данного слова (*биитэ*), прилагательных *ик* ‘большой’ и *маитг* ‘низкий’, обозначают определенный рост человека: словосочетание *ик биитэ* характеризует лицо как крепкого, рослого человека, *маитг биитэ* – низкорослого человека. Наконец, рост можно охарактеризовать через существительное *овр* ‘облик, вид, наружность’: *ик оврта күн* ‘человек большого роста’. Как видим, в калмыцком языке отрицательную оценку содержат слова, обозначающие высокий рост. По-видимому, это объясняется тем, что человек высокого роста воспринимается как долговязый, неуклюжий, неповоротливый. Однако психолингвистическая оценка роста нашими современниками противоречит оценке, закрепленной в языковом сознании: высокий рост человека оценивается положительно. В анкетах на вопрос, какого роста человека вы хотели бы видеть в качестве своего спутника жизни, содержится ответ: высокого. При этом молодые калмычки поясняют свой ответ так: *я сама маленькая, хочу, чтобы мои дети были высокого роста; высокий рост – значит, человек видный, заметный; мы все низкие, а в моде высокие*. Отметим, что в ответах рост человека не связывается с определенными качествами человека.

Интересно, что в восприятии европейцев калмыки выглядят неодинаково. Так, по мнению П.С. Палласа, «калмыки почти все среднего роста, однако, больше низких, нежели высоких» [Паллас 1773: 455]. И.Г. Георги считал, что «калмыки росту среднего, редко бывают высоки, по большей части сухощавы и статны» [Георги 1799: 9]. П.И. Небольсин полагал, что «калмыки, вообще говоря, народ рослый и красивый... нельзя не заметить, что все торгоуты, а особенно ики-цохуры, полнее телом, лицо у них чище, белее и румянее; хошоуты же стройнее телосложением, но тонки, и как вообще выражаются, жидковаты. Калмыки, по самой Волге и в мочагах обитающие, – народ приземистый и плотный, высокий рост у них редкость [Небольсин 1852: 12]. Вероятно, субъективность восприятия зависит от собственного роста автора, а также конкретных групп калмыков, среди которых проводились наблюдения.

Для обозначения телосложения человека в калмыцком языке существует значительное число единиц, например: *күдр-бадр* 'сильный, крепкий', *балхр* 'толстый, коренастый', *бидү күн* 'увалень', *арвс* 'сильный', *эрмгтә күн* 'жирный, тучный, толстый', *баатр* 'богатырь', *күдр эр* 'сильный мужчина', *муглр күн* 'грузный человек', *семгр* 'худощавый', *тарһн* 'жирный, упитанный, тучный, откормленный', *теңкәтә* 'сильный, здоровый', *тешкәсн күн* 'неуклюжий, толстый человек', *тешкһр* 'толстый, неуклюжий', *турмха* 'тощий, худой', *түгдһр* 'сутулый', *цүрдһр* 'толстопузый', *чирчһр* 'худой', *чирчисн* 'худой, худощавый', *чорһр* 'худощавый', *шалхр күн* 'обрюзгший человек', *эцсн* 'исхудалый, похудевший', *эццәвр* 'худощавый', *чиирг* 'крепкий, выносливый, сильный'. В семантике слов, обозначающих тучность телосложения, содержится негативная оценка: *бидү күн* 'увалень', *эрмгтә күн* 'жирный, тучный, толстый', *муглр күн* 'грузный человек', *тарһн* 'жирный, упитанный, тучный, откормленный', *тешкәсн күн* 'неуклюжий, толстый человек', *тешкһр* 'толстый, неуклюжий', *цүрдһр* 'толстопузый', *шалхр күн* 'обрюзгший человек'. Следует заметить, что негативно оценивается и худоба, поскольку народным сознанием она связывается с плохим здоровьем или тяжелой жизнью (*эцсн* 'исхудалый, похудевший', *чирчһр* 'худой', *турмха* 'тощий, худой').

Телосложение человека может характеризоваться и через такие лексемы, как:

– *бар* 'сильный, мощный': *ик барта* 'сильный', *бар уга* 'бессильный'

– *бий* 'тело, организм': *ик биштә күн* 'здоровый, рослый, крепкий', *мегдһр бийтә күн* 'подтянутый человек, худощавый', *нигт чиирг бийтә* 'крепкий телосложением'

– *овр* 'облик, вид, наружность': *ик оврта залу* 'представительный мужчина'

– *цогц* 'рост, организм': *кевлүн цогцта күн* 'человек с красивой фигурой', *мах мерән цогцта күн* 'человек худощавого телосложения', *хатмл цогцта күн* 'сухощавый человек', *ялдһр цогцта күн* 'осанистый человек'

– *күчн* 'сила, мощь': *күчнго* 'бессильный', *күчтә күн* 'сильный человек, атлет'

– *чидл* 'сила, мощь': *берк чидлтә* 'очень сильный', *ик чидлтә залу* 'силач, сильный человек'

– *чинән* 'сила, мощь': *чинәтә* 'сильный, крепкий', *чинәнго* 'бессильный'

– *бәэдл* 'вид': *унгуһр бәэдлтә күн* 'долговязый человек'

– *шүрүсн* 'жила': *шүрүстә* 'жилистый, крепкий, сильный'

– *ээм* 'плечи': *дервһр ээмтә күн* 'с широкими плечами', *ээмрхг залу* 'плечистый мужчина', *ээмтә-далта* 'плечистый, широкоплечий'

– *көл* 'ноги': *көл күнд* 'неповоротливый, неуклюжий' (букв.: с тяжелыми ногами)

– *цусн* 'кровь': *цевр цуста* 'чистокровный', *цусрхг күн* 'полнокровный человек'

Кроме того, телосложение характеризуют атрибутивные словосочетания, описывающие человека через возраст (*идр наста күн* 'возмужалый человек', *эрин цеңд күрсн* 'возмужавший'), а также через внешнюю оценку внешнего облика (*үзл уга чирчисн күн* 'невзрачный человек', *эрмдгтә* 'уродливый, поврежденный'). Восприятие облика человека меняется в зависимости от возраста: внешний вид человека зрелого возраста воспринимается как солидный. Словосочетание *үзл уга чирчисн*

кун подтверждает мысль о том, что калмыки придают определенное значение внешнему виду человека, называя невзрачным того, кто имеет невидную внешность.

Судя по данным анкет, идеальным телосложением калмыки считают крепкое телосложение: *человек крепкого телосложения имеет солидный вид, внушает уважение, с ним считаются; когда наши родственники выбирают, кого включить в состав делегации сватовства или свадьбы, всегда подбирают старших по родственной линии мужчин, но немаловажен их внешний вид, смотрят, чтобы мужчины были видные, крепкие, солидные, чтобы не подумали, что мы безродные; считаю, что мужчина с крепким телосложением является выносливым, сильным, здоровым, сродни богатырям эпоса.* Однозначно негативно оценивается тучный, толстый человек: *он теижкэсн, хахала эдл 'толстый, как свинья', говорю, похудей; а меня в детстве дразнили хахашка 'свинюшка', обидно было.* Такие размышления содержатся в сочинениях наших информантов.

Отметим, что лексемы, обозначающие крепкое телосложение (*күдр-бадр* 'сильный, крепкий', *арвс* 'сильный', *күдр эр* 'сильный мужчина', *теңкэтэ* 'сильный, здоровый', *чиург* 'крепкий, выносливый, сильный'), не содержат отрицательную коннотацию, они нейтральны с оценочной точки зрения. Можно заключить, что в данном случае этническая оценка, отраженная в коннотативном значении слов, совпадает с той оценкой, которую дают наши современники. Эту точку зрения разделяют и представители иной культуры. Так, по мнению Бергмана, калмыки «отличаются крепким, приземистым телосложением и особенно замечательной большой головой» [Bergmans 1803: 24]. Н. Нефедьев считал, что «крепость телесная и силы дают калмыкам большое преимущество пред другими кочующими народами. Рост их большею частью средний, стан довольно стройный, и только искривленные от верховой езды ноги изменяют общей правильности в фигуре. Тучные калмыки встречаются очень редко, и то из сословия гелюнгов, упитанных жертвами» (Цит. по: [Хойт 2008]).

Важным элементом внешности человека являются **волосы** (*үсн*). Лексика, описывающая внешний вид человека через растительность (волосы, усы, борода), немногочисленна. Судя по лексическому материалу, калмыки обращают внимание на отсутствие волос на голове (*хожһр кун* 'безволосый человек, бритый', *хусата* 'бритый', *таха толһата* 'лысый') и форму волос (*арвһр* 'лохматый, косматый', *отхр үсн* 'курчавые волосы'), но не обращают внимание на цвет, длину и густоту волос (соответствующая лексика не отмечена). В описании внешности определенное значение имеют усы. Выделяют *сахлт* 'бородач', *сахлта* 'бородатый, усатый', *сахлго* 'безбородый, безусый', а также *кирв сахлта кун* 'человек с коротко подстриженными усами'.

Калмыки большое значение придают **лицу** (*чирэ*), поскольку от него во многом зависит восприятие человека в целом. В частности, обращается внимание на цвет лица. Выделяются *харвр чирэтэ күн* 'смуглолицый человек', *хоохн чирэтэ* 'бледнолицый', *нисигн чирэ* 'бледное лицо'. Характеризуя лицо, калмыки выделяют и *морчхр чирэ* 'морщинистое лицо'. Хотя лексика, описывающая лицо, в калмыцком языке немногочисленна, с ее помощью можно не только описать физиономию человека, но и передать свою оценку внешности. Неслучайно некоторые средства, обозначающие лицо человека, содержат коннотативный компонент, например: *му*



*дүрстэ күн* 'невзрачный человек', *мажс чирэ* 'уродливое лицо', *миркһр чирэ* 'хмурое лицо'.

В ответах наших респондентов отмечается, что *лицо человека – это его визитная карточка; на лице написано, какой у человека характер, злой он или добрый, приветливый или нелюдимый; я, когда знакомлюсь с кем-нибудь, всегда обращаю внимание на лицо; правильно говорят, харуңһу чирэ – харуңһу күн* 'мрачное лицо – мрачный человек'; *хмурое пасмурное лицо говорит, что человек неласковый, трудный у него характер, с таким нелегко жить*. Респонденты положительно оценивают *тиньгр чирэ* 'гладкое лицо': *тиньгр чирэ говорит о благополучии, что у человека жизнь идет хорошо, нет больших забот, трудностей; у кого тиньгр чирэ, у того спокойный характер, ровный, он не нервный, не крикливый, не скандалист; от такого человека спокойствие идет, с ним уверенно себя чувствуешь*.

Хотя **уши (чикн)** важны для характеристики внешнего вида человека, поскольку с ними связан такой признак, как слух, в калмыцком языке обозначений разных форм ушей немного. В словаре отмечается лишь *дердгр чиктэ күн* 'лопоухий'. Не придавая значения формам ушей, калмыки важное значение придают слуху. Это связано с тем, что скотоводы большую часть информации об окружающем получают через слух, от тонкости слуха зависит успешность жизни скотовода в окружении дикой природы. С точки зрения слуха выделяют *таң* 'глухой', *хату чиктэ күн* 'человек тугой на ухо', *чикнь хату* 'глуховатый, тугой на ухо', *сонр чиктэ күн* 'человек с чутким слухом'. И.А. Житецкий так характеризует слух калмыка: «Не менее тонок и слух степного обитателя, который слышит лай собак там, где поражаешься абсолютной тишиной пустыни» [Житецкий 1892: 32].

В создании внешнего облика человека немаловажное значение имеют **голос (дун)**, а также речевые способности (*келн, келн-амн*). Судя по собранному материалу, калмыки не придают значение акустическим характеристикам голоса, из возможных типов голосов выделяют лишь людей *еңсг дуута күн* 'с мелодичным голосом', *хамр доран үг келдг күн* 'с гнусавым голосом'. Однако они обращают внимание на такие речевые характеристики, как четкость, внятность речи (*келкэ* 'заика, косноязычий человек', *чальчрха келтэ күн* 'невнятно говорящий человек'), а также содержание речи (*тетнэ келтэ* 'косноязычный', *төв келтэ күн* 'человек говорящий правильно', *хусур келтэ күн* 'человек с язвительным языком').

По поводу речи наши информанты размышляют следующим образом: *говорят, есть три вида таланта: логические способности, т.е. человек умеет анализировать и создавать новое; художественный талант, когда человек, например, хорошо рисует; и коммуникативный талант, когда человек хорошо говорит (келнэ йозуртан билигта 'талант на кончике языка'); считаю, что речевые способности важны для успеха в работе; если человек не умеет говорить, ему нельзя работать с людьми, он не найдет, что сказать; я завидую, когда на свадьбах или других мероприятиях кто-то легко и красиво говорит, хуц келтэ 'острые на язык', а я прямо модн келтэ 'с деревянным языком'*.

Отметим, что оценка современников речевых данных неоднозначна. В ответах некоторые пишут: *мама учила бичэ келн бээнэ гихэд яг-яг гихэдэ 'не болтай зря, считая, что есть язык,'; тер мана бер моһа келтэ 'у нашей снохи ядовитый язык, букв.: змеиный язык'; правильно говорят, молчание – золото, лучше промолчать,*



чем болтать ерунду; *тер ирхлэ, толһа эргэнэ, буржэ-буржэ, келжэ-келжэ хэрнэ, кесн юмн уга, келэри юмнд күрхэр седнэ* 'когда она приходит, голова кругом, наболтается, наговорится, уходит, сделанного ничего нет, думает чего-нибудь достичь своим языком'; *чик үлгүр бээдг келн утхас хури* 'есть правильная пословица язык острее ножа'. Ответы информантов подтверждают важность рассматриваемого признака для характеристики человека.

Калмыки придают определенное значение не только речи, но и зрению, острота которого зависит от свойств специального органа – **глаз (нүдн)**. Зрение характеризуется как *хури нүдтэ* 'с острым зрением', *нүднэ харан му* 'плохое зрение', *нүднэ харан холд тату* 'близорукость'. Исторически калмыки обладали острым зрением, чему способствовала природная среда обитания. Благодаря хорошему зрению, скотоводы могут наблюдать невооруженным глазом за животными и растениями в открытой бескрайней степи. Во многих работах, посвященных описанию калмыков, отмечается острое зрение калмыков. Так, Н. Нефедьев писал: «Зрение их, по привычке ли всегдашнего созерцания предметов на обширных степных равнинах, или по особенной организации, одарено редкою быстротою, так, что, когда обыкновенный глаз только еще замечает что-нибудь в отдаленности, калмык безошибочно объяснит подробности едва мелькающего признака; но жаль, что дым, причиняя глазные боли, вредит сей дальнозоркости». Г. Георги считал, что у калмыков «обоняние, зрение и слух чрезвычайно остры» [Георги 1799: 9]. По словам И.А. Житецкого, «степняки поражают наблюдателя своим зрением, слухом и развитыми вкусовыми ощущениями: они, например, способны различать предметы на десятки, даже на сотню верст, а цвета одежды, масть лошадей отличают на таком расстоянии, на котором при хорошем зрении едва можно определить предмет» [Житецкий 1892: 32]. Однако в наши дни многие калмыки не могут похвастаться хорошим зрением.

Основываясь на полученных лексикографических данных, можно считать, что калмыки, высоко оценивая зрение, определенное значение придают физиологическим характеристикам глаз, отмечая *бултһр нүдтэ* 'пучеглазый, лупоглазый', *хальр* 'косоглазие', *нүдндэн хонцта* 'с бельмом на глазу', *зеегтэ нүдтэ* 'со складкой века глаза', а также *нүднго* 'слепой'. Кроме того, с помощью метафоры *һаха нүдтэ* 'с узкими, как у свиньи, глазами' калмыки могут образно описать определенную форму глаз у отдельных представителей.

Что касается мнения наших современников относительно глаз, то подавляющее большинство отмечает важность не только глаз как органа зрения, но и их внешней формы: *глаза – зеркало души, это правильно; меня в детстве обижали соседские дети, дразнили «сом!», что глаза узкие, как у сома; сейчас не обижаюсь, главное, ими вижу хорошо; ничего, что узкие у нас глаза, мы их покрасим, а можно и сделать операцию, сделать себе зег 'складку века'; главное не красота, а что далеко и все вижу*.

В калмыцком языке немногочисленна лексика, обозначающая внешность человека, связанную с такими частями тела, как **ноги (көл), руки (һар), зубы (шүдн), лоб (мацна), нос (хамр)**. Это, вероятно, объясняется тем, что с этими органами не связана жизнеспособность человека. Калмыки выделяют *тээтһр* 'косолапый, кривоногий', *һарин монту* 'культия руки', *көлин монту* 'культия ноги', *шүдтэ* 'с зу-

бами', *шүднго* 'беззубый', *морхһр хамр* 'горбатый нос'. Что касается лба, то отмечают *маңхһр* 'высокий лоб, величавый, величественный', *маңнан хурһяс* 'складки на лбу', *шовһр маңната* 'с выпуклым лбом'. По мнению калмыков, важным показателем благополучной жизни человека является *тиньгр маңна* 'гладкий лоб'. В калмыцких йорялах частотно благопожелание *эрул-дорул, гем-шалтг уга, маңна тиньгр бээхиг олн деедс өриэтхэ!* 'да пошлет всевышний здоровье, радость и удовлетворение! (*маңна тиньгр* – букв. лоб его разглаживается)'.

По мнению калмыков, описание внешнего вида человека через **одежду** (*хувцн*) так же значимо, так как одежда свидетельствует о важной черте характера человека – аккуратности, чистоплотности. С этой точки зрения калмыки положительно оценивают *дигтэ-тагта күн* 'аккуратный', *хурамжста күн* 'собранный человек, опрятный', *церб гисн күн* 'аккуратный человек', *цеврлг күн* 'чистоплотный человек', *цевр-цер күн* 'чистоплотный человек', *ясрхг* 'аккуратный, опрятный'. Напротив, негативно оценивают *новш күн* 'неопрятный человек', *салң күн* 'неряшливый человек', *хурамжс уга күн* 'неряшливый', *цевр-цер биш күн* 'грязный, нечистоплотный человек', а также *кеемсг күн* 'щеголеватый человек', *кеемрхэ* 'любящий красиво одеваться'.

В ответах информанты пишут: *раньше калмыки не думали, что одежда красит человека, говорили киртэ күн кишкэтэ 'грязный человек – счастливый человек'; не надо много одежды, одежды надо столько, чтобы можно было сносить, после нас никто нашу одежду носить не будет, а сожгут; олыг өмсэж, олыг элэж йов! желают калмыки, это значит, долго живи; надо не менять без конца одежду, а аккуратно носить; человек должен быть опрятным, на такого приятно смотреть; аккуратный в одежде – аккуратный и в работе, по дому, это такой человек; даже в Сибири мы старались чисто ходить, а то ведь нас считали как шулмус 'черти'*.

Как известно, из всех социальных признаков человека наибольшим весом у калмыков обладает **возраст**. Не случайно поэтому в калмыцком языке существует разнообразная лексика, детально обозначающая возрастные особенности людей (более подробно об этом в [Есенова и др. 2016]). Особенно разнообразна лексика, называющая пожилых людей. Выделяются *көгшн земдг күн* 'старый человек', *медэтэ күн* 'пожилой человек', *ут наста* 'долголетний, пожилой', *наставр залу күн* 'пожилой мужчина', *өвгэрг* 'пожилой, старый', *өвгэрг наста күн* 'человек преклонного возраста', *өвгн күн* 'старик, старец', *өвгд, көгшид* 'старик', *хуучн күн* 'старый человек'. Среди данной лексики отмечено лишь одно слово с отрицательной коннотацией – *земдг* 'старый, дряхлый'. Все это свидетельствует о высоком социальном статусе людей старшей возрастной группы. Вместе с тем калмыки одобрительно оценивают молодость: *дүүвр бээдлтэ* 'молодцеватый', *бах оврта* 'моложавый', *идр наста* 'возмужалый', *ик оврта залу* 'представительный мужчина'. Н. Нефедьев оставил интересные наблюдения: «Проезжая почти все улусы, я всюду находил большое количество стариков, из коих 70-ти и даже 80-тилетние, по наружности и твердости их, кажутся не старше 50-ти или 60-ти лет» [Нефедьев 1834: 132]. Это наблюдение соотносится с мнением информантов: *надо до конца держаться, смотреть за собой, не надо мууһар көкирх 'плохо стареть'; аава бодрячок, крепкий еще; NN палкой не убьешь, нас всех строит; вот так бы и всем в старости держаться*.

### Выводы

Анализ лексических средств, обозначающих внешний облик мужчины, позволяет заключить, что калмыки придают немаловажное значение физическим характеристикам человека, фиксируя рост, телосложение, возраст, описывая лицо, уши, лоб, руки, ноги, глаза, одежду, положительно или отрицательно оценивая определенные особенности внешнего облика. Негативно оцениваются калмыками высокий рост, тучность, неопрятность, положительно – крепкое телосложение, аккуратность, моложавость. При этом подавляющее большинство обозначений внешнего облика нейтрально. О динамике оценки внешнего облика человека свидетельствуют данные анкетирования: молодые калмыки считают, что высокий рост желателен, так как *высокий рост в моде, а низкорослые незаметны*. Природно-климатическая среда обитания и хозяйственная деятельность калмыков способствовали развитию чуткого слуха и острого зрения, формировали выносливость, крепость телосложения, что зафиксировано в лексических средствах калмыцкого языка, а также в описаниях ученых, путешественников, миссионеров.

### Литература

- Авляев Г.О.* Происхождение калмыцкого народа. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2002. 325 с.
- Ашилова Д.О.* К истории изучения антропологии калмыков // Ученые записки. Вып. 8. Серия истории. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1969. С. 207–214.
- Ашилова Д.О.* Этническая антропология калмыков (Соматологическое исследование). Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1976. 215 с.
- Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 4: О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованных козаков, также история о Малой России и купно о Курландии и Литве. СПб., 1799. Ч. 4. 385 с.
- Житецкий И.А.* Астраханские калмыки. Наблюдения и заметки. Астрахань, 1892. 214 с.
- Есенова Г. Б., Горяева В.В., Есенова Т.С.* Номинации лица в калмыцком языке: гендерный аспект // Письменная культура монгольских народов. СПб., 2016 (в печ.).
- Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 764 с.
- Левин М.Г., Трофимова Т.А.* Калмыки. Краниологический очерк // Антропологический журнал. 1937. № 1. С. 54–67.
- Небольсин П.И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Карл Крайа, 1852. 190 с.
- Нефедьев Н.* Подробные сведения о волжских калмыках. СПб.: Карл Крайа, 1834. 287 с.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. 455 с.

*Хойт С.К.* Антропологические характеристики калмыков по данным исследователей XVIII-XIX вв. // Вестник Прикаспия: археология, история, этнография. № 1. Элиста: Издательство КалмГУ, 2008. С. 220–243.

*Чебоксаров Н.Н.* Калмыки Западного улуса // Антропологический журнал. 1935. № 1. С. 21–62.

*Эрдниев У.Э.* Калмыки. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1985. 282 с.

*Bergmans, B.* (1804). Nomadische Streiferein unter den Kalmüken in Jahren 1802 und 1803. Riga.

*Kollmann, J.* (1884). Kalmücken der Klein-Doerbeten Horde in Basel // Separat-Abdruck aus den Verhandlungen. Naturforschenden Gesellschaft. VII 3. 622–647.

*Kopernicki, J.* (1872). The Kalmucks // The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. 1. 401–418.

## ANTHROPOLOGICAL PROFILING OF A KALMYK

**Tamara S. Esenova**

Professor of the Department of the Russian Language  
and General Linguistics  
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov  
11 Pushkin Street, Elista  
*esenova\_ts@kalmsu.ru*

**Rosa P. Kharchevnikova**

Professor of the Department of the Kalmyk Language  
and Mongolian Studies  
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov  
11 Pushkin Street, Elista  
*kharchevnikova\_rp@kalmsu.ru*

**Galina B. Esenova**

Graduate student of the Program  
“The Russian Language as a Foreign Language”  
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov  
11 Pushkin Street, Elista  
*esenova\_gb@kalmsu.ru*

Based on the analysis of lexical means of designations of a man's external appearance it is stated that the Kalmyks set a stress on a person's physical characteristics focusing on height, bodybuild, age, describing the face, ears, forehead, hands, feet, eyes, clothes. Thus, they evaluate the features of appearance positively or negatively. The Kalmyks evaluate height, obesity, untidiness negatively but strong physique, neatness, youthfulness are evaluated positively.

Most designations of external appearance are neutral. Natural and climatic habitat and economic activities contributed to the development of the Kalmyks' keen hearing and sharp sight, formed endurance, strong physique that were recorded in the lexical means of the Kalmyk language as well as in the descriptions of scientists, travelers and missionaries. Survey results indicate the dynamics of the evaluation of the external appearance of a human.

**Keywords:** the Kalmyks, men, anthropological profiling, the Kalmyk language, lexical means of designations of a man's external appearance.

### References

*Avljaev G.O.* Proishozhdenie kalmyckogo naroda [The origin of the Kalmyk people]. Elista, 2002. 325 p.

*Ashilova D.O.* K istorii izuchenija antropologii kalmykov [To the history of anthropology of the Kalmyks] // *Uchenye zapiski. Vypusk 8. Serija istorii.* Elista, 1969. pp. 207–214.

*Ashilova D.O.* Jetnicheskaja antropologija kalmykov (Somatologicheskoe issledovanie) [Ethnic anthropology of the Kalmyks]. Elista, 1976. 215 p.

*Georgi I.G.* Opisanie vsech obitajushchih v Rossijskom gosudarstve narodov: ih zhitejskikh obrjadov, obyknovenij, odezhd, zhilishh, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamjatnostej. Ch. 4: O narodah mongol'skih, ob armjanah, gruzinah, indijcakh, nemcakh, poljakah i o vladychestvujushchih rossijanah, s opisaniem vsech imenovaniy kozakov, takzhe istorija o Maloj Rossii i kupno o Kurlandii i Litve [Description all living in the Russian state of the peoples: their everyday rituals, habits, clothes, houses, exercises, amusements, religion, and other memorable objects. Part 4: the Mongolian peoples, the Armenians, the Georgians, the Indians, the Germans, the poles and the dominion of the Russians, describing the naming of the Cossacks, also the history of little Russia and jointly on Kurlandia and Lithuania]. Sankt-Peterburg, 1799. Ch. 4. 385 p.

*Zhiteckij I.A.* Astrahanskije kalmyki. Nabljudenija i zametki [Astrakhan Kalmyks. Observations and notes]. Astrahan, 1892. 214 p.

*Esenova G. B., Gorjaeva V.V., Esenova T.S.* Nominacii lica v kalmyckom jazyke: gendernyj aspect [The nomination of a person in the Kalmyk language: gender aspect] // Pis'mennaja kul'tura mongol'skih narodov. Sankt-Peterburg, 2016 (in print).

Kalmycko-russkij slovar' [Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow, 1977. 764 p.

*Levin M.G., Trofimova T.A.* Kalmyki. Kraniologicheskij ocherk [Kalmyks: craniological essay] // Antropologicheskij zhurnal. 1937. № 1. pp. 54–67.

*Nebol'sin P.I.* Oчерки byta kalmykov Hoshoutovskogo ulusa [Essays on life of the Kalmyks Choreutoscope ulus]. Sankt-Peterburg, 1852. 190 p.

*Nefed'ev N.* Podrobnye svedenija o volzhskih kalmykakh [Detailed information about Volga Kalmyks]. Sankt-Peterburg, 1834. 287 p.

*Pallas P.S.* Puteshestvie po raznym provincijam Rossijskoj imperii. [Journey through various provinces of the Russian Empire] Sankt-Peterburg, 1773. Ch. 1. 455 p.

*Hojt S.K.* Antropologicheskie harakteristiki kalmykov po dannym issledovatelej XVIII-XIX vv. [Anthropological characteristics of the Kalmyks according to the researchers of the XVIII-XIX centuries] // Vestnik Prikaspija: arheologija, istorija, jetnografija. № 1. Elista, 2008. pp. 220–243.

*Cheboksarov N.N.* Kalmyki Zapadnogo ulusa [The Kalmyks of the Western ulus] // Antropologicheskij zhurnal. 1935. № 1. pp. 21–62.

*Erdniev U.E.* Kalmyki [The Kalmyks]. Elista, 1985. 282 p.

*Bergmans, B.* (1804). Nomadische Streiferein unter den Kalmücken in Jahren 1802 und 1803. Riga.

*Kollmann, J.* (1884). Kalmücken der Klein-Doerbeten Horde in Basel // Separat-Abdruck aus den Verhandlungen. Naturforschenden Gesellschaft. VII 3, pp. 622–647.

*Kopernicki, J.* (1872). The Kalmucks // The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. 1, pp. 401–418.

УДК 81

## ВЛИЯНИЕ ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ НА ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ЖЕНЩИН

**Завьялова Наталья Борисовна**  
директор ГБУ «Кризисный центр  
помощи женщинам и детям»  
Москва, ул. Дубки, 9а  
*nbz17@rambler.ru*

В статье раскрывается актуальность исследования закономерностей общения в эмоционально напряженных условиях. Психолингвистический аспект данной проблемы представлен результатами анализа эмоциональной обусловленности языкового сознания человека, находящегося в трудной жизненной ситуации. Методологическую основу научного исследования составляют лингвистическая теория эмоций В.И. Шаховского, учение о психосемантике В.Ф. Петренко и теория языкового сознания Е.Ф. Тарасова.

Основной экспериментальной гипотезой автора выступает предположение о том, что восприятие речезыковых единиц и средств человеком, находящимся в эмоционально напряженных условиях, осуществляется целенаправленно исходя из их жизненно-важной значимости. Данные обстоятельства приводят к эмоциональной окраске содержания текста и последующей его деформации. Результаты экспериментального исследования, представленные в статье, вскрывают закономерности изменения ассоциативной структуры терминов в языковом сознании человека под влиянием аффекта. Выявление деформаций языкового сознания осуществлялось в ходе сравнительного анализа результатов исследования группы респондентов «Норма» и группы респондентов «Трудная жизненная ситуация». Автором приводятся данные ассоциативного эксперимента, демонстрирующие перестройку ассоциативной структуры категорий и понятий (на примере терминов интимно-личностной сферы). Анализируются факторы деформации категоризирующей функции языкового сознания человека.

**Ключевые слова:** языковое сознание, аффект, трудная жизненная ситуация, ассоциативная структура термина, категоризация, ассоциативный эксперимент, эмоционально окрашенная лексика.

В настоящее время отмечается рост научного интереса к проблеме общения в условиях стресса, конфликта, агрессии. Особое внимание уделяется анализу особенностей наивного языкового сознания, проявляющихся в процессе аффективно-окрашенной речи в конкретной социальной группе.

Значимость данной проблемы обусловлена действием ряда факторов.

Во-первых, возрастанием числа исследований естественной неподготовленной речи, направленных на выявление речевых механизмов управления спонтанной коммуникацией и анализ имплицитно представленных смыслов коммуникантов. Результаты подобных научных работ существенно расширяют представления о



закономерностях развития речевой коммуникации, а также о структуре и функционировании наивного языкового сознания.

Во-вторых, востребованностью разработок целостных моделей реализации естественной коммуникации в условиях профессионального общения. Особенно остра проблема эффективного естественного общения для профессий с повышенной коммуникативной нагрузкой. Врачи, актеры, психологи, продавцы и социальные работники больше других подвержены риску профессионального и эмоционального выгорания, поскольку основной инструмент их профессионального взаимодействия – это речь. Интенсивность, глубина и частота коммуникативных контактов представителей этих профессий сопровождается высокой эмоциональной включенностью в процесс общения. В свою очередь, неконтролируемая эмоциональная окраска общения, а также отсутствие профилактических моделей коммуникации лежат в основе профессиональной деформации наивного языкового и неязыкового сознания и личности в целом.

В-третьих, необходимостью разработки средств анализа лингвистических признаков вербальной агрессии в бытовых и семейных условиях. Рост социальной напряженности, вызванный сложившимися в современной России специфическими социально-экономическими условиями, отражается на характере межличностных отношений между представителями как больших социальных групп (например, нации, конфессии), так и малых групп (например, семьи, трудового коллектива, учебного класса). В последнее время отмечается особое распространение различных видов психологического насилия, которое в большинстве случаев реализуется в вербальной форме: словесное давление на личность, оскорбления, унижение, обезличивание, негативная оценка и т. п. Результатом подобной вербальной агрессии является деформация «образа будущего» жертвы, искажение ее образа мира.

Следует отметить, что исследование языкового сознания, сущностной характеристикой которого является «образ мира», а также проявлений вербальной агрессии и психологического насилия в семье является трудновыполнимой научной психолингвистической задачей. Закрытость семейно-бытового общения для внешнего наблюдателя обусловлена в основном ментальными стереотипами национальной культуры и нежеланием членов семьи обсуждать с кем-либо семейные конфликты. Вместе с тем «замалчивание» фактов семейного насилия, как свидетельствует практика психологической помощи, лишь усугубляет агрессивный характер межличностного общения. Данные обстоятельства объясняют превалирование в исследованиях эмпирического материала, полученного *post factum*, т.е. работа ведется с последствиями уже произведенного воздействия на человека.

Профессиональные и семейные конфликты, повышенные коммуникативные нагрузки и психологическое насилие, характеризующиеся длительным воздействием на человека, приводят к восприятию им жизненной ситуации как трудной. При этом интерпретация человеком трудной жизненной ситуации обусловлена особенностями когнитивных и эмоциональных процессов и состояний, выходящих за рамки семантической и психологической нормы. Под действием аффекта структура представлений о мире у человека, находящегося в трудной жизненной ситуации, подвергается существенной трансформации, что отражается на процессе категоризации окружающей действительности. Следовательно, изучение влияния аффекта

на категориальную структуру языкового сознания, а также выявление принципов семантической трансформации при восприятии жизненной ситуации как трудной позволит решить важные задачи предотвращения и профилактики деформации личности вследствие неадекватной (разрушающей) коммуникации. В связи с этим исследование эмоциональной обусловленности языкового сознания человека, находящегося в трудной жизненной ситуации, является актуальной задачей современной психолингвистики.

Основной целью работы является исследование влияния эмоций на языковое сознание человека, оказавшегося в трудной жизненной ситуации. Следовательно, необходимым и логичным дальнейшим исследовательским шагом будет краткий анализ проработанности проблемы взаимосвязи эмоций и сознания в лингвистике и психологии.

В лингвистике эмоции в основном изучались в направлении выявления их структурно-системных связей с другими компонентами языка. К данному подходу можно отнести работы В. фон Гумбольдта, который отмечал, что язык, как и деятельность человека, пронизан чувствами [Гумбольдт 1984]. Попытку выделить эмоции как структурную детерминанту языка мы встречаем у Ш. Балли, который утверждал, что человеческая мысль постоянно колеблется между логическим восприятием и эмоциями и чаще всего мысль складывается одновременно из логической идеи и чувства [Балли 1955]. Э. Сепир также указывал на инстинктивный характер структурных взаимоотношений эмоции и соответствующего ей знака, что обуславливает, по мнению автора, доминирование эмоциональных переживаний над их звуковым, словесным выражением [Сепир 1993]. Ученый пишет по этому поводу: «Звуковое выражение первого рода (эмоциональное – *Н.З.*), действительно, инстинктивно, но оно не символично; иными словами, возглас страдания или радости сам по себе не указывает на эмоцию; он, так сказать, неотделим от нее и не служит средством сообщения о том, что испытывается та или иная эмоция. Он служит лишь более или менее автоматической разрядкой эмоциональной энергии; можно сказать, что он есть составная часть или частичка самой эмоции» [Там же: 29].

В середине XX века проводились немногочисленные исследования влияния аффективной окраски на структуру значений в разговорной речи вскрыли взаимосвязь высокоэмоциональных и личностно значимых понятий с процессами ассоциирования [Pavio A., Yuill J.C., Madigan S. 1986]. Ученые показали, что эмоционально окрашенные слова обладают большой ассоциативной силой. Они (эмоции) порождают целые группы синонимичных слоев, увеличивают вариативность значений, количество смысловых нюансов и лексем для их обозначения.

Активный интерес к проблеме эмоций в лингвистике возник лишь во второй половине XX века, когда на 14-м Международном конгрессе лингвистов в г. Берлине (Германия) Ф. Данеш обозначил изучение эмоциональных аспектов в языке как приоритетное направление современного языкознания [Danes 1987]. Наряду с зарубежными учеными [Вежицкая 1996 и др.] в разработку данной проблематики включились отечественные лингвисты [Шаховский 2008 и др.]. Так, В.И. Шаховский, основатель отечественной школы эмотиологии, направил свои исследовательские усилия на анализ когнитивных аспектов эмоций. Автор выдвинул следующие основания для развертывания своей теории. Во-первых, принцип логического сле-

дования или импликации, т.е. включенного множества: «...культура находит свое отражение в языке, а так как эмоции являются составной частью культуры любого народа, то они облигаторно концептуализируются и вербализируются в его языке» [Шаховский 2008: 18]. Данным логическим утверждением автор не только обосновывает существование объективных следов эмоций в языке, но и описывает «лингвопространственные» отношения языка и эмоций. Во-вторых, принцип обусловленности знакового выражения эмоций типом сигнальной системы. Ученый пишет по этому поводу: «...эмоции имеют разные формы физиологической экстерииоризации (смех, слезы, тремор и др.) и разные способы вербализации – называние, выражение, описание. Другими словами, имеются как минимум две семиотические системы эмоций – *Body Language* и *Verbal Language*, находящиеся в соотношениях, которые науке еще предстоит изучить и описать» [Там же]. Таким образом, В.И. Шаховский, по-нашему мнению, отмечает доминантный характер физиологического фактора над какими-либо другими детерминантами в процессе выделения разновидности знаковых систем. Работа в этом направлении, на наш взгляд, существенно обогащает исследовательскую сферу биосемиотики, которая изучает свойства знаков и знаковых систем у живых организмов. В-третьих, это принцип единого выражения эмоций в различных языковых культурах, который позволяет говорить об их семантической универсальности. В основе данного принципа лежат исследования У. Норта по изучению: симметрии и асимметрии эмоционально позитивных и негативных слов; типа оценочного знака в разных языках; соотношения негативности и позитивности в лексиконах; межкультурного сравнения способов выражения положительных и отрицательных эмоций [Noth 1992].

Как видно из приведенного анализа, В.И. Шаховский строит свою теорию на вычленении из языка тех эмоциональных фрагментов языковой действительности, которые отвечают требованию их общей видовой распространенности. Данный методический прием дает возможность ученому сделать вывод, что видовой эмоциональный опыт зафиксирован в универсальных эмоциях и имеет знаковое выражение в виде эмотивов, отражающих на лексическом уровне эмотивные смыслы. Также В.И. Шаховский установил когнитивный характер категории эмотивности: «Эмотив – это комплексно обусловленная референция к обобщенному конструкту – определенной эмоциональной ситуации, безотносительно к конкретной языковой личности. Эта референция регулируется знанием-рецептом, т.е. видовым когнитивным опытом конкретного этноса и варьируется индивидуально-личностным когнитивным опытом (знанием-ретушью), который в свою очередь участвует в формировании эмоционального дейксиса языковой личности» [Шаховский 2008: 22].

Опираясь на сформулированные принципы, В.И. Шаховский раскрывает внутригрупповые механизмы передачи эмоционального опыта, к которым относит специфические эмоциональные концепты. Так, по мнению ученого, партнеры по общению сначала фиксируют не сам концепт, а его аффективный знак. Далее коммуникант, опираясь на свою эмоциональную компетенцию, свободно достраивает оставшиеся элементы структуры. При этом значение таким образом «лексикализованной» эмоции определяется соотношением в концепте, с одной стороны, базового (видового) опыта единого для общности и, с другой стороны, индивидуального опыта каждого члена. В этом случае значение приобретает форму особого менталь-

ного конструкта, который «является кодированным хранителем всех лингвистических и экстралингвистических знаний *Homo Sentiens* о ней (эмоции), входящих в его эмотивную/эмоциональную компетенцию» [Там же: 26].

Применительно к нашему исследованию данный подход представляет особую ценность в деле выявления языковых механизмов, обеспечивающих передачу знаний об эмоциях внутри отдельно взятой языковой группы [Мыскин 2013]. Эмоционально реагируя в процессе общения на эмотивный концепт, связанный с определенной сферой жизни, коммуникант фиксирует для себя ее значимость, т.е. осмысляет. Накопление в процессе общения таких эмоциональных маркеров может служить основой для целостного раскрытия субъектом личностного смысла в данной жизненной ситуации.

Однако для нас особый исследовательский интерес представляют структурные изменения значения жизненной ситуации под воздействием аффекта.

Наиболее полно, по-нашему мнению, проблема эмоциональной обусловленности изменения структуры значений раскрыта в отечественной психосемантике [Петренко 2005]. Отметим, что в психосемантике (как и в психолингвистике) под психологической структурой значения понимается его ассоциативная структура [Брудный 2005; А.А. Леонтьев 2001 и др.]. В связи с этим В.Ф. Петренко указывает на динамический характер взаимосвязи эмоций с ассоциативной структурой значений. Автор пишет по этому поводу: «Значения существуют только в системе отношений и раскрываются через его систему. Поэтому изменение под влиянием аффективной окраски характера ассоциативных связей перестраивает и весь тезаурус (структуру) индивидуального сознания» [Петренко 2005: 55]. Представляется необходимым выявить, опираясь на данное положение, закономерности изменения ассоциативной структуры в языковом сознании человека, находящегося в трудной жизненной ситуации.

Следует обратиться к понятию «трудная жизненная ситуация», трактовка которой достаточно разнообразна. Вместе с тем анализ научной проработанности проблемы трудной жизненной ситуации в психологии, социологии, социальной психологии и других смежных науках позволяет сформулировать исходный исследовательский тезис: человек, реагируя на ситуацию, одновременно определяет себя в этой ситуации, тем самым сам создает тот субъективный и социальный миры, в которых живет. Следовательно, в построении концепции и методологии психолингвистического исследования факторов, обуславливающих возникновение трудной жизненной ситуации у женщин, мы будем опираться на следующие теоретические выводы. Во-первых, трудная жизненная ситуация возникает в ответ на восприятие и интерпретацию человеком стрессогенных, экстремальных воздействий окружающей действительности (социальных, психологических, экономических, физических и др.). Во-вторых, стрессогенные, экстремальные воздействия окружающей действительности в различной степени влияют на людей. В-третьих, интерпретация человеком жизненной ситуации как трудной обусловлена особенностями поведенческих (в том числе речевых), когнитивных и эмоциональных процессов и состояний, выходящими за рамки нормы. В-четвертых, вектор исследования факторов, обуславливающих возникновение трудной жизненной ситуации, направлен в

сторону сопоставительного анализа интерпретативных процессов социальной нормы, с одной стороны, и индивидуального сознания, с другой стороны.

Для дальнейшего экспериментального исследования были отобраны две группы респондентов: а) группа «норма» – люди, которые воспринимают собственную жизненную ситуацию как нормальную, позитивную, развивающую; б) группа «трудная жизненная ситуация» (ТЖС) – люди, воспринимающие свою жизненную ситуацию как трудную, негативную, угнетающую. В группу ТЖС вошли женщины, пострадавшие от семейного насилия. Следует отметить, что реабилитационная работа с жертвами семейного насилия, по мнению специалистов-практиков [Алексеева и др. 2006], представляется наиболее сложной и продолженной во времени. И этому есть объяснение. Традиционные культурные ценности, бытующие в сознании российских супружеских пар [Здравомыслова 2003], препятствуют адекватной оценке семейно-бытового насилия в категориях гуманистического знания. Факты жестокого обращения в семье умалчиваются как насильниками, так и их жертвами. Зачастую мотивами такого поведения являются ментальные стереотипы («Кому я нужна с ребенком на руках?», «Бьет – значит любит» и др.), финансовая («На что я жить буду?» и др.), материально-бытовая («Где я буду жить?» и др.) или психологическая (например, страх расправы) зависимость. Следует отметить, что способы реагирования на агрессивное поведение супруга внутри семьи складываются индивидуально и в большинстве случаев стихийно. В этих условиях сознание жертвы подвергается длительному аффективному воздействию, которое приводит к его деформации, выраженной в изменении структуры значений.

Исследование языкового сознания женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации, подтвердили данные утверждения [Социо- и психолингвистическое исследование... 2014]. Было выявлено существенное сокращение категоризирующих составляющих (до одной!) у экспериментальной группы по сравнению с группой нормы (до шести). Важно отметить, что наибольшей силой, деформирующей языковое и неязыковое сознание, обладает насилие в любых формах ее проявления.

Интерпретация выявленного факта сокращения категоризирующих составляющих может быть следующей. Так называемое «сужение» языкового сознания происходит вследствие исключения из межличностной коммуникации диалогичных форм общения. Экспериментальное исследование конфликтной коммуникации, проведенное Л.Р. Комаловой [2010] показывает, что адресант воспринимает речь отправителя локально, не учитывая контекст и ситуацию в целом: «Анализ устных речевых реализаций, индицирующих взаимодействие коммуникантов в условиях предконфликта, показал, что субъекты не ориентированы на диалогическую коммуникацию, в центре которой находится проблема, а реагируют стереотипно: либо предоставляют точную информацию (реагируют на содержание сообщения), либо обращают коммуникацию на себя через чувство вины, либо пытаются сохранить собственное «лицо» в глазах других коммуникантов (поддерживают свой имидж). Отвечающие «откликаются» на второстепенную интенцию, реагируют локально, не учитывая контекст и ситуацию в целом» [Там же: 102]. Автор указывает, что в ситуации конфликта воспринимающий не способен к адекватной интерпретации имплицитной информации сообщения. Отсутствие диалога характерно для конфликтной коммуникации, конфликтность которой возрастает по мере включения

в акт общения провокативных, оценочных, неуважительных, агрессивных, фамильярных и др. вопросов и суждений [Там же]. Это приводит к эскалации конфликта, агрессии и, как следствие, сужению языкового сознания.

В случае длительного воздействия аффекта (ТЖС) анализ общения может быть следующим. Конфликтный текст имеет как план выражения, так и план содержания. Первый представлен различными языковыми единицами, а второй, в том числе, контекстом. Причем контекстом становится личность коммуниканта, которая в ситуации конфликта оценивается как «угроза» и т.п. Прагматика «угрозы» затрагивает жизненно-важные потребности – витальные потребности, потребность в безопасности, что существенно повышает порог чувствительности в фиксации и отборе языковых единиц при восприятии речи коммуниканта, которые могут быть проинтерпретированы как агрессивные, или враждебные. Оценка воспринимаемых речезыковых единиц и средств осуществляется целенаправленно, исходя из их жизненно-важной значимости, что приводит к эмоциональной окраске плана выражения и плана содержания текста. Принцип жизненно-важной интерпретации воспринимаемой речи в конфликтной ситуации становится доминирующим для всего процесса общения. Это обуславливает деформацию семантики текста (ее сужение): значение употребляемых слов и терминов ограничивается семантическими рамками, свойственным лишь участникам конфликтного взаимодействия.

Ассоциативный эксперимент выявил, что «сужение» языкового сознания сопровождается перестройкой ассоциативной структуры категорий и понятий. Так, например, фиксировались асимметричные семантические сдвиги понятий интимно-личностной сферы (Таблица № 1).

*Таблица № 1*

Асимметричная деформация семантических полей понятий интимно-личностной сферы

Стимул	Реакция (частотный ранг)	
	Группа «Норма»	Группа ТЖС
Друг	Товарищ (2)	Любовник (1)
Любовница	Секс (1)	Друг (1)
Добрая	Сказка (2)/Собака (31)	Собака (2)/Сказка (27)
Нежная	Кожа (1)/Роза (6)	Роза (1)/Кожа (14)
Целеустремленная	Карьеристка (2)/Девушка (23)	Девушка (2)/Карьеристка (15)
Эlegantная	Одежда (1)/Дама (9)	Дама (1)/Одежда (21)
Вредная	Привычка (1)/Старуха (35)	Старуха (1)/Привычка (19)
Женщина-вамп	Яркая (3)/Фильм (45)	Фильм (1)/Яркая (35)
Старуха	Старая (1)/Пенсия (35)	Пенсия (2)/Старая (6)
Обольстительная	Девушка (1)/Женщина (4)	Женщина (1)/Девушка (8)



Порядочная	Женщина (1)/Семья (9)	Семья (1)/Женщина (19)
------------	-----------------------	------------------------

Как видно из Таблицы № 1, базовые понятия интимно-личностной сферы «друг» и «любовница» обретают смыслы, выходящие за рамки их традиционного понимания, причем происходит данное семантическое смещение асимметрично. Семантическая структура терминов «добрая», «нежная», «целеустремленная», «элегантная», «вредная», «женщина-вамп», «старуха», «обольстительная» и «порядочная» также демонстрирует асимметричное смещение.

Сравнительный анализ показателей значимости семейных ценностей контрольной и экспериментальной группы показывает существенное изменение их иерархии в сознании испытуемых (Таблица № 2).

Таблица № 2

Сравнительный анализ показателей частотности терминов семейных ценностей в контрольной и экспериментальной группах

	Стимул: «жена»	Частотный ранг ассоциата	
	Группа «норма»	Группа ТЖС	
ассоциат	«верная»	23	6
	«хозяйственная»	14	3
	«любимая»	13	4
	«преданная»	12	3
	Стимул: «женщина»	Частотный ранг ассоциата	
	Группа «норма»	Группа ТЖС	
ассоциат	«мужчина»	17	1
	«мать»	12	5
	«красивая»	6	1
	Стимул: «родительница»	Частотный ранг ассоциата	
	Группа «норма»	Группа ТЖС	
ассоциат	«мать»	20	2
	«мама»	5	3



Стимул: «кормилица» Группа «норма»		Частотный ранг ассоциата	
		Группа ТЖС	
ассоциат	«молоко»	8	1
	«мать»	7	3
	«няня»	5	2
	«грудь»	3	1
Стимул: «заботливая» Группа «норма»		Частотный ранг ассоциата	
		Группа ТЖС	
ассоциат	«мама»	21	7
	«мать»	10	6
	«жена»	4	1
	«бабушка»	3	1

Из Таблицы № 2 видно, что показатели частотности терминов семейных ценностей в группе ТЖС значимо отличаются от таковых в группе «норма». В таблице приведены частотные показатели ассоциативных реакций испытуемых на стимулы «жена», «женщина», «родительница», «кормилица» и «заботливая». В группе «норма» обозначенные ассоциаты занимают верхние частотные позиции, а в группе ТЖС – низшие. В связи с этим можно утверждать, что женщины, находящиеся в трудной жизненной ситуации, ощутимо мало руководствуются традиционными семейными ценностями при оценке супружеских отношений.

Подобная деформация восприятия мира наблюдается и в других личностных сферах: эмоциональной, мотивационно-потребностной, социально-ролевой и др.

Проведенное экспериментальное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

В условиях стрессогенного, экстремального воздействия (в том числе, продолженного во времени) возникающие эмоциональные состояния человека обуславливают «сужение» или «уплощение» его сознания.

На речевыковом уровне «сужение» сознания проявляется в асимметричной перестройке ассоциативной структуры категорий и понятий, существенном снижении частотности употребления в речи социально-нормированных терминов, а также к частичной утрате сознанием категоризирующей функции.

«Сужение» сознания способствует деформированному восприятию и интерпретации человеком окружающей действительности.

Итоговые выводы экспериментального исследования задают общее направление дальнейшей исследовательской работы с указанным контингентом, а именно: выявление закономерностей восстановления категоризирующей функции сознания человека, находящегося в трудной жизненной ситуации, а также вскрытие механизмов приведения структуры значений в соответствие с общепринятой нормой. В качестве предположения можно утверждать, что включение человека в различные

виды деятельности и общения (психологическую, социальную, правовую, экономическую, творческую и т.д.) восстановит функцию категоризации окружающей действительности в социально приемлемых рамках. Это следует из общепсихологического принципа формирования сознания в деятельности [А.Н. Леонтьев 1977]. В свою очередь, способность адекватно воспринимать и оценивать мир обеспечит самостоятельный выбор и реализацию субъектом эффективных форм поведения и общения в значимых жизненных ситуациях.

### Литература

- Алексеева И.А., Новосельский И.Г.* Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь. М.: Генезис, 2006. 256 с.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
- Бреслав Г.* Психология эмоций. 2-е изд., стер. М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2006. 544 с.
- Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005. 336 с.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание/ Пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
- Гумбольдт В. ф.* Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. яз. под ред. и предисловием Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 396 с.
- Здравомыслова О.М.* Поведение людей в семье // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. Ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. М.: ДИК, 2003. С. 207–220.
- Комалова Л.Р.* Диагностика уровня конфликтности предконфликтной коммуникации (по просодическим параметрам). М.: Вестник МГЛУ, 2010. №13 (592). С. 100–114.
- Леонтьев А.А.* Деятельный ум. (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
- Мыскин С.В.* Психолингвистические аспекты профессионального общения // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Волгоград: ВолГУ, 2013. № 2(18). С. 199–206.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005. 480 с.: ил.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. Переводы с англ. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
- Социо- и психолингвистическое исследование женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации / Отв. ред. Мыскин С.В. М.: ГБУ «Кризисный центр помощи женщинам и детям», 2014. 320 с.
- Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
- Danes F.* (1987). Conition and Emotion in Discourse Interaction: A Pre-liminary-Survey of the Field // Preprints of the Plenary Session papers / XIVth International Congress of Linguists. Berlin? 10–15 August 1987. Berlin. pp. 272–291.

*Noth W.* (1992). Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words // Anglistentags "1991, Dusseldorf". Proceedings / edit. By Wilhelm G. Busse, Max Niemeier Verlag. Tubingen. pp. 72–89.

*Pavio A., Yuill J.C., Madigan S.* (1968). Concreteness Imagery and Meaning Fullness Values for 925 Nouns // Journal of Experimental Psychology Monograph Supplement. V 76.

## THE IMPACT OF DIFFICULT LIFE SITUATIONS ON LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN WOMEN

**Natalia B. Zavjalova**

Director of GBU «Crisis center  
assistance to women and children»

Moscow, street Dubki, 9a

*nbz17@rambler.ru*

The article reveals the relevance of the study of patterns of communication in emotionally stressful conditions. Psycholinguistic aspect of the problem is demonstrated by the results of the analysis of emotional determination of language consciousness of a person in a difficult situation. Methodological basis of the research includes linguistic theory of emotions of V. I. Shakhovskiy, the doctrine of psychosemantics of V. F. Petrenko and the theory of linguistic consciousness of E. F. Tarasov.

The main experimental hypothesis of the author is the assumption that the perception of speech by a person who is in an emotionally stressful condition, is purposefully based on its vital importance. These circumstances lead to the emotional coloring of the plan of expression and plan of content of the text, and subsequent deformation of the semantics of the text. The results of experimental research presented in the paper reveal the patterns of change in associative structure of the terms in the linguistic consciousness of a person under the fit of passion.

Identification of changes in the language of the consciousness was carried out based on the data obtained in the comparative analysis of the results given by the two groups of respondents: the «Norm» group of respondents and the «Difficult life situation» group of respondents. The author gives data of associative experiment demonstrating the restructuring of the associative structure of categories and concepts (for example, the terms of intimate and personal sphere). The factors of deformation of the language consciousness function of categorization are analyzed.

**Keywords:** language consciousness, affect, difficult life situation, the associative structure of the term, categorization, associative experiment, the emotive lexicon.

### References

*Alekseeva I.A., Novosel'skij I.G.* Zhestokoe obrashhenie s rebenkom. Prichiny. Posledstvija. Pomoshh' [Cruelty to a child. Reasons. Consequences. Help]. M.: Genезis, 2006. 256 p.

*Balli Sh.* Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka [General linguistics and questions of the French language]. M.: Izd-vo inostrannoј literatury, 1955. 416 p.

*Breslav G.* Psihologija jemocij [Psychology of emotions]. 2-e izd., ster. M.: Smysl: Izd. centr «Akademija», 2006. 544 p.

*Brudnyj A.A.* Psihologičeskaja germenevtika [Psychological hermeneutic]. M.: Labirint, 2005. 336 p.

*Vezhbickaja A.* Jazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Knowledge] / Per. s angl. M.: Russkie slovari, 1996. 416 p.

*Gumbol't V.f.* Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Selected works on linguistics] / Per. s nem. jaz. pod red. i predislovijem G. V. Ramishvili. M.: Progress, 1984. 396 p.

*Zdravomyslova O.M.* Povedenie ljudej v sem'e [The behavior of people in the family] // Bazovye cennosti rossijan: Social'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvolj. Mify [Basic values of Russians: Social attitudes. The life of the strategy. Characters. Myths] / Otv. Red. Rjabov A.V., Kurbangaleeva E.Sh. M.: DIK, 2003, pp. 207–220.

*Komalova L.R.* Diagnostika urovnja konfliktnosti predkonfliktnoj kommunikacii (po prosodicheskim parametram) [Diagnostics of the level of conflict pre-conflict communication (prosodic parameters)]. M.: Vestnik MGLU, 2010. №13 (592), pp. 100–114.

*Leont'ev A.A.* Dejatel'nyj um. (Dejatel'nost'. Znak. Lichnost') [Active mind. (Activity. Sign. Personality)]. M.: Smysl, 2001. 392 p.

*Leont'ev A.N.* Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. M.: Politizdat, 1977. 304 p.

*Myskin S.V.* Psiholingvističeskie aspekty professional'nogo obshhenija [Psycholinguistic aspects of professional communication] // Vestnik volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. Volgograd: VolGU, 2013. № 2(18), pp. 199–206.

*Petrenko V.F.* Osnovy psihosemantiki [Basics psychosemantics]. 2-e izd., dop. SPb.: Piter, 2005. 480 p.

*Sepir Je.* Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii [Selected works on linguistics and cultural studies]. Perevody s angl. M.: Progress, 1993. 656 p.

Socio- i psiholingvističeskoe issledovanie zhenshhin, nahodjashhihsja v trudnoj zhiznennoj situacii [Socio- and psycholinguistic study of women in difficult situations] / Otv. red. Myskin S.V. M.: GBU «Krizisnyj centr pomoshhi zhenshhinam i detjam», 2014. 320 p.

*Shahovskij V.I.* Lingvističeskaja teorija jemocij [Linguistic theory of emotions]: Monografija. M.: Gnozis, 2008. 416 p.

*Danes F.* (1987). Conition and Emotion in Discourse Interaction: A Pre-liminary-Survey of the Field // Preprints of the Plenary Session papers / XIVth International Congress of Linguists. Berlin? 10–15 August 1987. Berlin. pp. 272–291.

*Noth W.* (1992). Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words // Anglistentags "1991, Dusseldorf". Proceedings / edit. By Wilhelm G. Busse, Max Niemeier Verlag. Tubungen. pp. 72–89.

*Pavio A., Yuill J.C., Madigan S.* (1968). Concreteness Imagery and Meaning Fullness Values for 925 Nouns // Journal of Experimental Psychology Monograph Supplement. V 76.

УДК 81'23

## КОГНИТИВНЫЕ ЛАКУНЫ В ЦЕННОСТНОМ И ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

**Козлова Елена Анатольевна**

доцент кафедры истории и философии Вятской ГСХА

Киров, Октябрьский проспект, 133

*ASK2712@mail.ru*

Целью данной статьи является анализ когниций, позволяющий выявить ценностные представления индивидов и спрогнозировать возможные лакуны российского национального сознания путем анализа содержания концептуального пространства молодого поколения россиян. Когнитивный анализ проводится в тесной связи с лингвокультурным и прагмалингвистическим подходами. Обсуждаются положения, показывающие высокую теоретическую и практическую ценность концепции языковой личности для прагмалингвистики, так как с опорой на базовые концепты языкового сознания возможно воздействие в любом виде дискурса. Высокоразвитая лингвокультурная система концептов дает возможность реализации прагмаэстетической стратегии, направленной на формирование необходимых представлений путем использования языка с целью информационного, аргументативного или рекламного воздействия. Рассматриваются точки зрения на структуру концепта и способы его исследования. Теоретический материал статьи углубляется материалом проведенного автором эксперимента, в результате которого были обнаружены лакуны лексического значения книжных, нейтральных, разговорных и просторечных слов. Высказывается мнение о том, что при частотности культурных языковых лагун на первое место в коммуникации выйдут манипулятивные агрессивные технологии. Попытки испытуемых заполнить лакуны путем предположения или угадывания лексического значения предложенных слов являются, по мнению автора, ценным материалом для нейминга.

**Ключевые слова:** значение слова, субъективное и объективное содержание знакового образа, когнитивная лакуна.

### **Введение**

Термины «языковое сознание» и «языковая личность», несмотря на огромное количество посвященных им трудов, в настоящее время – время «зенита славы» антропоцентрической парадигмы – не могут оставлять современных исследователей равнодушными. В работах ученых рассматриваются разные подходы к изучению языкового сознания: психолингвистический (роль языка в формировании психологического, в т.ч. ментального, мира человека); когнитивный (языковое сознание как часть общей познавательной (когнитивной) деятельности человека); культурологический (языковое сознание – феномен культуры, язык – особая форма культуры); этнокультурный (формирование национального мышления под влиянием национального языка); гендерно-функциональный (изучение лингвогендерного уровня языкового сознания) [Дзюба 2015]. Такое многообразие направлений гово-

рит в первую очередь об отношениях корреляции между ними и о перспективах исследований в этой области. Языковое сознание есть продукт когнитивный, психологический, культурный, национальный, гендерный.

В центре исследований работ по языковому сознанию любого из перечисленных направлений остается вопрос о том, что стоит за словом, за его буквенно-звуковым «телом», т.е. есть знаки рассматриваются в данном случае как «средства активизации в нашем сознании когнитивных структур» [Кубрякова 2012: 163], а когнитивные структуры, в свою очередь, продуцируют новые слова, новые смыслы и, в конечном итоге, модели поведения. Поскольку единицей ментально-языковой сферы является концепт, то, исследуя его структуру, можно сделать выводы о структуре языкового сознания. В связи с этим исследуются все стороны концепта – образная, понятийная и ценностная [Карасик 2002]. Информационно-понятийное ядро концепта изучается с помощью традиционных лингвистических методов: компонентного анализа, анализа контекстов, анализа словарных дефиниций, работы с фразеологическим материалом и т.д. Изучению образного и ценностного компонента посвящаются когнитивные и психолингвистические исследования: вербально-ассоциативный эксперимент, создание психолингвистических баз данных путем исследования образно-перцептивного компонента концепта и перевода этой информации в числовую форму [Резанова, Миклашевский 2016] и др.

Целью данной статьи является выявление когнитивных лакун языкового сознания современной молодежи. Это исследование представляется возможным с помощью анализа дефиниций, но не лексикографических, а тех, которые выстраиваются рядовыми носителями языка при попытке объяснить слово логическим или синонимическим способом без обращения к каким-либо справочным материалам. Таким образом мы сможем узнать о работе правого и левого полушарий одновременно, так как экспликация лексического значения потребует обнаружения информационно-понятийной составляющей концепта, а отсутствие строгих рамок и редактора в какой-то степени спровоцирует испытуемых к обнаружению образного и ценностного компонентов.

#### **Объективное и субъективное содержание лексического значения**

В работе Н.В. Уфимцевой [2016] представлено понимание психолингвистической школой понятия лексического значения как «субъективного содержания знакового образа» (точка зрения Леонтьева). Там же уточняется, что значение слова у разных индивидов всегда совпадает по отнесенности к конкретному понятию, но отличается по идеальному и субъективному содержанию. Однако лексическое значение не может быть только субъективным явлением, иначе не было бы смысла в фиксации общепринятых дефиниций в толковых словарях. «Индивидуальное сознание существует как весьма сложное образование, в строении которого дано единство субъективного и объективного» [Уфимцева 2011: 112]. В данной работе под лексическим значением будет пониматься *объективное и субъективное содержание знакового образа*. Объективное содержание, по нашему мнению, – это общепринятая дефиниция (представленная в словарях), а субъективное содержание – лингвоментальное «пространство жизни» языкового знака (суждения и ассоциации, возникающие у конкретного продуцента речи). Продолжая выстраивать антропоцентрическую метафору буквенно-звукового «тела» языкового знака, осме-



лимся предположить, что «душа» языкового знака – это когнитивные структуры личностного представления о понятии, образная и понятийная стороны концепта, а «дух» – когнитивные структуры, связанные с языковым знаком как феноменом национальной и социальной культуры.

### Экспериментальное исследование когнитивных лакун

Исследования когнитивной составляющей языкового сознания современной молодежи [Козлова 2015] и проблем речевого воздействия [Козлова 2016] позволили нам выдвинуть гипотезу о том, что изменения когнитивных структур по файловому типу (стремление быстро, не вдумываясь, логически упорядочить информацию, предназначенную, в первую очередь, для правого полушария, «положив» ее в определенный «файл с названием») обусловлены определенной когнитивной лакунарностью. Под когнитивной лакунарностью нами понимается отсутствие концепта в языковом сознании личности при наличии в языке слова. Причинами такой лакунарности является, по нашему мнению, отсутствие привычки к чтению и осмыслению прочитанного. В результате этого кардинально меняется ценностная составляющая языкового сознания в целом и концепта в частности.

Психическое развитие индивида (по Выготскому) – это развитие социальное, обусловленное средой [Выготский 1960]. Изменения, которые произошли за последние годы в сознании молодежи, коснулись не только ценностных изменений концептов, о которых говорится в работе [Уфимцева 2016], но и понятийных, и образных.

Для выяснения когнитивных лакун современной молодежи было обследовано 144 человека, обучающихся на первых курсах одного из вузов города Кирова, в возрасте 18–19 лет. Участникам эксперимента на семинарском занятии выдавали карточки с 20 разными словами (10 вариантов) и предлагали выполнить контрольную работу по стилистике. Нужно было определить стилистическую окраску каждого слова и написать его лексическое значение. В основу отбора слов, предложенных для рассмотрения, был взят принцип стилистического разнообразия. Слова выбирались из толкового словаря С.И. Ожегова с целью последующей мотивации обращения испытуемых к этому источнику как способу повышения языковой компетенции. Количество слов (20) было оценено нами как реально возможное для осмысления во временном периоде 30–40 минут. Наличие 10 вариантов карточек гарантировало относительную чистоту эксперимента, так как обязательным условием выполнения работы была абсолютная самостоятельность испытуемых, которым было запрещено пользоваться телефонами и беседовать друг с другом. Гендерный фактор не учитывался.

10 вариантов карточек

Вариант 1. (оценивало 14 респондентов):

*Аварийщик, авторитарный, агнец, баловник, баловень, базар, вздох, влачить, внимать, впритык, избранник, интервьюер, косилка, кудлатый, кудреватый, утопать, фривольность, фурия, чайник, чаевничать.*

Вариант 2. (15 респондентов):

*Армия, агрофирмоваться, айда, блик, валандаться, видать, выжать, враз, вразнобой, вызывающий, избавитель, исконный, коллекционер, отмереть, подросток, препроводительный, стойло, халтура, цоколь, чабан.*



Вариант 3. (16 респондентов):

Аффект, баба, бабник, гибель, гигантомания, гипертрофированный, генезис, гиря, бычьихся, взаправду, воедино, зуботычина, иерархия, каморка, коровник, лотос, лохмы, привереда, скорбь, фабула.

Вариант 4. (10 респондентов):

Барахлить, барыш, бедалага, бусы, вдрызг, втолковать, возгореться, видимо, извернуться, капуста, красильный, крепыш, повелитель, подруга, разоблачить, стекляшка, химера, хитросплетение, хмыкать, чело.

Вариант 5. (17 респондентов):

Баран, безалаберный, безумец, валерьянка, вертихвостка, вздремнуть, визави, воззрение, измызгать, ингредиент, карманник, корректив, подполье, провонять, раскладушка, резиденция, фотокарточка, фотография, хрипота, хрипотца.

Вариант 6. (12 респондентов):

Бестрепетный, бестолковщина, бесстыдник, бесстыжий, вдохновенный, волосинка, втолковать, доктрина, жонглер, жонглерша, железка, нагоняй, нараспашку, отбивная, отрешенность, соучастник, схоласт, упрятать, чваниться, чистюля.

Вариант 7. (16 респондентов):

Бзик, благословенный, больно, бычьихся, валерьянка, вето, вопиющий, добряк, жеманница, навеселе, патефон, патриарх, перипетия, речение, речистый, ссуда, тренькать, усыновитель, хмуриться, шабашить.

Вариант 8. (15 респондентов):

Барабан, белый, бракодел, братва, бросать, весьма, везучий, детина, детка, забулдыга, музыкальный, локальный, модничать, переливчатый, пивнушка, скромник, соска, угораздить, чистовик, швырять.

Вариант 9. (15 респондентов):

Брюхо, бумагомаратель, варьировать, ватага, воротник, заграница, заря, заешево, злодеяние, мешалка, напоследок, отныне, очумелый, платежеспособный, рыбачить, рыбалить, сентенция, танцульки, умора, шиворот.

Вариант 10. (14 респондентов):

Брякнуть, бутуз, бытие, вахлак, высокий, долговязый, доньне, ерзать, злость, мастак, местожительство, негодование, перочинный, рогатый, рогастый, сепаратизм, уголовник, уголовный, улыбка, ухмылка.

Анализ результатов эксперимента показал наличие лакун понятийного компонента концепта следующих книжных слов (отсутствие скобок после слова означает отсутствие правильного ответа): **агнец** (2 правильных ответа), **авторитарный**, **фривольность**, **цоколь** (1 правильный ответ), **гипертрофированный** (2 правильных ответа), **генезис** (1 правильный ответ), **фабула** (1 правильный ответ), **хитросплетение**, **визави** (2 правильных ответа), **схоласт**, **перипетия**, **варьировать** (3 правильных ответа). Неожиданным было то, что в число абсолютно незнакомых попали нейтральные, разговорные и просторечные слова: **чабан**, **мастак**, **бутуз**, **бзик**, **барыш** (1 правильный ответ), **хрипотца** (2 правильных ответа), **кудлатый**, **валандаться**, **зуботычина**.

Следует отметить, что испытуемые очень старались вспомнить или угадать значение слова, так как высок был мотив получения оценки за работу, поэтому, обнаружив у себя понятийную лакуну, записывали все ассоциации, связанные со

словом, открывая тем самым образную составляющую концепта (ниже представлены *все* полученные ответы):

ВИЗАВИ: деловой человек, до свидания, повторение событий, вдвоем, оппонент, возлюбленный/ая, друг против друга, похожий на меня;

СХОЛАСТ: холст, холостой мужчина;

ЦОКОЛЬ: птица, часть здания;

ГЕНЕЗИС: процесс скрещивания генов, место зарождения, возникновение, происхождение, наука о генетике;

ПЕРИПЕТИЯ: разногласие, запутанный, булка, разногласия, споры;

ЧАБАН: дом, хозяйство, голова, животное, посуда, дурак, сосуд с едой для кошек, плохой;

ЧВАНИТЬСЯ: мараться, чистюля, подлизываться, долго собираться, драться;

КУДЛАТЫЙ: сильный, удалой, описание состояния человека;

ЗАБУЛДЫГА: потерявшийся человек, плохой человек, когда человек все забывает, лентяй, неряха, пофигист, потерявшийся, алкоголик, бродяга;

НАВЕСЕЛЕ: радоваться чему-либо, бодрое ощущение, веселиться, веселое настроение, веселый, радостный, в приятном настроении, человек, которому весело, хорошее настроение, с веселым настроением, в хорошем настроении, немного выпивший, быть веселым, состояние радости, человек веселый, быть в состоянии алкогольного опьянения;

ВАТАГА: инструмент, шапка, чашка, сплоченная группа, емкость, орудие, оружие, толпа.

### **Выводы**

Полученные в результате эксперимента данные позволяют нам прийти к следующим выводам:

Поскольку культура – это «система смысловых единиц, конституирующая образ мира и выступающая в деятельности как ориентировочная основа» [Леонтьев 1996: 43], то совершенно необходимо исследовать не только материал ассоциативных полей популярных, всеми узнаваемых слов, но и отсутствие ассоциаций к словам как знамения возможных культурных трансформаций, обусловленных тем, что из языкового сознания современных людей вытесняются художественные объемные тексты [Чиркин 2014].

Увеличение культурных языковых лакун может привести к тому, что на первое место в коммуникации выйдут манипулятивные агрессивные технологии. Именно через средства массовой коммуникации осуществляется большая часть речевого воздействия с применением технологий, представляющих опасность для психики (нейролингвистическое программирование, внушение, технологии социальной индукции и др. [Дзялошинский 2012]; логическое дезориентирование [Козлова 2016]; внедрение новых стереотипов [Петрова 2016]).

Поскольку с опорой на базовые концепты возможно воздействие в любом виде дискурса, велика значимость когнитивно-дискурсивного подхода для прагмалингвистики. Так, с целью выяснения эффективности эргонима Pandora мы опросили 300 человек в возрасте 18–19 лет, задавая всем одни те же вопросы: «Кто такая Пандора?», «Что такое ящик Пандоры?». Было получены следующие «приблизительные» ответы: «что-то из мифологии», «красивая женщина», «какая-то жуть».

Остальные респонденты затруднялись в ответе или говорили, что есть такой бренд. Однако по причине отсутствия лингвокультурного концепта в языковом сознании молодежи к слову Пандора невозможно осуществление всех функций одноименного эргонима: идентифицирующей, информативной и рекламной. У адресатов формируется концепт только на основе фонетических ассоциаций. Может быть, это и способствует популярности бренда, так как не у всех молодых людей присутствует склонность к инфернальности. По нашему мнению, проведенные эксперименты могут быть полезными для специалистов, работающих в сфере нейминга (профессиональная деятельность по подбору слова для торговой марки/бренда).

### Литература

- Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. 130 с.
- Дзюба Е.В.* Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 286 с.
- Дзялошинский И.М.* Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Козлова Е.А.* Файловое устройство концептуального пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4. С. 134–137.
- Козлова Е.А., Костерина Д. С.* Логическое дезориентирование как способ речевого воздействия в СМИ // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 1. С. 87–97.
- Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
- Леонтьев А.А.* Язык не должен быть «чужим» // Этнопсихологические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 41–47.
- Петрова Е.В.* К проблеме влияния рекламы на формирование семейных ценностей у молодежи // Культура. Духовность. Общество. 2016. № 24. С. 103–110.
- Резанова З.И., Миклашевский А.А.* Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. №5 (43). С.71–92.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
- Уфимцева Н.В.* Жизнь как ценность: эволюция содержания // Вопросы психолингвистики. 2016 № 2 (28). С. 16–22.
- Чиркин С.А.* Восприятие внеучебной деятельности студентами современного аграрного вуза (по материалам Вятской ГСХА) // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 12–3 (44). С. 204–207.

## COGNITIVE GAPS FROM THE VALUE AND PRAGMALINGUISTIC PERSPECTIVES

**Elena A. Kozlova**

Candidate of philological sciences,  
Associated professor of History and philosophy chair  
Vyatka state agricultural academy, Kirov, Russia  
*ASK2712@mail.ru*

The purpose of this article is the analysis of cognitions, which allows to identify the value orientations of individuals and to predict possible gaps in the Russian national consciousness through analysis of the content of the conceptual space of the young generation of the Russians. Cognitive analysis is closely related to the linguistic-cultural and pragmalinguistic approaches. The postulates, showing a high theoretical and practical value of the concept of linguistic personality for pragmalinguistics, are discussed since the relying on the basic concepts of linguistic consciousness makes possible the impact in any kind of discourse. Highly developed linguistic and cultural system of concepts enables the implementation of pragma-aesthetic strategy, aimed at the formation of the necessary representations through the use of language for informational, argumentative or advertising exposure.

Points of view on the structure of the concept and methods of its research are investigated. Theoretical material of the article deepens by the material of the experiment, provided by the author, which discovered gaps in the lexical meaning of bookish, neutral, colloquial and vernacular words. It has been suggested, that the manipulative aggressive technology will be in the first place in communications in case of high frequency of cultural language gaps. The attempts of the subjects to fill in the gaps by assuming, or guessing the lexical meaning of the suggested words are, in the author's opinion, valuable material for naming.

**Keywords:** meaning of the word, subjective and objective content of an iconic image, cognitive lacuna.

### References

*Vygotskij L.S.* Razvitie vysshih psichicheskikh funkcij [The development of higher mental functions]. M.: Izd-vo APN RSFSR, 1960. 130 p.

*Dzjuba E.V.* Lingvokognitivnaja kategorizacija v russkom jazykovom soznanii [Linguistic and cognitive categorization in the Russian language consciousness]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2015. 286 p.

*Dzjaloshinskij I.M.* Kommunikativnoe vozdejstvie: misheni, strategii, tehnologii [Communicative effect: targets, strategies, technologies]. M.: NIU VShJe, 2012. 572 p.

*Karasik V.I.* Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse. Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.

*Kozlova E.A.* Fajlovoe ustrojstvo konceptual'nogo prostranstva [File organization of the conceptual space] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2015. № 4, pp. 134–137.

*Kozlova E.A., Kosterina D.S.* Logicheskoj dezorientirovanie kak sposob rechevogo vozdejstvija v SMI [Logical disorientation as a way of speech influence in mass media] // *Crede Experto: transport, obshhestvo, obrazovanie, jazyk*. 2016. № 1, pp. 87–97.

*Kubryakova E.S.* V poiskah sushhnosti jazyka: Kognitivnye issledovanija [Searching for the essence of language: Cognitive studies]. M.: Znak, 2012. 208p.

*Leont'ev A.A.* Jazyk ne dolzhen byt' «chuzhim» [The language should not be a «stranger»] // *Jetnopsiholo–gicheskie aspekty prepodavanija inostrannyh jazykov*. 1996, pp. 41–47.

*Petrova E.V.* K probleme vlijanija reklamy na formirovanie semejnyh cennostej u molodjozhi [On the problem of the influence of advertising on the formation of family values among young people] // *Kul'tura. Duhovnost'. Obshhestvo*. 2016. № 24, pp. 103–110.

*Rezanova Z.I., Miklashevskij A.A.* Modelirovanie obrazno-perceptivnogo komponenta jazykovej semantiki pri pomoshhi psiholingvisticheskoj bazy dannyh [Modeling of figuratively-perceptual component of language semantics by using a psycholinguistic database] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*. 2016. №5 (43), pp.71–92.

*Ufimceva N.V.* Jazykoe soznanie: dinamika i variativnost' [Linguistic consciousness: dynamics and variability]. M.: Institut jazykoznanija RAN, 2011. 252 p.

*Ufimceva N.V.* Zhizn' kak cennost': jevoljucija sodержanija [Life as a value: the evolution of content] // *Voprosy psiholingvistiki*. 2016 № 2 (28), pp. 16–22.

*Chirkin S.A.* Vospriyatie vneuchebnoj deyatelnosti studentami sovremennogo agrarnogo vuza (po materialam Vyatskoj GSHA) [The perception of extracurricular activity by students of the modern agricultural institute (on the materials of The Vyatka State Agricultural Academy)]. *Modern scientific researches and innovations*, 2014, No. 12–3 (44), pp. 204–207.

УДК 81  
**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА  
«МОЯ СЕМЬЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О СЕМЬЕ)**

**Монгилёва Наталья Викторовна**

старший преподаватель  
Костанайский государственный университет  
Республика Казахстан, ул. Карбышева, 5-19  
*natmong@rambler.ru*

Целью исследования является анализ речевых устных высказываний о семье русских и русскоязычных казахских респондентов 17–35 лет, сделанных на русском языке для определения общих и этнокультурных признаков смыслового пространства «Моя семья». Дискурс о своей семье не только лично окрашен, но и имеет ярко выраженную ценностную ориентацию, которая вне зависимости от языка высказывания сохраняет этнокультурную направленность. Концепт «Моя семья» является многокомпонентным образованием, ядерными частями которого являются члены семьи, объединенными общим местом проживания и совместной деятельностью (времяпрепровождением). Этнокультурный аспект отражен различиями в эмоциональном фоне высказываний, различной степенью акцентуации признаков места проживания и времени совместного проживания. В осмыслении себя в составе семейной группы для русских респондентов более значимым является сам факт существования семьи и близких, для казахов более важно взаимодействие говорящего и других членов семейной группы.

**Ключевые слова:** индивидуальное знание, этнокультурный аспект, высказывания о семье.

### **Введение**

Исследование речевой деятельности индивидов позволяет выявить особенности смысловых пространств в индивидуальном знании, определить их этнокультурный компонент при сравнении текстов представителей разных этносов.

Индивидуальное знание, реализуемое в речевой деятельности индивида в ситуации «здесь и сейчас», стало центральной идеей живого знания в теории А.А. Залевской, в которой индивидуальное знание противопоставлено коллективному знанию. Коллективное знание есть достояние лингвокультурной общности, закреплено в продуктах деятельности этой общности и принадлежит всему социуму. Индивидуальное знание А.А. Залевская метафорически называет живым знанием и говорит, что оно всегда знание-переживание [Залевская 2010: 12–13], так как является результатом взаимодействия перцептивных, когнитивных и аффективных (эмоционально-оценочных) процессов человека. Оно «формируется по законам психической деятельности, но под контролем выработанных социумом норм и оценок, способов решения познавательных и коммуникативных задач, а также стра-

тегий и опор, предпочитаемых в различных видах деятельности» [Залевская 2011: 37]. В этом утверждении решается антиномия индивидуального и коллективного в знании, знание-переживание получено в результате взаимодействия человека со средой, это результат его личного опыта, оно осознаваемо и актуально для индивида благодаря эмоционально-оценочным процессам, но формируется это знание в социуме и по нормам и моделям, имеющим ценность для социума. Тем самым изучение речевой деятельности индивидов дает возможность моделирования конструкций, характерных для всего коллектива, так как их регулярное развертывание в речи индивидов обеспечивает объективность выводных моделей.

Слово в свете этой теории принадлежит индивидуальному лексикону человека и становится точкой пересечения множества связей. Слово отражает в индивидуальном лексиконе признаки объекта, существенные для данной личности. Приводя слова Н.И. Жинкина о том, что мы слышим слова, а думаем о действительности, А.А. Залевская говорит о том, что в обыденном знании слово существует не вообще, а в ракурсе «для меня – здесь – сейчас». Признак, отражаемый словом, «высвечивает» в индивидуальном образе мира соответствующий комплекс знаний и переживаний [Залевская 2011: 27]. Степень актуальности такого признака определяется взаимодействием названного выше ракурса с принятыми в социуме/культуре нормами, предпочтениями и оценками. Предметом внимания становятся не определяющие предмет признаки, а признаки, характерные для именуемого объекта и важные с позиций совокупного коллективного знания-переживания.

Данное утверждение можно экстраполировать и на устное высказывание, так как в спонтанном говорении выбор слова индивидом происходит по признакам, актуальным для говорящего в данный момент,

Человек как живая познающая мир система, существующая в определенном социальном и естественном окружениях, становится центральной идеей биологической теории значения, которая интересна тем, что любая речевая деятельность индивида рассматривается сквозь призму ценности для данного живого организма. Если в теории живого знания существование слова в ракурсе «здесь и сейчас» делает слово актуальным для говорящего в реальной ситуации, то в биологической теории значения слово – это результат взаимодействия организма с окружающей средой (физической и культурной). Значение есть отношение между организмом и средой, определяемое ценностью, которую отдельные аспекты среды (разделяемые на категории) имеют для этого организма (Й. Златеев; цит. по [Кравченко 2004: 46]).

Значения слов включают в себя компоненты (признаки) окружающей среды, актуальные при взаимодействии с ней и ценностные для организма, что делает значение и субъективным, и объективным одновременно. А.В. Кравченко, комментируя теорию Й. Златеева, акцентирует внимание на том, что первичные формы «хорошего», «плохого» и «нейтрального» основаны на сохранении жизни индивида и ему подобных, это врожденная система ценностей, которая определяет значение физических категорий [Кравченко 2004: 46]. Значение культурных (нефизических) категорий воспринимается через конвенциональную систему ценностей, состоящую из знаков. Она хотя и социальна по природе, но, усваиваясь, тоже становится внутренней для организма и определяет значимостное отношение.



Обе внутренние системы ценностей (врожденная или приобретенная), тесно взаимодействуют с эмоциональной системой: отрицательная ценность испытывается как отрицательная эмоция, когда боль выступает прототипом, а положительная ценность – как положительная эмоция, когда прототипом выступает удовольствие.

Таким образом, согласно биологической теории, значение слова – это фиксированное ценностное отношение, результат знания о ценности для организма фактов физической среды и общественных взаимодействий, которые в течение жизни становятся внутренней системой знаков для индивида. Используя эти знаки, индивид постоянно наполняет их чувством и эмоциями.

В свете данных теорий речевая деятельность индивида рассматривается как часть и ситуации говорения, и его жизненного и языкового опыта, и результат взаимодействия говорящего и его физической и социальной среды. Само событие коммуникации всегда имеет эмоциональное наполнение и является физической чувственной реакцией на окружающую среду, поэтому факты говорения определяются ценностью по отношению к участникам коммуникации. Актуальность сказанного в коммуникативном акте обеспечивается тем, что именно это говорящий посчитал значимым для себя в данный момент.

Если в классической теории значения предметом компонентного анализа были семы (компоненты) значения, то в аспекте биосемиотических теорий анализа целью становится изучение ценностных признаков, определяющих смысл-понятия, и признаков, имеющих эмоциональную ценность для говорящего. Это позволит исследовать организацию ценностного «живого» знания и представить его компоненты как динамичного ментального образования.

### **Методика и цель исследования**

Целью исследования является анализ речевых устных высказываний о семье русских и русскоязычных казахских респондентов на русском языке.

Стимулом для создания экспериментальной ситуации стала просьба «Расскажите о своей семье», намеренно не содержащая других лексем и косвенных вопросов. Если респондент уточнял, что именно рассказать, ему предлагалось говорить то, что он сам посчитает нужным. Высказывание записывалось на диктофон, после чего осуществлялось транскрибирование (расшифровка) аудиозаписи с применением элементов методики фиксации устного дискурса, изложенной в монографии М.П. Макарова [Макаров 2003: 75–77].

Было собрано 50 аудиозаписей высказываний. Из них дети и подростки до 14 лет, молодые люди до 35 лет, взрослые и люди зрелого возраста от 40 до 70 лет. Наибольшее количество записей пришлось на возраст 17–35 лет. Именно в данных высказываниях наблюдались схожие моменты развертывания смысла в противоположность высказываниям о семье взрослых и зрелых респондентов.

Для определения общих и этнокультурных признаков смыслового ядра «моя семья» был определен корпус материала из 15 высказываний русских респондентов от 18–35 лет и 15 высказываний русскоязычных казахов того же возраста. Необходимо указать, что большинство данных респондентов не были замужем/женаты и проживали с родителями. В цитируемых далее транскрипциях, например (*KAZ14. жен 23*), *KAZ* и *RUS* означают этническую принадлежность респондента, далее

цифры – номера транскрипций, *жен/муж* означает пол респондента, далее цифры – возраст респондента.

Просьба рассказать о своей семье представляла собой некоторую мыслительную задачу для респондента, так как концепт «моя семья» включает много компонентов и аспектов, касается частной жизни человека, поэтому имеет яркую личностную окраску. Неудивительно, что во время сбора материала было много отказов от участия в исследовании.

Но решить мыслительную задачу – это значит найти контролируемый выход из ситуации в определенном отношении. Н.И. Жинкин говорит по этому поводу, что мысль в ее содержательном составе всегда пробивается в язык, перестраивает его и побуждает к развитию. Представление, возникшее в предметно-изобразительном коде, может стать предметом бесконечного числа высказываний [Жинкин 1982].

Предметно-изобразительный код в процессе порождения речевого высказывания возникает на этапе внутреннего программирования высказывания, который является третьим в модели А.А. Леонтьева (после мотива к высказыванию и замысла, где возникает только «образ результата») (цит. по [Ковшиков, Глухов 2009]). Это программирование заключается в двух взаимосвязанных процессах оперирования с единицами внутреннего (субъективного) кода. Сюда относятся: а) приписывание этим единицам определенной смысловой нагрузки; б) построение функциональной иерархии этих единиц как формирование синтаксической организации будущего высказывания [Леонтьев 1969:183].

Составление смысловой программы на этапе внутреннего программирования осуществляется на основе особого, весьма специфического кода внутренней речи – универсального предметного кода, что представляет собой вывод, сделанный Н.И. Жинкиным в результате серии экспериментов [Жинкин 1964].

Акцентируя внимание на проблеме языка и мышления в момент реализации языковой системы, Н.И. Жинкин определяет некоторый стык между языком и речью как центральное звено переработки словесных сообщений. Этим звеном является внутренняя речь, которая состоит из кодовых переходов [Жинкин 1964: 35–38]. Предметно-схемный код непроизносим, в нем отсутствуют материальные признаки слов натурального языка, нет последовательности знаков, но есть изображения (поэтому код предметен), которые могут образовывать цепь или группировку. Обозначаемое в этом коде является и знаком одновременно. Вместе с тем изобразительные компоненты этого кода (представления) схематичны. Такое единство, сведенное к схеме, непроизносимо, но оно восстанавливается в словах натурального языка. Согласно Н.И. Жинкину, этот код имеет также в своей основе образ, которому приписывается некоторая смысловая характеристика. Эта смысловая характеристика и есть предикат к данному элементу.

Анализ дискурса высказываний о семье и был направлен на то, как респонденты решили данную задачу, что в структурах фраз в описании семьи стало приоритетным. Необходимо отметить, что некоторые высказывания оказалось возможным сгруппировать по сходству нарратива [Таннен 2015], то есть по теме и содержанию высказывания, и выделить несколько нарративных типов. Нарративный тип высказывания имеет сходство смысловой организации и, по нашему мнению,

является результатом развертывания в речи одной из схем универсального предметного кода Н.И. Жинкина, схемы, которые, по его словам, универсальны для человеческого мышления в целом [Жинкин 1982]. При анализе высказываний одного нарративного типа внимание было направлено на характер распределения смысловой нагрузки внутри фразы, на синтаксическую организацию фразы, приоритеты в выборе грамматической формы и лексических единиц.

Нарративные типы высказываний о семье

Одним из распространенных высказываний на установку «Расскажите о своей семье» стали сообщения, имеющие целью идентифицировать объект «моя семья», где респондент номинировал элементы, относящиеся к данному объекту:

*<Это конечно в первую очередь моя мама, бабушка и мой брат>* (RUS11 жен 19). *<Моя семья состоит из шести человек: мама, папа, бабушка, две сестры и я>* (KAZ14. жен 23).

Этот нарративный тип высказываний является результатом применения кода, который Н.И. Жинкин изображает как Nomen\_\_Object, в нашем случае N\_\_Ob1, Ob2... После вводно-обобщающих конструкций *<моя семья состоит из...>*, *<моя семья – это...>*, *<у меня есть ...>* реципиент в начале высказывания перечислял людей, к которым применимы лексемы с семой «родственник». Интересно, что в корпусе собранного материала представлены только лексемы «мама», «папа» (а не «мать» и «отец»), «брат» и «сестра», редко «бабушка / дедушка», тогда как словарь дает гораздо больше лексем в значении родственников, что свидетельствует о разнице между «родственник» и «член семьи» – то есть в языковом сознании это не одно и то же.

В отличие от детей, которые начинали чаще всего перечисление с себя и представителей старшего поколения и рассказывали больше фактов из своей биографии, респонденты 17–35 лет называли в первую очередь старшее поколение и чаще начинали с мамы (по 7 случаев у респондентов-казахов), а не с папы. Респонденты-казахи в 4-х случаях не перечисляли родственников, говорили о семье в общем. Лексема «родители» (7 раз) употребляется как перифраза и только трижды самостоятельно у русских респондентов. Бабушки и дедушки упоминаются в конце (4 случая) и в качестве добавления *<еще есть>*. Перечисляя членов семьи, реципиенты также с юмористическими интонациями называют домашних животных (3 высказывания).

Данный код Nomen – Object имеет в своей основе образ «места проживания», семьей респонденты, как правило, называли только тех, с кем живут рядом, в том числе и животных. Место проживания не указывается прямо в перечислении членов семьи, но присутствует в уточнениях:

*<Моя семья состоит из пяти человек, но сейчас мы живем втроем, так как две мои старшие сестры, они уже замужем... еще у нас есть бабушка, мама моей мамы. Она живет отдельно, но рядом с нами. >* (KAZ13. жен 23), *<Также у нас есть любимый кот «Торрес»...., который... любимец нашей семьи, и можно сказать тоже еще один член семьи>* (RUS11 жен 19), *<также... у нас есть кот, его зовут Кузя>* (RUS2 жен 22), в высказывании ребенка *<еще к нам приходит бабушка>*.

Следующий нарративный тип высказываний, который мы выделили, можно соотнести с предметным кодом Object – Adjectiv. После некоторого момента хезитации, обусловленной поиском нового предметно-схемного кода, говорящий описывал членов семьи, характеризовал их. При этом сохранялась последовательность упоминания родственников, заданная в первой схеме. Характеристикой каждого члена семьи в подавляющем большинстве явилась профессия, род деятельности <он/она работает...>, реже предпочтения в деятельности <она/он любит...>, даже в отношении бабушек/дедушек <раньше она работала...>.

Интересно отметить употребление временных форм. Высказывание строится в плане настоящего времени, конструкции прошедшего времени употребляются по отношению к бабушке / дедушке <раньше она работала ....>. Конструкции будущего времени появляются редко и только по отношению к детям/братьям/сестрам: <я очень хочу закончить учебу и... помочь своим родителям... помочь своему братишке... чтобы он... отучился поступил... работал... чтобы... у него хорошо все сложилось> (KAZ6. жен 20). Единственное исключение, когда во фразе о бабушке респондент употребил будущее время: <надеюсь, мы ее скоро увидим> (RUS6 жен 32).

Выше перечисленные закономерности развертывания высказывания о семье наблюдались в речи и казахов, и русских. Общим явилось также и стремление дать определение понятию семья.

Это третий тип нарратива «семья – это». Данный тип несколько похож на первый Nomen – Object. Но если в первом «семья» переосмысливалась через объекты, которые респондент относил к данной категории, то в этом типе объект «семья», наоборот, описывался как целое без деления на части. Необходимо отметить, что речь не идет об одном и том же предметном коде. Первый реализовался в конструкциях «моя семья – это», «семья у меня состоит» и т.д. Высказывания типа «семья – это» (никогда «моя семья») содержали скорее описание семьи как явления, имели большую долю обобщения.

В данных фразах четко выражено образное переосмысление данного понятия в пространственной метафоре с использованием лексических единиц с семой «положение в пространстве»:

<семья – это место, где...>, <...это опора...>, <...люди, которые тебя окружают...>, <в нашей семье собрались представители разных профессий> (RUS5 муж 21), <человек выходит из семьи> (KAZ9. жен 23), <каждый из нас уехал учиться... но стали только ближе> (KAZ7. жен 25), <семья – это куда ты приходишь вечером домой>.

Сема «положение в пространстве» присутствует в описании членов семьи:

<мама для меня самый дорогой и близкий человек> (KAZ10. жен 22), <это самые мои близкие родственники> (RUS1 муж 22), <я не пошла по их стопам> (RUS7 жен 20), <у нас очень узкий круг общения> (RUS8 жен 29), <семья – это как крепость, где .. ты окружен заботой, поддержкой твоих самых дорогих людей> (KAZ3. жен 22).

Содержание семы «положение в пространстве» акцентируется лексическими единицами с семой «сохранение существующего положения», «возвращение прежнего положения»:

<это моя **опора и поддержка**> (RUS3 жен 22), <если что-нибудь случится.....помогут тебе .... помогут ..... **стать на ноги**> ( KAZ8. жен 23), <я всегда могу получить **поддержку**> (KAZ1. жен 22), <мама хранительница очага = на ее хрупких плечах **держится** весь дом> (KAZ3. жен 22).

Метонимическое осмысление концепта «моя семья» нередко проходит через понятийную сферу «дом/место проживания». Это выражается в уточняющих оборотах <еще с нами живет...>, <он, правда, сейчас не живет с нами... уехал учиться> и т.д. В высказываниях о семье лексема «дом» выступает в роли абсолютного синонима «семья»: <у нас все в доме любят нашу маленькую девочку> (KAZ12. жен 25), <а мужчины у нас в доме все высокие> (KAZ12. жен 25).

### Этнокультурные различия в высказываниях о семье

Различия в речи казахов и русских можно наблюдать во фразах, в которых респонденты рассуждали о том, что объединяет членов семьи в одно целое. Основной характеристикой членов семьи была деятельность, объединяющим фактором семейной группы стала также и совместная деятельность <отмечаем праздники... принимаем решения... ходим гулять>, предпочтение отдавалось синтаксическим конструкциям «мы + глагол». В описании схем универсального предметного кода Н.И. Жинкина такие высказывания подходят под схему Об. – Fn (объект-функция), означающую восприятие любого объекта с учетом его основных функций, а явления – с учетом его специфических проявлений.

В речи русских респондентов конструкция «мы + глагол» чаще сопровождалась словом «вместе / совместно» (35 у русских респондентов, 8 у казахов): <мы... вместе....делаем>, <также мы любим вместе >.

<Мы на каждый праздник собираемся **все вместе**, у нас такая небольшая традиция: дни рождения, Пасха и все прочее – это обязательно семейный ужин, то есть собираются мама, ее сестры, их мужья, мои братья, сестры, и мы уже **все вместе** как минимум обедаем, порой играем в какие-нибудь настольные игры, то есть **вместе** проводим время, стараемся, по крайней мере, чтобы все в это время присутствовали, стараемся отпроситься с работы и так далее, чтобы провести время именно **вместе**> (RUS12 муж 21).

У казахских респондентов конструкция «мы + глагол» сопровождалась словом «всегда» (22 у казахов и 8 у русских).

<Для меня семья – это место, где / куда я **всегда** буду возвращаться .. с нетерпением, где меня **всегда** ЖДУТ и любят мои родные и близкие> (KAZ3. жен 22), <моя очень дружная семья **всегда** следует казахским традициям, мы **всегда** общаемся друг с другом> (KAZ11. муж 22). <Лично для меня он самый верный друг, который **всегда** поможет, которому я могу доверять... свои самые заветные желания... который **всегда** выслушает, который **всегда** помогает в трудных ситуациях> (KAZ15. жен 20).

В русском сознании в определении семьи актуален признак совместной деятельности, в казахском сознании в определении семьи более актуален признак постоянности, вневременное значение. Для проверки данного предположения были проанализированы другие указатели времени в высказываниях русских и казахов (у русских респондентов 19, у казахов 11).



Оказалось, что временные конструкции в речи казахов часто синонимичны «всегда»: *каждый момент, каждую минуту, нет такой минуты, каждый день, никто никогда, каждый день.*

*<Карьера друзья... может быть какие-то увлечения все это оно уходит бывает так что это не остается с ним навсегда семья это то что было есть и будет поэтому каждому человеку нужно свою семью ценить...> (KAZ8. жен 23).*

В речи русских респондентов временные конструкции означали измеримый отрезок времени: *не всегда, на данный момент, большую часть времени, чаще всего, впервые, очень много времени (все-таки не всегда), обычно, часто, все наше время, провести время, время сразу летит так быстро, очень долго не замечаем, как проходит время.*

Разница в осмыслении времени «кратность/вневременное существование» в понятии «семья» отразилась также в высказываниях о старших братьях / сестрах. В русском языковом сознании семья одного из старших считается отдельной, параллельной линией, сопровождается указателем: *<А также у меня есть сестра, она намного старше меня и у нее есть своя семья: двое детей, муж...> (RUS13 жен 24), <Артем, старший сын, живет отдельно... у него свой дом...> <ну а Ксюша с Антоном... Ксюша со своей семьей и Антон живут... живем все вместе> (RUS жен 53).*

В примерах *<Мама... одна из четырех сестер, то есть у нее их трое, и она самая младшая, поэтому у меня хватает двоюродных братьев и сестер>, <то есть собираются мама, ее сестры, их мужья, мои братья, сестры> (RUS12 муж 21)* респондент употребляет нейтральное «ее сестры, их мужья», вместо названий родственников по боковой линии «тетя, дядя». А в следующем примере респондент не посчитал членом семьи замужнюю сестру, живущую далеко:

*<У меня по нашим меркам довольно большая семья, пять человек: родители, я, старший брат и младшая сестра. Мы все живем вместе, кроме моей сестры, которая замужем и живет в России...> (RUS8 жен 29)*

В транскрипциях казахских респондентов такого отделения семьи говорящего от другой нет, указатель «свой, своя» не употреблялся:

*<у меня в семье пять человек: папа, мама, брат с женой и племянницей, я и братишка> (KAZ12. жен 25), <Моя семья состоит из пяти человек, но сейчас мы живем втроем, так как две мои старшие сестры, они уже замужем> (KAZ13. жен 23), <Например, моя средняя сестра сейчас учится в магистратуре, она сначала в Шотландии училась, теперь поедет в Норвегию. А... мой зять, кстати, тоже в Лондоне сейчас живет, учится>, <Старшая сестра работает в университете, дочка есть... вот, ждем скоро пополнения в семье> (KAZ13. жен 23), <Наша старшая сестра замужем, ммм... у не... ей тридцать два года. У нее трое детей, ммм... которой самой старшей одиннадцать лет. Живет она в другом городе, ммм... >.*

Получается, что новая семья близкого родственника в русском сознании – это отдельное самостоятельное образование, которое имеет отношение не к говорящему, а принадлежит другому, условно «не мое, а его». В казахской картине мира новая семья увеличивает семейную группу говорящего, это не другая семья, а семья моей сестры/моего брата.

Косвенно такой вывод подтверждается еще и тем, что в русских транскрипциях часто были уточнения по поводу бабушек / дедушек, чьими родителями они являются:

*<бабушка с дедушкой... По обе стороны еще живы...> (RUS4 муж 23), <в деревню... а., где живет папина мама, мамина мама сейчас в Израиле, и мы ее, надеюсь, скоро увидим...> (RUS6 жен 32), <еще у нас есть бабушка, мама моей мамы. Она живет отдельно, но рядом с нами> (RUS8 жен 29), <По маминной линии у меня осталась только бабушка, к сожалению, дедушка умер> (RUS12 муж 21).*

Подобных уточнений в казахских транскрипциях не было, респондент просто называл их.

Если границы русской семьи выражены более четко, рамки казахской семьи размыты и в пространстве, и во времени. Временные указатели в высказываниях о семье касались того, живы родители папы и мамы или нет, что также не комментировалось в высказывании казахов.

Казахская семья включает всех родственников, вне зависимости от того, рядом они живут или отдельно, живы или уже нет, то есть понятие семьи имеет более абстрактное, обобщающее осмысление. Если данное предположение правомерно, то и в речи казахов обобщающих фраз о семье должно было быть больше. Обобщением считались фразы, высказанные в генеративном регистре речи, или, по определению Г.А.Золотовой, имеющие смысл «для всех», вне зависимости от времени [Золотова 1998: 28–34], фразы типа «семья – это...». Таких было 15 у казахов, из которых одно высказывание полностью в генеративном регистре.

В русских же в транскрипциях генеративных фраз всего три:

*<семья – это куда ты приходишь вечером домой и когда ты знаешь, что этим людям ты нужен, и они тебя любят просто так...>, <семейные отношения – это самые главные в нашей жизни и... эээ... комфортно ощущать себя в семье... а от того, как комфортно ты ощущаешь себя в семье (а я ощущаю себя очень комфортно), и зависит и твоя жизнь вне, вне семьи, так скажем, на работе... а в отношении с друзьями, вот> (RUS6 жен 32), <старшая сестра должна уметь все> (RUS2 жен 22).*

В двух случаях использованы формы личного местоимения «ты», которые могут означать как «я», так и «каждый», и «он» в речи, то есть генеративность уже другая, несколько относительная. В казахских обобщениях, вошедших в подсчет, фразы с формами «ты» встретились 4 раза.

В методике изучения устного дискурса [Денисенко 2008] распространен анализ форм личных местоимений. Прodelав то же самое на исследуемых высказываниях, мы выявили, что существует разница в предпочтениях тех или иных форм местоимений (Таблица №1)..



Таблица №1

Предпочтение местоименных форм

№	Личное местоимение	Казахские транскрипции	Русские транскрипции
1	я	40	47
2	мы	24	36
3	у меня	15	7
4	у нас	7	18
5	для меня	17	4
6	для нас	5	0
7	другие падежные формы «я»	16	16
8	другие падежные формы «мы»	7	4
9	различные формы «мой»	38	34
10	различные формы «наш»	8	11
11	ты, твоя		

Согласно подсчету, и русские и казахские высказывания имеют ярко выраженный личностный характер: местоимение «я» используется очень часто, но больше в русских транскрипциях (строка 1). Это не удивительно, так как речь идет о личной теме, респонденты говорили о своих близких и о себе в том числе. Но если в русских транскрипциях «я» (47) конкурирует с «мы» (36) и «наш» (11), то в казахских транскрипциях «я» (40) употребляется так же часто, как и «мой» (38). Стоит заметить, что речь идет не о падежных формах, а о «мы» в ударной позиции, в именительном падеже. То есть русское «я» более частотное и трансформируется в «мы», говорящий рассказывает от лица группы «наш», казахское «я» остается «я», и те, о ком рассказывает говорящий («я»), являются частью говорящего «мой».

Нельзя было не заметить предпочтение в казахских транскрипциях дательной падежной формы «у меня» (15 против 7 в русских), русские респонденты предпочитали больше «у нас» (18 против 7 в казахских). Это также подтверждает, что русские высказывались чаще от имени группы. Но особый интерес вызвала разница в употреблении формы «для меня» (17 в казахских и 4 в русских), при этом форма «для нас» вообще не востребована в русских транскрипциях и всего 5 - в казахских.

Получается, что русское высказывание ориентировано на «у меня», которое реализует обладание субъектом объекта речи, то же самое с формой «у нас», но в составе группы, в то время как казахское высказывание ориентировано на форму «для меня», направляющую действие объекта речи на субъект.

В конструкции «у меня» существенным оказывается ситуация владения, обладания, в предложно-падежной форме «у нас» - нахождение в составе группы и общего обладания чем-то. Русский говорящий считает себя частью группы, он нивелируется в группе (*мы*), группа находится в главенствующей позиции по отношению к нему (*у меня*, а не *я имею*), но у группы и у говорящего отношения принадлежности (*у меня*, *у нас*).

Частотная у казахских респондентов форма «для меня» делает существенным целенаправленность действия по отношению к говорящему со стороны груп-

пы. Группа намного больше говорящего, имеет более обобщенный смысл (выше было сказано про вневременной ее компонент «всегда»), но существует эта группа целенаправленно для говорящего. Функция каждого из группы – существование для субъекта речи, поэтому каждый член этой группы «мой». Казахи так и говорили: «*семья для меня – это...*» - конструкция, которой не было в русских высказываниях: <Для меня слово семья также связано со словом... мама... – мамина забота, любовь, терпение...> (KAZ3. жен 22), <Не могу сказать, что наша семья чем-то отличается от других семей нашей страны, однако для меня она самая лучшая...> (KAZ10. жен 22). Попутно отметим, что лексема «страна» встретила дважды в речи казахов и ни разу в русских транскрипциях.

Та же конструкция «объект – целенаправленное действие на субъект» использовалась в описании членов семьи:

<Брат для меня как главный мужчина в нашей семье. Лично для меня он самый верный друг, который всегда поможет, которому я могу доверять... > (KAZ15. жен 20), <для меня это моя жизнь, в первую очередь, жизнь моих близких, без которых я не могу, для меня это мой маленький балапанчик (дословно птенец, ребенок), в котором я не чаю души, для меня семья – это моя сестренка, моя кровинушка маленькая, для меня это ажешика аташка (русс. тетушка, бабушка), которых я сильно люблю> (KAZ жен 23). Брат для меня являлся всегда опорой, защитой. Благодаря ему, я никогда ничего не боялась (KAZ1. жен 22).

Разница в предпочтениях конструкций «у меня» и «для меня» поставила вопрос о субъектно-объектных отношениях между говорящим и «семьей» как объекта. Были проанализированы фразы контекста «я – их, для них», то есть субъект речи действует на объект, и объект речи действует на субъект: «они – меня, для меня».

В казахских транскрипциях наблюдается предпочтение конструкций «они – мне», имплицитно действующие на субъект речи; их 24, из них в 18 фразах в роли объекта «семья, они, родители»: <где **меня** всегда **ждут** и **любят** мои **родные** и **близкие**, **они** **работают**... **зарабатывают** только для нас, чтобы воспитать, чтобы обеспечить> (KAZ3. жен 22), а также в 6 случаях «мама, папа, брат»: <делаю все, чтобы **она** **гордилась** **мной**> (KAZ7. жен 25), <**брат** всегда **меня** **поддержит**, чтобы ни произошло, он для меня пример для подражания> (KAZ7. жен 25). В роли актанта выступает семейная группа или член семейной группы, которые воздействуют на говорящего, и говорящий оказывается объектом действия группы.

В русских транскрипциях конструкций «они – меня, для меня» меньше (14), из них группа в роли актанта выступает 6 раз, а члены группы (мама, брат, родители) – 8 раз.

Но и конструкций, где говорящий – актант и совершает действие по отношению к группе, также меньше в корпусе собранного материала (в русских высказываниях 12, в казахских 18).

В роли актанта в русских транскрипциях часто выступает форма «мы» (36, см. Таблицу №1).

<мы все очень любим дачу и летом очень много времени проводим на нашем садовом участке, все вместе осуществляя работу> (RUS6 жен 32), <живем мы в частном доме... живем дружно... в обиду себя не дадим...> (RUS5 муж 21), <Мы с ней любим гулять, ходить по магазинам> (RUS3 жен 22).

Что касается фраз с «я» в роли актанта, то в казахских транскрипциях говорящий часто считает необходимым высказать свои чувства по отношению к семье и к своим близким, выразить благодарность. Если русские высказывания содержат 7 подобных фраз, то казахские респонденты говорили об этом довольно много:

*<Я благодарна родителям за то, что... они делают все... для меня и моего брата> (KAZ1. жен 22). <Потому что я именно, именно для этой семьи я учусь и хочу добиться всего, что они хотят видеть от меня> (KAZ15. жен 20). <...я хотела бы сделать все, чтобы мои родные были всегда счастливы и здоровы, я очень хочу закончить учебу и помочь своим родителям... помочь своему братишке> (KAZ6. жен 20).*

Взаимоотношения говорящего и членов семейной группы являются важной частью смыслового пространства «семья», судя по анализу высказываний респондентов-казахов. Есть примеры, когда высказывание имеет вид «они – мне, я – им»: *<мама всегда уделяет нам должное внимание, она всегда отзывчива и добра, и нет такой минуты, в которой бы я ни ощущала бы ее поддержки, заботы и любви> (KAZ10. жен 22).*

В приведенной фразе «они – мне», а «я – им» противопоставлены в контексте, но есть примеры, где объект и субъект действия меняются местами в границах одной высказанной мысли:

*<чтобы мы... смогли реализовать = дают нам возможность реализовать свои мечты> (KAZ1. жен 22). <...куда я всегда буду возвращаться... с нетерпением, где меня всегда ждут> (KAZ3. жен 22). <...я хотела бы сделать все, чтобы мои родные были всегда счастливы и здоровы и чтобы видели во мне реальную поддержку, воплощение своих надежд> (KAZ10. жен 22).*

В казахских высказываниях много вариантов выражения чувств по отношению в группе: «я люблю их» – 6 фраз, «я благодарен» – 3, «я ощущаю, думаю» – 4, «я желаю, хочу» – 4, «я хочу помочь» – 3. Русские говорящие более сдержанны: «я их люблю» – 4, «дорожу, помогу и др.» – 3. Для сравнения: *<я буду им обязательно помогать, чтобы **восполнить** все то, то они в меня **вложили**, я очень хочу, чтобы они мной гордились> (RUS7 жен 20).*

Еще одно отличие русских и казахских высказываний о семье – это то, что в русских транскрипциях нет контекста «иерархия/равенство отношений», в то время как в казахских высказываниях тема иерархии или равенства отношений отчетливо проявляется:

*<... У каждого члена семьи есть свое место> (KAZ3. жен 22), <... нужно прислушиваться к членам своей семьи, что они чувствуют, что их беспокоит, дабы не быть эгоистичным> (KAZ8. жен 23), <Семья для меня – это страна, в которой президент – это папа, все остальные, так скажем, необходимые компоненты> (KAZ14. жен 23), <...Мама также для нас ...всегда была близкой для нас, никогда не ставила себя выше нас... Мы всегда были с ней на равных...> (KAZ15. жен 23), <Брат для меня как главный мужчина в нашей семье > (KAZ15. жен 23).*

Нельзя не отметить, что дискурс о своей семье не только лично окрашен, но и имеет ярко выраженную ценностную ориентацию. Оценивание своей семьи также происходило по-разному у русских и у казахов.

В русских высказываниях, как уже было отмечено, эмоциональный фон более сдержан. Русские избегали оценочных выражений, употребляли в качестве параметров оценки «дружная» (9), «большая/небольшая» (3), оценивая значение семьи в своей жизни «важна для меня» (2), «дорожу» (2). Сдержанность проявилась также и в уточнениях перед словом «дружная»: *в принципе дружная, довольно дружная, в общем-то дружная, мы все равно живем дружно*.

Казахи, в свою очередь, не скупилась на оценки. Их семья не «дружная», а «очень дружная», «мы живем очень дружно» (6 раз), «идеальная», «все гармонично». В описании родственников часто говорилось о их значимости: *самых дорогих, самое дорогое сокровище, пример для подражания, безмерно рада, что у меня есть*. Казахи чаще не рассказывали о семье, а говорили о значении семьи в их жизни: «огромное значение», «совершенно особое понятие», «главное».

### Выводы исследования

Таким образом, мыслительный компонент «моя семья» представлен в сознании казахских и русских реципиентов 19–26 лет как многокомпонентное образование, ядерными частями которого являются члены семьи, объединенные общим местом проживания и совместной деятельностью (времяпрепровождением).

Психофизические характеристики высказываний о семье не имели различий у казахов и русских. В ответах респонденты использовали универсальный предметный код Nomen – Object, в реализации данной схемы признаком принадлежности к семейной группе было место проживания, поэтому в нее включались и домашние животные.

Однако место проживания является более значимым признаком у русских респондентов, так как семья близкого родственника в русском сознании категоризуется как самостоятельная, не зависящая напрямую от говорящего. В казахской картине мира новая семья тоже принадлежит семейной группе говорящего, увеличивая ее.

Общей закономерностью также стало стремление рассказать о членах семьи. Реализуя предметный код Object – Adjectif, респонденты в качестве характеристики говорили прежде всего о роде деятельности члена семьи, о месте его работы.

Этнокультурные особенности осознания семьи обнаружались в определении функционирования семьи как явления (предметный код Object – Funtion). Во всех высказываниях это была совместная деятельность, но внимание русских и казахских респондентов было направлено на разные нюансы этой деятельности. В свете биологической теории значения некоторые признаки имели различную эмоциональную ценность для говорящего. Для русских более значимым была совместность (вместе), для казахов постоянство (всегда).

Все респонденты осмыслили семейную группу как целостное образование и себя в составе этого целого, ставя «я» в конце перечисления членов группы, заменяя «я» на «мы». Но положение говорящего в группе несколько различно. В русских транскрипциях говорящий чаще выступал актантом действия в составе «мы» (мы любим, мы празднуем), поэтому в высказываниях нет «для нас» (см. Таблицу №1) – это бы означало действие внешней среды на группу. Русское «мы» не делится на части, имеет четкие границы, не очень большие.

В казахских высказываниях говорящий в составе целого осмыслил как взаимоотношения группы и себя (семья для меня), так и отношение члена группы и себя (брат для меня), «для нас» означало взаимодействие младших и старших членов. Казахский говорящий идентифицирует себя и в составе целой группы, и с каждым ее членом, и свою семью соотносит со страной.

Для русских более значимым является факт существования (у меня есть), для казахов взаимодействие (для меня). Для русских респондентов семейная группа измерима во времени (еще живы) и пространстве (живет с нами), для казахов семья существует вне времени (всегда), и вне зависимости от проживания членов группы на момент говорения.

Различное осмысление себя в составе семейной группы выявилось вне зависимости от языка говорящих (все респонденты русскоязычны). Когнитивные установки обусловили предпочтение грамматических конструкций, частотность использования лексических средств, субъектно-объектные закономерности в структуре предложений. Таким образом, исследование устных высказываний о семье обнаруживает базовые когнитивные ценности, имеющие этническую природу и сформированные вместе с данным этносом. Современные социальные установки приняты уже на базе существующих этнических приоритетов, неизбежно отражены в повседневном образе жизни и формируют современные традиции.

#### Литература

- Денисенко В.Н., Чеботарева Е.Ю.* Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации: учебное пособие. М.: РУДН, 2008. 258 с.
- Залевская А.А.* Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 40. С. 9–15.
- Залевская А.А.* Значение слова сквозь призму эксперимента: монография. Тверь: Тверь. гос.ун-т, 2011. 240 с.
- Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.
- Кравченко А.В.* Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционный процесс и проблема метода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С.37–52.
- Ковшиков В.К., Глухов В.П.* Психолингвистика. Теория речевой деятельности. М.: АСТ, 2009. С. 346.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: «Гнозис», 2003. С. 280.
- Таннен Д.* «Мы никогда не были близки, мы очень разные» три типа нарратива в дискурсе сестер // Жанры речи. 2015. №2 (12). С. 48–63.

ETHNOCULTURAL ASPECT OF THE SEMANTIC SPACE «MY FAMILY»  
BASED ON THE ORAL STATEMENTS

Natalya V. Mongilyova

Senior teacher

Department of Foreign Philology,

Kostanay State University,

Kostanay, Kazakhstan

110000 Kazakhstan, Kostanay, Karbishev str, 5-19

*natmong@rambler.ru*

The aim of the study is the analysis of oral statements about family of Russian and Russian-language Kazakh respondents of 17–35 years, made in Russian for identifying common and ethno-cultural signs of the semantic space «My family». Discourse about one's own family, is not only personally painted, but it also has a strong value orientation, which regardless of the language statement retains the ethnocultural orientation. «My Family» is a multi-component form, nuclear parts of which are members of the family, united by a common place of residence and a joint activity (pastime). Ethnocultural aspect is reflected by differences in the emotional background of statements, various degrees of accentuation signs of accommodation and the time of cohabitation. In identification yourself as part of a family group for the Russians the fact of existence of the family and friends is more significant, for the Kazakh respondents, the interaction of the speaker and other members of the family group is more important.

**Keywords:** personal knowledge, ethnocultural aspect, statements about family .

References

*Denisenko V.N., Chebotareva E.Ju.* Sovremennye psiholingvisticheskie metody analiza rechevoj kommunikacii: uchebnoe posobie. [Modern psycholinguistic methods for the analysis of speech communication: a tutorial] M.: RUDN, 2008. 258 p.

*Zalevskaja A.A.* Dvojnaja zhizn' znachenija slova i vozmozhnosti ee issledovanija [The double life of the word and possibilities of its study]. Jazyk, soznanie, kommunikacija [Language, consciousness, communication]. M.: MAKSS Press, 2010. Issus. 40. pp. 9–15.

*Zalevskaja A.A.* Znachenie slova skvoz' prizmu jeksperimenta: monografija [The meaning of the word through the prism of the experiment]. Tver': TSU, 2011. p. 240.

*Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Ju.* Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka [Communicative grammar of the Russian language.]. M., 1998. p. 528.

*Kravchenko A.V.* Kognitivnaja lingvistika segodnja: integracionnyj processy i problema metoda [Cognitive linguistics today: integration processes and the problem of method]. Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]. 2004. no 1. pp.37–52

*Kovshikov V.K., Gluhov V.P.* Psiholingvistika. Teorija rechevoj dejatel'nosti [Psycholinguistics. The theory of speech activity]. M.: AST, 2009. p. 346.

*Makarov M.L.* Osnovy teorii diskursa. [Fundamentals of the theory of discourse] M.:«Gnozis», 2003. p. 280.

*Tannen D.* «We've Never Been Close, We're Very Different»: Three Narrative Types in Sister Discourse. Zhanry rechi [Speech genres]. 2015. no. (12). pp. 48–63.



УДК 81

**ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ  
СОБЫТИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ  
(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

**Нагорная Александра Викторовна**

профессор кафедры зарубежной филологии  
Московского городского педагогического университета  
Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4  
*alnag@mail.ru*

В данной статье анализируется тенденция к употреблению прецедентных имен в сочетании с существительным *moment* для обозначения различного рода событий, наблюдаемая в современном английском языке. На основе электронного корпуса современного американского английского (Corpus of Contemporary American English) выявляются основные типы прецедентных имен, используемых в этой функции. Анализируется семантика словосочетаний, устанавливаются обстоятельства их возникновения и определяется степень их конвенционализации в речевой практике. Описывается эксперимент, проведенный с носителями американского английского на платформе SurveyMonkey с целью выявления механизмов метафоризации имен, с одной стороны, и определения степени распространенности словосочетаний такого типа в реальной речевой практике, с другой стороны. Выявляются факторы, способствующие правильной метафорической интерпретации словосочетаний респондентами. Анализируются возможности альтернативных метафорических прочтений словосочетаний респондентами на основе субъективных ассоциаций, а также возможности использования других интерпретационных моделей (метонимия, буквализация). Оценивается степень осознанности, проявляемой респондентами при встраивании метафорической проекции. В статье делается вывод о продуктивности исследуемой лексико-синтаксической модели и ее востребованности как средства концептуализации событий в современном английском языке.

**Ключевые слова:** словосочетание, событийная семантика, прецедентное имя, метафоризация.

Одной из интереснейших тенденций в развитии единиц событийной семантики в современном английском языке является рост количества словосочетаний с существительным *moment*. Особое место среди них занимают словосочетания, в которых в роли атрибутивного элемента выступает прецедентное имя: *aristotelian moment*, *mcluhanesque moment*, *nietzschean moment*, *hollywoodish moment*, *athena moment* и т.п.

Начало этой тенденции было положено в 1961 г. копирайтерами компании *Eastman Kodak*, которые использовали словосочетание *kodak moment* для обозначения важного, интересного, необычного или смешного события, память о котором



необходимо сохранить в виде фотографии для семейного альбома<sup>1</sup>. Это словосочетание постепенно вошло в повседневный обиход и задало определенный концептуальный и языковой формат для осмысления событий самого разного плана и с самых разных точек зрения.

Поиск в электронном корпусе современного американского английского<sup>2</sup> позволил обнаружить 58 примеров такого типа. Среди них преобладают словосочетания, в которых используются имена реальных людей или вымышленных персонажей:

– известных политических деятелей: *nixonian moment* – крупный политический скандал, связанный с незаконными действиями политика высокого ранга, аналогичный по своим масштабам и последствиям Уотергейту 1972-1974 гг., приведшему к отставке президента Никсона;

– деятелей культуры: *warholian moment* – краткий период внезапной известности. Это словосочетание отсылает нас к известной речи Э. Уорхола на выставке в 1968 г. в Стокгольме, когда он заявил, что в будущем каждый получит мировую известность на 15 минут<sup>3</sup>;

– ученых: *lacanian moment* – момент, когда Я формируется по образу и подобию другого. Словосочетание эксплицитно отсылает нас к психоаналитической теории Ж. Лакана;

– писателей: *proustian moment* – момент непроизвольного воспоминания, когда предметы повседневной жизни внезапно вызывают в памяти определенное событие прошлого. Для самого М. Пруста таким предметом стало пирожное «Мадлен» в романе «В поисках утраченного времени»;

– поэтов: *wordsworthian moment* – важный, ключевой этап в развитии воображения, названный самим У. Вордсвортом “spot of time” («место во времени»)<sup>4</sup>;

– исторических лиц, которым приписываются определенные (часто неблагоприятные) поступки: *potemkin moment* – попытка создания искусственной реальности с целью ввести в заблуждение высокопоставленных лиц и произвести на них благоприятное впечатление. Данное словосочетание связано с известным мифом о «потемкинских деревнях» в екатерининской России;

– героев мифов и легенд: *arthurian moment* – момент, когда человек доказывает свое право на власть. Словосочетание отсылает нас к известному сюжету о Короле Артуре, который смог извлечь меч из камня, доказав тем самым свое право на трон;

– литературных героев: *lopakhin moment* – момент торжества, когда человек скромного происхождения внезапно одерживает верх над людьми, находящимися много выше него по социальной лестнице, и испытывает состояние эйфории. В данном словосочетании обыгрывается относительно известная в Америке пьеса А. Чехова «Вишневый сад»;

<sup>1</sup> <http://www.cam.ac.uk/research/news/the-rise-and-fall-of-kodaks-moment>

<sup>2</sup> Corpus of Contemporary American English [<http://corpus.byu.edu/coca/>]

<sup>3</sup> “In the future, everyone will be world-famous for 15 minutes” [[https://en.wikipedia.org/wiki/15\\_minutes\\_of\\_fame](https://en.wikipedia.org/wiki/15_minutes_of_fame)]

<sup>4</sup> W. Wordsworth . The Prelude: There are in our existence spots of time, / That with distinct pre-eminence retain / A renovating virtue.

– кинематографических персонажей: *barbarella moment* – момент активного поиска новых острых ощущений. Барбарелла – имя героини франко-итальянского научно-фантастического фильма 1968 г., в котором она предстает как искательница сексуальных приключений, путешествующая по Галактике.

Кроме того, могут использоваться названия литературных и кинематографических произведений, мест, где произошли важные, общезначимые события, а также названия самих событий:

– *brigadoon moment* – романтическое приключение. В популярном некогда фильме-мюзикле «Бригадун» главный герой встречает девушку, жительницу таинственного шотландского города Бригадун, который возникает из небытия лишь раз в году, и влюбляется в нее.

– *srebrenica moment* – массовое убийство невинных людей. Своим происхождением словосочетание обязано событиям в Боснии 1995 г., вошедшим в историю как геноцид (или резня) в Сребренице.

– *state-over-michigan moment* – сенсационная победа, одержанная менее достойным соперником. Словосочетание отсылает нас к футбольному матчу 2007 г. между университетскими сборными, когда победу одержала команда более низкого ранга.

Первичный анализ корпуса примеров выявил ряд проблем, которые невозможно решить умозрительно:

1. Все эти словосочетания по сути являются неологизмами. Они возникли в языке в течение последних 10-15 лет, обладают признаками языковой игры и проходят период «дискурсивной апробации». В связи с этим возникает вопрос о том, насколько они знакомы рядовым носителям языка.

2. Мы работали исключительно с письменными текстами преимущественно газетно-публицистического стиля. Остается открытым вопрос о том, используются ли словосочетания такого типа в устном общении и составляют ли они часть повседневного речевого репертуара рядового носителя языка.

3. Большинство этих словосочетаний обладает метафоричностью и создавалось по модели «преднамеренной метафоры» (*deliberate metaphor* [Steen 2013])<sup>5</sup>. Необходимо выяснить, воспринимаются ли они носителями языка как метафоры, достаточно ли стандартной, «наивной» метафорической компетенции (*metaphorical competence* [Danesi 1992]) для считывания скрытых в словосочетаниях смыслов.

4. Во всех случаях семантический вектор метафоризации был задан весьма произвольно. За основу могли быть взяты личностные качества человека, совершенные им поступки, произнесенные им фразы, произошедшие с ним события и др. Отсутствие единой системы в метафоризации, наряду с ее произвольностью, создает условия, при которых одно и то же словосочетание может быть интерпретировано по-разному. Необходимо определить, в какой степени вектор метафоризации, заданный «первичным концептуализатором» (*original conceptualizer* [Floyd 1999: 184]), прозрачен для носителя языка.

---

<sup>5</sup> Преднамеренная метафора определяется Г. Стейном как «сознательное использование метафоры в качестве метафоры» [Steen 2013: 179].

Для разрешения этих проблем нами был проведен эксперимент на электронной платформе SurveyMonkey<sup>6</sup>, предназначенной для проведения массовых опросов и позволяющей задать четкие демографические параметры респондентов. Мы составили анкету из десяти вопросов открытого типа. В девяти из них респондентам предлагалось объяснить значение словосочетания, а в десятом – привести другие словосочетания этого типа, которые они когда-либо слышали или употребляют в своей речи. К опросу привлекались исключительно жители США старше 25 лет. Географический параметр определяется тем, что исходным источником материала послужил корпус американского английского, и дополнительные текстовые источники также были изданы в США. Возрастной параметр был задан исходя из того, что респонденты должны были достигнуть «сознательного возраста» на момент вхождения словосочетания в дискурс и иметь возможность пассивно воспринимать его в текстах СМИ или активно употреблять в общении. Мы получили 59 реакций на первые пять вопросов и 53 – на вторые пять. Несмотря на большое количество отрицательного материала («я не знаю / не могу сказать / понятия не имею»), отбраковке подлежат лишь ответы одного респондента, который на все вопросы последовательно чередовал два стереотипных ответа «man / woman». В остальных случаях респонденты давали содержательные ответы хотя бы на часть вопросов, и их отрицательные реакции информативны и статистически релевантны.

Первым в анкете был вопрос о значении словосочетания *goldilocks moment*. Данное словосочетание включает прецедентное имя *Goldilocks*, которое отсылает нас к знаменитой сказке «Златовласка и три медведя». Сюжет ее общеизвестен: невоспитанная, грубая, бесцеремонная девочка по имени Златовласка проникает в дом трех медведей в их отсутствие, пробует их кашу, сидит на их стульях и засыпает в одной из кроватей, чтобы, проснувшись, встретиться с законными владельцами собственности.

Сюжет сказки, при его видимой простоте, содержит множество компонентов, каждый из которых может потенциально служить источником метафорической проекции на другой событийный контекст. Установившееся, конвенционализованное метафорическое прочтение *goldilocks moment* заключается в следующем: это момент, когда человек испытывает состояние полного комфорта и удовлетворенности, получает желаемое, идеально подходящее именно ему<sup>7</sup>. Такая или подобная интерпретация была предложена 22 респондентами (≈37, 9 %). Приведем наиболее показательные и типичные ответы: *Things were just perfect; Everything worked, it was just right; found something that fit my needs perfectly* и т.п.. Близким к «правильному» оказался тот вариант интерпретации, при котором респонденты увидели в *goldilocks moment* ситуацию выбора: *Couldn't make a choice; I had choices*

---

<sup>6</sup> <https://www.surveymonkey.net/>

<sup>7</sup> Заметим, что начиная с 2003 г. прецедентное имя *goldilocks* стало широко использоваться терминологически в психологии, экономике, биологии и инженерии, где был постулирован *goldilocks principle* и связанный с ним *goldilocks effect*, согласно которым в любой ситуации при наличии крайностей имеются и некоторые средние условия, позволяющие с комфортом осуществлять определенную деятельность. Возможно, *goldilocks moment* генетически связан с этой теорией и его появление в языке датируется приблизительно этим же периодом.

and I had a moment where I realized which one was the best choice. Количество таких реакций составило  $\approx 6,9\%$ .

Наряду с этим были предложены и альтернативные прочтения. 10 респондентов ( $\approx 17,2\%$ ) сфокусировали свое внимание на правовых и этических аспектах ситуации и интерпретировали значение словосочетания как «совершать нечто незаконное», например «вторгаться на чужую территорию» и, возможно, «быть пойманным на месте преступления»: *That you got caught trespassing; U broke into someone's home; When you've been found out; Intrusion* и т.п.

Для 3 респондентов ( $\approx 5,2\%$ ) основой метафоризации стала ситуация поедания каши: *someone ate my food; Eat a lot of oatmeal; ate porridge*. Еще 4 респондента ( $\approx 6,9\%$ ) метафоризировали эмоциональный аспект ситуации, отметив неожиданность развязки и состояние испуга, возникшее у ее главного участника: *Surprise; you were surprised; Being afraid*. Единичные реакции включали *female went blonde* (ср. *blonde moment* – устоявшееся словосочетание, обозначающее глупый поступок), *I was selfish* (фокус на этических аспектах ситуации), *had an unexpected revelation* (фокус на неожиданной развязке) и ряд других. Отрицательный ответ (не знаю/ не могу сказать) был получен от 5 респондентов ( $\approx 8,6\%$ ).

Исходя из этих данных, можно предположить, что в случае с литературными персонажами существует зависимость между степенью сложности исходного сюжета и количеством возможных метафорических проекций.

Доказательством тому служит словосочетание *pinocchio moment*. Пиноккио – широко известный и любимый в Америке персонаж, имеющий статус «культурной иконы»<sup>8</sup>. Последнее означает, в том числе, что он должен одинаково, стереотипно восприниматься всеми представителями лингвокультуры. Как известно, главная отличительная особенность Пиноккио заключается в том, что, когда он лжет, у него начинает расти нос. Поскольку это изменение во внешности очевидно для окружающих, особую важность приобретает еще один аспект ситуации: лжец оказывается изобличен.

Результаты опроса показывают убедительное единообразие реакций. 56 респондентов ( $\approx 96,6\%$ ) используют в своих объяснениях слова «ложь» или «лгать». При этом 19 ( $\approx 32,8\%$ ) эксплицируют компонент «быть изобличенным»: *Getting caught lying or being a bad liar; Getting blatantly caught in a lie* и т.п. Три респондента ( $\approx 5,2\%$ ) оказываются не в состоянии абстрагироваться от исходной образности и дают более буквальное толкование: *your nose grows because you are lying* и т.п. Интересно отметить, что мнения о том, кто именно является лжецом в ситуации *pinocchio moment*, расходятся. Пять респондентов ( $\approx 8,6\%$ ) полагают, что это словосочетание применимо к ситуации, когда лгут они сами, а девять ( $\approx 15,5\%$ ) считают, что лжет их собеседник. Из 58 респондентов лишь один ( $\approx 1,7\%$ ) не смог предложить ни одного варианта ответа, что является самым низким показателем во всей выборке.

Мы полагаем, что это свидетельствует об успешном укоренении метафоры *pinocchio moment* в речевой практике, и считаем, что этому способствова-

<sup>8</sup> <https://en.wikipedia.org/wiki/Pinocchio>

ли два основных фактора: популярность сюжета в лингвокультуре и изначальная заданность «салиентного свойства» [New directions... 2009] персонажа автором произведения.

Важность этих двух факторов подтверждается реакциями респондентов на словосочетание *algernon moment*. Источником прецедентного имени *Algernon* является роман Д. Киза «Цветы для Элджернона» (“Flowers for Algernon”), изданный в 1960 г. В романе описываются эксперименты, направленные на повышение интеллектуальных способностей искусственным путем. Первый такой эксперимент был поставлен на мыши по имени Элджернон, у которой период бурного роста способностей сменился периодом не менее стремительного упадка с возвратом к первоначальным показателям. Тот же эксперимент и с тем же результатом был проведен на умственно отсталом уборщике Чарли. Словосочетание *algernon moment* обозначает момент неожиданно яркого проявления интеллектуальных способностей, момент прозрения, когда человек внезапно оказывается в состоянии предложить гениальное решение проблемы.

Следует подчеркнуть, что роман Киза получил широкую известность и выдержал множество переизданий общим тиражом свыше 5 млн. экземпляров. В связи с этим можно предположить, что он знаком многим американцам и словосочетание *algernon moment* должно вызывать у них определенные ассоциации. На практике же это предположение подтвердилось лишь частично. Общее количество реакций составило 52. Из них лишь 6 респондентов ( $\approx 11,5\%$ ) дали ответ, который условно можно назвать правильным: *When you are smarter than you expect; one moment of brilliance; Intelligent; great thought* и т.п.. Одновременно с этим 4 респондента ( $\approx 7,7\%$ ) дали прямо противоположную трактовку, истолковав словосочетание как «проявление глупости»: *A moment that would involve unintelligent actions; becoming demented; When you realize you are actually an idiot; doing something stupid*. Как это ни парадоксально, такое прочтение метафоры также следует признать адекватным, учитывая динамику исходного сюжета (интеллектуальный взлет сменился стремительной регрессией). Респонденты оказались в состоянии правильно определить салиентное<sup>9</sup> свойство, а в исходной ситуации и выстроить вектор метафорической проекции, который, однако, оказался несколько смещенным. Ответ одного респондента ( $\approx 1,9\%$ ) свидетельствует о том, что он знаком с романом, однако не помнит его содержание достаточно хорошо, чтобы предложить какую-либо интерпретацию: *Something to do with rats. Although I have no idea why I think that*. Еще один респондент ушел в область христианской этики и аксиологии, предложив следующую формулировку: *God made us all a certain way for a reason, even with disabilities it brings value to life, ours and others*. В данном случае человек, явно знакомый с сюжетом (о чем свидетельствует наличие в ответе слова *disabilities*), не смог выстроить метафорическую проекцию, поскольку он не принял во внимание важность второго компонента стимула (*moment*), который должен был подтолкнуть его к событийной интерпретации словосочетания.

Весьма интересное прочтение предложил респондент, который сфокусировался лишь на одном фрагменте сюжета и выстроил собственную альтернативную

---

<sup>9</sup> от англ. *salient* ‘заметный’, ‘выдающийся’, ‘выступающий’.

метафорическую проекцию: *When you are outperformed by a lesser opponent*. В данном случае обыгрывается сцена, в которой Чарли соревнуется с Элджерноном в прохождении лабиринтов и постоянно проигрывает, что чрезвычайно расстраивает его. Были получены и единичные реакции, которые базируются на сугубо субъективных ассоциациях, никак не связанных с исходным текстом: *when a man reaches up and curls the end of his moustache; got caught up in a mess; utopian* и др. Двадцать восемь респондентов (≈53,8 %) не смогли предложить вариант ответа.

Высокий процент отрицательного материала в этом случае, особенно в сравнении с рассмотренными ранее *goldilocks moment* и *pinocchio moment*, можно объяснить следующими факторами. Во-первых, источником precedentного имени является роман – литературная форма, которая ни при каких обстоятельствах не может конкурировать по популярности со сказкой. Во-вторых, сюжет романа слишком сложен, чтобы вызывать однозначные и однотипные интерпретации. И в-третьих, метафоризации было подвергнуто имя второстепенного, а не главного персонажа, хотя эволюция последнего в романе была гораздо более очевидна и впечатляюща.

Одним из самых интересных примеров в выборке является словосочетание *macaca moment*, которым обозначается политически некорректное вербальное поведение. Обстоятельства его появления в языке четко задокументированы. Американский сенатор Джордж Аллен, выступая 11 августа 2006 г. перед избирателями, допустил расистское высказывание в адрес помощника своего политического оппонента, индуса по происхождению, назвав его макакой (*macaca*). Весь эпизод был записан на камеру и немедленно выложен в Интернет, благодаря чему получил широчайшую известность. Сложившаяся ситуация быстро приобрела характер precedentной, а расистский пейоратив *macaca* стал метафорой грубой политической ошибки, связанной с нарушением коммуникативных и поведенческих табу.

Заметим, что областью источника вполне могло оказаться имя самого политика, тем более что этот эпизод крайне негативно сказался на его политической карьере и по сути перечеркнул в глазах общественности все его предыдущие, весьма значительные, достижения. *Macaca moment*, в отличие от потенциально возможного *senator allen moment*, профилирует тип ошибки, оставляя в стороне личностные качества политика. Немаловажную роль в выборе формулировки сыграла, по-видимому, экзотичность самого слова *macaca*, которое не только делает метафору более яркой, но и открывает широкие возможности для языковой игры. Так, весь эпизод был метко прозван журналистами «макакалипсисом (*macacalypse*) сенатора Аллена».

Из 58 респондентов лишь 3 (≈5,2 %) дали «правильное» объяснение: *A political gaff based upon the politician that used this term in a negative manner; When you really make a public gaff that cannot be erased and will have big negative impact; a racial slur*. Еще один респондент (≈1,7 %) дал обобщенный, «гиперонимический», но в принципе правильный ответ – *Faux pas*. Семантически близким ему является единичный ответ *When you realised you really screwed something up*. Часть респондентов (≈12,1 %) описала значение словосочетания как «плохое, неприятное событие», что может объясняться как смутным знанием о precedentной ситуации, так и тенденцией к формированию отрицательных коннотаций у зоонимов: *not sure, but is it a mess, or a bad situation; Umm a moment where u had a problem; An embarrassing moment or situation that made you feel bad* и т.п..



Наиболее интересными следует признать ответы, которые выдают незнание прецедентной ситуации и целиком и полностью базируются на интуиции. Один респондент ( $\approx 1,7\%$ ) эксплицитно выстроил метафорическую проекцию: *Knowing that macaca is a monkey I would say it refers to someone who had a moment acting like a monkey*. Эта способность «вести себя, как обезьяна» видится респондентам по-разному: *put your foot in your mouth; Party funny things; Dance moment; someone is dancing*. Представление о поведении макак как о чем-то неприличном отражено в ответе *No clue? Pooping?*. Два респондента ( $\approx 3,4\%$ ) выстроили метафорическую проекцию от внешнего вида макаки и предложили почти идентичные ответы: *When your mascara has run or smudged because of crying or sweating; Messed up mascara?* Двадцать три респондента ( $\approx 39,7\%$ ) отказались дать ответ.

Полученные реакции демонстрируют возможность выделения различных салиентных признаков исходной ситуации или предмета, с одной стороны, и возможность создания метафор разного уровня семантической обобщенности, с другой стороны. Отметим, что в реакциях наблюдается значительное единообразие в интерпретации атрибутивного компонента словосочетания как носителя отрицательной семантики, и лишь 5 ответов ( $\approx 8,6\%$ ) противоречат этой тенденции: *an exciting experience; when you think of something colorful; happy* и др.

В общей выборке среди прецедентных имен широко используются имена крупных политических деятелей. Мы включили в анкету три словосочетания, в которых содержатся имена американских президентов: Т. Рузвельта (*rooseveltian moment*), Дж. Ф. Кеннеди (*kennedyesque moment*) и Б. Клинтона (*clintonian moment*). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти прецедентные имена обрели производные адъективные формы, что свидетельствует в том числе о частотности их употребления в качестве атрибутивов. Заметим, что точное значение рассматриваемых здесь словосочетаний нигде не эксплицируется, поскольку, по-видимому, они считаются семантически прозрачными для носителей родной для них лингвокультуры.

Действительно, полученные реакции характеризуется высокой степенью единообразия. *Clintonian moment* был интерпретирован большинством респондентов ( $\approx 63,5\%$ ) как ситуация, когда человек оказывается пойман с поличным при совершении неблагоприятного, а часто и противозаконного, поступка. К числу таких поступков респонденты отнесли ложь (*A lie; Liar; Feeling like you are telling a lie or feeling like you are dishonest and a crook who can maneuver anything to scam the America government and the people of the United States* и др.), супружескую измену (*you were caught cheating; Getting caught in a cheating moment on a spouse*), отрицание своей доказанной вины (*Staunch denial*), преступные действия и злодеяния (*criminal activity; Doing Something Evil*) и т.д.

Лишь 9 респондентов ( $\approx 17,3\%$ ) затруднились с ответом. Еще 2 ( $\approx 3,8\%$ ) неправильно атрибутировали прецедентное имя, посчитав, что оно относится не к Биллу, а к Хилари Клинтон, что вполне объяснимо, учитывая высокую степень политической активности госпожи Клинтон в настоящее время и количество создаваемых ей информационных поводов. Тем не менее прецедентное имя *clinton* в обозримом будущем, вероятно, будет носителем исключительно отрицательной семантики из-за высокой степени резонансности скандала 1996 г., связанного с Моникой Левински.

Президенты Рузвельт и Кеннеди вызвали у респондентов гораздо более позитивные ассоциации. Так, *rooseveltian moment* был интерпретирован как момент, когда человек чувствует свою силу и власть ( $\approx 6,9\%$ ), работает на благо людей ( $\approx 5,2\%$ ), принимает трудные решения ( $\approx 5,2\%$ ), преодолевает трудности и достигает успеха ( $\approx 8,6\%$ ), пользуется доверием и уважением людей ( $\approx 3,4\%$ ), порождает блестящие идеи ( $\approx 1,7\%$ ). Как заявил один из респондентов, «момент рузвельта» – это «оказаться правильным человеком в правильное время» (*being the right man at the right time*). Десять респондентов ( $\approx 17,2\%$ ) профилировали отдельные качества Рузвельта или особенности его поведения в определенной ситуации (*My guess is that it refers to Teddy's «talk softly and carry a big stick»; Thing of or doing some thing progressive with manner when you appreciate the natural world of forests, plains, etc.; Proud* и др.). Семнадцать респондентов ( $\approx 29,3\%$ ) затруднились с ответом и лишь один ( $\approx 1,7\%$ ) отказался от метафорического прочтения ситуации и по сути дал буквальный ответ (*being elected president*).

*Kennedyesque moment* получил куда более противоречивые, но в целом все же положительные, интерпретации: момент, когда человек знаменит и популярен ( $\approx 15,4\%$ ), служит источником вдохновения для других ( $\approx 5,8\%$ ), «делает все правильно и держится естественно» ( $\approx 1,9\%$ ), близок к успеху ( $\approx 1,9\%$ ). Часть респондентов сфокусировалась не на личности, а на особенностях ситуации, которые она создает, описав последнюю как «идеальный момент» ( $\approx 3,8\%$ ), событие «высокого класса» ( $\approx 1,9\%$ ), момент единения, создания идеального общества ( $\approx 1,9\%$ ), момент надежды ( $\approx 1,9\%$ ). Два респондента ( $3,8\%$ ) сделали эксплицитные отсылки к знаменитой речи Кеннеди 1961 г. (*great speech; ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country?*). В то же время часть респондентов оказалась менее благосклонна в своих оценках и интерпретировала событие, передаваемое словосочетанием *kennedyesque moment*, как супружескую измену ( $\approx 11,5\%$ ), «грязные делишки демократии» ( $\approx 1,9\%$ ), рискованные и сомнительные начинания ( $\approx 1,9\%$ ). Пять респондентов ( $\approx 9,6\%$ ) предложили интерпретацию «быть убитым», по-видимому, посчитав это событие наиболее заметным и значимым в биографии президента. Четырнадцать респондентов ( $\approx 27\%$ ) затруднились с ответом.

Мы включили в анкету два словосочетания, в которых употреблены прецедентные имена принципиально иного типа: *platypus moment* и *black swan moment*. Оба эти словосочетания берут свои истоки в экономических концепциях конца «нулевых» годов, которые активно популяризируются и теоретически могут быть знаками носителям языка.

Словосочетание *platypus moment* используется для обозначения неожиданного открытия, в реальность которого трудно поверить. Наиболее эксплицитно его значение определила экономист Л. Эллис в своей речи в 2011г.: *It's that sense of disbelief, of incredulity, that something is too ridiculous to be true, and yet it is true*<sup>10</sup>. Механизм метафоризации в данном случае вполне очевиден. С точки зрения жителя Европы и Северной Америки, утконос – это существо, которого не может существовать в природе: водоплавающее млекопитающее с утиным клювом, которое

<sup>10</sup> <http://www.rba.gov.au/speeches/2011/sp-so-131011.html>

несет яйца и имеет ядовитые шпоры. Именно его несоответствие привычным зоологическим стандартам и является в данном случае его салиентным свойством, позволяющим задавать соответствующий вектор метафоризации.

Следует признать, что данная метафора эффектна и выразительна, точно и емко передает особенности ситуации внезапного открытия. Однако истоки ее происхождения, «юный возраст» и культурногеографическая специфичность препятствуют ее адекватному восприятию носителями языка. В ходе нашего эксперимента выяснилось, что лишь один респондент ( $\approx 1,7\%$ ) знает значение словосочетания и способен удовлетворительно его сформулировать: *When you come across an idea that you've been told is proven, and even though you can't wrap your head around it, you take it as fact.* Тем не менее среди опрошенных наблюдается определенный консенсус в отношении того, что утконос – это странное животное, что отражено в их ответах: *Not understandable; saw something very unusual / weird; A weird moment, like the animal?* и т.п. ( $\approx 8,6\%$ ). Три респондента ( $\approx 5,2\%$ ) профилировали в своих ответах состояние замешательства, которое испытывает человек, столкнувшись с этим животным: *a WTF? Moment; When you don't know what something is; Possibly being all mixed up.* В 4-х случаях ( $\approx 6,9\%$ ) респонденты отталкивались от особенностей внешности утконоса, который кажется состоящим из частей, изначально принадлежащих разным животным, и интерпретировали словосочетание как «попытку создания чего-то из несовместимых компонентов»: *Combining two seemingly opposite ideas into a brilliant creative new idea; when you put together things that don't go together to get the job done, e.g. jerry rig* и т.п. Девять респондентов ( $\approx 15,5\%$ ) поэкспериментировали с особенностями внешности утконоса более детально, сфокусировавшись на отдельных ее компонентах, либо обыграли особенности поведения животного: *when you walk like a platypus; Swollen lips from a food allergy; you had a long nose; Sloppy but playful; Lazy; feeling lethargic* и др.

Один респондент ( $\approx 1,7\%$ ) осуществил скорее не метафорическую, а метонимическую проекцию, предложив такую интерпретацию: это момент, «когда вам хочется иметь утконоса в качестве домашнего животного» (*You want it as a pet*). Заметим, что такая интерпретация представляется оправданной, а концептуальная модель, на которой она строится, может оказаться вполне продуктивной (*Last spring I had a kitten moment – Прошлой весной мне захотелось взять котенка*).

Заслуживает внимания и ответ *is not sure - duck bill hmmm can't even imagine. Maybe sticking your nose in where it doesn't belong?*. Совершенно очевидно, что в данном случае респондент произвел наложение *platypus moment* на уже известную ему метафору *stick one's nose into sth* (совать свой нос в чужие дела), сфокусировавшись на выдающейся особенности анатомии животного.

Еще одно метафорическое наложение прослеживается в ответе *Similar to a senior moment, know it but don't know it now*. Словосочетание *senior moment*, впервые употребленное Э. Вайнштайн на конференции по проблемам памяти в 1996 г. в Нью-Йорке<sup>11</sup>, обозначает свойственный людям пожилого возраста опыт, когда они не могут что-либо вспомнить в нужный момент, хотя в принципе обладают необходимым

<sup>11</sup> [http://new\\_words.enacademic.com/2462/senior\\_moment](http://new_words.enacademic.com/2462/senior_moment)

знанием. Заметим, что это выражение вошло в активный обиход в США и было названо «словом года» в словаре Webster's New World College Dictionary в 2000 г.<sup>12</sup> В данном случае невозможно сказать с уверенностью, чем руководствовался респондент, давая такой ответ, но возможно, он исходил из того, что опыт является «странным» и вызывает у человека чувство дискомфорта.

Двадцать респондентов (≈34,5 %) никогда не слышали этого словосочетания и отказались от попыток его интерпретации.

Семантически и генетически близким к *platypus moment* является *black swan moment*. Это словосочетание обозначает событие, которое невозможно предсказать. Оно было введено в научный обиход в 2008 г. британским экономистом Н.Н. Талемом при обсуждении возникшего тогда экономического кризиса. Очевидно, что основу для метафорической проекции составила необычность и редкая встречаемость животного в природе. В ходе эксперимента выяснилось, что именно это свойство воспринимается как салиентное ≈15,4 % респондентов (*a strange occurrence. something that doesn't normally happen; unusual* и др.). Примечательно, что среди респондентов нет единства в отношении того, является ли этот опыт положительным или отрицательным (*Positive surprise that creates a positive memory vs Something bad and totally unexpected happens*). Часть респондентов (5,8 %) сместила фокус с ситуации на воспринимающего ее человека и интерпретировала метафору как ощущение собственной чуждости, инаковости: *Feel isolated; Feeling like you are the odd one; You stick out in a crowd*.

Неожиданным оказалось то, что ≈9,6 % респондентов истолковали *black swan moment* как метафору психических проблем: *going crazy, being depressed, having a mental break down* и др. Механизм такого переноса остается неясным, но возможно, респонденты обыграли семантику черного цвета. Цветовая же семантика, несомненно, определила и единичную интерпретацию *being in mourning*. Два респондента (≈3,8 %) усмотрели в словосочетании семантику зависти: *Blinding jealousy; You go a little crazy with jealousy for your beautiful friend who always seems to have her life together and you want to hate her but she is still super nice to you*. Механизм метафорической проекции более или менее четко обозначен во втором из приведенных выше ответов: черный лебедь воспринимается как *красивое* существо. Такая же эстетическая оценка представлена в единичной реакции *Crazy but beautiful*.

В 2-х случаях (≈3,8 %) наблюдается попытка буквального толкования словосочетания: *All I can think of is the lesbian scene from the movie Black Swan with Mila Kunis and Natalie Portman; I know the black swan ballet, but don't know the "moment" part*. Семнадцать респондентов (≈32,7 %) затруднились с ответом.

В десятом вопросе анкеты респондентам предлагалось привести собственные примеры словосочетаний такого типа. ≈52 % респондентов не смогли предложить ответа; один респондент (≈1,9 %) эксплицитно заявил, что никогда не слышал подобных словосочетаний раньше, что представляется нам ценной информацией. В то же время три респондента (≈5,8 %) привели по несколько примеров (от 2 до 6).

---

<sup>12</sup> [http://www.phrases.org.uk/bulletin\\_board/29/messages/609.html](http://www.phrases.org.uk/bulletin_board/29/messages/609.html)

«Положительный» материал включает следующие реакции: 4 респондента ( $\approx 7,7\%$ ) указали *senior moment*, 3 ( $\approx 5,8\%$ ) – *déjà vu moment*, 2 ( $\approx 3,8$ ) – *blonde moment*. К единичным относятся следующие реакции: *squirrel moment* (с пояснением: *it is when you all of a sudden get completely distracted from what you were doing*), *mother moment* (с пояснением: *love & discipline & protection*), *team moment* (с пояснением: *give up your walk for the team*), *volunteer moment* (с пояснением: *often getting more inside that what you give*), *aha moment*<sup>13</sup>.

Следует признать, однако, что эти реакции не совсем релевантны для целей нашего исследования. Ценность для нас представляют 8 ответов ( $\approx 15,4\%$ ), в которых респонденты использовали прецедентные имена.

Два респондента ( $\approx 3,8$ ) указали *Kardashian moment*, используя имя широко известного в Америке семейства Кардашьян для обозначения того, что один из респондентов назвал ощущением «полной никчемности» (*completely useless*).

Один респондент привел в качестве примера *Einsteinian moment*, используя прецедентное имя Эйнштейн. Заметим, что это словосочетание, правда с изначальной, а не адъективной формой имени, достаточно употребительно в современном американском английском и зафиксировано в онлайн словарях. Ср.: *Einstein moment* – A moment of above normal awesomeness or pure genius [www.urbandictionary.com].

*Come to Jesus moment*, упоминаемый одним респондентом, также является вполне употребительным словосочетанием, используемым для обозначения нескольких типов событий: момент откровения, момент истины, момент признания своих ошибок, момент возврата к базовым ценностям, момент принятия важного решения, момент переоценки ценностей и др. [www.urbandictionary.com].

*Lincolnesque moment*, по-видимому, был выстроен респондентом по аналогии с тремя другими словосочетаниями, в которых упоминались имена американских президентов. К сожалению, респондент не объяснил значение словосочетания, а сделать какое-либо предположение в данном случае весьма затруднительно.

Интересным представляется словосочетание *marylinmonroe moment*. Респондент не привел пояснений, однако поиск по интернет-источникам позволил установить, что оно обыгрывает известную фотографию, на которой М. Монро запечатлена в развевающемся белом платье. Этот образ давно стал иконическим в американской культуре, однако словосочетание появилось в языке совсем недавно, и нам не удалось найти примеров его потребления до 2016 г. В апреле 2016 г. многие британские и американские газеты с упоением описывали «момент Мэрилин Монро Герцогини Кембриджской» во время ее визита в Индию: *The Duchess of Cambridge almost suffered a Marilyn Monroe moment when a gust of wind blew her dress up as she paid her respects to India's war dead at a national monument* (Mirror, 12.04.2016). Использование этого словосочетания в газетных заголовках стало своеобразным трендом 2016 г.: *Some like it hot! Elsa Hosk has a Marilyn moment as her dress gets caught in the wind while out in NYC* (MailOnline, 08.06.2016); *Ariana Grande Has a Major Marilyn Monroe Moment at MTV Movie Awards* (ET, 10.04.2016); *Michelle Obama Has A Marilyn Monroe Moment On Windy Tarmac In Spain* (Hollywoodlife, 29.06. 2016).

<sup>13</sup> a moment of sudden realization, inspiration, insight, recognition, or comprehension [http://www.merriam-webster.com/dictionary/aha%20moment]



Неудивительно, что респондент вспомнил именно это прецедентное имя, с учетом растущей частотности его употребления в соответствующем контексте в течение нескольких месяцев, предшествовавших проведению этого опроса.

Вызывает интерес словосочетание (*charles*) *summerian moment*. Ч. Самнер был крупным политическим деятелем XIX века, который приобрел широкую известность как борец с рабством. Одним из известнейших эпизодов его биографии является драка с сенатором Бруксом, которая произошла после произнесения им аболиционистской речи «Преступление против Канзаса» в 1856 г. Брукс нанес Самнеру несколько сильнейших ударов тростью, от которых тот потерял сознание. Поскольку драка была публичной, Самнеру был нанесен не только физический, но и значительный моральный ущерб. Можно предположить, что (*charles*) *summerian moment* обозначает публичное унижение или, по крайней мере, ситуацию политической конфронтации, при которой один из противников становится жертвой «неспортивного поведения» своего оппонента. К сожалению, сам респондент не предложил пояснений.

Чрезвычайную ценность имеет и словосочетание *Yogi-bearish moment*. Йоги Берра – это бейсболист, который прославился не столько своими успехами в спорте, сколько нелепыми оговорками (часто малапропизмами), благодаря которым он стал одним из самых цитируемых спортсменов в Америке<sup>14</sup>. Можно предположить в связи с этим, что *Yogi-bearish moment* – это ситуация, когда человек говорит глупость.

Но, пожалуй, самый интересный пример в нашем опросе был дан респондентом, который использовал в качестве прецедентного имени название фильма «11 друзей Оушена» и дал развернутое описание ситуации: *When my friend and I tried to steal a hat from a prostitute in Las Vegas I thought it was going to be an “Ocean’s 11 Moment” but we ended up giving the hat back.*

Проведенный нами эксперимент позволил получить ответы на поставленные выше вопросы и сделать ряд выводов:

1. Рассмотренный нами тип словосочетания строится по продуктивной лексико-синтаксической модели и отражает современные тенденции в развитии событийной семантики в английском языке. О продуктивности модели свидетельствует устойчивый рост числа словосочетаний в письменных текстах периода 2000 – 2016 гг. и способность респондентов построить аналогичные словосочетания по предложенному образцу.

2. Исследуемый тип словосочетания знаком носителям языка. Некоторые словосочетания прошли процесс конвенционализации и закрепились в речевой практике в точных значениях.

3. Их метафорический характер ощущается большинством носителей языка (метафорическая интерпретация была предложена в 98,1 % положительных ответов).

4. Словосочетания модели «прецедентное имя + moment» допускают возможность альтернативных метафорических прочтений, что объясняется их новизной, многоаспектностью исходного прецедентного феномена и произвольностью метафорической проекции, осуществленной первичным концептуализатором. Ран-

---

<sup>14</sup> <http://rinkworks.com/said/yogiberra.shtml>



жирование свойств исходного феномена и профилирование одного из них зависят от сложности самого феномена, а также от знаний человека, системы его ценностей, коммуникативного опыта, субъективных ассоциаций и ряда других факторов. Многие из альтернативных метафорических прочтений представляются валидными и семантически оправданными (ср. *goldilocks moment* как ситуация выбора). Они строятся на основе субъективных ассоциаций по классическим метафорическим схемам и часто с высокой степенью осознанности (респондент эксплицитно описывает механизмы метафоризации), что позволяет говорить о развитой метафорической компетенции.

### Литература

*Danesi M.* Metaphorical competence in second language acquisition and second language teaching: The neglected dimension // Georgetown Univ. round table on languages and linguistics. Washington D.C.: Georgetown Univ. Press, 1992. P. 125-136.

*Floyd R.* The structure of evidential categories in Wanka Quechua. Dallas: SIL/The Univ. of Texas at Arlington, 1999. 206 p.

New directions in Cognitive Linguistics / Ed. by V. Evans and S. Pourcel. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Pub. Com. 2009. 519 p.

*Steen G.J.* Deliberate metaphor affords conscious metaphorical cognition // Cognitive Semiotics. 2013. Vol. 5. Is. 1-2. P. 179–197.

Urban Dictionary – [http:// www.urbandictionary.com](http://www.urbandictionary.com).

## THE PRECEDENT NAME AS A MEANS OF CONCEPTUALIZING EVENTS IN CONTEMPORARY ENGLISH (AN EXPERIMENTAL STUDY)

**Alexandra V. Nagornaya**

Professor at the Department of Foreign Philology  
of Moscow City University

Moscow, 2<sup>nd</sup> Selskokhozyaistvenny Proezd, 4  
[alnag@mail.ru](mailto:alnag@mail.ru)

The paper analyzes the tendency to use the so-called precedent names in combination with the noun *moment* to conceptualize events in contemporary English. Relying on the Corpus of Contemporary American English, the author reveals the main types of precedent names used in this function. The author looks into the semantics of collocations, reveals the circumstances of their coinage and defines the degree of their conventionalization in speech practice. The author goes on to describe an experiment conducted on SurveyMonkey, whose aim was to reveal the mechanisms of metaphorization for precedent names, on the one hand, and to identify the degree to which this type of collocation is common in real speech practice, on the other hand. The author reveals factors that contribute to the correct metaphorical interpretation of the collocations under study, analyzes the possibility of alternative metaphorical readings on the basis of

subjective associations, as well as the possibility of using other interpretational models (mainly metonymy and literal interpretations), and assesses the degree of awareness in building metaphorical mappings. The paper comes up with the conclusion that the lexico-syntactic model under study possesses considerable productivity and its use is a trend in contemporary American English.

**Keywords:** collocation, semantics of eventfulness, precedent name, metaphORIZATION.

### References

*Danesi M.* Metaphorical competence in second language acquisition and second language teaching: The neglected dimension // Georgetown Univ. round table on languages and linguistics. Washington D.C.: Georgetown Univ. Press, 1992, pp. 125-136.

*Floyd R.* The structure of evidential categories in Wanka Quechua. Dallas: SIL/The Univ. of Texas at Arlington, 1999. 206 p.

New directions in Cognitive Linguistics. / Ed. by V. Evans and S. Pourcel. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Pub. Com. 2009. 519 p.

*Steen G.J.* Deliberate metaphor affords conscious metaphorical cognition // Cognitive Semiotics. 2013. Vol. 5. Is.1-2, pp. 179–197.

Urban Dictionary: [http:// www.urbandictionary.com](http://www.urbandictionary.com)

УДК 81'23

**ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ  
АНАЛИЗА СМЫСЛА И ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА**

Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 17-18-01642

«Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели», в Институте языкознания РАН

**Нистратов Александр Алексеевич**

научный сотрудник факультета психологии

МГУ им. Ломоносова

Москва, ул. Моховая, д. 11/9

*a.nistratov@mail.ru*

**Тарасов Евгений Федорович**

заведующий отделом психолингвистики

Института языкознания РАН

125009, Москва, Большой Кисловский пер., д 1

*efi35@mail.ru*

В статье делается попытка обосновать мысль о речевой и неречевой обусловленности речевого высказывания. Цель статьи – теоретически и экспериментально утвердить мысль, что речь в психической норме в форме речевой цепи развертывается в структуре общения коммуникантов, которые в процессе его организации конструируют совместную деятельность, а также показать, что речь обладает статусом речевого действия, имеющего объем, определяемый не языковыми показателями, а целями, достигаемыми коммуникантами. Эксперимент позволяет верифицировать гипотезу об облигаторности неречевого и речевого контекстов для понимания содержания речевых высказываний. Обосновывается возможность представления речевого высказывания как речевого действия. Эксперимент, проведенный в рамках психосемантического подхода, уникальный по форме, обладает достаточной валидностью. Анализируя результаты проведенного эксперимента, можно сделать вывод, что смыслообразование при восприятии текста коммуникативно. Смыслообразование возникает в процедуре воздействия автора текста на реципиента.

**Ключевые слова:** языковое сознание, семантические связи, речевое высказывание, категоризация, семантический дифференциал, семантическое пространство.

Цель нашей статьи – теоретически и экспериментально обосновать мысль, что речь в психической норме в форме речевой цепи развертывается в структуре общения коммуникантов, в ходе которого они организуют совместную деятельность.

Речь как объект анализа в исследовательской парадигме, предлагаемой в этой статье, имеет статус действия, которое состоит не из слов-носителей значений, а из слов-носителей смыслов, которые интенционально ограничены и уточнены в наших экспериментальных объектах речевым контекстом.

В соответствии с представлением о речевом общении как сложном процессе решения двух групп задач (группа задач по организации общения и группа задач по организации совместной деятельности) оно состоит из двух систем речевых действий.

Так как предлагаемая теория речевого общения не может быть верифицирована в одном эксперименте (для доказательства всей теории нужна серия экспериментов), то мы предлагаем эксперимент, имеющий конкретную и ограниченную в известной мере пилотную цель: показать, что речевое действие реально существует только из слов, ассоциированных со смыслами, формируемыми здесь и сейчас при помощи наличных знаний коммуникантов, овнешняемых в процессе производства и восприятия речи.

Казалось бы, идея о том, что люди общаются при помощи грамматически оформленных речевых сообщений банальна, но до сих пор нет точных экспериментальных знаний о том, как результируется деятельность сознания реципиента по конструированию содержания воспринятых речевых действий.

В общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева показано, что активность члена общества может быть описана как деятельность:

*«...Отдельные деятельности отличаются по своим мотивам. Понятие деятельности необходимо связано с понятием мотива. Деятельности без мотива не бывает; “немотивированная” деятельность - это не деятельность, лишенная мотива, а деятельность с субъективно и объективно скрытым мотивом. Основными образующими отдельных человеческих деятельностей являются осуществляющие их действия. Действием мы называем процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, т.е. процесс подчиненный сознательной цели. Подобно тому, как понятие мотива соотносится с понятием деятельности, понятие цели соотносится с понятием действия.*

*...Деятельность обычно осуществляется некоторой совокупностью действий, подчиняющихся частным целям, которые могут выделяться из общей цели; при этом специальный случай состоит в том, что роль общей цели выполняет осознанный мотив, превращающийся благодаря его осознанию в мотив-цель» [А.Н. Леонтьев 1974: 12 -14].*

Речь в структуре деятельности обладает статусом действия: каждое речевое высказывание (или совокупность высказываний) побуждается потребностью достичь некоторого результата и заканчивается с достижением этого результата. Например, в русском узусе существуют кодифицированные речевые действия, цель которых - привлечь непроизвольное внимание собеседника: «Простите, пожалуйста, не подскажите, как пройти...», «Разрешите обратиться!» или ориентировать его в себе: «Разрешите представиться, полковник N», «Профессор Маховиков», «Я мама Миши Протасова!».

Иначе говоря, деятельность вместе с общением, существующим для наблюдателя-исследователя как совокупность речевых действий, направленных на организацию самого общения и деятельности, образуют структуру, детерминирующую речевую активность коммуникантов. В самом общении целесообразно различать собственно речевое общение, принимающее форму речевых действий, развертываемых для решения задач по организации самого общения (привлечение

непроизвольного внимания, удержание внимания, ориентирование собеседника в себе, установление соотношения социальных статусов коммуникантов и установление атмосферы общения), и их социальное взаимодействие – интеракцию, которая результируется в построении некоторого образования, имеющего пространственную, социальную, знаково-символическую и акциональную структуру, отображаемую в сознании партнеров как образы ситуации общения полностью, а чаще только частично совпадающие.

Таким образом, речевые высказывания коммуникантов детерминированы ситуативно предметно-деятельностным контекстом и развертываются только ради него. Хотя речь каждого коммуниканта целенаправленна и мотивирована его предметом-мотивом, она сверх того детерминирована ответными репликами партнера, которые для каждого партнера, преследующего в этой конкретной интеракции свою цель, имеют статус обратной связи, показывающей, достигает ли он своей цели или не достигает.

Все изложенные соображения относительно неречевого контекста имеют только один смысл – показать, что речь в общении обладает статусом *речевого действия*, имеющего объем, определяемый не языковыми показателями, а целями, достигаемыми коммуникантами.

Практика показывает, что речевые высказывания в функции речевых действий должны иметь предикативную структуру, т.е. иметь предикат (обладать предикацией), соотносящий содержание высказывания с реальной действительностью.

Кроме того, в теории речевой деятельности А.А. Леонтьева хорошо обоснована мысль, что слово в речи имеет статус носителя не значения, а смысла.

Значение слова, а также предмета, действия и явления, вслед за А.Н. Леонтьевым, целесообразно понимать как знание, ассоциированное со словом, предметом, действием, явлением, которые суть общие для всех носителей языка. А смысл слова – это знание, ассоциированное со словом, употребляемом в конкретном речевом и неречевом контексте, которые (слова) означивают (и тем самым уточняют) это содержание, необходимое для конкретного акта общения и конкретной деятельности.

Таким образом, изложенные соображения позволяют нам построить прозрачную, правдоподобную гипотезу: только речевое высказывание (текст), сконструированное для достижения целей общения и организации совместной деятельности, создает оптимальную ситуацию для функционирования речевых действий по управлению сознанием реципиента. Для исследования данной гипотезы предложен психосемантический эксперимент как инструмент анализа смысла и значения слова.

В случае психосемантического подхода в исследовании особенностей понимания текста использовался метод контролируемых ассоциаций. К нему следует отнести многомерную оценку методом семантического дифференциала (СД) отношения респондентов к различным текстам. По результатам этих исследований получены интересные результаты по категориальной структуре оценок восприятия текста. Текст можно рассматривать с точки зрения ассоциированной с ним информации. С помощью метода СД можно определить смысловые особенности понятий, используемых в исследовании понимания текста. Представления исследователя об изучаемом явлении дополняются информацией о категориальной системе сознания

респондентов. Эта техника может применяться при разработке методик для изучения восприятия любой информации.

Применяя метод СД, можно определить расстояние между смыслами шкалируемых объектов в числовом виде. Это позволяет оценить различие в оценке разных объектов испытуемым или группой испытуемых.

В результате проведения экспериментального исследования понимания текстов была построена матрица данных. Полученные в ходе эксперимента данные обрабатывались по программе факторного анализа. Семантическое пространство по выделенным факторам позволило оценить категориальную структуру сознания испытуемого, выявить структуру восприятия им текстового материала.

#### **Описание эксперимента**

В работе исследовалось восприятие некоторых текстов студентами московских вузов. Исследование проводилось с использованием методики частного СД.

В эксперименте приняли участие 27 респондентов в возрасте 18 – 24 лет.

#### **Инструкция респондентам:**

«Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 5, насколько каждое из предложенных качеств ассоциируется с данными текстами».

#### **Проведение эксперимента:**

Для оценки предъявляемых текстов респонденту давался бланк для фиксации оценки.

#### **Текстовые объекты:**

- объект, обозначенный «1», – оригинальный, естественный текст:

Конечно, можно предположить, что на деле война разгорелась по другим причинам и шла за реальные интересы государств, а сказочное предание о похищенной жене далекого царя было присоединено к повествованию о войне как красивый романтический зачин. Это очень реалистичное предположение, и высказывалось много догадок об истинных причинах Троянской войны: колонизационная политика ахейцев, захват торговых путей в Черное море, тяготение к залежам металлов и т. п. Но предположение о сказочном зачине для повествования о реальной войне действительно лишь в том случае, если будет доказано: а) что такая война действительно имела место в истории и б) что в самом сказочном сюжете о похищении супруги царя война за возврат царицы не предусмотрена. Ибо если она предусмотрена, тогда напрашивается противоположная гипотеза – что этот сюжет и есть первичное ядро всей эпопеи, что сама война (Троянская война!) не что иное, как оснащение сказочного сюжета историческими реалиями, надерганными из разных легенд.

- объект обозначенный «1Б», – слова оригинального текста, расположенные в случайном порядке:

войны присоединено интересы деле красивый торговых действительно похищении война возврат политика истории а жене предусмотрена место захват тяготение можно реальной повествованию далекого реалиями место высказывалось супруги захват надерганными государств, предположить война предположение металлов тогда о войне что Но для в море присоединено Это реалистичное Троянская романтический о похищенной за реальные не что разгорелась сказочное действительно такая к сказочном о войне если б что догадок колонизационная ахейцев ви и т. случае имела по другим шла Конечно много из легенд очень как на Черное



повествования путей царя причинам было разных царицы о зачине и как война за Предположение лишь предание сказочном Троянской зачин сама что исторически-мифическое оснащение война присоединено об истинных сюжете предусмотрена причинах если и сюжета реальные война! не в том царя

- объект, обозначенный «1ВБ», – слова оригинального текста, расположенные в случайном порядке и приведенные к основной лексической форме:

война присоединить интерес дело красивый торговый действительно похищение война возврат политика история а жена предусмотреть место захват тяготение можно реальный повествование далекий реалии место высказывать супруга захват надерганый государство, предположить война предположение металл тогда о война что Но для в море присоединить Это реалистичный Троянский романтический о похищенный за реальный не что разгореться сказочный действительно такой к сказочный о война если б что догадка колонизационный ахейцы и в т.п. случай иметь по и другой идти Конечно много из легенда очень как на Черный повествование путь царь причина быть разный царица о зачин и как война за Предположение лишь предание сказочный Троянский зачин сам что исторический сказочный оснащение война присоединить об истинный сюжет предусмотреть причина если и сюжет реальный война! не в том царь.

В результате обработки данных после поворота факторных структур было выделено шесть независимых, ортогональных факторов, интерпретация которых дается ниже. Факторы перечисленные в порядке убывания вклада в общую дисперсию (Естественность - 20,2%, Реалистичность – 15,6%, Упорядоченность – 13,5%, Понятность – 13,2%, Изошренность – 11,7%, Оригинальность – 8,5%), можно назвать исходя из входящих в них шкал следующим образом:

**Естественность** (легкий, спокойный, обычный, естественный, несложный, предсказуемый).

**Реалистичность** (реалистичный, яркий, глубокий, интересный).

**Упорядоченность** (упорядоченный, четкий, нековарный, нехитроумный).

**Понятность** (понятный, ясный, несимволический, непримитивный).

**Изошренность** (изошренный, образный, выразительный).

**Оригинальность** (оригинальный, нешаблонный, неабстрактный).

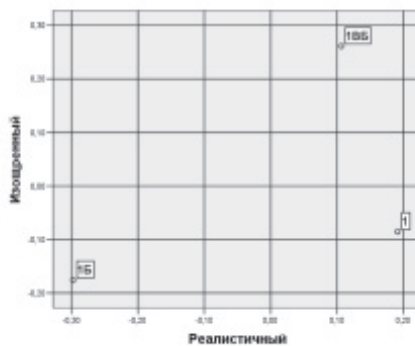
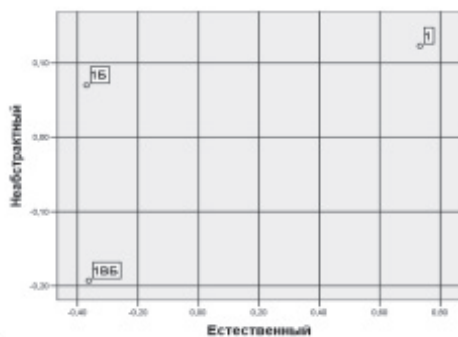
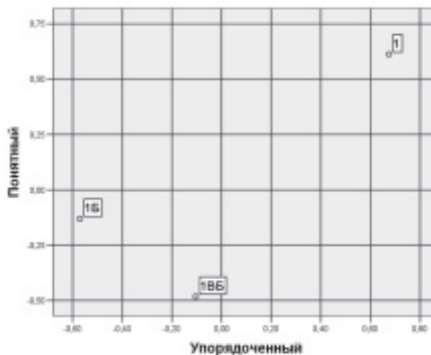
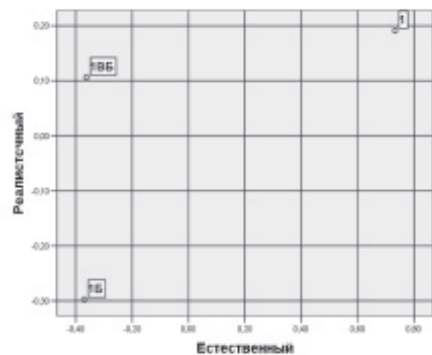
Полученная категоризация восприятия текстов позволяет говорить о достаточно хорошем подборе шкал в результате предварительного эксперимента. Рассмотрим представленные на графиках семантические пространства. В пространстве «естественность – реалистичность» текст «1» оценивается как наиболее *естественный, обычный, предсказуемый*. Тексты «1Б» и «1ВБ» расположены на противоположном полюсе по оси «естественность», что вполне ожидаемо. По оси «реалистичность» текст «1ВБ» воспринимается как в достаточной степени *реалистичный, яркий, интересный*, в то время как текст «1Б» занимает противоположную сторону на этой оси. Можно отметить существенную разницу в восприятии текста «1Б» (слова оригинального текста, расположенные в случайном порядке) и текста «1ВБ» (слова оригинального текста, расположенные в случайном порядке и приведенные к основной лексической форме). Текст «1ВБ» оценивается как значительно более *интересный, глубокий, яркий, реалистичный*, чем текст «1Б»; это позволяет сделать предположение, что текст, состоящий из слов, приведенных к основной

лексической форме, имеет больше прав на существование, чем текст, состоящий из слов оригинального текста, расположенных в случайном порядке. Анализируя пространство «упорядоченность – понятность», видим, что реальный авторский текст «1» воспринимается наиболее *упорядоченным, четким*. Текст «1Б», состоящий из слов авторского текста, расположенных в случайном порядке, оценивается как *коварный, хитроумный, нечеткий и неупорядоченный*. Возможно, респонденты видят в этом тексте какой-то коварный умысел, зашифрованность смысла. Текст «1ВБ», с приведенными к основной лексической форме словами, занимает промежуточную позицию между текстами «1» и «1ВБ» по фактору «упорядоченность». Иная картина по фактору «понятный». Текст «1» естественно оценивается как наиболее *понятный, ясный*, но текст «1ВБ» воспринимается как наиболее *примитивный, непонятный, неясный* и в то же время как *символический*. Текст «1Б» по этой оси находится между «1» и «1ВБ». Это можно объяснить тем, что в тексте «1Б» местами все же просматривается некоторый смысл. Пространство «изошренный – оригинальный» показывает, что текст «1ВБ» воспринимается респондентами как более *изошренный и образный*, чем тексты «1» и «1Б». По фактору «оригинальный» текст «1» имеет наибольшее значение (*нешаблонный, неабстрактный*). Текст «1Б» несколько меньше. Текст «1ВБ» воспринимается как наиболее *абстрактный и шаблонный, но неоригинальный*. В результате можно сказать, что авторский текст воспринимается как *естественный, реалистичный, упорядоченный, понятный, немного оригинальный*, но не *изошренный* см. Таблицу №1. Текст «1Б», состоящий из слов оригинального текста, расположенных в случайном порядке, воспринимается как немного *оригинальный, но неестественный, неупорядоченный, непонятный, нереалистичный и неизошренный*. Текст «1ВБ», состоящий из слов оригинального текста, расположенных в случайном порядке и приведенных к основной лексической форме, выглядит в глазах респондентов как самый *непонятный, неестественный, неоригинальный и неупорядоченный*, но достаточно *изошренный и обладающий небольшой реалистичностью*.

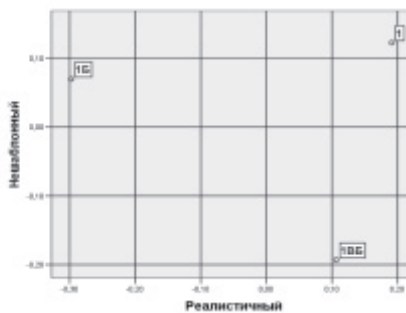
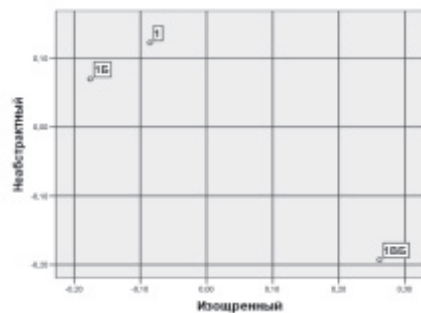
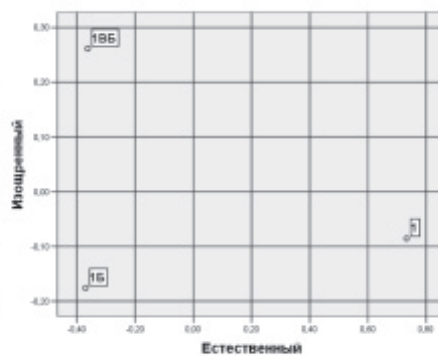
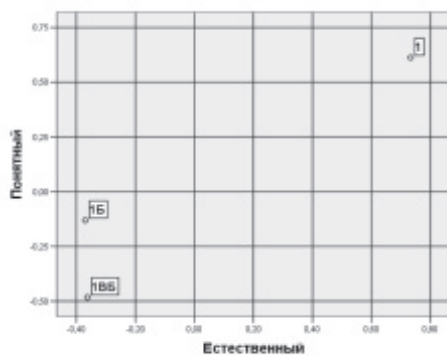
Таблица №1

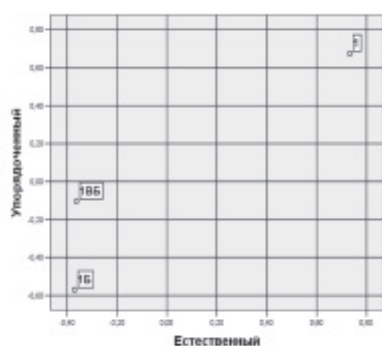
Тексты	Естественность	Реалистичность	Упорядоченность	Понятность	Изошренность	Оригинальность
1	,73	,2	,67	,61	-,1	,12
1Б	-,37	-,3	-,6	-,13	-,2	,07
1ВБ	-,36	,11	-,10	-,48	,26	-,2

## Теоретические и экспериментальные исследования



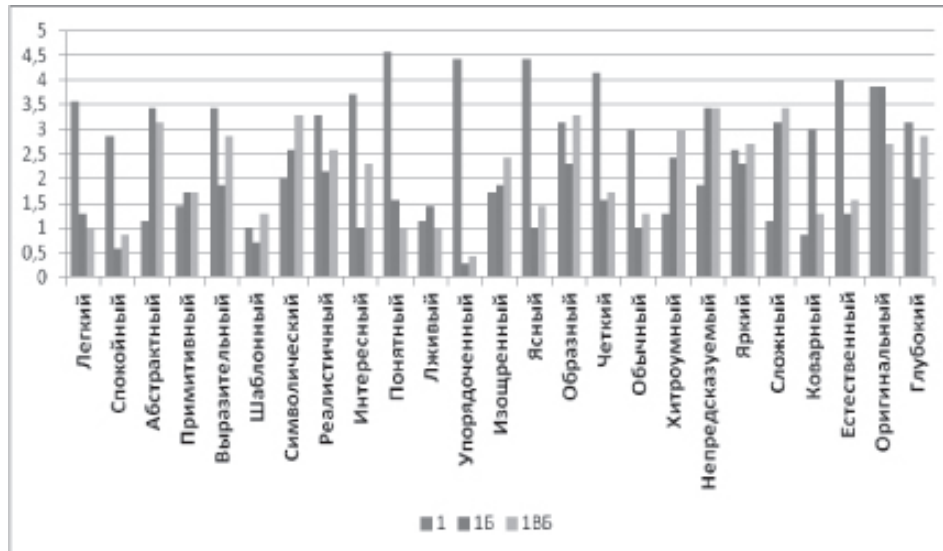
С





На приведенной ниже диаграмме показаны оценки текстов по каждой шкале. Как видно из диаграммы, самым легким для восприятия респонденты считают основной оригинальный текст. Он же воспринимается как наиболее *спокойный*. Тексты «1Б» и «1ВБ» оцениваются как наиболее *абстрактные*. Наиболее *выразительным* является оригинальный текст, и несколько меньше - текст «1ВБ». На первый взгляд может показаться странным, что текст «1Б» менее *выразителен*, чем «1ВБ», но этому способствует слишком явная неопределенность содержания этого текста. Наиболее шаблонным выглядит текст «1ВБ», т.к. имеет фактически форму словаря. Оригинальный текст, судя по диаграмме, воспринят как наиболее *легкий, выразительный, реалистичный, интересный, понятный, упорядоченный, ясный, четкий, обычный, достаточно глубокий и естественный*. Текст «1Б», где слова оригинального текста расположены в случайном порядке, и текст «1ВБ», где слова оригинального текста расположены в случайном порядке и приведены к основной лексической форме, оцениваются практически одинаково по шкалам: *абстрактный, непредсказуемый, сложный*. Надо отметить, что текст «1Б» воспринимается как наиболее *коварный*. Возникновение местами некоторых необычных смыслов создает этот эффект. Что касается сложности и *непредсказуемости*, то тексты «1Б» и «1ВБ» оцениваются практически одинаково.

Анализируя результаты проведенного эксперимента, можно сделать вывод, что смыслообразование при восприятии текста коммуникативно. Смыслообразование формируется в ходе воздействия автора текста на реципиента.



### Литература

Кэррол Джон Б. Факторный анализ стилевых характеристик прозы // Семиотика и искусствове́метрия, М.: Мир, 1972.

Osgood Ch. Studies on Generality of affective meaning system // Amer. Psychol., 1962, v. 17, pp. 10 - 28.

Osgood Ch., Suci G.J., Tannenbaum P. H. The measurement of meaning. Urbana, 1957. 342 pp.

Osgood C.E. Semantic space revisited. Word, 1959. P.15, 195 - 200.

**THE PSYCHOSEMANTIC EXPERIMENT AS A TOOL TO ANALYZE  
THE MEANING AND SENSE OF A WORD**

**Aleksandr A. Nistratov**

Researcher

Lomonosov Moscow State University

Moscow, ul. Mokhovaya, 1/9

*a.nistratov@mail.ru*

**Evgeniy F. Tarasov**

Professor

Head of the Department of Psycholinguistics

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Moscow, B. Kislovskiy lane, 1/1

*eft35@mail.ru*

The article makes an attempt to give scientific credence to the idea about verbal and non-verbal determination of speech utterance. The article presents factors of non-verbal determination of the utterance in the form of communication (interaction) and joint activity that determine both the form and content of speech utterances. The experiment verifies the hypothesis of obligatory non-verbal and verbal contexts for the understanding of speech utterances. The authors give reasons for the interpretation of the speech utterance as a speech action. The experiment based on the psychosemantic approach is unique in its form and valid. Results of the experiment permit to conclude that making sense in text perception has the communicative character. Sense development occurs in the process of the author-recipient interaction. The authors have obtained extensive data that characterize categorical peculiarities of evaluations in text perception.

**Keywords:** language consciousness, semantic connections, categorization, semantic space.

**References**

*Carroll J.B.* Factorniy analisis stilevih haracteristic prozy [A Factor Analysis of Literary Style] // *Semiotica y yscusstvometrija* [Semiotics and the measurement of art], M.: Mir, 1972.

*Osgood Ch.* Studies on Generality of affective meaning system // *Amer. Psychol.*, 1962, v. 17, pp. 10 - 28.

*Osgood Ch., Suci G.J., Tannenbautn P.H.* The measurement of meaning. Urbana, 1957. – 342 p.

*Osgood C.E.* Semantic space revisited. *Word*, 1959, pp. 15, 195 - 200.



УДК 81'22

**КУЛЬТУРА КОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ  
И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ  
И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта  
№ 17-26-01007 «Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной  
глобализации: глобальный и региональный аспекты».

**Пильгун Мария Александровна**

профессор

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

127411, Москва, ул. Яхромская, 1-222

*mpilgun@hse.ru*

**Дзялошинский Иосиф Мордкович**

профессор

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

109028, Москва, Хитровский пер., 2/8, корп. 5

*idzyalochinsky@hse.ru*

Статья посвящена анализу взаимоотношений между коммуникационными практиками, используемыми в различных областях массовой, публичной и межличностной коммуникации, и культурой. Рассматривается гипотеза о том, что культура – в том числе коммуникативная культура – представляет собой комплекс взаимосвязанных социальных институтов, определяющих сознание и поведение людей, включенных в данную культуру. В качестве эмпирического материала использован контент, собранный в социальных сетях (Фейсбук, ВКонтакте). Сложность задач, поставленных в исследовании, определила использование междисциплинарного подхода. Для анализа полученных данных использовались метод зерновой кластеризации и метод координационного управления смыслом. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью программного обеспечения «Automar». Один из важных выводов исследования заключается в том, что в настоящее время российская культура вместе с встроенными в нее моделями коммуникационных практик вошла в полосу существенных трансформаций, для понимания которых необходимо теоретическое переосмысление самих категорий «культура» и «коммуникация».

**Ключевые слова:** культура, коммуникация, цифровая и социокультурная глобализация.

**Введение**

В условиях цифровой и социокультурной глобализации культура коммуникаций приобретает особое значение и может рассматриваться в разных ракурсах: глобальный и региональный аспекты, межкультурные и кросс-культурные аспекты и пр. Вопросы взаимозависимости практики коммуникации и культурных паттер-

нов изучались уже достаточно подробно. Различные варианты решения вопроса зависят от интерпретации понятий «коммуникация» и «культура».

Известно, что любая практика коммуникации опирается на некие культурные представления. Понятием культура в данном случае обозначается общий и принятый всеми способ мышления (К. Юнг); специфический способ восприятия и поведения (Т. Эллиот); общая линия, связывающая разные аспекты человеческой деятельности (М. Мамардашвили) и др. Например, Эдвард Холл, раскрывая особенности межкультурной коммуникации, сформулировал идею об однородности и взаимодетерминированности коммуникации и культуры: по его мнению, культура и коммуникация – пересекающиеся, тождественные категории [Hall 1959]. Положение о том, что культура развивается и функционирует преимущественно посредством коммуникации, доказывается во многих работах (см., например, [Гирдхам 1999; Хаслетт 1989; Лотман 2004] и др.).

Мы еще вернемся к анализу данных понятий, но перед этим надо обозначить суть проблемы, вынесенной в название статьи.

*Цель представленной работы* – анализ взаимоотношений между коммуникационными практиками, используемыми в различных областях массовой, публичной и межличностной коммуникации и той трудноуловимой субстанцией, которая именуется культурой; подтверждение положения о том, что культура представляет собой комплекс взаимосвязанных социальных институтов, определяющих сознание и поведение людей, в том числе коммуникативные практики.

Среди множества особенностей современной цивилизации чаще всего выделяются три: глобализация, информатизация (включая медиатизацию), массовизация. В рамках данной статьи предполагается, что это один и тот же процесс, имеющий три обличья. Для нас важно констатировать, что обозначенные выше факторы радикальным образом меняют как культуру в целом, так и культуру коммуникации.

*Исследовательские вопросы:* как именно особенности современной цивилизации меняют культуру коммуникации; что происходит с культурой коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации? Поиск ответов на эти вопросы предполагает выявление процессов, которые происходят в сфере коммуникации и культуры в современном мире.

*Материалом* для эмпирического исследования послужила база данных, актуализированная в январе – мае 2017 г, которая состояла из 200 активных групп в социальной сети Facebook и 12 183 акторов сети Фейсбук, выборка которых осуществлялась из ранее отобранных групп; а также база данных, актуализированная в январе – мае 2017 г, которая включала 15 021 акторов социальной сети «ВКонтакте».

*Метод исследования:* в ходе исследования использовался метод зерновой кластеризации (Г. Градосельская); метод координационного управления смыслом *SMM – coordinated management of meaning* (B. Pearce, V. Cronen) для анализа конвергентного текста; метод компонентного анализа, оппозиций, графов; комбинаторный метод для анализа структуры семантико-коммуникационных полей.

*Обработка полученных данных* осуществлялась с помощью программного обеспечения «Automap».

#### **Культура в системе социальных институтов**

Существует множество определений и толкований понятия «культура». По мнению Э. Шейна, «культура группы может быть определена как паттерн коллек-

тивных базовых представлений, обретаемых группой при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и передавать новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем» [Шейн 2002, 20].

Оттолкнувшись от этого определения, мы считаем возможным применить к анализу культуры институциональный подход.

Изучая паттерны коллективных базовых представлений, исследователи сформулировали концепцию институциональной среды, которая представляет собой комплекс основных социальных, экономических, политических и других институтов (см. [March, Olsen 1984; 2005]), образующих институциональную матрицу, определяющую потенциальные направления деятельности людей [Поланьи 2002]. Характеристики институциональной матрицы определяются особенностями социального или географического ареала, где она образовалась и в пределах которого существует. В процессе социализации личности происходит «субъективация» институтов, которая позволяет интегрировать в психический строй личности соответствующие модели поведения.

Описанный выше подход позволяет рассматривать культуру как многоуровневую систему норм, критериев и алгоритмов, которые определяют социально адекватное поведение и эффективную деятельность. Или, по-другому, под понятием «культура» можно подразумевать совокупность эталонов, знаний и ценностей, которые позволяют адаптироваться к окружающей среде или трансформировать ее в зависимости от нужд, целей и представлений человека.

Изменения внешней среды приводят к трансформации культуры. При медленном темпе трансформации внешней среды изменения культурных кодов происходят постепенно, наиболее комфортно для членов общества. Однако и в этом случае не исключены культурные конфликты. При высоком темпе изменений внешней среды, когда привычная традиционная культура становится неэффективной, возникает «культурный шок». С одной стороны, возникает четкое понимание неадекватности старой культуры, необходимости отказа от нее, с другой – данная культурная модель продолжает обладать для членов общества безусловной ценностью. Конфликт вызывает неприятие новой действительности, в которой технологии старой культуры оказываются бесполезными. В поиске новых жизненных ориентиров в конфликтной ситуации человек часто предпочитает «культуру агрессии», которая в краткосрочной перспективе кажется прагматичнее «культуры солидарности». При этом изменения коммуникативной сети приводят к ее расширению, человек теряет возможность контролировать объем появления и скорость распространения информации. Более того, жизнь личности все больше определяется глобальной коммуникацией, зависит от нее.

В подобных условиях не только отдельный человек, но и вся культура – как социальный институт – пытается найти наиболее безболезненные формы адаптации к меняющимся обстоятельствам существования.

Ситуация осложняется тем, что культура, в которую встроен современный человек, представляет собой многослойный конгломерат, в котором отчетливо выделяются три компонента. Нижний слой – локальная культура, традиционная культура конкретного села, деревни, города. Локальная культура также находит

выражение в различных социальных группах или субкультурах. Средний слой – официальная культура, формируемая государственной системой. Распространение комплекса определенных норм и ценностей – обязательная функция государства, позволяющая воздействовать на граждан, объединять их и управлять ими. Третий слой – глобальная культура, которая является следствием глобализации. Неоднозначные пути формирования данного типа культурной парадигмы сегодня являются одним из самых популярных объектов исследования специалистов различных профилей. В настоящее время между этими «слоями» возникают напряженные, а иногда и враждебные отношения, выражающиеся в понятиях «агрессия», «интолерантность», «неприятие». Таким образом, в современных условиях человек должен приспосабливаться не к одной, а сразу к трем культурам.

#### **Типы культурных систем**

Однако так понимаемая культура отнюдь не однородна. Например, некоторые специалисты, в частности Г. Льюис, исходя из национальных, психологических и других особенностей народов, условно разделяют культуры, в том числе коммуникационные, на три типа: моноактивные, полиактивные и реактивные [Льюис 2001]. Г. Хофстеде создал классификацию стран по типам ведущих культурных ценностей [Hofstede 1991]. А.Г. Асмолов представил классификацию культур, сформировавшихся в ходе истории, в соответствии с их тяготением к двум полюсам: полюсу полезности и полюсу достоинства [Асмолов 2012].

Наш подход к проблемам культуры может быть сформулирован следующим образом. Современная российская культура представляет собой амальгаму из трех разных культур:

**космоцентрическая культура**, которая определяет отношения человека к окружающему миру на принципах органичности, целостности и взаимосвязанности всего сущего в этом мире;

**социоцентрическая культура**, в основе которой лежит идея, согласно которой центром мироздания является человеческое сообщество, к которому человек себя относит (специфика социоцентрической культуры заключается в растворении личности в некоем «Мы», какой-либо общности, которая выступает по отношению к этому индивиду как высшая власть и высшая сила);

**эгоцентрическая культура**, которая характеризуется стремлением к самоутверждению личности, к радости потребления и созидания, к власти над другими.

Конечно, следует заметить, что вышеперечисленные типы культуры – теоретические модели. На практике корректнее говорить о преобладании – большем или меньшем – одного из типов.

#### **Коммуникационные институты**

Существует огромное множество определений понятия «коммуникация». Чаще всего сердцевиной этих определений является тезис о том, что коммуникация представляет собой процесс передачи некоего содержания от одного сознания (индивидуального или коллективного) к другому посредством знаков. Иногда акцент делается на том, что коммуникация не просто передает смыслы, а объединяет людей в некие общности. Наш подход к коммуникации опирается на положение о том, что любая коммуникация осуществляется в соответствии с некоторыми **нормами и правилами, имеющими внеличностный и внегрупповой характер**. Признание этого вполне очевидного тезиса предполагает возможность осмысления коммуникации в рамках институционального подхода.

Можно заключить, что в современном обществе представлен конгломерат коммуникационных институтов. Верх иерархической системы занимают мегаинституты, охватывающие все общественные отношения (массмедиа пр.). Далее располагаются институты, обеспечивающие более узкое коммуникационное взаимодействие значимых общественных сфер (экономической, политической, социальной и пр.). Очевидно, что данные структуры не существуют обособленно, а находятся в постоянном взаимодействии, что приводит к возникновению гибридных коммуникационных институтов. И наконец, «низший» уровень занимают институты, обслуживающие коммуникационные практики в частных общественных сферах [Дзялошинский 2012]. Коммуникационные институты взаимодействуют друг с другом и с другими социальными институтами, определяя способы взаимодействия людей.

Как же сказываются на институциональных особенностях культуры и коммуникации обозначенные выше процессы глобализации, информатизации, массовизации?

Что касается глобализации, то, размышляя о ней, эксперты чаще всего концентрируются на таком аспекте, как глобализация экономики. Новая экономика, согласно Ф. Броделю и И. Валлерстайну, представляет собой систему, способную функционировать как единый механизм в режиме реального времени, охватывая весь мир. Однако глобализация предполагает объединение не только экономик, но и информационных, образовательных, культурных систем. Новый глобальный медиапорядок разрушает национальные границы и национальные системы массовой коммуникации. Глобализация интенсивно влияет не только на экономический, политический и социальный контексты, но и на специфику межкультурных связей, видоизменяет культурные практики.

Большинство исследователей согласны с тезисом, что культура будет развиваться в рамках тенденции, закрепившей соотношение народной, элитарной и массовой культур, наметившейся еще в конце 30-х годов XX столетия и зафиксированной в классических трудах Н.А. Бердяева «Философия неравенства», Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», «Дегуманизация искусства», «Размышления о Дон Кихоте» и др. Массовая культура расширяет сферу влияния, становится доминирующим типом культуры, подавляет народную культуру и деформирует элитарную.

Что касается информатизации, то большинство исследователей рассматривает информационное общество как следующий этап развития постиндустриального общества, на котором происходят радикальные изменения во всех сферах общественной жизни, глубоким трансформациям подвергаются производственная сфера, социальная система, модели потребления и распространения информации. Развитие информационного общества приводит также к усилению культурного неравенства различных социальных групп. Основным средством связи и источником информации в информационном обществе становится Интернет, который породил целый ряд принципиально новых социокультурных феноменов. Одной из важнейших особенностей информатизации является масштабная медиатизация всех общественных отношений.

### **Региональный аспект коммуникативных паттернов пользователей социальных сетей: российский вариант**

Анализ интегральных и дифференциальных характеристик коммуникативных паттернов пользователей социальных сетей различных региональных вариантов – одна из самых интересных и насущных проблем. Очевидно, что мировые сетевые структуры, представленные в различных культурных ареалах, имеют существенные различия. Например, Фейсбук, успешно представленный практически во всем мировом медиа-

пространстве, имеет существенные отличия в различных национальных контекстах. Изучение глобальных и региональных особенностей использования социальных сетей – следующий этап исследования.

Российский региональный вариант коммуникативных паттернов пользователей социальных сетей был выделен на основе анализа социальных сетей Фейсбук и ВКонтакте.

Эмпирическое исследование проводилось по следующей схеме.

Сбор и анализ данных в Интернете.

Разработка и наполнение аналитического хранилища.

Сбор данных из социальных сетей.

Моделирование медиапространства.

Базовые единицы анализа:

концепт;

конвергентный текст;

контекст;

актор.

Социолингвистический анализ коммуникативного поведения акторов:

Семантико-тематические поля.

Эксплицитные средства выражение интенции, оценки, мнения.

3.2.1. Прямые средства воздействия.

3.2.1.1. Орфографические и графические средства.

3.2.1.2. Речевые средства:

3.2.1.2.1. Фонетические.

3.2.1.2.2. Морфологические.

3.2.1.2.3. Синтаксическое.

3.2.1.2.4. Стилистические.

3.2.2. Коммуникативные ресурсы:

3.2.2.1. Предпочтительные стратегии (ритуальные, убеждающие, императивные, провокационные)

3.2.2.2. Тактики прямого речевого и коммуникативного воздействия.

3.2.2.3. Посты, комментарии, ссылки, лайки.

3.2.2.4. Количество групп.

3.2.2.5. Количество сообщений.

3.3. ИмPLICITное выражение интенции, оценки, мнения:

3.3.1. Орфографические и графические средства.

3.3.2. Речевые средства:

3.3.2.1. Фонетические.

3.3.2.1. Морфологические.

3.3.2.1. Синтаксическое.

3.3.2.1. Стилистические.

3.3.3. Коммуникативные ресурсы:

3.3.3.1. Предпочтительные стратегии (ритуальные, убеждающие, императивные, провокационные)

3.3.3.2. Тактики косвенного речевого воздействия.

3.3.3.3. Посты, комментарии, ссылки, лайки.

3.3.3.4. Количество групп.



3.3.3.5. Количество сообщений.

3.4. Визуальный контент.

3.5. Аудиальный контент.

3.6. Интегрированные коммуникативные ресурсы.

Исследование подтвердило закономерность выделения пяти основных коммуникативных паттернов российских социальных сетей: информативно-аналитический, коммуникативно-гедонистический, презентативный, имитационный и потребительский. Данные паттерны были выделены в ходе проведенного в 2013 году опроса 500 респондентов и анализа постов блогеров, входящих в Топ 2000 Живого журнала (28 000 человек) [Пильгун 2014].

Информационно-аналитический паттерн

Пользователи, которые используют данный паттерн, являются технически грамотными, обладают разнообразным арсеналом коммуникативных средств, используют большой спектр алгоритмов и специальных средств для достижения своих целей в медиaprостранстве. Они сосредоточены на постоянном отслеживании новых ресурсов и технологий, сразу их тестируют, обсуждают в соответствующих группах достоинства и недостатки, легко переходят из одних систем в другие. Акторы достаточно прагматично подходят к поиску информации. Пользователи, способные использовать данную модель коммуникации, могут свободно применять практически весь ресурс эмотивных элементов интернет-коммуникаций, а также создавать собственные авторские элементы. Между тем их коммуникативное поведение может характеризоваться и как эмоционально сдержанное.

Коммуникативно-гедонистический паттерн

Акторы нуждаются в постоянной сетевой активности, обладают высокой потребностью в общении, реализуемой в сетевом пространстве. Сетевая коммуникация в данном случае – способ расширения социальных связей. Можно предположить, что пользователи, которые используют коммуникативно-гедонистический паттерн, направляют все свои усилия и технические возможности только в специфической сфере онлайн-коммуникаций, которая, по их мнению, повышает их популярность. Коммуникативные ресурсы также используются только с позиций привлечения внимания и одобрения других пользователей, для увеличения социального сетевого капитала. Техническая подготовленность данных акторов, как правило, позволяет им пользоваться широким набором инструментария, но не создавать оригинальные средства. Пользователи, относящиеся к коммуникативно-гедонистическому паттерну, могут использовать эмоциональные элементы качественнее, чем те, кто относится к информационно-аналитическому, однако они менее технологично развиты, поэтому если они будут производить элементы, то на уровень ниже или в разы дольше, чем с этим смогут справиться представители информационно-аналитического паттерна.

Презентативный паттерн

Акторы активно создают профили в социальных медиа с целью сформировать определенный имидж. Главное внимание автор уделяет профилю, т.е. наобrazу, который создает его страница. Пользователи настроены исключительно на позитивное отношение других акторов, агрессивная коммуникативная или критика резко расходится с их мотивацией. Разумеется, подобная реакция характерна и для представителей других паттернов, но представители презентативной модели рассматривают онлайн-коммуникацию как часть профессиональной деятельности, что определяет специфику

поведения в сети. Публикации пользователей, относящихся к данному паттерну, содержат преимущественно имплицитную оценку информации.

#### Имитационный паттерн

Данную стратегию применяют пользователи, для которых коммуникация в сети является либо игрой, либо возможностью решить свои психологические проблемы. Веб-коммуникация позволяет примерить на себя роль, которую актер хотел бы играть в реальном мире, компенсировать неудовлетворенность реальным положением дел. Карнавализация общения – главная характеристика использования имитационного паттерна. Между тем пользователи могут решать также самые разнообразные коммуникативные задачи: получение оперативной ответной реакции, замена/имитация офлайн-общения, получение эмоциональной поддержки и т.д.

Показательно, что для представителей данного паттерна, более чем для других групп, характерно стремление к визуализации – вероятно потому, что именно визуализация позволяет имитировать различные типы коммуникативного взаимодействия, минимизировать затраты на интерпретацию информации.

#### Потребительский паттерн

Актеры, как правило, имеют слабую техническую подготовку, неуверенно оперируют алгоритмами и технологиями. Практически не размещают информацию о себе в сети, занимая пассивную позицию. Между тем, подобное коммуникативное поведение характеризует также людей, которые не хотят или опасаются распространять о себе какие-либо сведения. Нужно заметить, что таких пользователей становится все больше. Также данный паттерн характеризуется низкой степенью участия в онлайн-взаимодействии с другими пользователями.

#### Обсуждение

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время российская культура вместе со встроенными в нее моделями коммуникационных практик вошла в полосу существенных трансформаций. В такие периоды на место базовых институтов, которые призваны сохранять традиционные нормы и схемы взаимодействия членов социума и их деятельности, выдвигаются комплементарные институты, которые соответствуют новаторским форматам. Российская институциональная матрица претерпевает коренное преобразование, вызванное трансформацией политических, экономических, социальных, правовых, образовательных, культурных и др. институтов. Закономерно, что между двумя данными типами институтов возникает конфликт, который может протекать с различной степенью напряженности.

Развитие веб-среды порождает новые коммуникационные практики, которые кардинально меняют традиционные модели взаимодействия инициатора и адресата коммуникации. В условиях цифровой и социокультурной глобализации культура коммуникаций трансформируется, глобальный и региональный аспекты, межкультурные и кросс-культурные аспекты, а также переход от так называемой «обратной связи», то есть отсроченной реакции на послание инициатора коммуникации, к практически непрерывному интерактивному взаимодействию субъектов коммуникации, потребовал создания новых теоретических моделей коммуникации.

Поскольку успешное функционирование как базовых, так и комплементарных институтов зависит от качества взаимодействия с целевыми аудиториями, коммуникационные институты и формируемые ими коммуникационные матрицы приобретают исключительно важное значение для благополучия общества.

**Литература**

- Асмолов А.Г.* Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012. 159 с.
- Дзялошинский И.М.* Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. Монография. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 592 с.
- Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 607 с.
- Льюис Р.Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / Пер. с англ. М.: Гаудеамус, 2001. 448 с.
- Пильгун М.А.* Основные коммуникативные паттерны в русскоязычной сетевой среде // Вопросы психолингвистики. 2015. №2 (24). С. 166–175.
- Поланьи К.* Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
- Шейн Э.* Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. 336 с.
- Guirdham, M.* (1999). *Communicating across Cultures*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Hall, E. T.* (1959). *The silent language*. Greenwich: CT.
- Haslett, B.* (1989). *Communication and language acquisition within a cultural context* // S. Ting-Toomey, F. Korzeny (eds.) *Language, Communication and Culture: Current Directions*. Newbury Park, CA: Sage.
- Hofstede, G.* (1991). *Cultures And Organizations – Software of the Mind* Berkshire: McGRAW-HILL Book Company Europe.
- March J.C., Olsen J.P.* (2005). *Elaborating the “New Institutionalism”*(<http://www.sv.uio.no>).
- March J.G., Olsen J.P.* (1984). *The new institutionalism: Organizational factors in political life*. *American political science review*, Vol. 78, N 3, 734–749.
- Rhodes, R.A.W., Binder, S.A., Rockman, B.A.* (2006). *The Oxford Handbook of Political Institutions*. N.Y.: Oxford University Press.

**THE CULTURE OF COMMUNICATION IN DIGITAL  
AND SOCIAL-CULTURAL GLOBALIZATION: GLOBAL AND REGIONAL  
ASPECTS**

**Maria A. Pilgun**

Professor

National Research University “High School of Economics”

127411, Moscow, ul. Yakhromskaya, 1-222

*mpilgun@hse.ru*

Joseph M. Dzyaloshinsky

Professor

National Research University “High School of Economics”

109028, Moscow, Hitrovsky per., 2/8, 5

*idzyalochinsky@hse.ru*

The article is devoted to analysis of the relationship between communication practices used in various fields of mass, interpersonal and public communication and culture.

Objective: to confirm the position that culture is a set of interrelated social institutions that shape consciousness and behavior of people in this culture. To obtain the empirical material the content collected from social networks (Facebook, V Kontakte) was analyzed. The complexity of the tasks set in the study, necessitated the use of an interdisciplinary approach. The methods of analysis used were as follows, the method of grain clustering and the method of coordination management of meaning. Data processing was carried out using the software "Automap". The study revealed that the basis of any culture are the institutions of communication that allows some researchers to equate culture and communication. Currently, the Russian culture along with embedded models of communication practices entered a period of significant transformation, to understand which requires theoretical rethinking of the categories "culture" and "communication".

**Keywords:** culture, communication, digital, social, and cultural globalization.

#### References

- Asmolov A.G.* Optikaprosveshhenija: sociokul'turnyeperspektivy. M.: Prosveshhenie, 2012. 159 p.
- Dzjaloshinskij I.M.* Kommunikacionnyeprocessy v obshhestve: institutyisub#ekty. Monografija. M.: NIU VShJe, 2012. 592 p.
- Lotman Ju.M.* Semiosfera. SPb.:Iskusstvo-SPB, 2004. 607 p.
- L'juis R.D.* Delovyekul'tury v mezhdunarodnombiznese. Otstolknovenija k vzaimoponimaniyu / Per. s angl.M.: Gaudeamus, 2001. 448 p.
- Pil'gun M.A.* Osnovnyekommunikativnyepatterny v russkojazychnojsetevojsrede // Voprosy psiholingvistiki. 2015. №2 (24). pp. 166–175.
- Polan'i K.* Velikajatransformacija: Politicheskijejekonomicheskieistokinashegovr emeni. SPb.: Aletejja, 2002. 320 p.
- Shejn Je.* Organizacionnajakul'turailiderstvo. SPb.:Piter, 2002. 336 s.Guirdham, M. (1999). Communicating across Cultures. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Hall, E.T.* (1959). The silent language. Greenwich: CT.
- Haslett, B.* (1989). Communication and language acquisition within a cultural context // S. Ting-Toomey, F. Korzeny (eds.) Language, Communication and Culture: Current Directions. Newbury Park, CA: Sage.
- Hofstede, G.* (1991). Cultures And Organizations – Software of the Mind Berkshire: McGRAW-HILL Book Company Europe.
- March J.C., Olsen J.P.* (2005). Elaborating the "New Institutionalism"(http://www.sv.uio.no).
- March J.G., Olsen J.P.* (1984). The new institutionalism: Organizational factors in political life. American political science review, Vol. 78, N 3, pp. 734–749.
- Rhodes, R.A.W., Binder, S.A., Rockman, B.A.* (2006). The Oxford Handbook of Political Institutions. N.Y.: Oxford University Press.

УДК 81'23

**РЕЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОТИПОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ  
ВЕБ-ФОРУМА**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00534 «Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса)».

**Романова Татьяна Владимировна**

доктор филологических наук, профессор департамента прикладной лингвистики и иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»  
603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д.15/12, каб. 310,  
*tromanova@hse.ru*

**Земляк Виктория Михайловна**

студентка образовательной программы «Фундаментальная и прикладная лингвистика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,  
603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д.15/12, каб. 310,  
*vzemlyak@gmail.com*

В статье представлены результаты исследования, направленного на установление речевых классификаторов психических свойств коммуниканта. В частности, нас интересовала речевая толерантность и конфликтность как характеристики личности. С целью установления корреляции между психологическими (степенью толерантности и конфликтности) и лингвистическими характеристиками индивида и выявления конкретных лингвистических маркеров того или иного психотипа были проанализированы анкеты пользователей интернет-форума «Клуб Квадра» (<http://socioforum.su/>). Анализ анкет был проведен с использованием классической типологии К.Г. Юнга, согласно которому в психике человека действуют 4 основных функции: логика VS этика; интуиция VS сенсорика. Основным результатом исследования – установление языковых классификаторов психотипов и характерных речевых черт: для интуитов – динамичность, языковая креативность, диалогичность; для этиков – субъективизм, непоследовательность изложения; для логиков – объективизм, последовательность; для сенсориков: категоричность, статичность повествования.

Результатом анализа психотипов является вывод о том, что этики-сенсорики и логики-сенсорики могут быть названы достаточно агрессивными и не толерантными из-за убежденности в своей правоте и экстраполировании собственной точки зрения на мнение других. Оба интуитивных типа менее категоричны, т.к. постоянно подчеркивают субъективность своего мнения, не склонны к навязыванию собственной точки зрения, а значит, их речевое поведение может считаться толерантным по отношению к чужому мнению.

Опираясь на список параметров, разные значения которых соответствуют различным психотипам, мы предприняли попытку разработки компьютерной

программы-классификатора для определения по речи респондента его психотипа. Ключевым методом стал частотный анализ – определение относительной частоты каждого языкового классификатора в каждом тексте.

**Ключевые слова:** психотип, языковой классификатор, речевая характеристика, частота параметра.

### **Введение**

Известно, что «лингвистическое изучение языковой личности базируется на тех психологических и социологических признаках, которые находят выражение в языковой семантике и прагматике и позволяют построить типологию языковых личностей» [Карасик 2002: 298]. Ю.Н. Караулов отмечал, что «понятие языковой личности включает в себя и психические, и социальные, и этические, и другие компоненты, но представленные через ее язык и дискурс» [Караулов 2010: 12].

Главная задача проведенного исследования – установление речевых коррелятов психических свойств коммуниканта. Очевидно, что в речи индивида отражаются его психологические и психические особенности. В частности, нас интересовала речевая толерантность и конфликтность как характеристика личности.

Исходными теоретико-методологическими посылами нашего исследования служили следующие. Особенности поведения, мировосприятия человека зависят и от специфики такой индивидуально-психологической особенности, как темперамент [Леонтьев 1983]. Закономерное сочетание различных свойств темперамента личности образует устойчивую структуру, которая характеризует его тип. Психотип языковой личности в данном исследовании представляется как один из аспектов ее характеристики.

С.А. Сухих отмечает, что важной задачей при изучении языкового сознания является «установление релевантных вербальных переменных, в которых определяется содержание психики коммуниканта» [Сухих 1993: 86].

Таким образом, первой эмпирической задачей исследования стало выявление маркеров, характерных для речи того или иного психотипа.

### **Характеристика материала исследования**

Выбор материала для исследования обусловлен необходимостью изучения особенностей языковой личности, проявляющихся в интернет-коммуникации, к которой относятся сообщения и комментарии в социальных сетях.

Источником материала для нас послужил специализированный сайт, предназначенный для общения – психологический форум «Клуб Квадра» (<http://socioforum.su>). На нем в открытом доступе размещены заполненные психологические анкеты пользователей (120 анкет пользователей с заранее известными психотипами, 4 психотипа, по 30 анкет каждого психотипа). Анкета состоит из 20 вопросов, предполагающих развернутые ответы-рассуждения. Характер анкетных вопросов таков, что ответ на каждый предполагает в свободной форме формулировку точки зрения по той или иной проблемной теме. Выражение личного мнения неотделимо от проявления речевой толерантности, если ее рассматривать как реализацию общего этического принципа толерантности средствами языка. Толерантность в данном случае соотносится с терпимостью и отсутствием агрессии и навязывания своего мнения по какому-либо вопросу.



Пользователи форума – люди 18-40 лет с высшим образованием, интересующиеся психологией; по возрасту и полу анкеты в выборке распределены равномерно. Психотип каждого автора достоверно известен: при размещении анкеты на сайте пользователь предоставляет администрации проекта сведения о своем психотипе, подкрепленные свидетельством о реальном очном типировании у профессионального психолога и результатами теста на определение психотипа. Некоторые пользователи не обладают такими сведениями, и тогда психологи-специалисты, зарегистрированные на форуме, по анкете сами проводят типирование онлайн. Методики типирования: тесты-опросники И.Д. Вайсбанда, В.В. Мегедь, А.А. Овчарова, В.В. Гуленко, В. Л. Таланова, И. Майерс-Бриггс. Во всех тестах типология распределяется по 4 шкалам (интуиция-сенсорика, логика-этика, экстраверсия-интроверсия, рациональность-иррациональность). Нас интересовали только две шкалы: интуиция-сенсорика и логика-этика. Остальные просто не учитывались.

### Классификация психотипов

Для исследования психотипов мы выбрали классическую типологию Карла Густава Юнга [Юнг 1995], основанную на двух шкалах признаков. Согласно данной типологии, психика каждого человека воспринимает окружающий мир как совокупность разных видов информации. Всего этих видов можно выделить 4, и за каждый отвечает своя психическая функция.

Функция сенсорики обрабатывает информацию, связанную с телесными ощущениями, взаимодействием с миром предметов вокруг. Функция логики – интеллектуальное познание, формирование посылок, заключений. Интуиция воспринимает идеи и тенденции, также она отвечает за восприятие времени, осознание индивидом каждого момента жизни как части временного потока. И наконец, этическая функция обрабатывает информацию, связанную с миром эмоций, чувств, взаимоотношений между людьми, вопросов морали и собственно этики. Типология К. Юнга основана на комбинации этих 4 аспектов, которые рассматриваются как две пары, компоненты которых противопоставлены. В каждой паре может преобладать только один элемент – это значит, что он развит сильнее и является доминирующей психической функцией. Вторая функция развита хуже и считается слабой. Так, взаимоисключающую пару составляют интуиция и сенсорика, а также логика и этика. По комбинации двух сильных функций и выделяются психотипы. Таким образом, их получается 4: логики-интуиты; логики-сенсорики; этики-интуиты; этики-сенсорики.

### Результаты исследования

Перейдем к результатам исследования. Тексты **логиков-интуитов** отличают предикаты, которые свидетельствуют о рациональной, не основанной на эмоциях оценке того или иного явления (*думаю, считаю, полагаю, представляется, думается*). Кроме того, тот факт, что эти вводные конструкции предваряют выражение своего мнения, можно рассматривать как указание на речевую толерантность. Индивид не подает собственную точку зрения как единственно истинную, а, напротив, субъективизирует сообщение.

Суждения логиков-интуитов не категоричны, на это указывают вводные конструкции неуверенности, предположительности, вариативности; сослагательное наклонение глаголов; неопределенные местоимения. Речь диалогична:

вопросительных предложений в среднем в 2,3 раза больше, чем утвердительно-восклицательных; используются обращения к предполагаемому читателю. Соответственно, автор настроен на диалог, а не на исключительное выражение своей позиции. Тексты данного психотипа характеризует стремление к объективности, последовательность изложения, что проявляется в минимальном использовании слов с оценочной семантикой; в превалировании научной и официально-деловой лексики (*оптимизация, систематизировать, непосредственно, корреляция, амбивалентность*); в использовании сложноподчинённых конструкций с отношениями логической обусловленности между предикативными частями (подчинительные союзы *потому что, поскольку, так как*); в детализации мысли посредством распространения структуры, использования однородных компонентов с семантикой перечисления.

В пользу некатегоричности дискурса может говорить и средняя длина предложений в текстах, она составляет 11,3 слова. Корреляция числа слов и категоричности высказываний не очевидна, но у более конфликтных типов предложения оказались короче. Вероятно, как раз в силу редкого использования конструкций субъективности и неопределённости.

Кроме того, тексты этого типа отличают динамичность повествования и высокая языковая креативность: используются прецедентные тексты (*людей посмотреть, себя показать; мы пойдем другим путем; не той дорогой идете, товарищи*); авторские неологизмы и нарочитое нарушение орфографии (*низя, вапце, естесно, фтанке, оформлялки, мозгодолбатель*).

Пример текста логика-интуита (здесь и далее в примерах сохранена орфография и пунктуация оригинала – Т.Р.).

*Работа - это дело, которым тебе нравится заниматься, ну или порой нужно заниматься, и которое приносит определенный доход. Нужна она может быть по разным причинам: для зарабатывания денег или просто потому, что не можешь этим не заниматься, например.*

Для **логиков-сенсорики**, в отличие от предшествующего типа, характерны более короткие предложения, их средняя длина составляет 10,6 слов. Емкость содержания обеспечивается эллиптическими, неполными (*Иногда дело идет быстро, иногда – медленно; Все пришли на каблуках, а я – в кроссовках*) и парцеллированными конструкциями с присоединительной связью (*Хорошо ориентируюсь во времени. Не трачу его впустую. Определяю место для каждой вещи. Стараюсь держать квартиру в чистоте*); жесткой структурой текста с дополнительной нумерацией по подпунктам (*1. Оценить обстановку: слабые, сильные стороны противника; мои сильные и слабые стороны. 2. Найти единомышленников. 3. Оценить возможные инструменты давления и их последствия. 4. Действовать*). При этом практически не встречается структур, предваряющих высказывание субъективного мнения, структур со значением неуверенности и предположительности. Зато частотны предикаты со значением императивности (*должен, необходимо, следует, надо*), наречия со значением категоричности (*всегда проверяю, всегда нужно, никогда не увидите, никогда не нападаю, всегда обращаю внимание*), и даже определительные местоимения со значением категоричности, обобщённости *всякий, каждый, любой (каждый человек, все логично, все так делают, в любой ситуации, каждому свойственно)*.

Таким образом, этот психотип может быть квалифицирован как более категоричный и нетолерантный, поскольку точка зрения в текстах логиков-сенсорики преимущественно имеет абсолютизированный характер без дополнительных указаний на субъективность оценки. В подавляющем большинстве случаев опускается даже личное местоимение *я*, частотны безличные конструкции (*принято, было сделано, обычно наблюдается, часто получается*).

Еще одна особенность, которую необходимо отметить, это статичность текстов. Существенно отличается соотношение глаголов и именных частей речи от других типов текста (коэффициент 1:2,7 в среднем), соответственно, и номинативные предложения употребляются чаще (*Мягкое освещение, минималистичный дизайн, много книг. Иллюстрация человеческой жизни. Утро*). Изложение мыслей последовательное, характерен прямой порядок слов (актуальное членение совпадает с синтаксическим), что обеспечивает постепенное развитие каждой темы. Для теморематической последовательности характерны варианты с линейной тематической последовательностью, константной темой и гипертемой.

Содержательно тексты ориентированы на предметно-объектный мир. В словарном составе преобладают единицы с конкретным лексическим значением, мало слов с оценочной семантикой, предикаты преимущественно визуальные или рациональные (*думаю, вижу, полагаю, считаю, наблюдаю*).

Данный психотип характеризует низкий уровень вербальной креативности: употребляется меньше фразеологизмов, чем у других психотипов, почти полное отсутствие авторских неологизмов и обращений к прецедентным текстам.

Пример текста логика-сенсорика.

*Затраченное время + усилия, которые **должны принести** какой-либо результат/предмет/прибыль*

Речь **этиков-интуитов** отличается высокой языковой креативностью и оценочностью. Это реализуется в оценочных словах и суждениях (*эти гады, 3 часа ехидных допросов, народ справедливо посчитал, подчиняться какой-нибудь сопле*). Лексика разговорного и просторечного стиля (*офигели, впаривать, чтоб, соображалка, отмазка, депрессуха, ревет, потрындеть, оклемается, колбасить, по-идиотски, лабудда*) сочетается с частицами (*же, ли, всё же, всё-таки, вообще, даже*) и наречиями с ярко выраженной эмоциональной окраской (*чрезвычайно, безумно, очень, решительно, определено, абсолютно*); нарочитым нарушением орфографии; авторскими неологизмами и грамматическими формами (*дизайнить, подстебывать, наезжалщик, иномыслители, хитрюго, хорошесть, быдлчий, тож, сорадование, конеш*). Такой субъективизм дополняется употреблением личного местоимения *я* и предикатами с семантикой чувства и отношения (*люблю, ненавижу, нравится, раздражает, бесит*). Эмоциональность и оценочность речи в данном случае создаётся также употреблением следующих средств: книжной лексики, имеющей высокую стилистическую окраску (*нежели, тушууюсь, противится, царит, действие, молниеносная, девы, вычурный, неподвластность, неуправляемый, нижайше*), фразеологизмов (*уходит по-английски, слёзы в три ручья, обвести вокруг пальца, методом тыка, не дай Бог, греет душу, с места в карьер, в ритме вальса*), прецедентных текстов (*что естественно, то не безобразно; кто к нам с мечом придет; помирать, так с песней*), заимствований способом полукалькиро-

вания (*фидлента, френды, траблы* – интернет-жаргон), междометий (*ах, ох, эх, ой, ну*), оценочных аффиксов (*легонько, холодновато, быстренько, подушечка, цветочек, миленький, сметанка; депрессуха, банальщина, хреновень*), вопросительных и восклицательных предложений.

Однако оформленные таким образом суждения не являются резко категоричными. Как и в анкетах интуитов-сенсорики, в текстах этиков-интуитов используются неопределенные местоимения, вводные конструкции со значением предположения, неуверенности (*может быть, возможно, вероятно, наверное*), частотны глаголы в форме сослагательного наклонения (*сделала бы, хорошо бы, была бы, могло бы, стал бы, считалось бы*).

Явная особенность – непоследовательность изложения, что проявляется в разнообразии теморематического членения, инверсии, расхождении синтаксического и актуального членения, в резких переходах от одной темы к другой (*В этом плане очень удивляет меня одна подруга. Когда-то в детстве устраивали мы на полянке с кухней палатку. К опозданию других спокойно отношусь*), в нарушении согласования частей сложного предложения (*Правило – как некоторый критерий, предложение, которое можно огибать, как препятствия на пути, использование для своих благих целей - в разумных мерах, конечно же*).

Нацеленность на диалог сближает речь этиков-интуитов с речью логиков-интуитов. Для этого типа характерна диалогичность дискурса с вопросами, обращенными к составителю анкеты или читателю, и утвердительными обращениями к ним же, чего практически не встречается в анкетах других типов. Таким образом, можно предположить, что этики-интуиты больше остальных нацелены на диалог даже в анкете, подразумевающей монологические ответы. И в сочетании с некатегоричностью речевого поведения это указывает на толерантность, терпимость к чужому мнению, готовность выслушать его и на осознание субъективности и частности собственного мнения.

Пример текста этика-интуита.

*В идеале, работа – деятельность, которая приносит удовлетворение, позволяет самосовершенствоваться, развивать сильные стороны; однако, если мне понадобятся деньги для того, чтобы обеспечить себя и близких, я готова работать на ЛЮБОЙ работе, даже очень тяжёлой и неприятной; в какой-то степени я согласна с мнением, что работа – просто источник дохода.*

У последнего типа – **этиков-сенсорики** - наблюдается наименьшая средняя длина предложений, всего 9,9 слов. Краткость и емкость изложения, как и в случае с логиками-сенсориками, обеспечивается неполными, эллиптическими конструкциями; парцеллированием; построением текста преимущественно из простых предложений (*Я вкладываюсь всегда, они – никогда. От частного к общему – наоборот. Начала чувствовать. Разве что в подростковом возрасте. Искренние эмоции правильные, наигранные – нет. Его проще убить делом. Любим. Обычно насмешившая. Или холодный взгляд. Всегда отмечаю. И у себя, и у других. Стол. Кровать. Ну, стены. Все по-спартански так*). Употребляется больше номинативных предложений, чем в текстах интуитов, что позволяет характеризовать эти тексты как статичные.

Если в текстах логиков-сенсорики личных местоимений почти не встречается, то здесь они преобладают, что свидетельствует о высокой степени персона-

фикации этого психотипа. Также это единственный тип, который регулярно употребляет не только местоимение *я*, но и *мы*, подразумевая читателя анкеты.

Для данного психотипа характерно эмоционально-оценочное восприятие действительности. Эмоционально-оценочная, просторечная, разговорная лексика (*прикид, штуки, приплюсовываться, профукивать, затюкать, ковыряться, перебиваться, по приколу, швыряния, верещат, обматерить*) выражает субъективное, часто отрицательное, отношение к тем или иным событиям или людям (*истеричка, тупой, псих сумасшедший, быдло, бред, ересь, чушь дура, псих, трус, крутой, лох, бездарь, гламурный, несусветный, жутко, идиоты*). Наречия меры и степени часто распространяются, что делает их употребление весьма экспрессивным (*сильно, очень, дико, совсем, безумно, чертовски, резко, жуть как, довольно, достаточно, недостаточно, совершенно*). Как и в текстах этиков-интуитов, частотны эмоционально окрашенные частицы (*неужели, разве, все-таки*) и уменьшительно-ласкательные суффиксы (*малюсенькая, обидки, кафешки, печеньки, дедушка, девочка, маленький, тепленький, столик*). Предикаты-отношения с эмоционально-оценочной семантикой: *нравиться, любить, обожать, ненавидеть, бесить, не стоить чего-либо, радовать*).

Вместе с тем этот тип характеризует низкая языковая креативность, попытки которой связаны с употреблением фразеологизмов (*быть в тягость, ввергать в ступор, высказать свое фи, далекое прошлое, пусть идет лесом, чихать на мораль, из кожи вон вылезти, хоть бы хны, слон в посудной лавке*), иноязычных фраз без перевода (*just for fun, okay, why not*). Частотны сравнительные обороты с союзами *словно, будто, как будто, как*.

Речевое поведение данного типа категорично, но выражается это иначе, чем у логиков. Этики-сенсорики так же констатируют субъективность своей точки зрения, но высказывают мнение не через рациональную, а через эмоционально-оценочную характеристику. Кроме того, это единственный тип, в текстах которого часто встречаются конструкции со значением убежденности и уверенности (*конечно, разумеется, естественно*). Значение категоричности несут в себе и наречия, такие как *точно, наверняка, определено, по-любому*. Темы развиваются непоследовательно, наблюдаются резкие переходы и смена предмета повествования (вводные слова, предваряющие отступление от повествования, смену темы, обращение к опыту: *например, допустим, скажем*), обрывочные (незаконченные) высказывания (*Иногда питаюсь в кафе. Кстати, хочу сразу сказать про питание, я не ем ... Как построить пирамиду? Я сейчас вообще пью чай*).

Пример текста этика-сенсорика.

*Работа-деньги. Все вроде просто и замечательно, но в большинстве случаев это прозябание в офисе и классическая рутина, без права голоса и возможности креатива. Все тихо, размеренно и... уныло. Для меня работа должна быть работой, любимой, активной с нормальным коллективом и возможностью каких-либо личных активных действий.*

### Психотипы с точки зрения толерантности и конфликтности

Таким образом, если рассматривать психотипы с точки зрения толерантности и конфликтности, можно отметить, что тип этики-сенсорики более других нацелен на оказание эмоционального давления и убеждение других в своей правоте, при



этом чужое мнение резко отвергается, никаких эвфемизмов при критике противоположного мнения не используется.

Логики-сенсорики тоже могут быть названы достаточно агрессивным и нетолерантным типом из-за убежденности в своей правоте и экстраполяции собственной точки зрения на мнение других.

Оба интуитивных типа, напротив, менее категоричны, постоянно подчеркивают субъективность своего мнения, не склонны к навязыванию собственной точки зрения, а значит, их речевое поведение может считаться толерантным по отношению к чужому мнению.

Вероятно, за речевую толерантность, терпимость и, напротив, агрессию и самоуверенность в большей степени отвечает психический аспект интуиции-сенсорики, хотя логика придает суждениям большую объективность, а этика может проявляться в виде резких эмоциональных характеризующих оценок, но, опять же, скорее в сочетании с сенсорикой. Интересно, что более толерантные типы склонны употреблять более развернутые конструкции, причем их повествование более динамично.

#### **Компьютерный анализ речи**

Опираясь на результаты исследования (список параметров, разные значения которых соответствуют различным психотипам), используя методы машинного обучения, мы предприняли попытку разработки компьютерной программы-классификатора, которую в дальнейшем можно доработать для применения в целях определения по речи испытуемого его психотипа.

Ключевым методом, с помощью которого возможно осуществление компьютерного анализа виртуальной речи пользователей, стал частотный анализ – определение относительной частоты каждого признака (параметра) в каждом типе текста. Проведение данного анализа не представляется возможным без предварительной обработки исследуемых текстов специальной компьютерной утилитой *mystem*. Порядок ее использования в конкретном исследовании таков:

Файл с исследуемым текстом в формате *.txt* загружается в программу, запускается его обработка.

Результатом автоматической обработки становится генерирование нового документа. В нем содержится исходный текст, однако после каждой словоформы в скобках представлена ее морфологическая характеристика.

Алгоритм собственно классификатора базируется на машинном обучении; в частности, в нем используются такие техники, как прием минимаксной нормализации числовых данных, центрический метод классификации, метрика косинусного сходства и, наконец, в качестве методики проверки эффективности алгоритма поэлементная кросс-валидация. Разработка программы-классификатора текстов выполнена на языке программирования Python.

Первая задача, которую необходимо было решить перед осуществлением автоматического анализа речевого материала – это отбор признаков, репрезентативных в плане соответствия определенным свойствам личности. Не все речевые признаки, которые сигнализируют о принадлежности автора речи к тому или иному психотипу доступны для машинного анализа, в то время как нас интересуют именно таковые. Использование утилиты *mystem* позволило максимально задействовать уровень морфологии.



Для автоматической обработки актуальны следующие языковые классификаторы:

### **Морфологические**

Суффиксы научного стиля  
Уменьшительно-ласкательные суффиксы  
Соотношение именных и глагольных частей речи  
Соотношение самостоятельных и служебных частей речи  
Причастия  
Неопределенные местоимения  
Сочинительные/подчинительные союзы,  
Прилагательные в превосходной и сравнительной степени  
Междометия  
Глаголы в сослагательном наклонении,  
Переходные/непереходные глаголы  
Глаголы совершенного/несовершенного вида  
Одушевленные/неодушевленные существительные  
Частицы

Наречия с семантикой категоричности  
Эмоционально-экспрессивные наречия

### **Лексическо- синтаксические, графические**

Рациональные предикаты  
Эмоциональные предикаты  
Императивные предикаты  
Вводные слова со значением уверенности/неуверенности  
Частотность каждого знака препинания  
Соотношение восклицательных и невосклицательных предложений  
Соотношений вопросительных и побудительных предложений  
Длина предложений  
Смайлы  
Слова в верхнем регистре  
Подпункты

Программа, как и любая система такого порядка, функционирует поэтапно: сначала обрабатывает все тексты перед внесением их в базу данных, «обучается» на них, выделяя ключевые признаки и соотнося их числовые значения с психотипом автора каждого текста, а затем тестируется на новых текстах, отсутствующих в базе данных. Соответственно, первый этап работы классификатора может быть назван тренировочным, а второй – тестовым.

Алгоритм работы первого этапа, т.е. обучения классификатора, таков: сначала программа подсчитывает поочередно для каждого текста значения всех 27 параметров, т.е. частотность 27 выделенных речевых явлений. Полученную совокупность из 27 чисел можно понимать, как числовой вектор. Таким образом, каждый текст преобразуется в вектор из 27 «точек» с числовыми значениями.

Для последующей обработки значения необходимо нормализовать, т.е. привести к единому виду. В данном исследовании использовалась минимаксная нормализация, т.е. нормализация каждого параметра по формуле  $V' = (V_i - V_{\min}) / (V_{\max} - V_{\min})$

-  $V_{\min}$ ), где  $i$  – число всех параметров (в данном случае 27),  $V_i$  – значение текущего параметра,  $V_{\max}$  – максимальное значение данного параметра среди всех текстов,  $V_{\min}$  – минимальное значение данного параметра среди всех текстов. Результатом каждого преобразования становится «нормализованное», т.е. принадлежащее промежутку  $[0,1]$  значение  $V'$ .

Значения каждого параметра для всех текстов суммируются, вследствие чего становится известна средняя величина каждого параметра для всей базы и для текстов каждого из 4 типов; в базе данных также сохраняется отдельный набор параметров каждого из 120 текстов. На основе вычисленных средних данных определяются «коэффициенты важности», показывающие релевантность каждого параметра при типировании. Для этого вычисляется отклонение среднего значения того или иного параметра каждого типа от среднего значения данного параметра по всей базе.

Следующий шаг – тестирование программы на новых текстах, не вошедших в базу данных, включающее определение значений 27 параметров, их нормализацию и основанное на полученных данных выдвижение гипотезы о принадлежности автора текста к тому или иному психотипу. В данном алгоритме тестирование на «новых» текстах осуществляется по методу одноэлементной кросс-валидации:

- 1) Каждый из 120 текстов поочередно объявляется новым.
- 2) Он удаляется из базы данных, после чего программа заново обучается на измененной базе и выдвигает гипотезу о психотипе автора на основании полученных из нее сведений.

- 3) Успешность определения психотипа в каждом из 120 случаев определяется по метрике Ассигасу:  $A = T / N$ , где  $T$  – число правильных ответов (т.е. случаев, когда гипотеза о психотипе совпала с реальным значением психотипа),  $N$  – число всех текстов. Дополнительно было вычислено значение метрики Ассигасу для составных черт психотипа: шкал этики-логики и интуиции-сенсорики.

Программа выдает гипотезу о классе, к которому принадлежит автор текста, сравнивая его с текстами из базы данных. Таким образом, задача классификации сводится к определению степени сходства числового вектора анализируемого текста с векторами текстов разных типов. В данном исследовании эта задача решена двумя способами, которые легли в основу двух классификаторов.

Искомая величина – геометрическое расстояние между векторами, определяемое по классической мере евклидова расстояния: квадратный корень из суммы 27 элементов вида  $S_n = (x_i - y_i)^2$ , где  $S_n$  – искомое расстояние для одного из типов,  $i$  – порядковый номер атрибута,  $x_i$  – значение данного атрибута для анализируемого текста,  $y_i$  – среднее значение данного атрибута для текстов данного типа. В данной формуле каждый признак имеет одинаковый вес в общей сумме, что, конечно, не соответствует реальной картине. В действительности одни признаки репрезентативнее других, поэтому формула евклидова расстояния требует уточнения коэффициента важности каждого параметра.

Таким образом, итоговая формула определения расстояния, применяемая в исследовании имеет вид:  $S_n = k_i * (x_i - y_i)^2$ , где  $S_n$  – искомое расстояние для одного из типов,  $i$  – порядковый номер атрибута,  $x_i$  – значение данного атрибута для анализируемого текста,  $y_i$  – среднее значение данного атрибута для текстов данного типа,

$k_i$  – значение коэффициента важности данного атрибута. Такая метрика называется взвешенным евклидовым расстоянием.

2) Искомая величина – косинусная мера сходства векторов. Чем больше косинус между векторами, тем меньше угол между ними, а, следовательно, тем более похожими они могут считаться. Формула косинусного подобия имеет вид:  $\Sigma(A_i + B_i) / (\sqrt{\Sigma(A_i)^2} * \sqrt{\Sigma(B_i)^2})$ , где  $A_i$  и  $B_i$  – атрибуты сравниваемых векторов,  $i$  – номер атрибутов.

Обе меры определяют сходство вектора анализируемого текста из тестовой выборки с единым вектором для каждого типа, каждая точка которого – среднее значение параметра для всех 30 текстов одного типа. Тогда тип, с усредненным вектором для которого наблюдается наименьшее отклонение 1 или наибольшее сходство 2, выбирается в качестве гипотезы.

Статистика тестовых проверок с помощью кросс-валидации, представлены в таблицах ниже (ЛИ – логики-интуиты, ЛС – логики-сенсорники, ЭС – этики-сенсорники, ЭИ – этики-интуиты). Результаты работы каждого классификатора можно представить в виде данных об абсолютных частотах тех или иных результатов классификации с их относительных представлением в скобках.

Во втором столбце каждой таблицы указано число текстов с правильно определенным психотипом автора, в следующих – тексты, в которых классификатор правильно определил одну функцию из двух, вместе составляющих психотип. В скобках после каждого числа приведены значения меры ассигасы («точность») каждой функции. Мера рассчитана следующим образом:  $T / total$ , где  $T$  – число правильных ответов классификатора, а  $total$  – число всех текстов данного типа или с данной доминирующей функцией.

Таблица №1.

Определение евклидова расстояния (классификатор №1)

	Тип	Логика	Этика	Интуиция	Сенсорика
ЛИ	13 (0,43)	9 (0,73)		5 (0,6)	
ЛС	22 (0,73)	1 (0,76)			3 (0,83)
ЭС	18 (0,6)		4 (0,73)		6 (0,8)
ЭИ	17 (0,56)		5 (0,73)	4 (0,7)	
Все	70 (0,58)	89 (0,74)		88 (0,77)	

Согласно полученным данным, классификатор верно определил психотип 70 авторов из 120 проанализированных текстов. Интересно, что наиболее точные результаты в определении комбинации двух функций характерны для типа «логики-сенсорники», но тип «логики-интуиты» классификатор реже всего относит к самому несоответствующему типу (т.е. неправильно определяет обе функции).

Наиболее высокую точность классификатор демонстрирует при определении развитой сенсорники, при этом правильное определение доминирующей противоположной функции – интуиции – происходит, напротив, с наименее низкой частотой. Функции логики и этики определяются программой более равномерно. В среднем правильно определить доминирующую функцию из пары «логика – этика» можно с примерно такой же вероятностью (73-74%), как и из пары «интуиция-сенсорника». Следует учесть, что для последней пары скорее будут верно определены типа с доминирующей сенсорикой, чем интуицией.

Таблица № 2.

## Определение косинусного сходства (классификатор №2)

	Тип	Логика	Этика	Интуиция	Сенсорика
ЛИ	14 (0,46)	4 (0,6)		8 (0,73)	
ЛС	20 (0,66)	1 (0,7)			4 (0,8)
ЭС	18 (0,6)		7 (0,83)		2 (0,66)
ЭИ	20 (0,66)		3 (0,76)	4 (0,8)	
Все	72 (0,6)	87 (0,73)		90 (0,75)	

Таким образом, классификатор верно определил психотип авторов 70 из 120 проанализированных текстов. Интересно, что наиболее точные результаты в определении комбинации двух функций характерны для типа «логики-сенсорики», но тип «логики-интуиты» классификатор реже всего относит к самому несоответствующему типу (т.е. неправильно определяет обе функции).

Согласно результатам, показанным данным классификатором, шкала «интуиция-сенсорика» оказалась более точной и показательной. Тем не менее, результаты не слишком стабильны: наблюдается разброс между определением разных полюсов одного признака: этика выявляется значительно лучше логики, а сенсорика гораздо лучше определяется у логиков, чем у этиков.

Оценивая результаты, данные двумя классификаторами, можно посчитать среднюю точность определения психотипа – 59%. Это невысокий результат, однако показатели определения отдельных функций выглядят более внушительно. Очевидно, одна и та же сильная функция в речи проявляет себя по-разному, в зависимости от того, с какой сочетается. Кроме того, отдельные тексты в рамках одного типа могут значительно отличаться, равно как и иметь значительное сходство с текстами других типов, особенно с такими же сильными функциями.

Обоими классификаторами наиболее точно определяется принадлежность автора к типу «логики-сенсорики». Очевидно, параметры для анализа оказались подобраны не совсем равномерно – они более репрезентативны в отношении именно данного психотипа.

**Выводы, перспективы исследования**

Результаты типирования в целом на данном этапе оказались не слишком высоки, возможно, из-за выделения не самых показательных маркеров. Стоит учесть тот факт, что анализу подвергался главным образом морфологический уровень. Известно, что у него гораздо меньше индивидуальных особенностей, в сравнении с лексико-семантическим и синтаксическим уровнями. Таким образом, основные перспективы усовершенствования данного исследования и разработанного в ходе него программного продукта находятся в сфере расширения корпуса текстов разных психотипов, отбора более репрезентативных признаков для классификации, что требует более углублённого анализа лексических и синтаксических показателей. Необходимо обратить внимание и на равномерность их распределения, выделяя одинаковое количество ярких признаков развитости каждой функции.

Литература

- Вайсбанд И.Д.* Соционика. Определите свой тип. М., 1992. 52 с.
- Гуленко В.В.* Структурно-функциональная соционика. ч.1. Киев, 1999.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е / Ю.Н. Караулов. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
- Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. 2 / А.Н. Леонтьев. М.: Педагогика, 1983. 320 с.
- Мегедь В.В., Овчаров А.А.* Методическое пособие по соционике: авторские тесты, характеристики типов и отношений (брошюра для слушателей школы соционики). М.: Ц-р «Интенсив», 1990. 80 с.
- Романова Т.В.* Современная языковая личность с точки зрения лингвоконфликтологии / Т.В. Романова // Науковий вісник ПЕЧАТЬ Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д.Ушинського, № 13. Лінгвістичні науки, 2011. С. 302-312.
- Романова Т.В.* Человек и время: Язык. Дискурс. Языковая личность / Т.В. Романова. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2011. 249 с.
- Седов К.Ф.* Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н.А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. С. 298-311.
- Сухих С.А.* Черты языковой личности / С.А. Сухих // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. Тверь: ТГУ, 1993. С. 85-91.
- Таланов В.Л., Малкина-Пых И.Г.* Справочник практического психолога. СПб: Сова, М.: ЭКСМО, 2002. 928 с.
- Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 24-35.
- Тарасов Е.Ф.* Введение / Е.Ф. Тарасов // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 6-15.
- Юнг К.* Психологические типы под общей редакцией / К. Юнг, под ред. В. Зеленского. М.: Прогресс-Универс, 1995. 761 с.
- Myers, Isabel Briggs.* Gifts differing: Understanding personality types. Davies-Black Publishing; Reprint edition, 1995.

## SPEECH CHARACTERISTICS OF WEB FORUMS USERS' PSYCHOLOGICAL TYPES

**Tatiana V. Romanova**

Grand PhD in Philological Sciences  
Professor of the Department of Applied Linguistics and Foreign Languages of  
the National Research University "Higher School of Economics"  
603155, Nizhniy Novgorod, Bolshaya Pechiorskaya Street, 15/12, 310  
*tromanova@hse.ru*

**Viktoria M. Zemliak**

Student of the bachelor academic programme  
"Fundamental and Applied Linguistics" of  
the National Research University "Higher School of Economics"  
603155, Nizhniy Novgorod, Bolshaya Pechiorskaya Street, 15/12, 310  
*vzemlyak@gmail.com*

The article presents the results of the research aimed at revealing verbal variables that dematerialise the content of the communicant's psyche. The authors take particular interest in speech tolerance and proneness to conflicts as personality features. The files of the users of the Internet-forum "Club Quadra" (<http://socioforum.su/>) have been analysed in order to observe the correlation between the psychological (the extent of tolerance and proneness to conflict) and linguistic individual characteristics and reveal specific linguistic markers of each psychological type. The analysis was performed with the use of K. Yung's classification that identifies four basic functions of the human psyche: logic vs ethics and intuition vs sensory capabilities. The major results of the research are the language classifiers of psychological types and specific speech characteristics revealed by the authors: dynamics and language creativity for the intuitive type; subjectivity and lack of order for the ethic type; objectivity and consistency for the logical type; categoricalness and statics for the sensory type.

The article concludes that the ethical-sensory and logical-sensory types can be considered quite aggressive and intolerant because of being strongly convicted in their point of view and trying to impose it on others. Both intuitive types prove to be less categorical due to realizing the subjectivity of their opinion, that is to say, their speech behavior may be regarded as tolerant towards a different opinion.

Basing on the list of parameters for assessing psychological types, an attempt has been made to write a computer programme-classificator that could identify the psychological type of a testee on the basis of their speech. The key method employed in the study has been the frequency analysis aimed at revealing the proportional frequency of each language classifier in each text.

**Keywords:** psychological type, language classificatory, speech characteristic, the frequency of a parameter.



### References

- Vaysband I.D.* Sotsionika. Opredelite svoy tip [Socionics. Identify your type]. Moscow, 1992. 52 p.
- Gulenko V.V.* Strukturno-funktsional'naya sotsionika [Structural-functional socionics]. Part.1 Kiev, 1999.
- Karasik V.I.* Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 477 p.
- Karaulov Y.N.* Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic persona]. Moscow, LKI, 2010. 264 p.
- Leontiev A.N.* Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya [Selected psychological pieces]. Vol. 2. Moscow, Pedagogika, 1983. 320 p.
- Meget' V.V., Ovcharov A.A.* Metodicheskoe posobie po sotsionike: avtorskie testy, karakteristiki tipov i otnosheniy (broshyura dlya slushateley shkoly sotsioniki) [Study guide on socionics: authorial tests, characteristics of types and relations (brochure for students at socionics school)]. Moscow, Intensiv, 1990. 80 p.
- Romanova T.V.* Sovremennaya yazykovaya lichnost' s tochki zreniya lingvokonfliktologii [Modern linguistic persona from the point of view of linguistic conflictology] // Naukoviy visnik PECHAT' Pivdennoukranis'kogo natsional'nogo pedagogichnogo universitetu im. K.D.Ushins'kogo [Newsletter PECHAT of Ushinskiy Pivden-Ukrainian National Pedagogical University]. no 13. Linguistic Sciences, 2011. Pp. 302–312.
- Romanova T.V.* Chelovek i vremya: Yazyk. Diskurs. Yazykovaya lichnost' [Human and time: Language. Discourse. Linguistic persona]. Nizhniy Novgorod, Dobroliubov Nizhniy Novgorod State Linguistic University, 2011. 249 p.
- Sedov K.F.* Rechevoe povedenie i tipy yazykovoy lichnosti [Verbal behaviour and types of linguistic persona] // Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii [Cultural-linguistic situation in modern Russia] / Ed. by N.A. Kupina. Ekaterinburg, Ural University, 2000. Pp. 298–311.
- Suhih S.A.* Cherty yazykovoy lichnosti [Features of linguistic persona] // Kommunikativno-funktsional'nyy aspekt yazykovykh edinits [Communicative-functional aspect of linguistic units]. Tver, TGU, 1993. Pp. 85–91.
- Talanov V.L., Malkina-Pyh I.G.* Spravochnik prakticheskogo psihologa [Reference book of applied psychologist]. Saint-Petersburg, Sova; Moscow, EKSMO, 2002. 928 p.
- Tarasov E.F.* Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Topical issues of analysis of linguistic consciousness] // Yazykovoie soznanie i obraz mira [Linguistic consciousness and world image] / Ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, IYA RAN, 2000. Pp. 24–35.
- Tarasov E.F.* Vvedenie [Introduction] // Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost' [Language and consciousness: paradoxical reality]. Moscow, IYA RAN, 1993. Pp. 6–15.
- Yung K.* Psihologicheskie tipy [Psychological types] / Ed. by V. Zelenskiy. Moscow, Progress – Univers, 1995. 761 p.
- Myers, Isabel Briggs.* Gifts differing: Understanding personality types. Davies-Black Publishing; Reprint edition, 1995.



Вышла из печати в издательстве Гнозис коллективная монография, написанная известными специалистами в области психолингвистики и лингвокультурологии – *И.А. Бубновой, И.В. Зыковой, В.В. Красных, Н.В. Уфимцевой*. Опираясь на традиции отечественной науки (психологии, психолингвистики, лингвистики, лингвокультурологии), авторы предлагают новые перспективные пути дальнейших исследований языковой личности, языкового сознания, национально-культурного и индивидуального образов мира, культурного пространства; разрабатывают новые подходы к изучению языковых единиц в когнитивном аспекте, излагают основные принципы анализа когнитивных механизмов смыслообразования, словаря и грамматики лингвокультуры, лингвокультурной идентичности; с новых позиций – сквозь призму человека говорящего – рассматривают соотношения языка, культуры, сознания, коммуникации, сообщества.

Книга адресована широкому кругу специалистов в области теоретического языкознания, психолингвистики, лингвокультурологии, фразеологии, лингвокогнитивных исследований.

УДК 81'23

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРИИ РЕЧЕВОГО  
ОБЩЕНИЯ**

Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 17-18-01642  
«Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса  
языковой модели», в Институте языкознания РАН

**Тарасов Евгений Федорович**

д.ф.н., профессор  
зав. отделом психолингвистики  
Института языкознания РАН  
Москва, Большой Кисловский пер., 1, 1  
*eft35@mail.ru*

Статья посвящена созданию теории речевого и неречевого контекста речевых действий, который в форме общения и предметной деятельности детерминирует прежде всего цели и, следовательно, смыслы речевых действий. Показано, что все речевые практики восходят к речевым действиям, при помощи которых решаются задачи организации общения и совместной деятельности. Обосновывается идея, что речевое действие, ориентированное на решение конкретных задач, является единицей анализа, объясняющего функции речевых высказываний членов социума.

**Ключевые слова:** теория речевой деятельности, теория речевого общения, речевое действие, речевой и неречевого контекст, общение, деятельность, речевые практики.

Теория речевого общения (ТРО), онтологические предпосылки которой предлагаются в этой статье, мыслится как теория, объясняющая речевую и неречевую интеракцию, сотрудничающих партнеров в рамках совместной деятельности.

Онтологическая картина, в структуре которой разворачивается речевая и неречевая интеракция коммуникантов, естественным образом, по крайней мере для теории речевой деятельности А.А. Леонтьева, является деятельностью, которая включает в себя субъекта-человека, объект-предмет, орудия-предметы, потребность, побуждающая субъекта к действиям, направленным на ее удовлетворение, мотив-предмет, удовлетворяющий потребности и объединяющий несколько действий в деятельность. Но деятельности человека существуют только в обществе и не отрывны от него. А.Н. Леонтьев – создатель общепсихологической теории деятельности пишет по этому поводу: *«При всем своем своеобразии, при всех своих особенностях деятельность, отношения человеческого индивида, реализуемые в его деятельности, представляют собой инфраструктуру в системе отношений общества, а это значит, что вне системы этих отношений деятельность индивидуального человека не может существовать и что она определяется тем конкретным местом, которое данный индивид занимает внутри системы»* [Леонтьев А.Н. 1974: 8].

Для исследователя, изучающего речевое общение, знаковое по своей сути, при котором в межсубъектном пространстве происходит только производство и восприятие тел языковых знаков (звуков и графем), важно указать на предпосылку знакового общения – общность сознаний коммуникантов, т.к. именно эта общность позволяет при помощи речевых действий «указывать» друг другу на идентичные структуры и схемы образов в своем сознании, которое является общим в той степени, в какой они присвоили общую для них этническую культуру.

Необходимо учесть, что любой акт деятельности укоренен в прошлом, настоящем и будущем того социума, в котором он развертывается. Укорененность в прошлом следует понимать как детерминированность сознания (языкового и неязыкового) предметной, деятельностной и идеальной формами этнической культуры, присвоенной коммуникантами. Именно присвоенная культура устраняет до определенной степени индивидуальные качества коммуникантов, императивно уравнивая их человеческие качества, превращающие их в личности и создавая тем самым предпосылку для взаимопонимания.

Укорененность в настоящем означает, что в своей активности коммуниканты реализуют те модели деятельности, которые имеют социальную легитимность и функциональную целесообразность в конкретном обществе и в конкретное время. Укорененность в будущем целесообразно понимать как проекцию современных моделей с необходимыми модификациями в будущее.

В культурно-исторической школе Л.С. Выготского было обосновано положение о принципиальной общности внутренней психической деятельности во внешней предметной деятельности: *«...первоначально внутренние психические процессы имеют форму внешних процессов с внешними предметами; превращаясь во внутренние, эти внешние процессы не просто меняют форму, но подвергаются и известной трансформации, обобщаются, становятся более сокращенными и т.д.»* [Леонтьев А.Н. 1974: 15].

Это положение, обоснованное в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьев дополняет двумя, как он выразился, капитально важными положениями: *«во-первых, внутренняя и внешняя деятельность имеют не только общую структуру, но и между ними постоянно происходит обмен звеньями; во-вторых, и внутренняя деятельность сознания и внешняя предметная деятельность не могут быть выключены из общественного процесса»* [Леонтьев А.Н. 1974: 11].

Эти положения, сформулированные А.Н. Леонтьевым, имеет для нашего исследования речевого общения важное следствие.

Во-первых, сознание членов общества детерминировано этнической культурой, присвоение которой в процессе обмена звеньями между внешней и внутренней деятельностями позволяет партнерам по общению опираться на общность сознаний, которая необходима для знакового общения, во-вторых, т.к. сознание, отображающее предметы определенной этнической культуры, мыслит эти предметы, вынесенными в реальное пространство этой этнической культуры, то конкретное этническое сознание может быть изучено на основе анализа предметов этой этнической культуры, в-третьих, сознание, составляя содержание речевых действий при речевом общении, может функционировать корректно, т.е. без потери своих позна-

вательных возможностей; только с носителем той же этнической культуры [Стеценко 2005: 184-185]<sup>1</sup>.

Таким образом, понятие деятельности, осуществляемой в конкретной культуре и в конкретном социуме, объясняет для нашего дальнейшего изложения, каким образом создается предпосылка для речевого общения – общность сознаний коммуникантов.

Важнейшим результатом наблюдения за речевым общением является тот факт, что языковые средства (языковые знаки) в психической норме используются в структуре речевой цепи, т.е. в окружении других языковых и неязыковых знаков, уточняющих смысл языковых знаков, приспособляемых коммуникантами для управления внешним и внутренним поведением друг друга (в лингвистике этот процесс обозначают как контекстуализация высказывания).

В теории деятельности А.Н. Леонтьева при построении уровневой модели образа сознания – при построении *модели составляющих* образа *сознания*, которая отображает процесс познания, в качестве первой составляющей, формируется *чувственная* ткань – совокупность сенсорных данных, собранных в ходе чувственного восприятия некоторого объекта. На следующем шаге эта чувственная ткань осмысливается при помощи наличных объяснительных образов сознания, включающих в себя, в первую очередь, оценку качеств воспринимаемого объекта: опасен-неопасен, съедобный-несъедобный, полезный-бесполезный и т.п. Окончательная верификация формируемого образа восприятия осуществляется в ходе соотнесения сконструированного смысла со значением, т.е. со знанием, которое является общим для всех носителей языка и культуры.

Следует заметить, что не только содержания, ассоциированные со словами речевой цепи, воспринимаются коммуникантами в потоке речи, но и все предметы культуры становятся объектами восприятия только в структуре общественных отношений, т.е. не изолированно, а в социальном и культурном контексте.

Теперь нам предстоит выяснить роль понятия действия в неречевой и речевой деятельности.

Таким образом, мы пришли к выводу, что психологическая схема деятельности обладает достаточными объяснительными потенциями для описания речевых высказываний как речевых действий. Проанализируем понятия действия у А.Н. Леонтьева.

*«Основными «образующими» отдельных человеческих деятельностей являются составляющие их действия. Действием мы называем процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, т.е. процесс, подчиненный сознательной цели. Подобно тому, как понятие мотива соотносительно с понятием деятельности, понятие цели соотносительно с понятием действия...»*

*...Выделение целей и формирование подчиненных им действий приводит к тому, что происходит как бы расщепление прежде слитных между собой в мотиве функций. Функция побуждения, конечно, полностью сохраняется за мотивом. Другое дело – функция направления. Действия, осуществляющие деятельность, побуждаются ее мотивом, но являются направленными на цель.*

---

<sup>1</sup> Корректность функционирования сознания (в частности – языкового сознания) есть некий идеал – эталон, который служит только идеальной целью, редко достижимой, т.к. постоянно появляются препятствия в виде недостаточной общности сознаний, общающихся как следствие несовпадения объемов присвоенной идентичной культуры или несовпадения присвоенных этнических культур.



*...Когда перед нами разворачивается конкретный процесс – внешний и внутренний – то со стороны мотива он выступает в качестве деятельности человека, а как подчиненный цели – в качестве действия или системы цепи, действий» [Леонтьев А.Н. 1974: 12–14].*

Легко увидеть, что действие у А.Н. Леонтьева в его общепсихологической теории деятельности занимает одно из центральных мест, наряду с операцией – способом осуществления действия, зависящим от условий его осуществления.

*«... помимо своего интенционального аспекта (что должно быть достигнуто), действие имеет и свой операциональный аспект (как, каким способом это может быть достигнуто), который определяется не самой по себе целью, а предметными условиями ее достижения. Иными словами, осуществляющее действие отвечает задаче; задача это и есть цель, данная в определенных условиях. Поэтому действие имеет особую сторону, особую его «образующую», а именно способы какими оно осуществляется. Способы осуществления действия мы называем операциями» [Леонтьев А.Н. 1974: 15].*

*«Операции наряду с деятельностями (побуждаемыми своими мотивами) и действиями (подчиняющимися сознательным целям) в качестве «единиц» человеческой деятельности образуют ее макроструктуру» [Леонтьев А.Н. 1974: 17].*

Обращая эту макроструктуру в проблемное поле анализа речевых высказываний, следует сразу отметить, что операции – способы выполнения речевых действий зависят не только от *физических (предметных)* условий, но и в значительной мере от *социальных (этических)* ограничений, накладываемых на общение коммуникантов, т.к. общение это, в первую очередь, интеракция членов *социума*, носителей определенных социальных ролей, воспроизводящих своим общением социальные отношения, т.е. социальную организацию общества.

В теории речевой деятельности А.А. Леонтьева речевое поведение коммуникантов описывается в соответствии с деятельностной субъект-объектной схемой, это означает, что каждый коммуникант выступает в роли субъекта, полагая своего партнера объектом, ответная речевая активность которого имеет статус обратной связи. Субъективно каждый коммуникант осуществляет *речевое воздействие* на партнера, управляя его поведением с целью организации с ним совместной деятельности, т.к. проблема, для решения которой он организует сотрудничество с партнером по общению, не поддается его индивидуальным усилиям.

Для понимания субъект-объектной схемы, при помощи которой описывается и объясняется общение, следует иметь в виду, что при описании общения мы имеем дело с личностями, которые, развертывая общение и организуя совместную деятельность, ориентируются на свое собственное понимание происходящей интеракции – на свой собственный образ ситуации общения. Эти образы у коммуникантов могут не совпадать полностью или частично и поэтому один и тот же акт общения (или совместной деятельности) должен быть описан при помощи дополнительных моделей с позиции коммуниканта первого (К1) и коммуниканта второго (К2), которые должен последовательно занимать исследователь-наблюдатель.

Принцип дополнительности ввел, как известно, Н. Бор для анализа объектов микромира, а затем распространил его на целый класс объектов, которые адекватно могут быть поняты только в дополнительных моделях: *«Цельность живых орга-*



*низмов и характеристика людей, обладающих сознанием, а также человеческих культур, представляют черты целостности, отображение которых требует типично дополнительного описания» [Бор 1959: 12].*

Анализ общения требует использования принципа дополнительности, потому что общение, с одной стороны, достаточно жестко детерминировано целями и структурой деятельности, организуемой в процессе этого общения, а, с другой стороны, общение и совместную деятельность развертывают субъекты, обладающие свободой воли при формировании постигаемых в общении целей и при отображении ситуации общения.

В художественной литературе проблема различий в понимании коммуникантами одной и той же ситуации общения давно нашла свое решение.

Различение моделей, формируемых исследователем с позиции К1, К2 и с позиции наблюдателя, имеет фундаментальное значение.

При анализе содержания речевых сообщений существенно учитывать, что его анализ дает повод для формирования неидентичных смыслов, если это содержание осмысливается в сознании К1, в сознании К2 и в метасознании исследователя, т.к. он, естественно, постигает чужое сознание только при помощи своего сознания в функции метасознания.

Теперь целесообразно перейти к анализу речевых действий, при помощи которых реализуется общение.

Как мы помним, понятие действия в модели деятельности А.Н. Леонтьева – это реальная активность, а деятельность – это абстракция, позволяющая несколько действий объединить в одну деятельность, если они подчинены одному мотиву.

В рамках теории речевой деятельности – в отечественной школе психолингвистики, сделана попытка создания теории речевого общения [Тарасов 1979, 2006, 2014]. В этой теории обосновывается следующее представление:

- общение развертывается ради организации совместной деятельности;
- общение и совместная деятельность существуют как процессы решения ряда задач;
- задачи, подлежащие решению, распадаются на две группы: задачи по организации общения и задачи по организации совместной деятельности;
- каждая задача, решение которой реализует процесс общения – это достижение определенного психического состояния объекта речевого воздействия при помощи речевого действия.

Ниже мы перечисляем задачи, решаемые при помощи речевых действий.

### *Группа задач по организации общения*

Задача привлечения произвольного внимания объекта речевого воздействия решается любыми объектами (в том числе и речевыми действиями), которые отличаются от фона. Эта задача организации общения является обязательной, т.к. общение невозможно, если в поле восприятия объекта речевого воздействия не попадут средства этого воздействия.

Задача удержания внимания достигается в процессе формирования в сознании объекта речевого воздействия образа предмета, удовлетворяющего некоторой его потребности, т.е. некоторого полезного предмета. Удержание внимания являет-

ся предпосылкой для процесса успешного речевого воздействия, который должен быть процессом некоторой оптимальной протяженности.

Задача ориентирования собеседника в своих качествах, т.е. в качествах субъекта речевого воздействия: в его познавательных возможностях и его потребностно-мотивационной сфере – знание этих качеств обуславливает содержание и форму ответных речевых действий объекта воздействия. Эта ориентировка канализирует восприятие речевого воздействия субъекта, т.к. создает неречевой контекст восприятия речевых высказываний субъекта.

Задача установления соотношения социальных статусов коммуникантов, знание этого соотношения позволяет коммуникантам выстраивать Вы-отношения или ты-отношения, определять, кто в конкретной культуре обладает правом смены одних отношений на другие. Решение этой задачи – это расширение социального контекста речевого общения путем указания на социально детерминированные качества коммуникантов, которые коммуниканты рассматривают как ограничения, накладываемые на их речевую активность и которые являются в определенной мере обязательными.

Задача создания атмосферы общения – приятной или враждебной, которая решается путем соблюдения/несоблюдения этических ограничений на выбор речевых действий, создающих легитимные или нелегитимные смыслы.

*Группа задач по организации совместной деятельности*

Задача актуализации имеющейся потребности или (что случается реже) формирование новой потребности. В ходе решения этой задачи происходит осознание некоторой жизненной нужды объекта речевого воздействия, которая может актуально и не осознаваться.

Задача предложения предмета-мотива, удовлетворяющего актуализированной потребности. В ходе решения этой задачи задается смысл инспирируемой деятельности.

Задача указания на деятельность, развертывание которой приведет к овладению предметом-мотивом, удовлетворяющим актуализированной потребности, часто инспирируемая деятельность требует не только указания, но и подробного ориентирования в ней (где, когда, как часто, с какой интенсивностью и т.п.). В ходе решения этой задачи указываются цели действий, достижение которых приводит к овладению предметом-мотивом.

Этот набор задач организации общения и совместной деятельности определяется психофизиологическим и социальными характеристиками коммуникантов и социальными условиями протекания акта речевого общения, которые имеют всеобщий характер, т.е. это условия *любого* акта общения людей, живущих в социуме, где речевые высказывания играют только роль инструмента, свойства которого детерминированы природными качествами самого инструмента, а также природными и социальными качествами коммуникантов. Набор задач, подлежащих решению, о которых идет речь, относится к непосредственному общению, обслуживаемому устной речью. С появлением технических посредников в виде СМИ задачи организации общения и совместной деятельности не отменяются, но усложняются и модифицируются.

Таким образом набор задач организации общения и совместной деятельности описывает в *исходной форме все задачи общения*, решаемые людьми в современном социуме. Все смыслы, формируемые вербальным путем, лежат в диапазоне задач, обозначенных в их исходной форме.

Все многообразие речевых практик, которыми обладает современное общество, в своей исходной форме существуют в виду речевых действий, первоначально возникших в диадическом общении, осуществляемом лицом к лицу.

### Литература

*Бор Н.* Квантовая физика и философия // Успехи физических наук. Т.67, вып.1., 1959. С. 32–42.

*Стеценко А.П.* Рождение сознания: становление значений на ранних этапах жизни. М.: ЧеРо, 2005. 256 с.

*Леонтьев А.А.* Психология общения: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд. стер. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2008. 368 с.

*Леонтьев А.Н.* Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1974.

*Тарасов Е.Ф.* К построению теории речевой коммуникации // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. С. 5–47.

*Тарасов Е.Ф.* Эскиз теории речевого общения // Языковая личность, текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулова. М.: Изд-во РУДН, 2006. С.256-265.

*Тарасов Е.Ф.* Анализ речи в теории речевого общения // Человек и его дискурс – 4: коллективная монография / Отв. ред. М.Р. Желтухина; ВГСПУ, ИЯРАН. М.: ИЯРАН; Издательский центр «Азбуковник», 2014. С.28–34.

## ONTOLOGICAL PROLEGOMENAE OF SPEECH COMMUNICATION THEORY

**Yevgeniy F. Tarasov**

Doctor of Philology, Professor  
Head of Psycholinguistics Department  
Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences  
Moscow, Bol'shoy Kislovskiy, 1, 1  
*eft35@mail.ru*

The article focuses on the theory of verbal and non-verbal context of verbal actions, which, in the form of communication and objective activity, determines the goals and therefore the meanings of verbal actions. The article demonstrates that all speech practices go back to verbal actions seeking to solve the tasks related to the organization of communication and cooperation. The article argues that a task specific verbal action is a unit of analysis explaining the functions of verbal utterances produced by the members of a socium.

**Keywords:** speech activity theory, speech communication activity, verbal action, verbal and non-verbal context, communication, activity, speech practices.

### References

*Bohr N.* Kvantovaya fizika i filosofiya [Quantum Physics and Philosophy] // *Uspekhi fizicheskikh nauk* [Physics Success]. T.67, vyp.1, 1959. P. 32–42.

*Stetsenko A.* Rozhdeniye soznaniya: stanovleniye znacheniy na rannikh etapakh zhizni. [The Birth of Consciousness: Emergence of Meaning on Early Stages of Life]. M.: CheRo, 2005. 256 p.

*Leontyev A.A.* Psikhologiya obshcheniya: uchebnoye posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy [The Psychology of Communication: A University Textbook]. – 5-ye izd.ster. M.: Smysl; Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2008. 368 p.

*Leontyev A.N.* Obshcheye ponyatiye o deyatel'nosti [The General Notion of Activity] // *Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti* [The Essentials of Speech Activity Theory]. Pod red. A.A. Leont'yeva. M.: Nauka, 1974.

*Tarasov Ye.F.* K postroyeniyu teorii rechevoy kommunikatsii [Formulating the Theory of Speech Communication] // Sorokin Yu.A., Tarasov Ye.F., Shakhnarovich A.M. *Teoreticheskiye i prikladnyye problemy rechevogo obshcheniya* [Theoretical and Applied Issues of the Speech Communication Theory]. M.: Nauka, 1979, pp 5–147.

*Tarasov Ye.F.* *Eskiz teorii rechevogo obshcheniya* [Draft Speech Communication Theory] // *Yazykovaya lichnost', tekst, slovar', obraz mira. K 70-letiyu chl.-korr. RAN Yu.N. Karaulova* [Language Personality, Text, Dictionary, World Image, For the 70<sup>th</sup> Anniversary of Yu. Karaulov]. M.: Izd-vo RUDN, 2006, pp. 256–265.

*Tarasov Ye.F.* *Analiz rechi v teorii rechevogo obshcheniya* [Speech Analysis within Speech Communication Theory] // *Chelovek i yego diskurs – 4: kollektivnaya monografiya* [Human and One's Discourse – 4, A Collective Monography] / *Otv. red. M.R. Zheltukhina; VGSPU, IYARAN. M.: IYARAN; Izdatel'skiy tsentr «Azbukovnik», 2014, pp. 28–34.*

УДК 81'44:37.013.2

**ОБРАЗ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКОВОМ  
СОЗНАНИИ**

EDUWEBMINAR. Formación docente y materiales didácticos bajo entorno virtual educativo: nivel avanzado. Tatiana Chaikheva PID 11–99.

**Шайхиева Татьяна Николаевна**

канд. пед. наук, доцент кафедры греческой и славянской филологии  
Гранадского университета, Испания  
*chaikheva.tatiana@gmail.com*

В статье рассматривается смешанный качественно-количественный подход для научных исследований в области социальных наук: новые информационные технологии типа *Manu Eyes*, графически визуализирующие большие объемы информации и этим упрощающие анализ. Экспериментальная часть состоит из анализа процесса преподавания русского языка как иностранного испанскими студентами с учетом мотивации. Профиль преподавателя русского языка как иностранного (далее – РКИ), его образ в языковом сознании студентов, отражает этностереотипы о русских. Преподавателя РКИ воспринимают прежде всего как русского, как носителя русской культуры.

Методом глубинного интервью исследуется мотивация студентов, изучающих русский язык. В полученной по усовершенствованной методике системе мотивов выделен новый, при традиционном тестировании не проявлявшийся, «педагогический» мотив. На пересечении смежных областей психологии, лингвистики и педагогики проведено изучение языкового сознания студента РКИ, описывается профиль преподавателя глазами студентов: различают позитивную коннотацию (хорошая, приятная, веселая, терпеливая, приблизила к русской культуре и т. д.), нейтральную (организованная, образованная) и негативную (требовательная, вызывающая страх ошибиться, требует выполнения домашних заданий). Показывается значимость «Педагогического» мотива, исследуется его связь с образом преподавателя.

Рассмотрены категории «профессионализм» и «личные качества преподавателя». Полученные результаты говорят о слиянии этих категорий в профиле современного преподавателя. Студенты их не различают, а профессиональным качествам предпочитают личные.

**Ключевые слова:** этностереотипы о русских, языковое сознание студентов, педагогический мотив, образ преподавателя, русский язык как иностранный, языковое сознание студентов, НИТ в педагогических исследованиях.

**Введение**

Почему испанцы учат русский язык? Какие причины влияют на выбор специальности Славянская филология? Можно ли повысить уровень мотивированности наших потенциальных студентов?

Основной целью нашего исследования являлась разработка процедуры переноса теоретических положений психологической теории деятельности в практический план исследований в области преподавания русского языка как иностранного. Другими словами, первый этап состоял в отборе нужных для наших целей концептуальных положений, а второй в том, чтобы продемонстрировать решение конкретной прикладной задачи с позиции уже отобранных нами теоретических принципов.

Реформа высшего образования в Испании, уменьшение количества часов на обучение, сокращение числа студентов, изучающих русский язык, актуализировали необходимость исследований мотивационной сферы учащихся и выявлении мотивов, приводящих к целенаправленному действию – поступлению в университет с целью изучения русского языка Т. Шайхиева [Шайхиева 2006]. Однако эффективность обучения зависит от многих внутренних и внешних факторов. Общеизвестным является важность мотивации в учебной деятельности и тот факт, что, однако не всегда учебная мотивация совпадает с действием по выбору, в нашем случае, предметов русского языка. Особенность процесса формирования учебной деятельности в нашем случае заключается в том, что русский язык изучается вне языковой среды с ограниченными условиями его приложения в профессиональной деятельности, предполагая общую низкую мотивацию студентов. С другой стороны, несмотря на общее сокращение числа студентов, мы имеем достаточное количество учеников с высокой мотивацией и ярко выраженным интересом к изучению русского языка. Чтобы проанализировать это противоречие мы поставили себе задачу найти, выявить мотивы, определяющие выбор русского языка как предмета изучения.

Наше исследование базировалось на рассмотрении мотива в рамках историко–генетического метода Л.С.Выготского, психологической теории деятельности, смешанных количественно–качественных исследований в педагогике [J. Burke, J. Onwuegbuzie 2004] и частных аспектов диагностирования педагогических процессов [A. Fernández Cano 1996]. В работах Аббас Уасин [Уасин Аббас 2007] и Стариков Естела [Staricov Estela 2015] используются результаты наших исследований Т. Шайхиева [Шайхиева 2006], необходимость учитывать педагогический компонент в системе мотивов студентов, стимулирующих изучение языков. В настоящее время в тенденциях по дидактике преподавания иностранных языков происходит смещение с лингвистической компетенции в сторону межкультурной коммуникации [Michael Byram 1997].

С 2003 по 2005 года было проведено экспериментальное исследование мотивов студентов, изучающих русский язык в Гранадском университете на филологическом факультете и факультете переводчиков на материале 60-и учебных работ по теме: «Почему я учу русский язык?». Появилась необходимость в уточнении критерия для выделения значимых категорий мотивов. Полученные категории включают как положительную так и отрицательную оценочную функцию. Данная информация позволяет определять стратегии возможных педагогических мероприятиях, стимулирующих процесс осознанного выбора предмета Русский язык. Результаты исследования представлены в виде таблиц и графиков. Показано преимущество использования метода глубинного интервью для данного типа исследований.



### Мотивация. Теоретические предпосылки

Базовым теоретическим понятием нашего исследования является представление об образе мира (ОМ), введенное А.А. Леонтьевым. В любой начатой деятельности, в нашем случае это изучение русского языка, можно увидеть состоявшиеся психические акты, имевшие место в прошлом, логическим следствием которых (в плане психологической причинности) является данная деятельность. Следовательно, изучая текущее состояние какой-либо деятельности можно выделить действия ее породившие, а им, в свою очередь, соотнести мотивы. От жизнедеятельности к предметной деятельности – такова исходная позиция, выбранная для нашей работы: *исследуя процесс, завершившийся поступлением индивида в университет для изучения русского языка (предметная деятельность), можно определить мотивы, породившие эту деятельность, проанализировать их и структурировать.*

Термин *мотивация*, взятый в широком смысле, используется во всех областях психологии, исследующих причины и механизмы целенаправленного поведения человека. Мотивация соотносится с мотивами. С позиции теории деятельности термин «мотив» означает нечто объективное, где потребность конкретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность. С этой точки зрения мотив побуждает деятельность, происходит реальное взаимодействие субъекта с окружающим миром. Вопрос о личном смысле предполагает раскрытие соответствующего мотива, а мотив реализуется в цели.

Мотивирующие факторы, по своим проявлениям и функции в регулировании поведения, могут быть разделены на три относительно самостоятельные группы:

- если исследуются вопросы *почему* организм вообще приходит в состояние активности, анализируются проявления *потребностей и инстинктов* как источник активности;
- если изучается вопрос *на что* направлена активность организма, ради чего произведен выбор именно этих актов поведения, а не других, и исследуется, прежде всего, проявление *мотивов как причин*, определяющих выбор направленности поведения. В различениях этой группы мы и проводим наше исследование;
- при решении вопроса *каким образом* осуществляется регуляция динамики поведения, исследуются проявления *эмоций, субъективных переживаний* и установок в поведении субъекта.

Различают внутреннюю мотивацию и внешнюю. Следует также различать понятия *мотивация* и *мотивировка*. Под мотивировкой мы понимаем рациональное объяснение субъектом причин действия посредством указания на социально приемлемые для него обстоятельства, побудившие к выбору данного действия. Мотивировка отличается от действительных мотивов поведения человека и выступает как одна из форм осознания этих мотивов. Мотивировка, в нашем случае, субъективные переживания субъекта, имеют реальную функцию в регуляции деятельности как функции избирательной активизации систем, реализующих деятельность субъекта. Исходя из вышесказанного определяется содержание понятий нашего исследования – *мотив, мотивация, мотивировка* с позиций второй группы, т. е. как причин, определяющих выбор субъектом деятельности. *Задача* нашего исследования состоит в том, чтобы *исходя из мотивировок найти такие мотивы студентов,*

*изучающих русский язык в Испании, которые порождаются данными конкретно-историческими условиями, как следствие проявляются психологические особенности их реализации, совокупность возможностей, заложенных в студенте и реализованных им в ходе его развития как личности.*

#### **Описание методики исследования**

Задача заключалась в необходимости получения такой выборки, которая позволила бы делать выводы, применимые к исследуемой группе. Кроме того, была важна субъективная самооценка студента, т. е. применение такой процедуры оценки, при которой студент не пользуется стандартными тестами, а выражает личное субъективное мнение. Всего в эксперименте участвовало 60 студентов, изучавших русский язык на следующих курсах: русский разговорный язык (1 и 2 уровни), русский коммуникативный курс (1, 2, 3 уровни), русская грамматика (3 уровень), русская фонетика и фонология, русская диалектология в период с 2003 по 2005 год. Студентам предлагалось написать на испанском языке сочинение–интервью, включающее только один вопрос: «Почему я учу русский язык?». Эти интервью и явились исходными данными для последующего анализа.

Из текста отбирались фразы мотивировочного характера, например: интерес к чтению, интерес к русской истории, родители любили Россию, мне нравится русская природа и т. д. Таким образом, все интервью превратились в список из 358 мотивационных фраз. Задача заключалась в том, чтобы увидеть и сгруппировать эти фразы в обобщенные категории, таким образом было выделено 10 обобщенных категорий которые и составили искомый список мотивов, характеризующихся положительным, нейтральным и отрицательным смыслом. Так, в случае мотива *связь с профессиональной деятельностью, работой, бизнесом* определились следующие мотивировки: *со знанием русского языка есть большие возможности в получении работы, может быть и пригодится, изучение русского языка не связано с работой за которую платят деньги*. Другие категории, как например *Интерес к русскому языку* включал только положительные мотивировки. Также был проведен элементарный количественный анализ, представленный в виде таблиц и схем. Ниже схематично представлена процедура проведенного исследования.

#### **Процедура исследования**

Написание сочинения – интервью на тему «Почему я учу русский язык?». Форма ответа представляет свободное изложение, описание истории отношения студента с русским языком без ограничения объема ответа и затраченного времени.

Полученные интервью представляют исходные данные для последующего анализа.

Первичный анализ содержания: выделение фраз с мотивационным смыслом и представление их как единиц анализа.

Объединение единиц анализа в обобщенные группы.

Каждая группа представляет один мотив.

Проводится количественный и качественный анализ мотивов.

Обсуждение полученных данных и выводы.

Способ обработки интервью заключался в выделении фраз с индикаторами мотивировки, затем просчитывалась частота индикатора в каждом интервью. Следующим шагом заключался в подготовке таблицы с параметрами: студент – ин-

тервью. Полученные индикаторы группировались в более общие категории мотивов. Составлялась таблица с параметрами: мотив – частота его проявления во всех интервью.

Приведем три фрагмента исходных текстов, сопровождая каждый краткой характеристикой испытуемого.

**А** – студент экономического факультета, изучает русский язык в Центре современных языков 3 года.

Перевод. «Ты спрашиваешь меня, почему я изучаю русский... хорошо, я тебе отвечу. Из всего того, что я изучал на протяжении своей жизни, в школе я выбрал направление естественных наук и меня обязывали изучать определенные предметы, тоже самое в университете, английский тебя заставляет изучать общество и еще многое другое, так что даже ты спрашиваешь себя для чего мне это надо ведь это никогда не понадобится... русский это единственный предмет, который никто не заставлял меня выбирать, это мое собственное решение, и эта культура меня заинтересовала, может быть я такой же. Кроме того это будет мне полезно, если когда-нибудь я займусь бизнесом с Россией или для работы, хотя это гораздо больше, чем коммерческое планирование, это прежде всего мой собственный интерес»<sup>1</sup>

**Б** – студент факультета переводчиков, изучает русский язык в рамках учебной программы специальности.

Перевод. Есть несколько причин почему я начала изучать русский язык, прежде всего мне всегда нравились языки и была уверена, что лучше изучать русский, так редко встречающийся в Испании, чем английский или французский, хотя они наиболее необходимы в Испании, однако и для стипендии конкурс гораздо больше.

**В** – студент филологического факультета, получает второе образование, пенсионер.

Перевод. Мой интерес к России и русскому языку имеет длинную историю. Я очень любил читать, все, что мне попадалось. В 13 лет совершенно случайно я прочитал Преступление и наказание Достоевского и сделал для себя два открытия: открыл литературу и открыл Россию.

Анализ выделения мотивировочных фраз из 60 интервью проводился четырьмя различными экспертами. После сравнительного анализа определились 358 мотивировочных фраз, подвергшихся качественному анализу. После обобщения было выделено 10 мотивов:

Интерес к литературе вообще и к русской в частности.

Интерес к русскому миру: истории, географии, культуре, народу, спорту.

Интерес к русскому языку.

Не знаю, не могу ответить.

Связь с профессиональной деятельностью, работой, бизнесом.

Интерес к путешествиям.

Личностное отношение: любовь, политика, связанные с силой воли.

Педагогические причины.

По принуждению, безвыходности и жизненной необходимости.

Влияние семьи и друзей.

---

<sup>1</sup> Здесь и далее перевод наш. – Т.Ш.

Статистические данные соотношения между мотивами и мотивировками приведены в Таблице № 1. Упорядоченная система мотивов представлена в Таблице № 2.

Таблица № 1

Процентное соотношение мотивов

Мотив	A(1)	B(2)	C(3)	D(4)	E(5)	F(6)	G(7)	H(8)	I(9)	J(10)
Частота в тексте	19	56	117	6	43	21	32	19	11	34
Процент, %	5.3	15.6	32.7	1.7	12	5.9	8.9	5.3	3.1	9.5

Каждая из групп имела положительное, нейтральное или отрицательное значения, в некоторых случаях встречались одновременно все три группы мотивов. Ниже приведем три примера.

Мотив *Е. Связь с профессиональной деятельностью, работой, бизнесом* имеет как положительную, так и отрицательную оценку: у меня есть бизнес в России, хочу быть переводчиком, в России есть работа, это только дополнение к моей профессии, с русским работу не найти.

Мотив *С. Интерес к русскому языку* имеет положительную и нейтральную оценки: хочу разговаривать на 10 языках, я люблю русский язык, сейчас модно учить русский язык, не каждый может сказать, что знает русский, это мой третий язык.

Мотив *А. Интерес к литературе вообще и к русской в частности* имеет только положительную оценку и включал: мне нравится литература, хочу читать Булгакова в подлиннике, мне нравится чтение.

Мотив *Г. Личностное отношение: любовь, политика, связанные с силой воли*: у меня русская невеста, хочу знать, о чем говорит моя русская жена с моим сыном, это мой личный вызов себе, не могу забыть моего русского друга, я выучу этот трудный язык, у меня отдыхали дети русскоговорящие дети.

То, что мы искали – педагогический мотив *Н. Педагогические причины*: учитель очень интересно говорил о России, мне нравится всегда учить что-то, русские преподаватели хорошо преподают, преподаватели уделяют больше внимания студентам и нас мало.

Отрицательную окраску несет мотив *І. По принуждению, безвыходности и жизненной необходимости*: у меня были плохие оценки в школе, на немецком не было мест (взял русский), не было работы (стал учить русский), мне надо сдать экзамен, ушла жена.

Полученные категории мотивов, обобщенные на основании собранных сочинений, могут анализироваться количественными и качественными методами. Кроме того, полученные категории мотивов можно разделяются на внешние мотивы по отношению к деятельности изучения русского языка и внутренние. Большая часть мотивов носит внутренний характер, т. е. учебная деятельность не ради учебной деятельности, а для чего-то внутренне значимого для студента.

Мотивы студентов (в %)

1.	Интерес к русскому языку.	32.7
2.	Интерес к русскому миру: история, география, культура, народ, спорт.	15.6
3.	Связь с профессиональной деятельностью, работой, бизнесом.	12
4.	Влияние семьи и друзей.	9.5
5.	Личностное отношение: любовь, политика, связанные с силой воли.	8.9
6.	Интерес к путешествиям.	5.9
7.	Педагогические причины.	5.3
8.	Интерес к литературе вообще и к русской в частности.	5.3
9.	По принуждению, безвыходности и жизненной необходимости.	3.1
10.	Не знаю, не могу ответить.	1.7

Ведущим мотивом оказался *интерес к русскому языку*, каждый третий студент указал на этот факт в различных вариантах, начиная от «вселенской» любви ко всем языкам, преимуществу русского перед английским, французским, немецким – «обычными» иностранными языками, русский как экзотический с удивительной каллиграфией, русский как модный язык, русский как язык с большим будущим.

*Интерес к стране* занимает второе место и только на третьем идет *профессиональный интерес и рабочие перспективы*. Затем идут внутренние мотивы: *влияние семьи и друзей, личностное отношение, интерес к путешествиям*.

Содержание педагогических мотивов рассмотрим подробнее. Студенты хотят учиться в небольших группах с опытными и внимательными к ним преподавателями. Традиционные формы преподавания, личностные отношения между преподавателем и студентом, являются одним из мотивов выбора специальности Славянская филология. Конечно, это не совсем согласуется со стандартизацией и формализацией высшего образования, здесь налицо противоречие между тем, что хотят студенты и реальной действительностью.

Стоит отметить низкую позицию мотива *Интерес к литературе вообще и к русской в частности*. Студенты не заинтересованы читать классическую русскую литературу сами, они отмечают интерес к этому у родителей, который косвенно повлиял на выбор специальности. Возможно, это связано с изменением традиционных форм представления текстов, интегральным включением их компьютерных видов, поисковых информационных систем Интернета, характеризующихся краткостью и динамичной формой представления.

В отношении стереотипа, что русский язык изучают студенты с низкими оценками, не имеющие шанса выбрать специальность или предметы, которые им нравятся, то он не подтвердился, только 3 % от общего числа изучают русский язык по негативным личностным мотивам. Большая часть студентов учит русский язык, потому что хотят изучать языки, русский становится востребованным и «модным». Интерес к русскому языку является основным мотивом наряду с интересом к русскому миру. В этом смысле можно говорить об абсолютной положительной высокой мотивации студентов, о целенаправленном, осознанном, внутренне мотивированном выборе.

Исследование процесса, предшествующего реализованной цели, т. е. решение обратной задачи, позволило нам реконструировать мотивацию каждого конкретного студента и выделить общие для данной выборки виды мотивов, давшие основание для выбора русского языка как предметов для обучения.

### Образ преподавателя РКИ

Педагогический мотив явился новым проявлением в использованной выше методике и стал объектом нашего последующего исследования. Какой же это преподаватель РКИ? Что хотят и что не хотят видеть студенты в нем? Для ответа на это вопросы применялись современные информационные технологии пригодные для качественных исследований в социальных науках и с наглядной визуализацией получаемых результатов, понятных специалистам широкого круга. Опишем процесс проведения эксперимента.

### Исходные данные для исследования

Для сбора данных был выбран метод **анкетирования**. Разработана анкета, которая включила 19 вопросов. Вопросы с 1 по 7, 10, 11, 15 заведомо ставили своей целью определение социологического портрета преподавателя русского языка как иностранного. В вопросах 8–9, 12–14, 16–19 мы пытались установить, что же все-таки стало изначальным мотивом, что или кто привел слушателей изучать русский язык.

Анкеты были составлены на двух языках, испанском и английском. Каждая из них сопровождалась приветственным письмом, где было отмечено, что вопросы являются лишь «гидом», а студенты могут изложить, когда и почему они решили изучать русский язык в письменном тексте. Важно было, чтобы они свободно и искренне описали свои воспоминания, выразили свои чувства, высказали свое мнение (см. табл. № 3).

Таблица № 3

Вопросы анкеты

Вопросы на испанском языке	Вопросы на английском языке	Вопросы на русском языке
Lugar donde naciste (población y estado)	Where were you born (city / town / village and country)?	Назовите место Вашего рождения (город и страна)?
¿Dónde y qué es lo que tu estudiaste?	Where and what did you study – university, college, sixth form college/A-levels, GCSEs?	Где Вы учились и что Вы закончили?
¿Puedes decir el año de tu nacimiento?	Could you, please, tell us in what year were you born?	Могли бы Вы указать год Вашего рождения?
¿Cuál es tu nacionalidad actual?	What is your nationality?	Кто Вы по национальности?
Tu profesión actual	What is (or was) your profession?	Ваша профессия?



## Теоретические и экспериментальные исследования

¿Cuál es tu orientación religiosa? (religión, creencia, tendencia)	How would you describe your religious beliefs?	Каковы Ваши религиозные убеждения (религия, верование, тенденции)?
¿Con que ámbito te identificas, cómo te ves, urbano o del campo?	Do you feel you are town-dweller or rural?	Вы считаете себя сельским жителем или городским?
¿Cuál es el camino que te llevó a estudiar el idioma ruso?	What brought your interest in Russian language?	Что привело Вас к изучению русского языка?
¿Cuándo empezaste tener interés por el ruso?	When did you decide to study Russian?	Когда у Вас появился интерес к русскому языку?
¿Alguien de tu familia estudió ruso, o le interesaba algo sobre Rusia?	Did somebody else of your family study Russian or was interested in Russia, Russian people, culture, etc?	Кто-то из Вашей семьи учил русский язык, интересовался Россией?
El estudiar ruso, ¿fue tu propia decisión o alguien influyó en ti? ¿Quién?	Learning Russian: was it your own decision or were you inspired or influenced by something or somebody?	Изучение русского языка: Вы сами приняли это решение или кто-то / что-то оказало на Вас влияние?
Describe tus recuerdos y sensaciones sobre el ambiente en el grupo con el que estudiaste ruso?	Please describe your memories and feelings about the atmosphere in your study group of Russian?	Опишите Ваши воспоминания и ощущения об атмосфере в группе, где Вы изучали / изучаете русский язык?
¿Como es tu actitud personal hacia el grupo con el que estudiaste ruso?	How would you describe your participation in the group you study/studied Russian?	Опишите Ваше личное отношение к группе, в группе
Evoca tus recuerdos sobre el profesor con el que estudiaste	Could you, please, describe your memories of your teacher of Russian?	Что бы Вы могли сказать о преподавателе/ях русского языка?
¿Cuanto tiempo, en años, has estudiado ruso?	How many years or months have you studied Russian?	Как долго, в годах, Вы изучали русский язык?

Si un día dejases de estudiar ruso, ¿volverías a estudiar o ya es suficiente lo que has aprendido?	If you stop learning Russian now, will you come back to it later, or you have already learned enough?	Если Вы однажды перестанете учить русский язык, вернётесь ли Вы к нему или Вы уже достигли необходимого уровня?
¿Te identifiques con la cultura rusa (idioma, literatura, música, otros)? Concreta con qué aspectos, personalidades, realizaciones ...	Do you identify yourself with Russian culture (language, literature, music, sport, others)?	Идентифицируете ли вы себя с русской культурой (язык, литература, музыка, другое)? Уточните какие именно аспекты, личности, достижения?
¿Consideras que tu nacionalidad y tu cultura te ayudan a identificarte con la cultura rusa? ¿Por qué?	Do you think that your nationality and your culture help you to identify with Russian culture? And if you do, could you, please, tell us why?	Считаете ли вы, что Ваша национальность и культура способствуют идентификации Вас с русской культурой?
A tu juicio, ¿cómo son alumnos que quieren aprender ruso?	In your experience, who are the people who come to study Russian?	Как бы Вы описали в целом тех учащихся, что хотят учить русский язык?

### Описание процесса проведения эксперимента

В нашем случае были выбраны «студенты», изучающие русский язык как иностранный вне языковой среды. Отметим, что студентами в этом случае мы называем всех записавшихся на различные курсы русского языка, то есть не только выбравших специальность в университете, что предполагает обязательное изучение русского языка. Всего в эксперименте участвовало 30 студентов из Испании (г. Памплона) и Англии (г. Кембридж), которые посещали или посещают курсы русского разговорного языка и русского коммуникативного. В эксперименте участвовало 30 студентов.

Важность человеческого фактора. Предварительно мы связались со многими из студентов неофициально, по электронной почте и телефону, и рассказали о предстоящем анкетировании, о его целях и о значимости их ответов на вопросы анкет. Студенты заранее знали, что анкета придет от их преподавателя русского языка. Учитывались любые мнения и пожелания.

*Составление базы данных студентов.* Заведение индивидуальной карточки на каждого из учащихся (можно также с фотографиями) и составление их общего списка.

*Расылка анкет и сбор ответов.* Анкеты были разосланы по электронной почте и в течение месяца были получены ответы (см. табл. № 4).

Пример ответа на вопросы анкеты

Вопрос	Ответ на испанском языке	Ответ на английском языке
Lugar donde naciste (población y estado)	Barcelona, España	Bingley in West Yorkshire, England
¿Dónde y qué es lo que tu estudiaste?	BUP, Tarragona	School: Bradford Girls' Grammar School. GCSE's: Maths, English Language, English Literature, French, Latin, Biology, Chemistry, Physics, History. A-levels: Biology, Chemistry, Physics, Maths, Drama. University: Cambridge, Studying Veterinary Medicine.
¿Puedes decir el año de tu nacimiento?	1967	1985
¿Cuál es tu nacionalidad actual?	Española	British
Tu profesión actual	Empresario	Student
¿Cuál es tu orientación religiosa? (religión, creencia, tendencia)	Cristiano, no practicante	Cristian
¿Con que ámbito te identificas, cómo te ves, urbano o del campo?	50 % paso la mitad de mi tiempo en el campo y la mitad en ciudad	Rural
¿Cuál es el camino que te llevó a estudiar el idioma ruso?	Creo que es un idioma de futuro	I learnt it for a year at school because I fell in love with the way it sounded.
¿Cuándo empezaste tener interés por el ruso?	Por estudiar un idioma con historia , y que a su vez no fuese convencional	I have been studying it at various times. I first chose to study it at school because I enjoyed the challenge of the new alphabet and it seemed to make sense to me. I learnt Russian again in my gap-year so that I could speak when I went to visit the country. Now I am learning again so that I don't lose the language and hopefully so that I can go to Russia again with my boyfriend and family

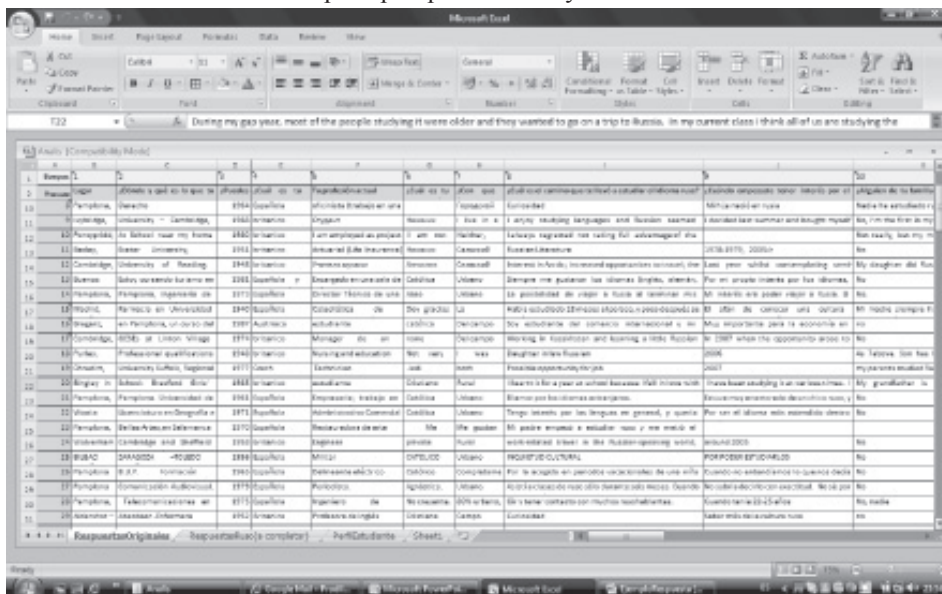
¿Alguien de tu familia estudió ruso, o le interesaba algo sobre Rusia?	No	My grandfather is interested in Russian history.
El estudiar ruso, ¿fue tu propia decisión o alguien influyó en ti? ¿Quién?	Propia decisión	It was all my own decision.
Describe tus recuerdos y sensaciones sobre el ambiente en el grupo con el que estudiaste ruso?	La profesora estupenda y genial, el grupo muy diverso y poco cohesionado	It was a very friendly atmosphere – there were only 3 of us!
¿Como es tu actitud personal hacia el grupo con el que estudiaste ruso?	Positiva pero sin contacto alguno en la actualidad	No answer
Evoca tus recuerdos sobre el profesor con el que estudiaste	El profesor fue el motivo de mi continuidad en el curso, lo mejor del curso en realidad, motivadora, experta y con una capacidad de transmisión extraordinaria	I have met several Russian teachers, all of them have been very kind and willing to share their knowledge.
¿Cuanto tiempo, en años, has estudiado ruso?	Un curso (con Yulia), mas otro a distancia	I studied for one year at school, then in my gap year for a year, most recently (this year) for 2 months.
Si un día dejases de estudiar ruso, ¿volverías a estudiar o ya es suficiente lo que has aprendido?	Volvería a estudiarlo pues evidentemente no es suficiente mi conocimiento en la actualidad , de hecho es muy pobre	I would like to continue to improve my Russian.
¿Te identifiques con la cultura rusa (idioma, literatura, música, otros)? Concreta con qué aspectos, personalidades, realizaciones ...	Me gusta su carácter, su gastronomía su cultura y su orgullo. Son una cultura fuerte que me atrae mucho	I enjoy Russian literature and music from the romantic period.

<p>¿Consideras que tu nacionalidad y tu cultura te ayudan a identificarte con la cultura rusa? ¿Por qué?</p>	<p>Si pienso que históricamente ha habido un buen vínculo y una buena hermandad y aproximación cultural con Rusia (salvo periodos bélicos). Quizás sea el contraste de caracteres alegre y melancólico (España-Rusia)</p>	<p>No answer</p>
<p>A tu juicio, ¿cómo son alumnos que quieren aprender ruso?</p>	<p>Emprendedores e independientes, librepensadores y generalmente instruidos.</p>	<p>During my gap year, most of the people studying it were older and they wanted to go on a trip to Russia. In my current class I think all of us are studying the language because we would like to visit the country.</p>

Создаем матрицу из 19 вопросов по горизонтали, 30 ответов (30 студентов) по вертикали. Ответы в оригинале на одной странице (sheet) и копию вопросов и ответов в переводе на русский язык на новой странице (см. табл. № 6).

Таблица № 6

Пример обработки полученных анкет



### Описание процесса проведения эксперимента

Опишем задачи для анализа полученных по анкетам данных, вытекающие из цели нашего исследования:

- создание социологического портрета студента русского языка за рубежом;
- описание образа преподавателя РКИ, создавшегося у студентов;
- воспроизведение портрета студентов русского языка со слов самих студентов.

Методы анализа, использованные в данной работе *по содержанию*: статистические и когнитивные. *По форме*: традиционные (статистические) и мультимедийные (визуализация с помощью программного обеспечения).

Социологический портрет студента:

перенос ответов по интересующим нас параметрам (категориям) в отдельную таблицу. Выбранные категории: место рождения, сельский или городской житель, образование, год рождения, профессия, религиозные ориентиры, гражданство, срок обучения русскому языку, самостоятельность принятия решения, влияние семьи в принятии решении изучать русский язык, дальнейший интерес к обучению;

выделение субкатегорий по каждой из категорий, пример: категория – Гражданство включает следующую субкатеорию: страна, гражданином которых является студент;

подсчет числового значения субкатегории по каждой категории в общем количестве ответов. Например: общее число ответов – 30 из них: Франция – 1, Чехия – 1, Австрия – 1, Великобритания – 9, Испания – 18;

подсчет в процентном соотношении и создание графиков (использование традиционных статистических методов).

Обобщающие таблицы, в которых отобраны вопросы (категории), позволяющие создать социологический портрет студента. В нашем случае вопросы: 1–7, 10, 11, 15, 16 (см. табл. 7).

Таблица № 7

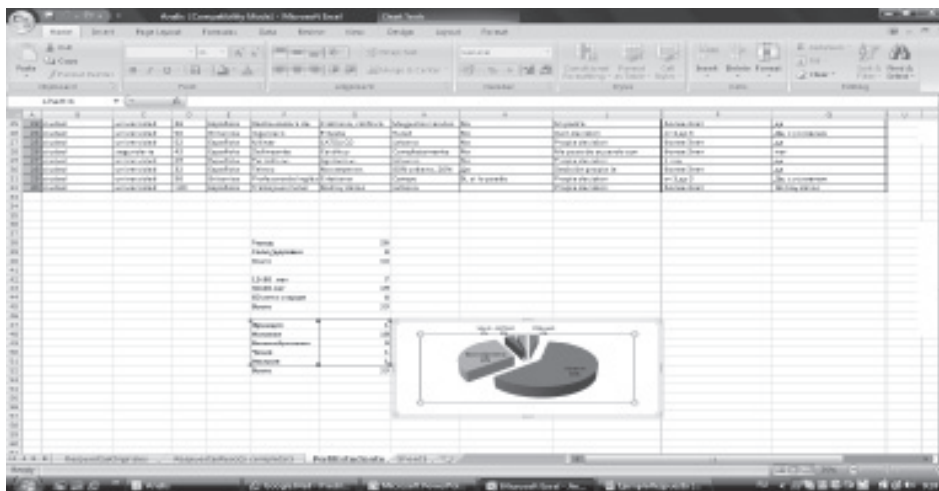
The image shows a screenshot of a Microsoft Excel spreadsheet. The spreadsheet contains a table with approximately 30 rows and 15 columns. The columns appear to represent different categories or variables from a survey, such as 'Country of Birth', 'Education Level', 'Profession', etc. The rows contain numerical data points for each category. The interface includes the standard Excel menu bar (File, Home, Insert, etc.) and a toolbar with various icons for editing and formatting. The status bar at the bottom shows the current cell address and other spreadsheet metrics.



Приведем пример результата обработки данных по категории «Гражданство» где можно увидеть диаграмму распределения долей в соответствии с субкатегориями (см. табл. № 8).

Таблица № 8

Категория «Гражданство»



### Процесс проведения эксперимента

Исследование *образа преподавателя русского языка как иностранного в языковом сознании испанских студентов* проводилось на материале, студенческих сочинений. Критерий анализ, определённая шкала коннотаций, включала позиции *Положительная-Нейтральная-Отрицательная*. Количественный анализ проводился путем подсчета числа фраз с различной эмоциональной оценкой и выведением кривой значимости. Кроме того, вбивались конкретные цитаты из каждого ответа студентов, если оно отражали ту или иную коннотацию (см. табл. № 9).

Таблица №9

Образ преподавателя РКИ за рубежом

<p>Образ преподавателя РКИ за рубежом Исходные данные: ответы на вопрос: Ваши воспоминания об учителе русского языка?</p>	<p>Наиболее часто встречающиеся слова и сочетания слов</p>
---	--

<p>Muy divertida, muy guapa, muy rusa y muy embarazada! Genial. Tengo muy buenos recuerdos. Enseñaba bien, tenía paciencia y, sobre todo, contagiaba entusiasmo. Aunque probablemente no fuese así, la recuerdo siempre de buen humor. Creo que los demás alumnos pensaban lo mismo. Se involucraba, tenía interés en que aprendiésemos y lo transmitía. Además de enseñar el idioma, solía hablar de cómo funcionaban las cosas en Rusia, cómo eran las costumbres, las creencias, cómo se habían transformado las clases sociales, la política, las costumbres, su gusto por el teatro, por qué los rusos eran buenos en las actividades de interior... Han pasado ya casi cinco años desde aquellas clases y tengo los recuerdos un poco difusos pero tengo dos cosas grabadas. En Navidad, se vistió de El abuelo del frío (creo que se llamaba así) siguiendo una tradición rusa y nos repartió a todos un papel con los vaticinios para el Año Nuevo (conmigo acertó, además!) Pero lo que más gracia me hace es que, sin ella saberlo, me destripó el final de Anna Karenina en una clase. Estaba explicando que, en Rusia, cuando alguien iba por mal camino, se decía “va a acabar como Anna Karenina”.</p>	<i>Положительная коннотация</i>	
	Приятная, обаятельная	7
	Хорошая	4
	Веселая	4
	Мотиватор	4
	Эксперт	4
	Знакомит с русской культурой	3
	Динамичная	2
	Терпеливая	2
	Близкая, доступная	2
	Поддерживающая	2
	Экстраординарная передача материала	2
	Диалог с учителем	2
	Красивая	1
	Учит произношению, чтению	1
	Творческая, созидательная	1
	Знание языка, на котором говорит студент	1
	<i>Нейтральная коннотация</i>	
	Информированная, начитанная	3
	Организованная	1
	Хорошее настроение	1
	<i>Отрицательная коннотация</i>	
	Требовательная	2
	Недостаточность опыта	1
	Не ясные цели курса	1
Вызывающая страх, напряжение	2	

Коннотационное содержание категорий анализа преподавателя представлено ниже.

*Позитивная коннотация:* хорошая, приятная; веселая, терпеливая, близкая, доступная; динамичная, с энтузиазмом; мотиватор; эксперт; приблизила к русской культуре; информированность, начитанность.

Негативное отношение вызывает: требовательная; вызывающая страх ошибиться; не принимающая во внимание сложности в процессе освоения языка студентами.

6. Образ преподавателя русского языка как иностранного у испанских студентов

В нашем исследовании было использовано следующее программное обеспечение (далее – ПО) many eyes, alphaWorks software, для визуализации результатов анализа исходных данных (см. график № 1)<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> URL: <http://services.alphaworks.ibm.com/manyeyes/uploaddata>

В нашем исследовании в программе используют такие функции, которые могли бы ускорить и упростить процесс обработки исходных данных исследований такого рода. Основная идея заключается в том, что все ответы на интересующий нас вопрос предварительно объединяются в один сплошной текст, потом обрабатываются программой и появляются на мониторе в виде ключевых слов или сочетаний из двух слов (признаки или категории), чаще всего встречающиеся в тексте. Отбор идет по частоте появления тех или иных слов, сочетаний слов, а также возможно и по другим критериям отбора, ближе к когнитивным. Этот вопрос остается открытым для дальнейших исследований.

### Этапы обработки данных с помощью Many eyes

Все ответы на интересующий нас вопрос объединяются в один текст.

В нашем случае был выбран вопрос: «Ваши воспоминания об учителе русского языка?» Ответы были занесены в таблицу как единый текст. Данные будут готовы для отработки изображения. На экране появится следующее:

*График № 1*

### Фрагмент программы Many Eyes



### Выводы

Основным выводом работы является доказательство зависимости получаемых научных результатов от применяемых методов исследования. В социальных науках стали использоваться самые последние достижения компьютерных технологий, создаваемые ранее для точных дисциплин и экономики.

Смешанный качественно-количественный метод с использованием компьютерных технологий позволяют получать более точные результаты по сравнению с традиционной ручной обработкой единичных случаев или только статистическими способами обработки данных. Смешанные методы исследования будут успешны, поскольку все больше ученых смогут более качественно продвигать свои идеи с

их помощью, являясь естественным плюралистическим дополнением к традиционным качественным и количественным методам.

С помощью качественного метода случая и глубинного интервью была выделена система мотивов студентов изучающий русский язык за рубежом. Интуитивно было понятно, что на выбор учащихся оказывают влияние педагогические мотивы: преподаватель и учебные центры. Однако обычным способом тестирования, где выбирается один из возможных вариантов ответа, они не выделялись, так как не были включены исследователями в систему тестового набора. Кроме того, мы не встретили работы, указывающие на педагогический мотив как значимый при выборе учебных предметов. Поэтому и был использован другой метод – глубинного интервью – в виде свободного текста и уже на его основе выделены категории мотивов. Результатом явилась иерархическая система мотивов, где фигурировал и педагогический мотив, тем самым подтвердив нашу гипотезу о его существовании в системе.

На основе использования глубинного интервью и метода «от текста к категориям» получена следующая иерархия мотивов выбора иностранными студентами предметов русского языка (в %):

32.7	–	интерес к русскому языку;
15.6	–	интерес к русскому миру: история, география, культура, народ, спорт;
9.5	–	связь с профессиональной деятельностью, работой, бизнесом;
10	–	влияние семьи и друзей;
8.9	–	личностное отношение: любовь, политика, связанные с силой воли;
5.9	–	интерес к путешествиям;
<b>5.3</b>	–	<b>педагогические причины;</b>
5.3	–	интерес к литературе вообще и к русской в частности;
3.1	–	по принуждению, безвыходности и жизненной необходимости;
1.7	–	не знаю, не могу ответить.

Следующая группа результатов связана с изучением содержания мотива «педагогические причины». Что хотят студенты от преподавателя? Какой он «ОБРАЗ преподавателя русского языка как иностранного в языковом сознании испанских студентов?» Также темой отдельного сочинения стал вопрос «Ваши воспоминания об учителе русского языка?». Здесь, впервые в педагогических исследованиях, для обработки полученных данных было использовано программное обеспечение ранее не применявшееся для решения социальных задач в психолингвистике. Программы, созданные для экономических областей были адаптированы для психолингвистики и педагогики. К ним относятся: Many Eyes, AlphaWorks software и SpotfireDXP.

Значимым признаком преподавателя РКИ глазами иностранных студентов явились, прежде всего, что это носитель русской культуры (носитель русского языка, русской языковой личности, образ русского человека), затем - источник информации о состоянии и развитии сегодняшней России и ее народа, носитель традиций, ритуалов и кулинарных рецептов, далее следует преподаватель как мотиватор и эксперт.

Следующие результаты связаны с прогнозами на взаимозависимость между двумя категориями: «личностные характеристики» и «профессиональная компетентность» по оценочной шкале от -5 до 5. Использовалось программное обеспечение SpotfireDXP, предназначенное для анализа зависимости отдельных категорий с прогнозом на их будущее развитие отношений. Полученные графики показали, что профессионализм и личные качества преподавателя имеют несущественную корреляцию, другими словами, студенты не делают различий в оценке этих двух категорий. Более того, большинство позитивных оценок сосредоточено в области личных качеств учителя, а не профессиональных. Мы считаем, что можно говорить о слиянии в профиле учителя личностных характеристик и профессиональных, именно поэтому студенты не могут их различить. Одинаково важно и умение общаться со студентами, и знание предмета. Эти результаты вызывают интерес, однако нуждаются в более детальном исследовании.

Интересны результаты, заключающиеся в социологическом описании тех учащихся, которые хотят продолжать обучение русскому языку. Мы использовали две методики для одних и тех же исходных данных: традиционная ручная и *manu eyes*. Так какой же студент будет продолжать изучать РКИ? Результаты отличаются, второй метод с нашей точки зрения более точно описывает сложившуюся ситуацию и может быть учтен при составлении учебных программ.

При ручной обработке были выделены следующие характеристики: не «типичные» люди, немногое, особенные; разные, но весомые мотивы: усыновленные дети, путешествия, шахматы; есть определенные связи: интерес к русскому языку, культуре и другие.

При использовании программы *manu eyes* были выделены следующие категории: высокая мотивация; специфические интересы; изучение русского как личное достижение; притягивает русский язык, славянская культура.

Особенность нашего исследования заключалась также в том, что большинство студентов сотрудничало с нами и уделило много времени для ответов на вопросы анкеты. Для них воспоминания об уроках русского языка были весьма значимы, бережно сохранялись в памяти детали уроков, выражалось желание продолжить обучение, если будет такая возможность. Таким образом, для получения достоверной информации необходимыми условиями в педагогических исследованиях являются учет человеческого фактора, взаимная договоренность и доброжелательность. Студенты должны хотеть искреннего сотрудничества.

Результаты социологического опроса показали нейтральное отношение к изучению русского языка на момент его выбора как предмета: он не зависит ни от национальности, ни от религии, ни от места проживания в городе или сельской местности.

Вместе с тем авторы столкнулись со сложностью адаптации программного обеспечения для гуманитарной области, при обработке анкет, выборе шкал, при присваивании числовых значений категориальным параметрам; социологическая разнородность групп и т. д. – вот те проблемы, с которыми надо продолжать работать.

Появление этой статьи было бы невозможно без участия таких замечательных людей как Ю. Коварская, А. Лабарг Гутиеррес и А. Нерух. Всем им автор выражает самую искреннюю благодарность.

### **Литература**

- Гальперин П.Я.* Основные результаты исследований по проблеме «Формирование умственных действий и понятий». М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1965. 51 с.
- Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. : ИЯ РАН, 1993. С. 16–21.
- Талызина Н.Ф.* Сущность деятельностного подхода в психологии // Методология и история психологии. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2007. Т. 2. № 4. С. 157–162.
- Шайхиева Т.Н.* Технологические методологии управления процессом усвоения знаний в гуманитарных науках // Деятельностная теория учения: современное состояние и перспективы. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2014. С. 102–104.
- Шайхиева Т.Н.* Методология отбора содержания образования. Иркутск : Иркутск. ун-т, 1997. 155 с.
- Шайхиева Т.Н.* Методология исследования учебных мотивов студентов (на примере предметов русского языка) // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. Варшава: Варшавский ун-т, 2006. С. 145–154.
- Уасин Аббас.* Способы формирования мотивации изучения русского языка в иракской аудитории: дис. ... канд. пед. наук. СПб. : СПбГУ, 2007. 250 с.
- Burke, J., Onwuegbuzie, J.A.* (2004). Mixed Methods Research: a research paradigm whose time has come. *Education Researcher*. Vol. 33. No. 7, 14–26.
- Fernández, Cano, A.* (1995). Métodos para evaluar la investigación en psicopedagogía. Madrid: Síntesis. 304 p.
- Michael, Byram* (1997). Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Publisher: Multilingual Matters. 13 p.
- Staricov, Estela.* (2015). Condiții psihopedagogice de formare a motivației învățării la studenții din domeniul pedagogic: teză de doctor în științe pedagogice, Chișinău. 174 p.



## THE IMAGE OF A TEACHER IN SPANISH LANGUAGE CONSCIOUSNESS

**Tatiana N. Chaikheva**

PhD Associate Professor of Greek and Slavic Philology  
Department of the University of Granada, Spain  
*chaikheva.tatiana@gmail.com*

This article discusses a methodical approach for academic research in the field of social sciences. Qualitative (a single case) and quantitative (Many eyes) methods, including new information technologies, graphically visualize information, which enables us to receive more precise characteristics of the subject of research in a form convenient for visual observation and analysis. The experimental part consists of researching the process of teaching Russian as a foreign language, the motivations and image of the teacher in the linguistic consciousness of Spanish students.

The 1st stage consisted of a detailed interview to research the motivations of students studying Russian as a foreign language. The perfected methodology revealed a system of motivations, a “pedagogical” one of which hadn’t revealed itself previously. The 2nd stage used new information technologies to study the profiles of students of Russian as a foreign language, at the intersection of the combined fields of psychology, linguistics and pedagogy the image of a teacher Russian foreign language in the eyes of the students is described with a positive connotation (good, pleasant, cheerful, patient, brought us closer to Russian culture et cetera) and with a negative connotation (demanding, making us afraid to make mistakes, doing homework).

The categories of “personal connotation” and “professional competence” were examined and the results showed insignificant correlation, in other words students didn’t distinguish between these 2 categories in their appraisals.

In summary this work consists of the use of new information technologies to visualize the results of data analysis. It has revealed a pedagogical motive and its connection to the image of a teacher Russian as a foreign language in the consciousness of Spanish students.

**Keywords:** Ethnic stereotype about Russian, language consciousness of students, image of a teacher, Russian as a foreign language, pedagogical motive, HiTech technologies in pedagogical research.

### References

*Gal’perin P. Ja.* Osnovnye rezul’taty issledovanij po probleme “Formirovanie umstvennyh dejstvij i ponjatij” [Main research results on the problem of “the formation of mental actions and concepts”]. M. 1965. 51 p.

*Leont’ev A. A.* Jazykovoje soznanie i obraz mira [Language consciousness and image of the world]. Jazyk i soznanie: paradoksal’naja racional’nost’. M. IJa RAN, 1993. Pp. 16–21.

*Talyzina N. F.* Sushhnost’ dejatel’nostnogo podhoda v psihologii [The essence of the activity approach in psychology]. *Metodologija i istorija psihologii*. 2007. T. 2. No. 4, pp. 157–162.

*Chaikhieva T. N.* Tehnologicheskie metodologii upravljenija processom usvoenija znaniy v gumanitarnyh naukah [Process management methodology of learning process in the humanities]. *Dejatel'nostnaja teorija uchenija: sovremennoe sostojanie i perspektivy*. 2014. pp. 102–104.

*Chaikhieva T.* Metodologija issledovanija uchebnyh motivov studentov (na primere predmetov russkogo jazyka) [The research methodology training students motifs (for example, the Russian language subjects)]. *Chelovek. Soznanie. Kommunikacija. Internet*. Varshavskij un-t. 2006. pp. 145–154.

*Chaikhieva T. N.* Metodologija otbora sodержanija obrazovanija [The methodology of selection of educational content]. Irkutsk. 1997. 155 p.

*Uasin Abbas.* Sposoby formirovanija motivacii izuchenija russkogo jazyka v irakskoj auditorii [Ways of formation of motivation of studying of the Russian language in the Iraqi audience]: dis. kand. ped. nauk. S.-Peterb. gos. un-t. 2007. 250 p.

81'23

## ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЦЕННОСТИ «ДОЛГ»

Жамалетдинова Эльмира Хамитовна

Преподаватель кафедры профессиональной лингвистики и коммуникации  
в области зарубежного регионоведения, МГЛУ  
Москва, ул. Остоженка, 36  
*khamitovich@gmail.com*

Статья посвящена изучению различий содержания ценности *долг* в обыденном общественном сознании представителей двух поколений: перестроечного и постперестроечного. В ней представлен анализ словарных статей из ассоциативных словарей русского языка и результатов психосемантического эксперимента. Для интерпретации полученных результатов привлекаются исторические и социологические источники. На материале психосемантического эксперимента были рассмотрены коннотативные различия восприятия исследуемой ценности и связь с другими ценностями, такими как *власть* и *могущество*. Теоретической базой данного исследования послужили теория деятельности А.Н. Леонтьева и интегративно-эклетикический подход, разработанный В.А. Янчуком, позволяющий учитывать данные различных областей знания, а также применять широкий круг методик для достижения максимально полных и точных результатов в исследованиях.

На основании результатов проведенного исследования делается вывод о том, что репрезентация ценности *долг* на уровне обыденного общественного сознания носителей русской культуры двух разных поколений значительно отличается.

Методика исследования ценности *долг* может быть использована для изучения репрезентации различных ценностей и понятий в языковом сознании носителей как русской, так и других национальных культур. Данные исследования также могут применяться в разработке заданий для обучения РКИ.

**Ключевые слова:** ценность, долг, власть, родина, общественное сознание, ассоциативный словарь, психосемантический эксперимент.

В данной работе исследуется трансформация содержания ценности *долг* в обыденном общественном сознании двух поколений – перестроечного, или поколения переходного периода, и постперестроечного, или постпереломного [Семенова 2009: 109]. Исследование проведено с использованием интегративно-эклетикического подхода путем триангуляции, который заключается в комбинировании качественных и количественных методов. Качественные методы характеризуются многообразием контекстов, направлены на выявление значений и своеобразия интерпретаций, гибки, диалогичны и интерактивны по процедуре, естественны по характеру. Главным недостатком качественных методов можно считать субъективность. В то же время количественные методы более объективны, отличаются высокой степенью достоверности и надежности. Однако их критикуют за дистанцированность от реальности, искусственность и предопределяющий характер. Главным принципом

комбинирования методов является принцип дополнительности. Одна стратегия дополняет знания об объекте, полученные другой стратегией, и в итоге исследователь получает целостную объемную картину объекта. Таким образом, результатом применения триангуляционного подхода станут разнородные данные, которые могут не подтверждать друг друга, но в то же время не должны противоречить друг другу [Янчук 2001: 14-15; Семенова 2014].

Для исследования использовались материалы двух ассоциативных словарей русского языка, Русского ассоциативного словаря (Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. В 3-х частях, 6-ти книгах / Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова. Кн. 1, 3, 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Книга 2, 4, 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. М., 1994, 1996, 1998) (далее [РАС]) и Русский региональный ассоциативный словарь (Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС / Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева. Том 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 2014 (далее [ЕВРАС]) и результаты психосемантического эксперимента.

Анализ статьи ассоциативного словаря помогает выделить компоненты значения ценности, отраженные в обыденном общественном сознании носителя русского языка. Стоит отметить, что результаты анализа ассоциативных полей объективны, т.к. получены с учетом количественных и качественных критериев, упомянутых ниже, тогда как интерпретация этих результатов носит научно-гипотетический характер: для подтверждения гипотез автора используются социологические статьи и исторические документы.

В данной работе проанализированы наиболее частотные реакции и дано соотношение количества определенных реакций и общего количества реакций. Всего в РАС проанализировано 618 реакций, в ЕВРАС – 508. Данные реакции представлены ниже. В словарных статьях из РАС и ЕВРАС не наблюдается значительных расхождений в содержании реакций. Об особенных случаях будет сказано отдельно.

В сравнительном анализе ассоциативных полей из РАС и ЕВРАС нами использованы следующие количественные критерии, которые являются стандартными числовыми характеристиками ассоциативного поля:

1. Критерий общего количества реакций на стимул *долг*: в РАС – 618, в ЕВРАС – 508.

2. Критерий «количество различных реакций на стимул»: в РАС – 200; в ЕВРАС – 193. Данный критерий позволяет узнать коэффициент разнообразия двух ассоциативных полей. Данный коэффициент получен путем деления количества различных реакций на общее число реакций. В РАС данный коэффициент составляет 0,32%; в ЕВРАС – 0,37%.

3. Критерий частотных реакций: в РАС – 483 (78%) от общего количества реакций; в ЕВРАС – 358 (70%).

4. Критерий единичных реакций: в РАС – 135 (22%); в ЕВРАС – 150 (30%).

5. Критерий количества синтагматических связей частотных реакций: в РАС – 308 (63,7%); в ЕВРАС – 145 (40,5%).

6. Критерий количества парадигматических связей частотных реакций: в РАС – 175 (36,6%); в ЕВРАС – 213 (59,5%).

### Словарная статья *долг* в РАС

Честь/чести 95; перед Родиной/родина/родине 40; деньги 38; отдать/отдавать 36; платежом красен 34; обязанность 28; совести/совесть 20; большой 14; интернациональный 11; выполнять/выполнить, вернуть/возвратить 10; мой 9; каждого, человека 8; гражданина, платеж, святой 7; наш 6; денежный, перед Отечеством 5; ответственность, памяти 4, и совесть 4; армия, гражданский, плата, платить, священный, службы, человеческий, вечный 3; военный, врача, залог, зарплата, исполнить, карты, матери, мужество, надо, не мой, не отдать, общественный, отдан, перед людьми, рубль, волк 2.

### Словарная статья *долг* в ЕВРАС

Деньги 88; отдать/отдавать 51; честь/чести 35; Родина/родине/перед Родиной 30; обязанность 27; платеж 14; большой 12; супружеский 10; платежом красен 9; денежный, чести 7; вернуть 6; кредит, ответственность, плохо 5; карточный, перед отчеством 4; армия, бремя, возвращать, время, выполнить, займ, обязательство 3; вечный, взятка, гражданский, давний, зависимость, не брать, небольшой, обещание, обязанности, огромный, отдача, отчество, отчизна, перед кем-то, родители, совесть, твой 2

Качественным критерием является критерий совпадения и различия наиболее частотных реакций в РАС и ЕВРАС. Обе статьи практически совпадают по составу ассоциатов, однако наблюдаются различия в частотности реакций.

Первые 4 реакции на стимул *долг* одинаковы. Различия заключаются только в частотности реакций. Так, в РАС на первом месте реакция *честь* 95 (19, 6%), на втором месте – *родина* 40 (8,2%). В ЕВРАС эти две реакции находятся на третьем и четвертом местах соответственно: *честь* 35 (9,7%) и *родина* 30 (8,3%). В ЕВРАС *долг* в первую очередь ассоциируется с *деньгами* 88 (23, 5%), затем с действием *отдать* 51 (14, 2%).

Следующие две реакции также практически одинаковы в обеих статьях. На пятом месте в ЕВРАС и на шестом в РАС находится реакция *обязанность* – 27 (7,5%) и 28 (5,7%) соответственно. На пятом месте в РАС в качестве реакции дана поговорка *платежом красен* 34 (7%). В ЕВРАС на шестом месте дана реакция *платеж* 14 (3,9%). Рассмотренные совпадения реакций свидетельствуют о том, что русский человек воспринимает себя обязанным кому-л. или чему-л. в материальном или духовном смысле. Тем не менее первые наиболее частотные реакции совпадают со значениями долга, представленными в современных толковых и энциклопедических словарях, «нравственно аргументированное принуждение к определенному поступку» и «что-л. взятое взаймы».

В РАС из 483 различных реакций 97 (20%) так или иначе связаны с деньгами и платой (*деньги* 38, *платежом красен* 34, *платеж* 7, *платежом* 4, *денежный* 5, *плата*, *платить* 3, *залог*, *заплата*, *рубль* 2). В ЕВРАС из 358 различных реакций также самое большое количество связано деньгами и платежом – 123 (34%). Реакции, представленные в ЕВРАС, совпадают с реакциями из РАС. Разница заключается в том, что в ЕВРАС добавились реакции *займ* 3 и *взятка* 2. Данная разница свидетельствует о новых финансовых возможностях кредитования, которые стали доступны рядовым гражданам после перестройки, что выразилось реакцией *займ*, а также новыми возможностями манипулирования властью в личных целях, что видно из реакции *взятка*.

Сорок четыре (9,1%) реакции из РАС связаны с глаголом и отглагольным существительным *отдать* и *отдача*, тогда как в ЕВРАС данных реакций 62 (17%). *Родина* и ее синонимы упоминаются 45 раз (9,3%) в РАС и 38 раза (10,6%) в ЕВРАС.

В отличие от ЕВРАС в РАС представлены реакции *службы 3*, *служебный 2*. Данные реакции, на наш взгляд, могут быть интерпретированы двояко. Во-первых, *долг* может быть ассоциирован со службой в армии, в театре и других организациях, где должностное выполнение рабочих обязанностей имеет наименование «служба». С другой стороны, данные реакции могут быть синонимичны словам *труд* или *работа*. Отсутствие данных реакций в ЕВРАС может быть объяснено появлением широкого круга альтернативных возможностей занятости в период переходной экономики, введением приватизации государственной собственности и самого низкого в Европе подоходного налога, а также прекращением советской пропаганды ударного труда для общественного блага. Появление данных реакций в сознании перестроечного поколения во многом может быть связано с идеей необходимости труда и его священного статуса, закрепленных в Конституции СССР 1977 – «Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР – добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества», – а отнюдь не с реальным отношением. А.Л. Темницкий в статье «Отношение молодых рабочих к труду в советский и постсоветский периоды» отмечает низкую значимость труда среди молодых рабочих предприятий и высокую текучку среди них. В 90-е годы молодая часть трудоспособного населения открыла для себя преимущества работы на частных предприятиях, где требуется готовность больше работать, нести большую ответственность и проявлять инициативу. У постперестроечного поколения больше, чем у перестроечного, выражена индивидуальная ответственность за труд, их меньше волнует успех всего предприятия в целом. Однако в системе жизненных ценностей перестроечного и постперестроечного поколения работа занимает лишь четвертое место после семьи, свободного времени, здоровья [Темницкий 2003]. В.С. Магун пишет, что по данным эмпирических исследований, уже с середины 70-х годов в сознании разных групп рабочих господствовала ценность высокого заработка и благоприятных условий труда. Идеологическая модель трудовой морали в СССР основывалась на приоритете общественных мотивов против личных интересов и духовной ценности труда, т.е. труд ради труда, получение вознаграждения за труд для поддержания благосостояния трудящегося и его семьи. Исследователи полагают, что игнорирование личных интересов трудового человека скрывалось за пропагандистской идеей, что трудящиеся являются сохозяевами общественной собственности, следовательно, частные и общественные интересы совпадают [Магун 1998: 116; 128].

Перемене трудовой морали в 90-х способствовало значительное расширение форм рабочей занятости, приобретение гражданами права на частную собственность и предпринимательскую деятельность, легализация статуса безработного. Также поменялись мотивы трудовой деятельности: труд ради общественного блага потерял священную значимость. Большую ценность имеет теперь высокий заработок, т. к. в настоящее время труд рассматривается как способ удовлетворения



потребительских нужд. Другими трудовыми ценностями являются удобное время для работы и продолжительный отпуск. Однако многие граждане России проводят на работе гораздо больше времени, чем до социально-экономических реформ 90-х [Магун 1998: 129 -130; 132].

Таким образом, декларируемая значимость службы и служебного долга в сознании перестроечного поколения уступила операциональной ценности труда в сознании постперестроечного поколения как права, а не повинности, которая совпадает и с декларируемым отношением к труду. Можно заключить, что реальное отношение к труду у представителей обоих поколений осталось прежним.

Негативные реакции являются менее частотными из всех остальных и выражены словами *тяжесть, чушь, волк 2* в РАС и *плохо 5, бремя 3, зависимость 2* в ЕВРАС.

В качестве реакций на стимул *долг* представлены также виды долга. В РАС представлены следующие виды: *интернациональный 11, человека 8, гражданина 7, денежный 5, памяти 4, гражданский 3, службы 3, военный 2, матери 2, общественный 2*. В ЕВРАС самым частотным является *супружеский 10, денежный 7, карточный 4, гражданский 3*. Из представленных реакций видно, что поколение переходного периода ассоциирует *долг* с более абстрактными и глобальными понятиями, чем постпереломное поколение, что может быть снова объяснено советской пропагандой общественного блага. Для представителей постпереломного поколения *долг* более конкретен и индивидуален, он связан с реальным течением жизни и возникающими проблемами.

Как упоминалось выше, содержание ассоциативного поля ценности *долг* в обоих случаях практически совпадает, поэтому значения *долга*, представленные в обеих словарных статьях РАС и ЕВРАС, могут быть категоризованы следующим образом.

**Логическая структура понятия долг**, которая выражает его объем и содержание, проявляется в следующих аспектах:

*Источник долга:* супружеский, родина, армия, гражданский, отечество, родители, совесть

*Действия:* отдать, отдавать, вернуть, возвращать, не брать

*Размер:* большой, огромный, небольшой

*Долг как мера времени:* давний, вечный

*Положительная эмоциональная оценка:* честь, совесть, святой, священный, вечный

*Отрицательная эмоциональная оценка:* плохо, бремя, зависимость, тяжесть, чушь

**Полисемия ценности долг** реализуется в следующих реакциях на стимул долг:

1. Значение «Нравственная необходимость» – честь, совесть, родители.

2. Значение «Общественное обязательство» – супружеский, гражданский, перед Родиной, родина, армия, отечество, отчизна, человека.

3. Значение «Финансовое обязательство» – деньги, денежный, карточный, кредит, займ, залог, обязательство.

4. Значение «Круг действий» – отдать, отдавать, вернуть, возвращать, выполнить, исполнить, не брать.

5. Значение «Обязанность» – ответственность, бремя, зависимость, обещание, отдача.

6. Значение «Размер» – большой, небольшой, огромный.

7. Значение «Длительность» – время, давний, вечный.

8. Значение «Принадлежность» – наш, не мой, твой.

В РАС принадлежность *долга* определяется через местоимения *наш* 6, *не мой* 2, тогда как в ЕВРАС – *твой* 2, что так же, как и реакцию *служба*, можно интерпретировать через смену коллективной идеологии индивидуальной, более отчужденным отношением к другим людям, в особенности в финансовом вопросе. Возросший индивидуализм связывается социологами с недоверием граждан к социальным институтам и представлениями о власти как об угрозе благополучию. Для массового сознания привычно противопоставлять власть и бесправную массу, причем президент как бы отстранен от обеих и представляется безупречным правителем [Гудков, Дубин, Зоркая 2011б: 19], хотя у значительной части студентов прослеживается тенденция к «социальному партнерству», что означает их готовность исполнять обязательства перед властью и ожидание от власти исполнения ее обязательств перед гражданами [Российское студенчество на рубеже XX–XXI веков... 2012: 209].

Психосемантический эксперимент используется для выявления коннотативных различий в отношении ценности *долг*. Данный психосемантический эксперимент проводился со студентами, преподавателями и сотрудниками РУДН, РосНОУ, ЮУрГУ в 2013–2014гг. Выборка составила 30 испытуемых для каждого поколения. В отличие от данных социологов, которые фиксируют осознаваемое знание, результаты психосемантического эксперимента являются неосознаваемым знанием, которое сложно интерпретировать.

Отношение к ценности *долг* у представителей поколения 20- и 40-летних отличается по всем факторам, кроме фактора «сила», где *долг* оценивается как *тяжелый, сложный и твердый*. Такая оценка, вероятно, продиктована тем фактом, что для исполнения долга необходимо некоторое эмоциональное и моральное усилие и внешнее или внутреннее принуждение.

По фактору «оценка» 20-летним *долг* представляется *светлым, приятным и красивым* в силу того, что молодым свойственно идеализировать трудности, с которыми они еще тесно не сталкивались; 40-летние рассматривают *долг* с негативной стороны как *темный, неприятный, безобразный, грубый, опасный, хаотичный, изменчивый, слабый*. Представители данного поколения скорее относятся негативно не к *долгу* в целом как к абстрактному понятию, а к различным конкретным проявлениям *долга*, например к службе в армии, уплате налогов, голосованию на выборах, ежедневной работе.

По фактору «активность» 20-летние относятся к *долгу* негативно, как к *медленному, неподвижному, пассивному*, т.к. проявления долга остаются одинаковыми, например учеба в университете, необходимость помогать родителям и т.д.; 40-летние относятся к *долгу* положительно, как к *быстрому, движущемуся, активному*, имея в виду, вероятно, изменения, происходящие внутри видов долга, например ежегодный рост налогов, изменение сроков службы в армии, условий работы.

По фактору «упорядоченность» отношение 20-летних к долгу близко с предыдущим фактором, т.к. воспринимается как *обычный и устойчивый*; 40-летние воспринимают данную ценность как *таинственную*, возможно, имея в виду неопределенность ожиданий.

Далее рассмотрим дерево кластеризации (дендрограмму) для данных двух поколений (Рис. 1 и Рис.2). На дендрограмме 20-летних ценность *долг* входит в один кластер с ценностью *власть* и *могущество*. У 40-летних *долг* также находится в одном кластере с *властью*. Власть является фундаментальной ценностью в сознании русских. В русской ментальности именно власть является главной базовой ценностью. Власть должна быть хранительницей и транслятором коллективных символов. Однако в то же время она является мощным дезорганизующим фактором, не воспринимается как источник безопасности, закона и порядка, а является чем-то угрожающим перечисленным аспектам. У большинства россиян власть ассоциируется с руководителями страны, с их личными качествами, а не с гражданскими правами, которые власть гарантирует и должна защищать. Постсоветский человек относится к власти подозрительно, т.к. ожидает обмана со стороны властей, в связи с чем обманывает их сам, избегая выполнения некоторых обязанностей. Также старается манипулировать властями с помощью коррупции.

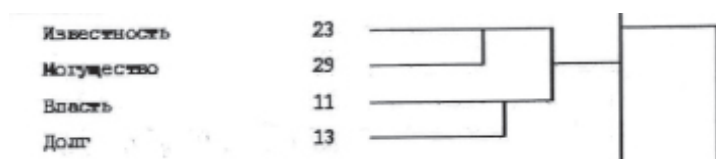


Рис 1. Элемент дерева кластеризации общечеловеческих ценностей для перестроечного поколения

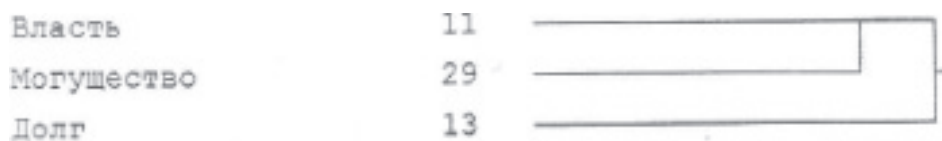


Рис 2. Элемент дерева кластеризации общечеловеческих ценностей для постперестроечного поколения

В сознании подавляющего количества россиян власть обладает самостоятельностью, т. е. является независимой по отношению к гражданам [Гудков, Дубин, Зоркая 2011б: 21]. Хотя более 70% представителей перестроечного поколения считают, что свобода граждан зависит от государства, которое заботится о них и контролирует экономику [Там же: 19]. В сознании человека перестроечного поколения существует только два агента политической жизни общества – масса и власть [Там же: 22-24]. Данное восприятие общественной и политической жизни обуславливает пассивное поведение большинства граждан, нежелание признать влияние альтернативных власти субъектов, например общественных движений и СМИ, дея-

тельность которых направлена на улучшение качества жизни граждан или, по крайней мере, решение некоторых их проблем. Сильно мнение, что обеспечение людей всем необходимым, т. е. работой, жильем, является исключительно долгом государства [Там же: 25]. Следовательно, преобладающей в сознании перестроечного поколения является позиция бессловесной жертвы бесконтрольной бюрократической машины власти. Население в основном отдает предпочтение решению своих проблем в обход закона, что не способствует улучшению работы общественных организаций [Там же: 38]. Укоренение мысли в сознании граждан об их бесправности и неспособности влиять на власть приводит к падению интереса к политической жизни, негативной оценке деятельности политических и социальных институтов и отказа от какого-либо сотрудничества с властью. По нашему мнению, активность населения в политической сфере сохраняется только в критике любых действий власти и отторжении ее инициатив.

По мнению авторов исследования «Постсоветский человек», важнейшим элементом политической культуры граждан России является двоемыслие. С одной стороны, население осознает себя беспомощным перед представителями власти, а с другой – демонстрирует лояльность по отношению к ним, например, к своим начальникам. Двоемыслие не позволяет развиваться протестному потенциалу, консолидироваться оппозиции и поощряет состояние необходимой покорности в качестве нормы [Там же: 61-62].

Постперестроечное поколение имеет похожее отношение к власти, как и представители перестроечного поколения. По мнению авторов исследования «Молодежь России», в постсоветское время не произошло трансформации ценностных установок [Гудков, Дубин, Зоркая 2011а: 9]. Молодежь восприняла произошедшие изменения как должное, т. к. старшее поколение, поколение родителей, не проанализировало советский опыт и передало ту же совокупность проблем и установок, с которой жила до перестройки. Главной из «советских» установок является показные покорность перед властью и удовлетворенность тем, что она дает гражданам. Следовательно, в новых условиях молодежь присвоила пассивность, присущую перестроечному поколению.

Такое отношение к власти подтверждается данными психосемантического эксперимента. Представители обоих поколений одинаково воспринимают ценность *власть* по трем факторам: по фактору «оценка» как *темную, неприятную, безобразную*; по фактору «активность» как *быструю, движущуюся, активную*; по фактору «сила» как *тяжелую, сложную, твердую*. Различия наблюдаются по фактору «упорядоченность»: 20-летние оценивают *власть* как *обычную и устойчивую*, тогда как 40-летние – негативно: как *таинственную*.

Также в данный кластер у обеих поколенческих групп входит ценность *могущество*, которая одинаково оценивается по факторам «активность», «сила», «устойчивость» положительно. Оценки по фактору «активность» и «сила» совпадают с оценками, данными ценности *власть*. По фактору «устойчивость» также дана положительная оценка, т.е. *обычный, устойчивый*. В то же время по фактору «оценка» 20-летние не дают никаких характеристик; 40-летние оценивают *могущество* по данному фактору скорее положительно - как *светлое, приятное и красивое*.

Стоит отметить, что наряду с ценностями *власть* и *могущество* у 40-летних в тот же кластер входит ценность *известность*. Вероятнее всего, близость ценностей *могущество* и *известность* может быть объяснена большим количеством связей в разных сферах, что гарантирует решение любых проблем и выход из сложных ситуаций, т.е. обеспечивает могущество.

### Выводы

В данной работе с целью определения различий восприятия содержания ценности *долг* в обыденном общественном сознании перестроечного и постперестроечного поколений был проведен анализ материалов ассоциативных словарей и психосемантического эксперимента. В результате анализа статей из РАС и ЕВРАС удалось выяснить, что содержание ассоциативного поля ценности *долг* практически совпадает у представителей обоих поколений. Наиболее устойчивыми реакциями являются *честь*, *деньги*, *обязанность*, *отдать*, *платеж*, и связанные с ними реакции являются наиболее распространенными в обеих статьях. Следующими по распространенности являются реакции *Родина* и ее синонимы, причем таких реакций больше в ЕВРАС.

На материале психосемантического эксперимента были рассмотрены коннотативные различия восприятия исследуемой ценности и связь с другими ценностями. Оба поколения соотносят ценность «долг» с ценностями *власть* и *могущество*. Ценность *власть* имеет довольно близкие характеристики у поколения 20- и 40-летних, что подтверждает факт о центральном и наиболее стабильном положении данной ценности в общественном сознании. Ценность *власть* может быть интерпретирована как источник долга.

Оба поколения дают различные оценки по всем факторам, кроме фактора «сила». По данному фактору *долг* описан отрицательно как *тяжелый*, *сложный* и *твердый*.

Таким образом, в русском обыденном общественном сознании перестроечного и постперестроечного поколения наблюдается существенное различие. Для представителей перестроечного поколения долг в первую очередь связан с моральным обязательством, тогда как для представителей постперестроечного поколения долг – это в основном денежное обязательство. Для обоих поколений *долг* – это любое денежное или моральное обязательство, которое необходимо выполнять и которое имеет некоторое влияние на *честь*, т.е. связано с одобряемой обществом моралью. У долга есть несколько источников: супружеская жизнь, банк, карточная игра, гражданское общество, Родина или отечество, родители и совесть.

### Литература

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. М.: Московская школа политических исследований, 2011а. 96 с.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа, 2011б. 96 с.

ЕВРАС: Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус [Электронный ресурс] <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения: 18.03.2017).

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. (Москва: Издательство «Известия советов народных депутатов СССР», 1978), статья 60.

*Магун В.С.* Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание. «Мир России», № 4, 1998, С. 113 – 144.

РАС: Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 16.04.2016).

Российское студенчество на рубеже XX–XXI веков: Трансформация системы ценностей: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. философии; Отв. ред.: д-р полит. наук Ильин И.В., Шкаев Д.Г. М., 2012. 316 с. (Сер.: Проблемы философии).

*Семенова В.В.* Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 271 с.

*Семенова В.В.* Стратегия комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений // *Интер.* № 8, 2014 С. 5-15.

*Темницкий А.Л.* Отношение к труду молодых рабочих промышленных предприятий в советский и постсоветский периоды // *Социологический журнал.* 2003. № 4. С. 66– 85.

*Янчук В.А.* Интегративно-эклетический подход к анализу психологической феноменологии. Словарь-справочник. Академия постдипломного образования, Минск, 2001.

## THE GENERATION DIFFERENCES IN PERCEPTION OF THE VALUE «DEBT»

**Elmira Kh. Zhamaletdinova**

Faculty member, MSLU  
Moscow, Ostozhenka, 36  
[khamitovich@gmail.com](mailto:khamitovich@gmail.com)

This paper examines the meaning of universal moral value "debt" reflected in linguistic consciousness of Russian culture-bearers of two generations: Soviet and Post-Soviet. It contains the results of the analysis of the way the value is represented on the levels of public common consciousness. Within the framework of the research on the common level of consciousness the data of associative dictionaries and of psycho-semantic experiment is analysed. The methodology of the research is based on the theory of activity approach elaborated by Moscow psycholinguistic School and the triangulation approach designed by Yanchuk V.A. The latter approach allows to integrate knowledge of different layers and the methodology aiming at obtaining the most precise findings. The results of the given research show the difference of the contents of the Sovietic and Post-Sovietic common consciousness representing the attitude of Russian culture-bearers to the moral value "debt". The methods of the analysis have a great potential for further research of different notions.

**Keywords:** value, debt, authority, motherland, public consciousness, associative dictionary, psycho-semantic experiment.



### References

*Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkaja N.A.* Molodezh' Rossii [The Youth of Russia] — M.: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 2011a, 96 p.

*Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkaja N.A.* Postsovetskij chelovek i grazhdanskoe obshhestvo [Post-Soviet person and civil society]. M.: Moskovskaja shkola, 2011b, 96 p.

EVRAС: Cherkasova G.A., Ufimceva N.V. Russkij regional'nyj asociativnyj slovar'-tezaurus [Russian regional associative thesaurus] [Jelektronnyj resurs] <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (data obrashhenija: 18.03.2017).

Konstitucija (Osnovnoj Zakon) Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik [The Constitution of USSR]. M.: Izdatel'stvo «Izvestija sovetov narodnyh deputatov SSSR», 1978, stat'ja 60.

*Magun V.S.* Rossijskie trudovye cennosti: ideologija i massovoe soznanie [Russian Labor Values: ideology and mass consciousness]. «Mir Rossii», № 4, 1998, pp. 113 – 144.

RAS: Russkij asociativnyj slovar' [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (data obrashhenija: 16.04.2016).

Rossijskoe studenčestvo na rubezhe XX–XXI vekov: Transformacija sistemy cennostej: Sb. nauch. tr. [Russian studentship at the turn of XXI st century: the transformation of the sistem of values] / RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. filosofii; Otv. red.: d-r polit. nauk Il'in I.V., Shkaev D.G. M., 2012. 316 p. (Ser.: Problemy filosofii).

*Semenova V.V.* Social'naja dinamika pokolenij: problema i real'nost' [Social dynamics of generations: problems and reality]. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2009. 271 p.

*Semenova V.V.* Strategija kombinacii kachestvennogo i kolichestvennogo podhodov pri izuchenii pokolenij [The strategy of combining qualitative and quantative methods in generation research]. Inter. № 8, 2014, pp. 5– 15.

*Temnickij A.L.* Otnoshenie k trudu molodyh rabochih promyshlennyh predpriyatij v sovetskij i postsovetskij periody [The attitude of young Soviet and post-Soviet workers of industrial enterprises to labor]. Sociologičeskij zhurnal. 2003. № 4. pp. 66–85.

*Janchuk V.A.* Integrativno-jeklektičeskij podhod k analizu psihologičeskoj fenomenologii. Slovar'—spravočnik [The integral eclectic approach to the psychological analysis of phenomenology]. Akademija postdiplomnogo obrazovanija, Minsk, 2001.

УДК 81` 23

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДИОГЛОССА ГОРЫ В АВТОРСКОЙ  
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА**

**Касымалиева Кайркул Эсенгуловна**

аспирант кафедры общего и русского языкознания

Российского университета дружбы народов

Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10а

*kaira\_17@mail.ru*

В статье представлен анализ этнокультурной идиоглоссы ГОРЫ как одной из ключевых единиц авторской языковой картины мира киргизского писателя Чингиза Айтматова. Язык Чингиза Айтматова для современных русскоязычных читателей представляется трудным, малопонятным, но одновременно с этим обладает особой необъяснимой притягательной силой. Во многом это связано с самим писателем: с одной стороны, с его способностью глубоко проникать в русскую культуру и в тонкости русского языка, с другой – сохранять национально-культурные ценности для современных русских и киргизских читателей.

Главным критерием отбора этнокультурной идиоглоссы ГОРЫ явилась ее частотность, «сквозной» характер и этноспецифичный потенциал данного слова. Для реконструкции данной этноидиоглоссы автор статьи использует метод текстового ассоциативного поля. Структура текстового ассоциативного поля ГОРЫ представлена в виде семантических гештальтов, которым присвоены соответствующие их содержанию имена. В статье также дана когнитивная интерпретация рассматриваемого текстового ассоциативного поля ГОРЫ в виде развернутых комментариев. В заключение можно утверждать, что этнокультурная идиоглосса ГОРЫ в языковом сознании этнических киргизов содержит национально-культурные этноспецифические знания о модели природного пространства.

**Ключевые слова:** этноидиоглосса, текстовое ассоциативное поле, семантический гештальт, Чингиз Айтматов, когнитивная интерпретация, этническая авторская картина мира, языковое сознание киргизов.

**Введение**

Ю.М. Лотман о модели пространства в художественной прозе пишет следующее: «Исторические и национально-языковые модели пространства становятся организующей основой для построения «картины мира» — целостной идеологической модели, присущей данному типу культуры» [Лотман 1996:138].

Пространство «горы» в произведениях Ч. Айтматова занимает особое место еще и потому, что они присутствуют не только как живописный фон, на котором развиваются события; горы здесь живут своей жизнью, в которой, по воле автора, заложен самостоятельный смысл. Горы у Ч. Айтматова – это Родина, «Отец» для тысячи солдат, которые, прощаясь с ними, уходили на войну («Материнское поле»), «удивительный мир» Гульсары («Прощай, Гульсары!»), «обитель» снежно-

го Жаабарса («Когда падают горы»), «спортивный азарт» для Ильяса («Тополек мой в красной косынке»), «колыбель» Данияра («Джамия»), мир легенд и сказок Нургазы («Белый пароход»), укрытие Исмаила («Лицом к лицу»).

Цель нашего исследования – выявить текстовое ассоциативное поле этноидиоглоссы ГОРЫ, представить его в виде семантических гештальтов и при помощи интерпретации раскрыть этническую авторскую картину мира Чингиза Айтматова.

Ключевой единицей нашего исследования является *этноидиоглосса* – термин, принятый нами по модели термина «идиоглосса», предложенного Ю.Н. Карауловым и Л.Е. Гинзбургом [Караулов 2008: 324]. В интерпретации этих ученых идиоглосса обозначает «лексическую единицу, которая характеризует речь и своеобразную манеру стиля писателя...» [Караулов, 2008: 325]. Термин «этноидиоглосса» определяется нами как *лексическая единица, в которой, помимо семантических и когнитивных характеристик, отражающих мировоззрение автора, содержатся еще и этноспецифичные, культурно маркированные элементы смысла, раскрывающие особенности того или иного (в нашем случае, киргизского) этноса*. Термин введен нами в связи с тем, что мы рассматриваем творческую билингвальную личность Ч. Айтматова, который писал на русском и киргизском языках о киргизском этносе и его культуре.

В своей монографии У.М. Бахтикиреева [2009] пишет о взаимодействии двух языковых культур в одном творческом сознании следующее: *«механизм творческого сознания билингвального автора можно определить, как интеллектуальное устройство, способное попеременно создавать на родном и приобретенном языке тексты, отображающие художественный образ первичной языковой культуры»*. Далее автор поясняет, что *«в результате рождается новое сообщение – текст писателя на приобретенном языке, который имеет особые качества – национальный образ его первичной культуры»* [Бахтикиреева 2009: 184-185].

Помимо термина этноидиоглосса мы использовали понятие *текстового ассоциативного поля* и применяли связанный с ним комплекс приемов и методов: медленное чтение «под протокол», при помощи которого вычлняются фрагменты текстов разного объема и содержания, содержащие ключевые для авторского мировидения лексемы; формирование ассоциатов в «семантические гештальты» и их наименование, которое вбирает в себя смысл всех входящих в них лексических единиц; когнитивную интерпретацию, заключающуюся в толковании текста и установлении новых, нелинейных отношений и зависимостей.

#### **Реконструкция семантических гештальтов текстового ассоциативного поля – этноидиоглоссы ГОРЫ**

В Таблице №1 представлены статистические данные и сквозная линия этноидиоглоссы ГОРЫ в рассматриваемых нами произведениях Чингиза Айтматова.

Таблица №1

Статистические показатели этноидиоглоссы ГОРЫ

№	Этноидиоглосса	Произведения	Частотность	Итог
---	----------------	--------------	-------------	------

1.	Горы	«Белый пароход»	137	444
		«Прощай, Гульсары!»	100	
		«Тополек»	100	
		«Ранние журавли»	40	
		«Материнское поле»	21	
		«Джамия»	24	
		«Первый учитель»	22	

Таким образом, мы получили 444 словоупотребления этноидиоглоссы ГОРЫ.

Представим реконструкцию текстового ассоциативного поля этой этноидиоглоссы.

Рамки статьи не позволяют нам привести здесь все выбранные нами для анализа фрагменты текстов. Приведем здесь лишь небольшие отрывки.

**Процедура 1.** При помощи приема медленного чтения «под протокол» мы выделили несколько фрагментов из произведений Ч. Айтматова.

*Весь октябрь в горах был сух и золотист... Но потом за ночь развеяло, разнесло непогоду, и утром, выйдя из юрты, Танабай чуть не попятился – горы шагнули к нему в свежем снегу на вершинах. Как им шел снег! Они стояли в поднебесье в безупречной своей чистоте, отчетливые на свету и в тени, будто только что созданные богом. Там, где лежал снег, начиналась синяя бесконечность. А в ее глубине, в ее далекой-далекой сини проступала призрачная даль вселенной. («Прощай, Гульсары!») [Айтматов 1985: 399].*

*Зато горы Великого Манасового хребта, подле которых они родились и выросли, казалось, подошли в ночи поближе – неправдоподобно, но шагнули горы в ту ночь в Аксай, к ним, чтобы, проснувшись поутру, пахари изумились их величию, их красоте и могуществу... («Ранние журавли») [Айтматов 1982: 589].*

*«Поднимая глаза над дувалом, Гульсары видел вздымающиеся в выси ночные горы, облитые молочно-голубым сиянием...» («Прощай, Гульсары!») [Айтматов 1982: 414].*

*«Вылетел я на гребень Долонского перевала, высота огромная, облака по земле ползут, а горы внизу, как карлики; выпрыгнул из кабины, набрал полные легкие воздуха и крикнул на весь свет: - Э-Эй, горы! У меня родился сын! Мне показалось, что горы дрогнули. Они повторили мои слова, и эхо долго не смолкало, перекатываясь от ущелья к ущелью». («Тополек мой в красной косынке») [Айтматов 1982: 149].*

*«По Долону дорога идет все время в гору, на подъем, по откосам да по крутым спускам. Бушевала во мне дикая сила, вроде спортивного азарта: добиться своего, и все тут - помочь людям дотащить машину до места. Шуточное ли дело: машина на буксире сама столько весит, да ещё груз. Когда пошли по серпантину карабкаться, все, думаю, не выдержит, прыгнет где-нибудь от беды подальше. Но не слоухнулся. Нам оставался еще большой подъем, и тогда все, победа за нами. ...». («Тополек мой в красной косынке») [Айтматов 1982:151-152].*

*«Эх, Долон, Долон (название гор), тянь-шаньская махина! Самый трудный, опасный участок трассы. Дорога идет серпантинном, петля на петле, и все вверх, по откосам, лезешь в небо, облака давишь колесами, то прижмет тебя к сиденью, не откинешься, то круто падешь вниз, на руках выжимаешься, чтобы оторваться от баранки. И погода там, на перевале, как дурной верблюд: лето ли, зима, Долону*

нипочем – вмиг сыпанет градом, дождем или заваруху снежную закрутит такую, что не видать ни зги. Вот какой он, наш Долон!» («Тополек мой в красной косынке») [Айтматов 1982:150].

«Помнил стужу, помнил волчьи ночи, помнил как застывал в седле, как кусал губы, чтобы не заплакать, отогревая у костра закоченевшие руки и ноги... («Прощай, Гульсары!») [Айтматов 1982:122].

*«Горы мои, сине-белые горы,  
Земля моих дедов, моих отцов!  
Горы мои, сине-белые горы,  
Колыбель моя...» («Джамиля»)* [Айтматов 1985:33].

**Процедура 2.** Полностью разрушаем линейный текст и получаем его ассоциативную структуру в виде текстового поля этноидиоглоссы ГОРЫ. Далее единицы ассоциативного поля распределяются в определённые «семантические гештальты» с наименованиями (см. процедура 3).

**Процедура 3.** Как отмечает в своей статье Ю.Н. Караулов, «в ассоциативном анализе после наполнения текстовых полей, осмысления их статуса и типологии, встает вопрос об их внутренней организации. В процессе *медленного чтения* по ходу линейного развертывания текста слова из текста распределялись по разным полям, а их состав при этом никак не упорядочивался. [Караулов 2015: 24]. Структурирование полученного текстового ассоциативного поля можно провести с помощью распределения его единиц по когнитивно-семантическим гештальтам, присвоив им соответствующие их содержанию наименования:

**Название горы:** Долон, Великий Манасовый, Черный, Тянь-Шань, Памир;

**Качественная характеристика:** снеговой, огромный, голый, каменный, снежный, высокогорный, ледяной, тянь-шаньский, опасный, крутой, сине-белый, белый-белый, вздымающиеся, ночные, отчетливый на свету и в тени, молочно-голубой;

**Оценочная характеристика:** громада, махина, большая, огромная, великие, вьсь, спокойные и ясные, величие, красота, могущество, чистота;

**Микрорельефы горы:** вершина, скала, гребень, склон, хребет, откос, ущелье, отроги, расщелина, пропасть, лощина, ложбина, балка, предгорье, пригорок, взгорье, сопки,

**Пути в горах:** трасса, тропа, автотрасса мира, серпантин, зигзаг, петля на петле, вверх, вниз, крутой, спуск, подъем, перевал;

**Стихия гор:** обвал, метель, снег, волчьи ночи, закоченевшие руки и ноги, стужа, град, дождь, заваруха, ветер;

**Динамика и противостояние:** неистощимая сила, дикая сила, свежая сила, потягаться с силами Долон; он повел бой с перевалом во все оружие, брать перевал, бесконечное карабкание по склону горы, спортивный азарт, мучение;

**Авторское отношение:** Земля моих дедов, моих отцов, Великий, колыбель моя, будто только что созданный богом, лезешь в небо, облака давишь колесами, в безупречной своей чистоте, скала с нахлобученными шапками;

**Антропоморфность:** стыть, вставать, выплыть, закачаться, стоять, молчать, подойти, шагнуть, бежать, скрыться, дрогнуть, повторить, карлик, обиженный великан

#### Процедура 4. Когнитивная интерпретация текстового ассоциативного поля этноидиоглоссы ГОРЫ

Как пишет Ю.Н. Караулов, «для интерпретации текста необходимо провести внутреннее структурирование полей в форме комментирования каждого из них с точки зрения лингвистического, филологического, а также, если необходимо, исторического, философского, психологического, культурологического и литературного анализа» [Караулов 2015: 24-25].

В семантическом гештальте «Авторское отношение» автор выразил свое особое отношение к горам. Горы для Ч. Айтматова – это не просто горы – это его Родина – «земля моих дедов и отцов», «колыбель моя». Следует отметить, что в сознании киргизов лексема *горы* прежде всего ассоциируются со словом *Ала-Тоо*, что в переводе означает «*снежные горы, с вечным снегом*». Горы *Ала-Тоо* глубоко символичны для киргизского народа. А лексема *Ала-Тоо* в свою очередь ассоциируется с такими словами как, *Ата-журт, Ата-мекен, Ата-конуш*, все эти лексемы в переводе означают – *Родина*. Проследим эту символичность в поэтике: Гимн Киргизской Республики, авторами которого являются Ж. Садыков, Ш. Кулуев, начинается со слов «*Ак мөңгүлүү аска зоолор, талаалар, Элибиздин жаны менен барабар* - в дословном переводе *белоснежные высокие горы и степи – душа нашего народа*. Стих Түмөнбая Байзакова «Ала-Тоо», переложенный на песню, является самым популярным в Киргизстане... «*Ала-Тоо ак калпагын кийген кезде, аскасы көк асманга тийген кезде, мен дагы жолго чыгам танды тосо* – в дословном переводе «*Выйду я встречать рассвет, когда горы Ала-Тоо в белом головном уборе, когда скалы прикоснутся к синему небу...*».

В семантическом гештальте «Качественная характеристика» автор описывает горы в белом цвете, неоднократно используя такие лексемы: *снежный, белый, сине-белый*. Первая часть лексической единицы *Ала-Тоо* означает – сочетание цветов белого и черного, вторая часть *Тоо* – *гора*. Вершины гор Киргизстана независимо от времени года всегда покрыты белым снегом, и потому белый цвет в киргизской культуре считается сакральным и глубоко символичным. Лексема *ак* (*белый*) обозначает: чистоту, порядочность, невинность, доброту, достаток. Ср. употребление по отношению к человеку: *ак ниет, ак журөк – честный; ак пейл – справедливый, добродушный; ак көнүл – добрый; ак сөз – правда; ак жол – счастливого пути* (напутствие перед дальней дорогой); *ак жолтой – счастливый, удачливый; ак эмгек – честный труд; ак сүйүү – верная, чистая любовь;*» [Юдахин: 1965: 454]. Лексема *ак* в пословице: «*Биринчи байлык ден-соолук, экинчи байлык ак жоолук, учунчу байлык соолук*» (в дословном переводе «*первое богатство – здоровье, второе – белый платок, третье – живность*»). Лексема *ак жоолук* (*кирг.*) ‘белый платок’ в данной пословице употребляется в значении «невестка». Таким образом, лексема *белый платок* в сознании киргизов ассоциируется с невесткой, вместе с которой в дом приходит материальное и духовное благополучие.

В киргизской культуре на белый цвет было наложено табу, он не употреблялся в названиях некоторых животных: в киргизской культуре *белую лошадь* называют *боз ат* – *серая лошадь, белую собаку и кошку* – *куу ит, куу мышык* (*куу* – *блдный*) [Юдахин 1965: 454]. Вместе с тем словосочетание *ак куу* (*кирг.*) ‘белая лебедь’ используется как символ любви и верности.



Рассмотрим семантический гештальт «Одушевленность». Известный культуролог Г. Гачев справедливо отмечает, что «горы близки по образу к человеку: стоят вертикально; и как индивидуальности – и в массе хребта, снизу вверх шапками, плечом к плечу, как народ. Недаром в эпических песнях встречается естественное для киргиза сравнение батыра с горой, а членов его тела – с деталями горного пейзажа [Гачев: 1999: 329]. Ср.: *«Айбаты албарс темирдей, мурду кырдачтай (о батыре) – нос подобен горному хребту» (фольк.)* [Юдахин: 1965: 495].

Как известно, до принятия Ислама киргизы были язычниками, но и по нынешний день киргизский этнос сохраняет в себе признаки язычества. Поклонение новой луне, жертвоприношение Матери-земле, Горам, Воде, поклонение покровителям диких и домашних животных – все это неотъемлемая часть произведений Ч. Айтматова. Ср.: *«Пусть покровитель хлеборобов Дыйкан-баба побудет здесь, пусть урожай будет, как половодье» («Материнское поле»)* [Айтматов: 1982: 327]; *«Потерпите, рожденные от Камбар-Аты (покровитель лошадей), подружней налегайте» («Ранние журавли»)* [Айтматов 1982: 586].

В Киргизстане по сей день поклоняются таким священным горам, как: Сулайман-Тоо (г. Ош), Манас-Ата (г. Талас), Манжил-Ата (южное побережье Иссык-Куля), Кочкор-Ата (г. Нарын), где совершаются ритуалы и обряды жертвоприношения горам во имя благополучия и спокойствия души, семьи, страны. Ср. в «Белом пароходе»: *«...есть там такая гора святая – Сулейманова гора. И если зарезать черную овцу у подножия ее и помолиться богу да попросить хорошенько... может сжалиться и дать ребенка»* [Айтматов, 1983: 33]; фрагмент из публицистики Ч. Айтматова «Снега на Манас-Ата»: *«Аул Шекер стоит ... в предгорье, под самым Таласским хребтом, как раз в створе здешней великой двухглавой вершины – напротив пика Манаса (главный герой эпоса «Манас»). ...из-под вечных снегов Манаса (гора), прибегает в долину бурная и студеная Куркуреу, приносящая воду, а стало быть, жизнь всему, что живет на этой земле...»* [Айтматов 1985: 457].

Двустороннюю внешнюю взаимосвязь кочевника с горами можно уловить в лексике киргизского языка при описании гор и человека: *человек-гора; гора-человек*. Например, в конструкции *человек-гора* при характеристике человека используются такие выражения: *кырдач мурун – нос, подобный горному хребту* (эталон красивого прямого носа); *тоодой киши – человек, подобный горе* (высокий, плечистый человек); конструкция *гора – человек* используется при описании горы: *тоонун чокусу – макушка горы, вершина горы; тоонун баишы – голова горы, верхняя часть горы; тоонун боору – печень горы, центральная часть горы; тоонун бети – лицо горы, передняя часть горы; тоонун этеги – подол верхней одежды, в переводе означает основание горы*.

Лексему *Ала-Тоо* также используют в символе долголетия, например, пожелания детям, молодым: *«Ала-Тоодой абышка бол!»* - дословный перевод *«Живите долго, до глубокой старости!»*.

Ч. Айтматов в своих произведениях с помощью глаголов *стояли, шагнули, бежали, скрылись, молчали, повторили, дрогнули* наделяет горы характерными признаками действий человека. И это не случайно, так как горы для киргизов – это мера практического всего: защита от врагов, источник пищи и т.д.

Рассмотрим взаимосвязь семантических гештальтов «Стихия гор» и «Динамика единоборств». Горы – одно из чудес природы. Ч. Айтматов в каждом произведе-

дени старается раскрыть не только красоту и величие гор, но и их суровую порой беспощадную стихию: порывистые, холодные ветры, частые проливные дожди, ливни, грозы, снежные бури. Переменчива погода в горах, за день может случиться и проливной дождь, и порывистый ветер, и снежная заваруха. Ср.: *«День стоял переменчивый. То солнце проглянет, то снова облака, то вдруг ветер северный, низкой потянет пронизывающим голени холодом». ...»* [Айтматов 1982: 580]; *«И погода там, на перевале, как дурной верблюд: лето ли, зима, Долону ничо чем – вмиг сыпанет градом, дождем или заваруху снежную закрутит такую, что не видать ни зги...»* («Тополек мой в красной косынке») [Айтматов 1982: 150];

Ч. Айтматов показывает, как его герои преодолевают не только жизненные трудности, но и природные стихии. Герои Айтматова – простые люди «укротители стихий и смыслов», наделенные сильным волевым духом. Жизнь в горах каждый день – будь то лето или зима, – борьба со стихией гор, борьба за выживание. Несмотря на трудности, герои Айтматова не сдаются, прикладывая большие усилия, испытывая «мучения», преодолевают различные преграды. Преодолев их, чувствуют свое величие и могущество наравне с горами. Ср.: *«Нам оставался еще большой подъем, и тогда все, победа за нами»* («Тополек мой в красной косынке») [Айтматов 1982: 151-152]; *«...брать перевал со свежими силами. В общем, он повел бой с перевалом во всеоружии, а не брал на «ура»* («Тополек мой в красной косынке») [Айтматов 1982: 171];

Следует отметить, что бесконечная борьба со стихиями, безусловно, отразилась на темпераменте, характере героев Ч. Айтматова, а также киргизского народа.

Таким образом, горы у Айтматова становятся действующим лицом, приобретают ту глубину, которая позволяет нам не только видеть, но слышать и чувствовать удивительный, неповторимый мир – мир гор, полный большого и серьезного смысла. Как море накладывает отпечаток на тех, кто постоянно живет около него, так и горы влияют на национальное миропонимание киргизского народа.

Айтматов старается сохранить это антропоморфное восприятие природы, в частности гор, во всех своих произведениях.

#### Заключение

При помощи разных методов, предложенных Ю.Н. Карауловым, таких как «нелинейное чтение», «текстовое ассоциативное поле», «семантический гештальт», «когнитивная интерпретация», было реконструировано текстовое ассоциативное поле этнокультурной идиоглоссы ГОРЫ в авторской картине мира Чингиза Айтматова; сформированы семантические гештальты: *Название горы; Качественная характеристика; Оценочная характеристика; Микрорельефы горы; Пути в горах; Стихия гор; Динамика и противостояние; Авторская отношение; Антропоморфность*; представлена когнитивная интерпретация семантических гештальтов в виде развернутого комментария и сделана попытка раскрыть авторскую этническую картину мира Ч. Айтматова. Можно сделать вывод, что «историческая и национально-языковая модель пространства» у Ч. Айтматова несет печать национального своеобразия, приводит нас к традиционному миропониманию киргизов.

#### Литература

Айтматов Ч.Т. Повести. Рассказы. Публицистика /Сост. В.Ф. Коркина. М.: Правда, 1985. 528с.

*Айтматов Ч.Т.* Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 1. Повести. М.: Мол, гвардия, 1982. 607 с.

*Айтматов Ч.Т.* Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 2. Повести. М.: Мол, гвардия, 1983. 607 с.

*Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Монография. Астана, 2009. 259 с.

*Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.

*Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия). М.: Издательский сервис, 2002. 784 с.

*Гачев Г.Д.* Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический Проект, 2007. 511 с.

*Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИДИК, 1999. 368 с.

*Гинзбург Е.Л.* Идиоглосса: к вопросу о выразительности контекста // Слово Достоевского 2000. Сб. статей / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. Виноградова / Под ред. Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга. М.: 2001. С. 335

*Караулов Ю.Н.* Ассоциативный анализ: Новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики. М.: 2015. №2. С.14– 35.

*Караулов Ю.Н.* Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / Российская академия Наук Институт русского языка им. В.В. Виноградова; главный редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008.

*Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь (около 400000). М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1965 г. 973 с.

## ETHNOCULTURAL IDIOGLOSSIA MOUNTAINS IN THE AUTHOR'S LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD OF CHINGIZ AITMATOV

**Kairkul E. Kasymalieva**

Post-graduate student

Post-graduate student of the Philological Faculty,

Department of General and Russian Linguistics,

Peoples' Friendship University of Russia,

Moscow, Miklukho-Maklay,, 10a

*kaira\_17@mail.ru*

This paper presents the analysis of the cultural idioglossia of the MOUNTAINS as one of the key components of the author's linguistic picture of the world of Kyrgyz writer Chinghiz Aitmatov. Reconstruction of ethnocultural idioglossia MOUNTAINS revealed the linguistic picture of the world of the bilingual writer. The associative field MOUNTAINS is presented in the form of “semantic geshtalt”. The author of the article arrives at the conclusion that ethnocultural idioglossia MOUNTAINS in the Kyrgyz linguistic consciousness contains Kyrgyz ethnic cultural specific knowledge about the model of the natural space.

**Keywords:** ethno-idiogloss, frequency, cross-cutting “character”, text associative field, semantic gestalt, Ch. Aitmatov, cognitive interpretation, national author’s world picture, language consciousness of the kirghiz.

### References

*Aitmatov CH. T. Povesti. Rasskazy. Publicistika* [Novel. Stories. Journalism]. M.: Pravda, 1985. 528c.

*Aitmatov CH. T. Sbranie sochinenij: V 3-h t. — T. 1. Povesti.* [Collected works] / In 3 vol., vol 1. M.: Mol. guard, 1982. 607 p.

*Aitmatov CH. T. Sbranie sochinenij: V 3-h t. — T. 2. Povesti.* [Collected works] / In 3 vol., vol 2. M.: Mol. guard, 1983. 607 p.

*Bahtikireeva U.M. Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost* [Creative bilingual person] (the specifics of Russian text the author of turkic origin). Monograph. Astana, 2009. 259 p.

*Lotman Y.M. Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Moscow: Iskusstvo, 1970. 384 p.

*Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. Central'na Aziya: Kazahstan, Kirgiziya. Kosmos Islama* [National images of the world. Central Asia: Kazakhstan, Kyrgyzstan. The space of islam]. M.: Publishing service, 2002. 784 p.

*Gachev G.D. Kosmo-Psiho-Logos: Nacional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos: National images of the world. National images of the world]. M.: Academic Project, 2007. 511 p.

*Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. Evraziya – kosmos kochevnika, zemledel'ca i gorca* [National images of the world. Eurasia – space of the nomad, the farmer and the mountaineer]. M.: Institute DIDIK, 1999. 368

*Ginzburg E.L. Idioglossa: k voprosu o vyrazitel'nosti konteksta* [Idioglossia: on the expressiveness of the context] // *Slovo Dostoevskogo 2000.Sb. statej* [the Word Dostoevsky 2000.SB.]. M.: 2001. P. 335.

*Karaulov Yu. N. Associativnyj analiz: Novyj podhod k interpretacii hudozhestvennogo teksta* [Associative analysis: a new approach to the interpretation of literary text] // *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. 2015. № 2, pp. 14– 35.

*Karaulov Yu. N. Slovar' yazyka Dostoevskogo. Idioglossarij* [The concept of idioglossia and dictionary of the language of Dostoevsky] // *Slovo Dostoevskogo 2000. Sb* [the Word Dostoevsky 2000. SB.] M.: 2001. 596 p.

*Yudakhin K. K. Kirgizsko-russkij slovar' (okolo 400000)* [Kirgiz-Russian dictionary] (about 400,000) M.: Publishing house the Soviet encyclopedia, 1965. 973 p.

## ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

С этого номера наш журнал начинает знакомить читателей с наиболее значимыми и интересными психолингвистическим проектами, выполняемыми российскими психолингвистами в разных регионах России. Мы готовы предоставить трибуну всем психолингвистам, которые разрабатывают свои оригинальные идеи на экспериментальном материале в регионах нашей страны. Научно-образовательный центр мжкультурных исследований им. А.А. Леонтьева готов также предоставить возможность представителям региональных проектов выступить на семинаре Центра в ИЯ РАН с презентацией своих проектов и их обсуждением. Предлагаемая рубрика – это своеобразная антология отечественной психолингвистики.

Задумана и предлагается следующая структура представления региональных проектов (хотелось бы, чтобы была представлена одинаковая информация о каждом проекте).

Объем – 40000 печатных знаков (через 1,5 интервала – 20–21 с. А4)

Проект должен представлять определенную психолингвистическую школу, работающую достаточное количество лет в определенном направлении. Это должен быть психолингвистический проект, а не просто лингвистический или семантический.

Проект должен иметь название (появляется повод об этом подумать и такое название сформулировать), он должен иметь историю, которая должна быть кратко описана, должны быть опубликованы монографии, защищены диссертации.

Желательны ученики руководителя проекта со своими учениками, которые развивают данное направление.

Просьба в конце статьи обобщить достигнутое и развернуто сформулировать имеющиеся на данный момент основные теоретические результаты проекта.

Включается в статью список монографий и пособий, диссертаций, основных статей – независимо от места публикации, ваковских списков, Хирша и под.

Приветствуется подготовка статей о проектах ушедших из жизни психолингвистов – было бы очень хорошо, если бы их ученики сделали такие описания в память о своих учителях.

Ждем ваших предложений и заявок.

Руководитель НОЦ МИ – проф. *Н.В. Уфимцева*

Координатор рубрики Психолингвистические проекты в регионах России – проф. *И.А. Стернин* (Воронежский ГУ).

Эл. адрес *sterninia@mail.ru*

УДК 81'33

**ПРОЕКТ «ЗНАЧЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ»  
(ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА)**

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ,  
проект № 15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания  
носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)»,  
НИЧ 15021.

**Стернин Иосиф Абрамович**  
доктор филологических наук  
профессор Воронежского государственного университета  
*sterninia@mail.ru*

**Рудакова Александра Владимировна**  
кандидат филологических наук  
доцент Воронежского государственного университета  
*a-rudakova@list.ru*

**Виноградова Ольга Евгеньевна**  
преподаватель Воронежского государственного университета  
*o.vinogradova@list.ru*  
394006, Воронеж, Университетская площадь, 1

В статье рассматривается состояние исследований значения как феномена языкового сознания в психолингвистических работах воронежских ученых. Сформулирована основная концепция проекта – разграничение лексикографического, психолингвистического значений и концепта и предложены основные методы экспериментального описания психолингвистического значения. Особенность концепции данного проекта в том, что психолингвистика выступает как метод анализа и описания значения слова. В ходе реализации проекта был разработан метод семантической интерпретации ассоциативных реакций – семемная и семная интерпретация, метод обобщения ассоциативных реакций в процессе их семной интерпретации, а также метод интеграции результатов ассоциативных экспериментов. Разработан также метаязык семного описания значения по результатам психолингвистических экспериментов. В проекте изучаются общезыковые, гендерные, возрастные значения, значения имен собственных, синонимия и антонимия лексем. Приведены образцы словарных статей отдельных типов разрабатываемых словарей. Сопоставлена эффективность разных психолингвистических методов в выявлении значений и сем исследованных единиц, сделаны основные выводы. Определены существенные особенности психолингвистического значения.

**Ключевые слова:** значение, языковое сознание, семантика, психолингвистическое значение, экспериментальные методы, языковое сознание.

Данный проект реализуется с начала нулевых годов нынешнего века, когда в Воронежском государственном университете начали проводиться исследования *понимания* значений слова с использованием различных экспериментальных мето-



дов – например, исследование понимания носителем русского языка иностранных слов [Высочина 2001], понимания значений абстрактных слов старшеклассниками [Гришук 2002]. В исследованиях Е.И. Гришук употреблялся термин *психологически реальное значение* для обозначения экспериментально выявляемого значения в сознании реципиента.

С 2005 г. в исследованиях стал использоваться термин *психолингвистическое значение* [Стернин 2005], было определено понятие психолингвистического значения и предложены первые варианты его описания [Попова, Стернин 2007б; Фридман 2006].

Была поставлена задача описания содержания и структуры психолингвистического значения и разработки методов такого описания [Попова, Стернин 2007а: 165-173]. В данной работе была сформулирована основная концепция проекта – разграничение лексикографического, психолингвистического значений и концепта и предложены основные методы экспериментального описания психолингвистического значения.

С начала 10-х гг. исследования психолингвистического значения стали проводиться развернуто и на разных типах слов, чему способствовали полученные исследовательской группой гранты; появились многочисленные публикации. Теоретическое обоснование концепции проекта развернуто и изложено в монографии И.А. Стернина и А.В. Рудаковой «Психолингвистическое значение и его описание» [Стернин, Рудакова 2011].

Руководитель проекта – проф. И.А. Стернин, основные исполнители проекта – А.В. Рудакова, Ж.И. Фридман и О.Е. Виноградова. В рамках проекта в настоящее время работает большая группа преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов ВГУ, а также Ярославского ГУ, отдельные исследователи из Москвы, Курска, Борисоглебска.

Проект основывается на концепции языкового сознания Московской психолингвистической школы А.А. Леонтьева. Исследования выполняются именно в области языкового сознания. При этом участников проекта интересует обыденное языковое сознание, языковое сознание рядового носителя языка, не имеющего филологических знаний.

Обычно языковое сознание носителя языка понимают как совокупность механизмов порождения, восприятия и хранения системы языка в сознании. Эти механизмы представлены в сознании носителя языка в виде языкового знания (знания о языке). Применительно к лексическому аспекту языкового сознания нас интересуют знание рядовым носителем языка значений языковых единиц и особенностей их употребления в конкретных коммуникативных ситуациях (оценочность, эмоциональность, функциональная характеристика).

Особенность концепции нашего проекта в том, что психолингвистика для нас выступает как *метод анализа и описания значения слова*.

Можно описывать и сравнивать семантику языковых единиц на уровне ассоциативных полей, это классический психолингвистический подход. Анализ и сравнение ассоциативных полей позволяет в общем судить и об определенных особенностях семантики слова-стимула, о системных связях этого слова, его национальной специфике и о многом другом. Создается общая картина смысловых

сходств и различий стимулов и представляемых ими полей.

В нашем проекте мы используем психолингвистические методы для конкретного разграничения и описания отдельных лексических значений, как это делает традиционная семасиология – с использованием понятий *многозначность, семема, сема, семантема, полевая организация семантемы, полевая организация семемы*.

Психолингвистика выступает в нашем случае как наука, позволяющая приблизить описание семантики слова к психологической реальности, описать психологически реальное значение языковой единицы в единстве его ядра и обширной периферии – последняя невыделима без использования психолингвистических методов.

В проекте мы используем разные психолингвистические методы для описания семантики языковых единиц и устанавливаем преимущества и недостатки каждого, исследуем возможность интеграции результатов, полученных разными методами для целостного углубленного описания семантики слова. Значение, описанное таким способом, мы называем *психолингвистическим*, то есть полученным психолингвистическими методами, в отличие от *лексикографического* и *коммуникативного*.

Психолингвистическое значение слова – это *упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка на определенном этапе развития общества, в определенный временной период*.

Описание психолингвистического значения слова – это углубленное описание семантики слова. Теоретическая основа углубленного описания значения в реализуемом проекте – интегральная концепция значения слова, понятие энциклопедического значения и полевая концепция семантики слова, выдвинутые в 1979-1985 гг. [Стернин 1979, 1985].

Основой практического описания семантики в концепции психолингвистического значения выступает *семная семасиология* – семантика отдельного слова описывается с использованием понятия семы как упорядоченная семная структура.

В ходе реализации проекта был разработан метод семантической интерпретации ассоциативных реакций – семемная интерпретация (выделение отдельных семем) и семная интерпретация (выделение семантических компонентов), метод обобщения ассоциативных реакций в процессе их семной интерпретации, а также метод интеграции результатов ассоциативных экспериментов [Рудакова 2014; Стернин 2015; Виноградова, Стернин 2016].

Разработан также метаязык семного описания значения по результатам психолингвистических экспериментов.

Разрабатывается трафаретная модель описания психолингвистического значения, которая включает три макрокомпонента: денотативный, коннотативный и метаязыковой [Стернин, Рудакова 2015а, 2015б и др.].

В проекте изучаются общезыковые, гендерные, возрастные значения, значения имен собственных, синонимия и антонимия лексем.

В рамках проекта создан общий фонд результатов экспериментальных исследований проекта – Банк результатов экспериментальных исследований (БАРЭСИС) – информационная база проекта, включающая результаты, полученные

всеми участниками проекта, и доступная для всех участников проекта: БАРЕКСИС 1 – результаты психолингвистических экспериментов, БАРЕКСИС 2 – рабочие образцы словарных статей психолингвистических словарей разных типов.

Отдельный аспект и практический «выход» проекта – это лексикографическая фиксация психолингвистических значений.

В рамках проекта разрабатывается несколько типов психолингвистических словарей:

- психолингвистический семантический словарь;
- психолингвистический гендерный словарь;
- психолингвистический возрастной словарь;
- психолингвистический словарь собственных имен;
- психолингвистический словарь синонимов;
- психолингвистический темпоральный словарь.

Приведем образцы словарных статей отдельных типов разрабатываемых словарей.

Источниками экспериментального материала для данных словарных статей послужила база данных БАРЕКСИС 1 и БАРЕКСИС 2. В приводимых ниже примерах использованы представленные в базе данных результаты экспериментальных исследований А.В. Рудаковой, И.А. Стернина, С.В. Полубоярина, С.В. Коваленко, Т. Растегаевой, Е. Колесниковой, а также материалы электронных ресурсов [РАС 2002, ЕВРАС 2014].

Психолингвистический семантический словарь

русского языка

СЕМЬЯ 195

1. Родители и дети

Люди 0,01<sup>1</sup>, объединенные родственными связями 0,17, являющиеся по отношению друг к другу родителями 0,10 или детьми 0,16, мужем 0,03 или женой 0,04, включают домашних животных 0,01; совместно ведут хозяйство 0,09, проявляют по отношению друг к другу чувство любви 0,09, заботу 0,04; живут дружно 0,06; имеют общие интересы 0,02 и проблемы 0,01; бывает: моя 0,08, большая 0,03, своя 0,01, имеет высокую ценность 0,02, вызывает позитивные чувства 0,13.

*Менее 0,01*: оказывают взаимопомощь, проявляют понимание, уважение; признаются обществом как группа, особенно на Кавказе; бывает полноценная, полная, благополучная, богатая, здоровая, крепкая, вызывает негативные чувства, состоит из родственников, является социальным институтом.

Устойчивые фразы: семья – это ячейка общества 0,01; семейный очаг 0,03; семья – это святое 0,01; *менее 0,01*: семья – это семь Я, семья года, семья – это сила.

СИЯ 0,99

Пример употребления: *Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастна по-своему* (Л.Н. Толстой).

---

<sup>1</sup> Цифра означает индекс яркости семы, вычисляемый как отношение количества ассоциатов, объективирующих данную сему, к общему количеству опрошенных; СИЯ – совокупный индекс яркости семемы, вычисляемый как сумма индексов яркости сем, образующих данное значение.

## 2. Группа близких по интересам людей

(Группа)<sup>2</sup> людей 0,03, связанных общими интересами 0,08, оказывающая друг другу помощь 0,01; бывает: дружная 0,05; моя 0,04, большая 0,03; вызывает позитивные эмоции 0,06.

Менее 0,01: связана с решением общих проблем, связана дружбой.

То же, что: близкие люди 0,02; родные люди 0,01; менее 0,01: друзья.

СИЯ 0,31

Пример употребления: *Мои близкие друзья – это моя семья.*

## 3. Солнце и вращающиеся вокруг нее планеты

(Система), включающая звезду Солнце (и вращающиеся вокруг нее планеты).

Менее 0,01: Солнце

СИЯ 0,005

Пример употребления: *В нашу семью входят девять планет.*

Неинтерпретированные реакции: сон

Не актуально 0

### Психолингвистический гендерный словарь БОГАТЫЙ

Значение	Женщины 100	Мужчины 100
<b>1. Имеющий много денег</b>	<p>Имеющий много денег 0,28, золота 0,06, человек 0,10; например, муж 0,08, жених 0,03, дядя 0,02, олигарх 0,02, купец 0,02, миллионер 0,01, новый русский 0,01, барин 0,01, друг 0,01, сосед 0,01, папа 0,01, мужчина 0,01; жадный 0,03, умный 0,01, вредный 0,01, злой 0,01, сильный 0,01, выделяется 0,01, несчастливый 0,01, имеет огромный парк 0,01, имеет хороший дом 0,01, крутой 0,01.</p> <p>Устойчивые фразы: богатый Буратино 0,01</p> <p>Противоположно: бедный 0,15</p> <p>СИЯ 0,97</p>	<p>Имеющий много денег 0,28, золота 0,03, имущества 0,01; человек 0,17, например, мажор 0,04; олигарх 0,03, Абрамович 0,03; бизнесмен 0,02, вор 0,02, миллионер 0,01, еврей 0,01, жид 0,01, жених 0,01, папа 0,01, я 0,01, Билл Гейтс 0,01, Трамп 0,01; толстый 0,02, везучий 0,01, успешный 0,01, много работает 0,02, отдыхает 0,01, окруженный роскошью 0,01, имеет много друзей 0,01, вызывает чувство зависти 0,01, вызывает одобрение 0,02</p> <p>Устойчивое выражение: богатый Буратино 0,01</p> <p>То же, что: обеспеченный 0,01, состоятельный 0,01, толстосум 0,01</p> <p>Противоположно: бедный 0,08</p> <p>СИЯ 0,96</p>

<sup>2</sup> В скобках приводятся архисема и/или дифференциальные семы, сформулированные исследователем в целях придания связности формулируемой словарной дефиниции.

## Психолингвистические проекты в регионах России

<b>2. Стоящий дорого, роскошный</b>	<p><i>(Дорогой)</i>, например, огромный парк 0,01, хороший дом 0,01</p> <p>Противоположно: бедный 0,15</p> <p>СИЯ 0,17</p>	<p><i>(Дорогой)</i>, например, изба, салон, отдых 0,03</p> <p>Противоположно: бедный 0,08</p> <p>СИЯ 0,11</p>
<b>3. Отличающийся значительным содержанием</b>	<p><i>(Отличающийся)</i>, например, интеллектом 0,01</p> <p>СИЯ 0,01</p>	<p>-</p>
	<p>Неинтерпретированные реакции 0</p> <p>Не актуально 0,03</p>	<p>Неинтерпретированные реакции 0</p> <p>Не актуально 0,02</p>

**Психолингвистический возрастной словарь**  
**ДРУГ**

Значение	Молодежь 100	Взрослые 100
<p><b>1. Верный человек</b></p>	<p>(Человек), верный 0,11, хороший 0,04, может предать 0,03, с ним весело 0,02, с ним интересно общаться 0,01, бывает мой 0,02, фальшивый 0,02, честный 0,01, новый 0,01, плохой 1, настоящий 0,01, единственный 0,01, с ним связаны крепко 0,01, всегда понимает 0,01, дает надежду 0,01, всегда рядом 0,01, например, Питин 0,01.</p> <p>Устойчивые выражения: лучший друг 0,25, друг детства 0,09, друг познается в беде 0,01, друг семьи 0,01; друг, товарищ и брат 0,04, милый друг 0,01, дорогой друг 0,01.</p> <p>То же, что: подруга 0,04, корень 0,01</p> <p>Противоположно: враг 0,10</p> <p>СИЯ 0,92</p>	<p>Человек 0,06, хороший 0,04, надежный 0,04, верный 0,04, бывает единственный 0,02; любимый 0,02, преданный 0,02, никудышный 0,01, в семье 0,01; например, муж 0,01, одноклассник 0,01, Кургуз 0,01.</p> <p>Устойчивые выражения: лучший друг 0,12, настоящий друг 0,04, закадычный друг 0,02, друг детства 0,01, друг/товарищ по несчастью 0,01, милый друг 0,01, друг, товарищ и брат 0,09, «если друг оказался вдруг...» 0,01</p> <p>То же, что: товарищ 0,08, подруга 0,03, братан 0,02, амиго 0,01, брат 0,02, кореш 0,01</p> <p>Противоположно: враг 0,19, недруг 0,01</p> <p>СИЯ 0,88</p>
<p><b>2. Верное животное</b></p>	<p>(Верное животное), например, собака 0,04</p> <p>Устойчивое выражение: собака – друг человека 0,03.</p> <p>СИЯ 0,07</p>	<p>(Верное животное), например, собака 0,06</p> <p>СИЯ 0,06</p>
<p><b>3. Любимый предмет</b></p>	<p>-</p>	<p>(Любимый предмет), например, игрушка 0,01, Винни-Пух 0,01</p> <p>СИЯ 0,02</p>
<p><b>4. Партнер</b></p>	<p>-</p>	<p>То же что: партнер 0,01</p> <p>СИЯ 0,01</p>



5. Устрой- ство, помо- гающее что- либо сделать	-	(Устройство, помогающее что-либо сделать), например, доводчик 0,01  СИЯ 0,01
	Неинтерпретированные реакции: <i>дурак</i>  Не актуально 0	Коммуникативная реакция: друг – это сила 0,01  Неинтерпретированные реакции: <i>дурак, дружба</i>  Не актуально 0,01

**Психолингвистический словарь собственных имен  
ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ 200**

**Князь Владимирский и Московский**

Историческая личность 0,03, князь 0,17 Владимирский 0,01; великий 0,02 полководец 0,19, защищал Русь 0,03 от Золотой Орды 0,01, одержал победу в Куликовской битве 0,18 на реке Дон 0,07, вызывает чувство гордости 0,02.

*Менее 0,01*: известная личность, князь Московский, стоит в одном ряду с Александром Невским, изображается в доспехах и с мечом в руке, благородный, увековечен в памятниках, канонизирован православной церковью, в его честь назван крейсер.

СИЯ 0,77

Неинтерпретированные реакции: *атаман*

Не актуально 0,23

**Ломоносов 300**

**Ученый, основатель Московского университета**

Гениальный 0,04 ученый 0,21, писал оды (поэт) 0,06, основал Московский университет 0,05, сделал много открытий 0,15 в разных областях науки 0,05: в области химии 0,01, физики 0,01, родился в деревне 0,01, пешком пришел учиться в Москву 0,05; носил парик 0,01, умный 0,11, целеустремленный 0,04, настойчивый 0,03, образованный 0,02, смелый 0,01; изображен на портрете сидя 0,01

*Менее 0,01*: русский, сделал открытия в области механики, истории, математики, лингвистики, разработал теорию о трех стилях, профессор, занимался педагогической деятельностью, его некоторые открытия устарели; способствовал развитию культуры; сын рыбака, носатый, круглолицый; знаменитый, надменный, добрый, принципиальный, сложный, патриот; умер; имеет прозвище «русский Да Винчи», его именем названы город, станция метрополитена в Санкт-Петербурге, существует легенда о тайном свитке, вызывает удивление.

Метаязыковой признак: его фамилия состоит из слов «сломать нос» 0,01.

СИЯ 0,98

Неинтерпретированные реакции: *лежит*

Не актуально 0,01

**Психолингвистический словарь синонимов  
ВНЕДОРОЖНИК – ДЖИП**

Значение	ВНЕДОРОЖНИК 103	ДЖИП 100
<p><b>Автомобиль повышенной проходимости</b></p>	<p>Полноприводный 0,02 автомобиль 0,29 повышенной проходимости 0,12, с фарами 0,01, большой по размеру 0,08, дорогостоящий 0,01, Например, УАЗ 0,05; Хаммер 0,04; Нива 0,03; ВАЗ 0,01, Ленд Ровер 0,01, Ока 0,01, УАЗ «Козел» 0,01, BMW 0,01, Land Cruiser 0,01, трактор 0,01; на нем ездит дорожный патруль 0,01, участвует в соревнованиях 0,02, дает чувство свободы 0,01; вызывает одобрение 0,02, вызывает неодобрение 0,01.</p> <p>То же, что: джип 0,24, вездеход 0,01, вездеходник 0,01</p> <p>СИЯ 0,97</p> <p>Пример употребления: <i>Вчера на внедорожнике катался.</i></p> <p>Неинтерпретируемые реакции: <i>подорожник</i></p> <p>Не актуально 0,02</p>	<p>Автомобиль 0,43, большой 0,07, с огромными колесами 0,01, повышенной проходимости 0,05, дорогостоящий 0,09, например, Ленд Ровер 0,01, Мерседес 0,01, Хаммер 0,01; черный 0,07, красный 0,02, зеленый 0,01, тонированный 0,02, за рулем сидит богатый 0,04, лысый мужчина 0,01, свидетельствует о высоком статусе владельца 0,03; бывает седаном 0,01, новым 0,01, вызывает одобрение 0,10.</p> <p>То же, что: внедорожник 0,02</p> <p>СИЯ 0,94</p> <p>Пример употребления: <i>На дороге с джипом столкнулся.</i></p> <p>Неинтерпретируемые реакции 0</p> <p>Не актуально 0,06</p>

**Психолингвистический темпоральный словарь  
ШТРАФ<sup>3</sup>**

	РАС 2002 год	ЕВРАС 2014 год
	627 ии	547 ии

Проанализированы ассоциаты с частотностью 5 и более.

<p><b>Денежное наказание за нарушение</b></p>	<p>Наказание 0,03 в виде денежной 0,16 платы 0,17 за нарушение 0,05, например, за безбилетный проезд 0,15 в автобусе 0,02, выписывается сотрудником милиции 0,04, ГАИ 0,02; бывает большой 0,18, небольшой 0,02, например 3 рубля 0,17; 10 рублей 0,03; 5 рублей 0,02; рубль 0,02</p> <p>СИЯ 1,00</p>	<p>Наказание 0,07 в виде денежной 0,26 платы 0,05 за нарушение 0,12, например, за неправильную парковку 0,06, за превышение скорости 0,04, выписывается сотрудником милиции 0,12, ГАИ 0,15; в виде квитанции 0,03; бывает большой 0,12.</p> <p>СИЯ 1,00</p>
---	---	---

Отметим, что в развитии проекта был этап, когда разрабатывалась также методика описания психолингвистическими методами *концептов*, но это в итоге выделилось в отдельную задачу. В настоящее время в рамках проекта описание концептов не проводится.

Исследования О.Е. Виноградовой показали, что используемые лексикографические и психолингвистические методы описания значения следует рассматривать как взаимодополняющие [Виноградова 2014, 2015].

При этом один из использованных психолингвистических методов (свободный и направленный ассоциативные эксперименты, метод субъективных дефиниций) не выявляет все значения исследуемого слова, представленные в актуальном языковом сознании народа, что подтверждает выдвинутую гипотезу о необходимости использования комплекса методов для адекватного описания значения как феномена языкового сознания и необходимости верификации лексикографических описаний психолингвистическими методами. Обобщение результатов исследований, выполненных разными методами, позволяет получить психологически реальные описания значений лексем, релевантные для современного языкового сознания русского человека.

По результатам, полученным разными методами, О.Е. Виноградовой было сформулировано интегрированное описание семантики исследуемых слов как феномена актуального языкового сознания. Данное описание позволяет достаточно объективно осуществить полевую структуриацию семантемы слова, определить ядерные и периферийные семемы в семантеме, а также позволяет выявить многочисленные семантические компоненты, не выявляемые другими методами, объективно разграничить ядро и периферию в семантике слова с помощью индекса яркости каждой семы.

Сопоставление эффективности разных психолингвистических методов в выявлении значений и сем исследованных единиц позволяет сделать следующие выводы: наиболее эффективен в выявлении значений и семантических компонентов существительных метод свободного ассоциативного эксперимента, а прилагательных и глаголов – метод направленного ассоциативного эксперимента. Их комбина-

ция и интеграция результатов дает наиболее надежные и содержательные описания значений как феномена языкового сознания [Виноградова 2016: 17].

На данном этапе развития нашего проекта можно назвать некоторые существенные особенности психолингвистического значения, выявившиеся в ходе исследования:

- число выявленных значений лексических единиц значений при психолингвистическом описании оказывается обычно больше, чем в любых толковых словарях;
- объем отдельного значения оказывается обычно больше, чем при описании традиционными методами;
- объективно выявляются неактуальные для языкового сознания значения;
- объективно выявляются новые значения;
- установлено, что для носителя обыденного языкового сознания в языке отсутствует омонимия;
- семантические компоненты в структуре значения существенно различаются по яркости для языкового сознания;
- обнаруживаются ложные значения и ложные семы, присутствующие в языковом сознании носителей языка;
- в структуре психолингвистического значения могут присутствовать антонимичные семантические компоненты;
- в значении выделяются семы, актуализирующие симилятивные и оппозитивные связи исследуемого слова;
- в значении обнаруживаются семы, отражающие коммуникативную реакцию носителей языка на слово-стимул;
- многие лексические единицы содержат в своей семантике отсылки к устойчивым сочетаниям, в том числе прецедентным текстам;
- в значении слова присутствуют метаязыковые семы, характеризующие некоторые языковые признаки лексической единицы (сленг, жаргон, грубое, молодежное, модное слово, прилагательное и под.);
- психолингвистическое описание дает возможность дифференцировать трудно различимые синонимы;
- психолингвистическое описание дает возможность объяснить антонимию многих значений;
- семантика лексических единиц разных частей речи существенно различается по объему и структуре;
- описание психолингвистического значения позволяет проследить глубинные системные связи языковых единиц по значению.

С 2010 г. в рамках проекта выполняются исследования по нескольким полученным нами грантам:

- проект «Русское обыденное языковое сознание (экспериментальное исследование), Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», государственный контракт № 16.740.11.0118 – 2010-2012;

- проект «Теоретические проблемы разработки и создания «Психолингвистического толкового словаря современного русского языка», РГНФ, № 1204-00128а – 2012-2014;

- проект «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», РФФИ, № 15-04-00250 – 2015-2017.

С 2014 г. в рамках проекта выпускается ежегодный сборник «Психолингвистика и лексикография» (2014, 2015, 2016) и проводится ежегодная всероссийская конференция «Значение как феномен языкового сознания» (2015, 2016).

### **Литература**

*Виноградова О.Е.* Интегральная методика углубленного описания значения слова (на материале семантического описания слов разных частей речи): автореф. дис... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 26 с.

*Виноградова О.Е.* Психолингвистическое значение слова: экспериментальный метод исследования и описания (на примере семантики слова «женщина») // Известия Сочинского государственного университета. Выпуск 3 (31). 2014. С. 200-206.

*Виноградова О.Е.* Сопоставление результатов исследования семантики слова разными методами // Сопоставительные исследования 2015. Воронеж: Истоки, 2015. С. 21-28.

*Виноградова О.Е., Стернин И.А.* Психолингвистические методики в описании семантики слова. Воронеж: Истоки, 2016. 157 с.

*Высочина О.В.* Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование): дис... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 183 с.

*Гришук Е.И.* Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников): дис... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 248 с.

*ЕВРАС – Черкасова Г.А, Уфимцева Н.В.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. Т. 1. От стимула к реакции. М., 2014. 280 с. // [http://iling-ran.ru/library/evras/evras\\_1.pdf](http://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf).

*Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007а. 314 с.

*Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2017б. 250 с.

*РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. Т. 1. 784 с.*

*Рудакова А.В.* Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии. Воронеж: Истоки, 2014. 177 с.

*Стернин И.А.* Концепт, «психологически реальное» и «психолингвистическое значение» // Язык и история. Глазов, 2005. С. 179-182.

*Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 170 с.

*Стернин И.А.* Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. 156 с.

*Стернин И.А.* Экспериментальные методы в семном описании семантики // Язык и национальное сознание. Вып. 21. Воронеж: Истоки, 2015. С. 8-11.

*Стернин И.А., Рудакова А.В.* Алгоритм описания психолингвистического значения слова // Мир лингвистики и коммуникации. 2015а. №4. С. 100-108.

*Стернин И.А., Рудакова А.В.* Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.

*Стернин И.А., Рудакова А.В.* Трафаретная модель описания психолингвистического значения слова // Психолингвистика и лексикография. Вып. 2. Воронеж: Истоки, 2015б. С. 97-110.

*Фридман Ж.И.* Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания: дис... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 219 с.

**THE PROJECT “MEANING AS A PHENOMENON OF LINGUISTIC  
CONSCIOUSNESS”  
(PSYCHOLINGUISTIC MEANING OF THE WORD)**

**Iosif A. Sternin**

Doctor of philology  
professor, Voronezh State University  
394006, Voronezh, Universitetskaya Square, 1  
*sterninia@mail.ru*

**Aleksandra V. Rudakova**

PHd, associate professor  
Voronezh State University  
394006, Voronezh, Universitetskaya Square, 1  
*a-rudakova@list.ru*

**Olga E. Vinogradova**

lecturer, Voronezh State University  
394006, Voronezh, Universitetskaya Square, 1  
*o.vinogradova@list.ru*

The research of meaning as phenomenon of language consciousness in psycholinguistic works of Voronezh scientists is considered. The main concept of the project - the differentiation of lexicographic, psycholinguistic meaning and concept - is formulated and the main methods of the experimental description of psycholinguistic meaning are offered. The essence of the project is the idea that the psycholinguistics is used as a method of the analysis and description of word meaning. The method of semantic interpretation of associative reactions – sememe and seme interpretation, the method of synthesis of associative reactions in the course of their seme interpretation, and also a method of integration of results of associative experiments were developed.



Also meta language of the same description of meaning in psycholinguistic experiments is developed. In the project common-language, gender, age meanings, meanings of proper names, synonyms and antonyms of lexemes are studied. Samples of entries of separate types of the developed dictionaries are given. Efficiency of different psycholinguistic methods in description of meanings is compared, principal conclusions are drawn and essential features of psycholinguistic meaning are defined.

**Keywords:** meaning, linguistic consciousness, psycholinguistic meaning, experimental methods, semantics, linguistic consciousness.

### References

*Vinogradova O.E.* Integral'naja metodika uglublennogo opisanija znachenija slova (na materiale semanticheskogo opisanija slov raznyh chastej rechi) [Integral technique for the deep description of the meaning of a word (on the material of the semantic description of words of different parts of speech) ]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2016. 26 p.

*Vinogradova O.E.* Psiholingvisticheskoe znachenie slova: jeksperimental'nyj metod issledovanija i opisanija (na primere semantiki slova «zhenshhina») [Psycholinguistic meaning of the word: the experimental method of research and description (on the example of the semantics of the word «woman»)] // Izvestija Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 3 (31). 2014. P. 200-206.

*Vinogradova O.E.* Sopostavlenie rezul'tatov issledovanija semantiki slova raznymi metodami [Comparison of the results of the study of word semantics by different methods] // Sopostavitel'nye issledovanija 2015. Voronezh: Istoki, 2015. Pp. 21-28.

*Vinogradova O.E., Sternin I.A.* Psiholingvisticheskie metodiki v opisanii semantiki slova. [Integral technique for the deep description of the meaning of a word (on the material of the semantic description of words of different parts of speech) ]/ Voronezh: Istoki, 2016. 157 p.

*Vysochina O.V.* Ponimanie znachenija inozazychnogo slova (psiholingvisticheskoe issledovanie) [Understanding the meaning of a foreign language (psycholinguistic study) ]. Dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2001. 183 p.

*Grishhuk E.I.* Abstraktnaja leksika v jazykovom soznanii (jeksperimental'noe issledovanie jazykovogo soznanija starsheklassnikov) [Abstract vocabulary in linguistic consciousness (experimental study of linguistic consciousness of high school students) ]. Dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2002. 248 p.

*EVRAS – Cherkasova G.A, Ufimceva N.V.* Russkij regional'nyj asociativnyj slovar'-tezasaurus. T. 1. Ot stimula k reakcii. [NV Russian regional associative dictionary-thesaurus. T. 1. From the stimulus to the reaction] / M., 2014. 280 p. // [http://iling-ran.ru/library/evras/evras\\_1.pdf](http://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf).

*Popova Z.D., Sternin I.A.* Kognitivnaja lingvistika. [Cognitive linguistics] / M.: Vostok-Zapad, 2007a. 314 p.

*Popova Z.D., Sternin I.A.* Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka. [Semantico-cognitive analysis of the language] / Voronezh: Istoki, 2017b. 250p.

*RAS – Russkij asociativnyj slovar': V 2 t. Ok. 7000 stimulov / Ju.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, Ju.A. Sorokin, E.F. Tarasov.* [Russian Associative

Dictionary: In 2 t. Ok. 7000 incentives / Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov ] .M.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: ООО «Izdatel'stvo AST», 2002. T. 1. 784 s.

*Rudakova A.V.* Teoreticheskie i prikladnye problemy psiholingvističeskoj leksikografii. [Theoretical and applied problems of psycholinguistic lexicography]. Voronezh: Istoki, 2014. 177 p.

*Sternin I.A.* Koncept, «psihologičeski real'noe» i «psiholingvističeskoe značenie» [The concept, «psychologically real» and «psycholinguistic significance»] // Jazyk i istorija. Glazov, 2005. P. 179-182.

*Sternin I.A.* Leksičeskoe značenie slova v reči. [Lexical meaning of a word in speech] / Voronezh, 1985. 170 p.

*Sternin I.A.* Problemy analiza struktury značenija slova. [The problems of analyzing the structure of the meaning of a word.] Voronezh, 1979. 156 p.

*Sternin I.A.* Jeksperimental'nye metody v semnom opisanii semantiki [Experimental methods in the semantic description of semantics ] // Jazyk i nacional'noe soznanie. Vyp. 21. Voronezh: Istoki, 2015. P. 8-11.

*Sternin I.A., Rudakova A.V.* Algoritm opisanija psiholingvističeskogo značenija slova [Algorithm for describing the psycholinguistic meaning of the word ] // Mir lingvistiki i komunikacii. 2015a. №4. P. 100-108.

*Sternin I.A., Rudakova A.V.* Psiholingvističeskoe značenie slova i ego opisanie. Teoreticheskie problemy. [Psycholinguistic meaning of the word and its description. Theoretical problems ] / LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 p.

*Sternin I.A., Rudakova A.V.* Trafaretnaja model' opisanija psiholingvističeskogo značenija slova [Stencil model of the description of the psycholinguistic meaning of the word] // Psiholingvistika i leksikografija. Vyp. 2. Voronezh: Istoki, 2015b. P. 97-110.

*Fridman Zh.I.* Psihologičeski real'noe značenie slova kak fenomen jazykovogo soznanija: [The psychologically real meaning of the word as a phenomenon of linguistic consciousness ]. Dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2006. 219 p/.

# ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ЛЮДИ И ИДЕИ

УДК 81

## ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА XX ВЕКА И ЕЕ КОРИФЕИ Б.А. СЕРЕБРЕННИКОВ: УЧЕНИЕ О ЯЗЫКЕ

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда  
(проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

**Постовалова Валентина Ильинична**

главный научный сотрудник

Институт языкознания РАН

125009, Москва, Большой Кисловский переулок, 1

*aroni4@yandex.ru*

Статья посвящена характеристике творческого пути выдающегося ученого и организатора науки Б.А. Серебрянникова (1915-1989), раскрытию роли его идей в становлении отечественной науки о языке и значимости его воззрений для развития современной лингвистической мысли. Отмечается, что творческий путь Серебрянникова проходил в русле единой лингвистики, не разделенной еще на такие ее направления, как психолингвистика и социолингвистика, лингвокультурология и когнитивная лингвистика, активно развивающиеся в наше время. Обращается внимание на созвучность его лингвистических идей и подходов научным изысканиям в различных областях современной науки о языке. Таковы его идеи о единстве в языке универсального и идиоэтнического, о соотношении языковой и концептуальной картин мира человека, об онтологическом характере диалектических противоречий в языке, об авербальном и лингвокреативном мышлении, об абсолютном прогрессе в языке и недостижимости идеала совершенствования языковой техники. Анализируются опыты интерпретации категории «марксистского языкознания» в отечественной лингвистике XX века.

**Ключевые слова:** «нераздельная лингвистика», философия языка, марксистское языкознание, диалектическое противоречие, лингвокреативное мышление, универсальное и идиоэтническое, языковая и концептуальная картины мира, прогресс в языке, совершенствование языковой техники.

*Человек есть живое духовное единство... Только исходя из центра его существа, можно понять смысл его судьбы, историю его жизни и ценность его творчества.*

К.В. Мочульский. Владимир Соловьев. Жизнь и учение

### Лингвофилософские темы и подходы Б.А. Серебрянникова

Эпоха идеологического тоталитаризма, в которую развивалась отечественная наука о языке первой половины XX в., выдвигала перед научным сообществом задачу построения так называемого «марксистского языкознания», которое при этом требовалось отождествлять с научным языкознанием [Васильков 2001: 412]. Выдвижение такой задачи непосредственно связывалось с именем Сталина, и прежде всего с его работой «Марксизм и вопросы языкознания» (1950). В Предисловии

к коллективной монографии «Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина» об этом прямо говорилось: «Советские языковеды достигли некоторых результатов в решении и осуществлении тех задач, которые поставлены перед ними И.В. Сталиным. Главная из этих задач – *внедрение марксизма в языкознание* (Курсив наш. – В.П.). За это время значительно продвинулась работа по обоснованию и развитию основных положений общего советского языкознания в связи с историческим и сравнительно-историческим изучением самых разнообразных языков мира» [ВЯ 1952: 3].

Выполнение требования «внедрения марксизма в языкознание» на практике (при определенных интерпретациях категории «марксистского языкознания») грозило превратить науку о языке в разновидность «идеологизированного языкознания, в котором научная истина приносится в жертву идеологии» [Васильков 2001: 412]. Но существуют ли такие варианты интерпретации категории «марксистского языкознания», при которых наука о языке не теряла бы своего статуса научности и сохраняла бы за собой право оставаться «научным языкознанием»? XX век давал полярные ответы на данный вопрос – негативный (пессимистический) и позитивный (оптимистический).

Выражая первую позицию, Я.В. Васильков утверждает: «Лингвистика может быть либо научной, либо марксистской (империалистической, националистической, христианской, исламско-фундаменталистской)» [Там же]<sup>1</sup>.

Сторонником второй позиции был, в частности, Е.Д. Поливанов. В своем докладе «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория» в Коммунистической Академии в феврале 1929 г., посвященном критике яфетической теории, Поливанов говорит о том, что нужно было бы сделать лингвистам «для того, чтобы их лингвистика могла быть марксистской лингвистикой» [Поливанов 1991: 537]. Путь к этому, по мысли Поливанова, заключается в подлинном превращении лингвистики из «естественно-исторической» в «социологическую» [Там же: 538-539]. Поливанов ссылается здесь неявно на Марра, который, начиная с 1920 г., утверждал, что его теория «непрерывно развивает основное положение, что “язык это не естественно-историческое, а чисто социальное создание”» (цит. по: [Свадост-Истомин 1968: 182]).

В русле этой второй позиции находится также работа 1929 г. В.Н. Волошинова и М.М. Бахтина «Марксизм и философия языка», где выдвигается задача «показать место проблем философии языка в единстве марксистского мирозерцания» [Волошинов 1993: 9], а также наметить «основное направление подлинно марксистского мышления о языке и те опорные методологические пункты, на которые должно опираться это мышление в подходе к конкретным проблемам лингвистики» [Там же: 7].

Сторонником этой второй позиции был и Б.А. Серебренников, которого В.М. Алпатов называет «одним из последних искренних приверженцев марксистского

---

<sup>1</sup> Постановка вопросов такого рода остается актуальной и в наше время, особенно сейчас, когда появляются все новые и новые синтетические дисциплины в рамках антропологического и теoантропологического подходов к языку и когда встает вопрос об их концептуальных основаниях. В частности, поднимается вопрос о возможном выделении православно-христианской теoлингвистики и православно-христианской теoконцептологии.

языкознания» [Алпатов 2004: 271]. Свое сопоставление четырехэлементного анализа Марра и сравнительно-исторического метода Серебренников завершает оценкой того, насколько оба они «удовлетворяют требованиям марксистского диалектического метода» [Там же: 287]. По его мысли, теория языка Марра «не содержит ни грана марксизма» [Серебренников 1952: 286]. В результате проведенного сопоставления Б.А. Серебренников приходит к заключению, согласно которому «четыреэлементный анализ должен быть отброшен, как совершенно не отвечающий требованиям марксистско-диалектического метода и ничего общего с марксизмом не имеющий», в то время как сравнительно-исторический метод вполне может быть применен при историческом изучении различных языков [Там же: 288].

Задачу отождествления «марксистского языкознания» с «научным языкознанием» Серебренников решает для себя в позитивном, оптимистическом ключе на удивление просто. По его мысли, «для того, чтобы получить ответ на вопрос, что такое марксистское языкознание, необходимо выделить самую главную особенность, которая определяла бы все его остальные особенности» [Серебренников 1983: 7]. В понимании Б.А. Серебренникова, такую самую главную и основную особенность марксистского языкознания составляет материалистический подход к явлениям языка. Марксизм в его представлении «не отделим от материалистического мировоззрения», которое в марксизме определяет «все» [Там же].

Материализм же Серебренников понимал в целом не в строго философском смысле этого термина как течение, противоположное по своим концептуальным основаниям идеализму, но – как теоретическое видение, адекватное реальности<sup>2</sup>. По его словам, материалистический подход в его книге «тесно связывается с достижением такой трактовки лингвистических явлений, которая была бы адекватна их действительной природе, их сущности» [Там же: 4]. И уточняет: «Первое и совершенно безусловное требование материалистического подхода к явлениям языка – трактовка явления, его понимания должны быть адекватны его действительной природе, его действительной сущности» [Там же: 8]. Такое понимание Б.А. Серебренников развивает, опираясь на высказывание Ф. Энгельса, согласно которому «материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений» [Маркс, Энгельс 1961: 513]. Применительно к языку данное определение, по Серебренникову, может звучать так: «Материалистически понимать язык – это значит понимать его таким, каков он есть, без всяких посторонних прибавлений» [Серебренников 1983: 7].

Обращает на себя внимание тот момент, что Б.А. Серебренников предпочитает говорить в своей книге именно о материалистическом, а не диалектико-материалистическом подходе, принятом в марксизме. Специально оговаривая этот момент, он замечает: «Почему в заглавии не фигурирует эпитет диалектико-материалистический? Значение этого заглавия можно понять из содержания книги» [Там же: 3]. В работе «О человеческом факторе в языке. Язык и мышление»

---

<sup>2</sup> Соответственно в этой парадигме рассуждений идеализмом Б.А. Серебренников именуется теоретические решения, не адекватные реальности. См., например, его замечание о том, что «в утверждении некоторых лингвистов и психологов: мышление возможно без слов – нет идеализма» [Серебренников 1988а: 84]. Сам Серебренников был сторонником представления о возможности авербального мышления.

Серебрянников упоминает уже об историческом материализме, излагая общепринятую в марксизме точку зрения: «До появления исторического материализма не существовало научного понимания общественного сознания и законов, управляющих его развитием. Идеалисты мистифицировали духовную жизнь общества, а материалисты не умели применить к общественной жизни положение о первичности материи и вторичности духа. Неудачи, которые их постигали в стремлении материалистически объяснить общественную жизнь, проистекали из незнания того, что такое общественное бытие» [Серебрянников 1988а: 173].

Апелляция к принципу следования материалистическому подходу становится для Б.А. Серебрянникова последним аргументом при обосновании истинности теоретической позиции в языкознании. Так, обосновывая наличие имманентных (внутренних) законов существования языка, подвергаемых сомнению в лингвистике марровского направления, он пишет: «Каждый лингвист, если он действительно стоит на материалистической точке зрения, не может не признавать наличия в языке внутренних законов» [Серебрянников 1983: 209]<sup>3</sup>. По его убеждению, в основе ошибок и теоретических заблуждений лежит «несоблюдение материалистического подхода к явлениям языка» [Там же: 4]. Случаи же «нематериалистического подхода к явлениям языка наблюдаются почти при решении любой языковедческой проблемы» [Там же: 314]. Так, с позиции материалистического подхода к явлениям языка, по мысли Б.А. Серебрянникова, неправовой представляется «теория монологичности языкового знака» [Там же].

Во Введении к своей работе «О материалистическом подходе к явлениям языка» Б.А. Серебрянников утверждает, что «будет считать свою задачу выполненной, если затронутая им сложная тема вызовет интерес у читателей и послужит стимулом для дальнейших изысканий в этой области» [Там же: 4]. Круг вопросов, поднимаемых в этой книге, касается языковой онтологии, или установления сущности языка, которую он определял, опираясь на принцип материализма. Установление сущности языка, как полагают методологи науки, относится к числу сложнейших вопросов лингвофилософии, или философии языка. Такую позицию занимал и Б.А. Серебрянников, по словам которого, «понимать язык таким, каков он есть, без всяких посторонних добавлений, необычайно трудно» [Там же: 8]. Вся «история мирового языкознания наглядно показывает, что язык либо пытаются уподобить чему-то другому, на что он не похож, либо приписать ему то, чего в нем нет, или не замечать того, что в нем есть» [Там же].

Сам Б.А. Серебрянников истолковывал язык как «необычайно многогранное явление», полагая, что для понимания его истинной сущности, необходимо представлять его в разных аспектах [Серебрянников 1970: 9], а именно рассматривать, «как он устроен, в каком соотношении находятся элементы его системы, каким влияниям он подвергается со стороны внешней среды, в силу каких причин совершаются изменения языка в процессе его исторического развития, какие конкретные формы существования приобретает язык в человеческом обществе» [Там же]. За-

---

<sup>3</sup> В понимании Б.А. Серебрянникова, «внутренний закон в языке – это, прежде всего, закон определенной лингвистической сферы, закон, присущий этой сфере» [Серебрянников 1988а: 160].



даваясь вопросом о том, «какое свойство языка определяет его главную сущность», он считал таковым свойством его функцию быть средством общения. Или, другими словами, коммуникативную функцию.

Б.А. Серебренников разделял диалектический взгляд на природу языка, рассматривая его как исторически развивающееся явление. Центральную категорию диалектического мышления составляет диалектическое противоречие, которое предстает как образование, включающее стороны противоречия («противоположности») и отношения взаимодействия между ними. По закону диалектики, стороны диалектического противоречия взаимно исключают друг друга, взаимно обуславливают друг друга и взаимопроникают друг в друга внутри единого целостного объекта.

Тема диалектического видения языка как теоретическая проблема поднимается у Б.А. Серебренникова наиболее подробно в его работе «Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление». Как отмечает здесь Серебренников, хотя «наличие противоречий в языке признается всеми лингвистами», однако сама проблема эта остается малоизученной [Серебренников 1988а: 213]. Не существует специальных работ, в которых бы «на основе анализа конкретного лингвистического материала была бы раскрыта сущность противоречий в языке, детально изучен механизм действия в языке универсального закона о диалектическом развитии путем преодоления противоречий, закона о единстве и борьбе противоположностей» [Там же]. Имеющиеся же высказывания на эту тему «носят слишком общий характер» [Там же].

Б.А. Серебренников разделяет взгляд на онтологический характер диалектических противоречий. Диалектические противоречия, по его словам, «не являются результатом неправильного мышления», а «представляют собой свойства предметов и явлений окружающего нас мира» [Там же: 216]. Таковым является, в его видении, противоречие между поступательным развитием языка и противостоящей этому тенденцией к сохранению существующего положения.

В истолковании Б.А. Серебренникова, возникновение противоречий в действительности и их преодоление является «перманентным процессом» [Там же: 228]. Противоречия «могут возникать на всех уровнях языка и во всех его сферах» [Там же: 216]. В истории языка известны случаи, когда «структура языка и наличные средства общения не совсем соответствуют его роли как средства общения», что в какой-то степени затрудняет общение [Там же]. Здесь налицо настоящее диалектическое противоречие: «Единство противоречивых сторон состоит в том, что они сосуществуют и в то же время происходит борьба, целью которой является приведение в соответствие наличных ресурсов языка с потребностями общения» [Там же], причем «ведущую противоположность» здесь представляют потребности общения. По утверждению Серебренникова, «революционизирующая сила потребностей общения возникает не только тогда, когда язык развивается» [Там же]. Она «может возникнуть в любой момент жизни языка, т.е. всякий раз, когда возникает конфликт между средствами выражения и самим выражением» [Там же].

Б.А. Серебренников усматривает основную причину возникновения диалектических противоречий в языке в сложности устройства самого человеческого языка, состоящего фактически из различных сфер, в каждой из которых действуют

специфические законы и тенденции. Противоречие возникает, когда действие законов одной сферы языка «сталкивается с противоположно направленным законом другой сферы языка» [Там же: 229]. По закону диалектики, в результате борьбы противоположностей противоречие «снимается». Однако в языке возможны такие периоды, когда «язык существует, но противоречие еще не преодолено» [Там же: 216]. Серебренников упоминает о противоречиях «преодоленных» и о противоречиях «непреодоленных», к которым относит гипертрофию отдельных звуков (фонем), которая «значительно снижает дистинктивные возможности языка» [Там же: 217]. По его мысли, возможны случаи, когда «противоречие в целом для языка полезно и в устранении не нуждается» [Там же: 229].

В своей работе 1989 г. «В поисках построения общего языкознания как диалектической системы» А.Ф. Лосев утверждает, что «хотя в настоящее время диалектика и стоит на первом плане как научный метод, тем не менее точная формулировка диалектических выводов в языкознании может претендовать только на предварительность» [Лосев 1989: 6]. Получение же окончательных выводов в данной области, полагает он, «есть дело будущего, и притом не ближайшего» [Там же]. Работы Б.А. Серебренникова могут внести значительный вклад в развитие данного направления в науке о языке, заложенного еще трудами В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра.

#### **Теоретические идеи Б.А. Серебренникова и современная лингвистика**

Творческий путь Бориса Александровича Серебренникова проходил в русле единой лингвистики, не разделенной еще на такие ее направления, как психолингвистика и социолингвистика, лингвокультурология и когнитивная лингвистика, активно развивающиеся в наши дни. В его исследованиях по общезыковедческим темам поднимались многие вопросы, которые стали предметом углубленного внимания в этих дисциплинах.

Некоторые идеи и темы Серебренникова из области этой неразделенной лингвистики не потеряли своей актуальности и оказались созвучными духу последующего времени. К ним можно отнести в первую очередь его воззрения на соотношение языка и мышления. Серебренников выступает против концепции единства языка и мышления марристов, или «прямой зависимости форм мышления от характера общественного строя, а форм языка – от мышления» [Широков 1989: 74]. Согласно Серебренникову, «широко распространенный тезис о существовании мышления только на базе языка вряд ли можно считать правильным» [Серебренников 1988а: 188]. По его убеждению, «мышление без слов так же возможно, как и мышление на базе слов» [Серебренников 1983: 112]. И словесное мышление есть только один из типов мышления.

Реальное мышление человека, в видении Б.А. Серебренникова, представляет собой «совокупность различных типов мышления, постоянно сменяющих друг друга и взаимно переплетающихся» [Там же]. К их числу он относит, помимо словесного мышления, такие типы мышления, как наглядное, образное, практическое, лингвокреативное, авербально-понятийное, поисковое, редуцированное [Там же: 104-112]. В историческом плане формирования мышления различается более аб-

страктное и менее абстрактное мышление. Причем, как утверждает Серебренников, «ни о каких точных границах, отделяющих одно состояние развития мышления от другого и тем более об установлении четких промежуточных стадий, говорить не приходится» [Там же: 193]. О соответствии же языковых структур особенностям человеческого мышления, в представлении Б.А. Серебренникова, «можно говорить лишь как о результатах проявления известных тенденций, осуществление которых отнюдь не носит характера непреложных законов» [Там же].

Отрицая тезис о существовании мышления только на базе языка, Серебренников особое внимание уделяет так называемому «лингвокреативному мышлению». Такое мышление, в его понимании, имеет двоякую направленность. Отражая окружающую человека действительность, оно при этом «тесно связано с «наличными ресурсами языка» [Там же: 106]. Вся оригинальность и сложность лингвокреативного мышления, в видении Серебренникова, состоит в том, что при создании языка категории «как бы создаются вновь, несмотря на наличие в сознании их двойников, и по своему семантическому объему могут не совпадать с ними» [Там же: 109]. Лингвокреативное мышление «способно создавать слова-понятия или формы, содержание которых может далеко не охватывать объема понятия, существующего в действительности» [Серебренников 1988а: 195].

Говоря о специфике лингвокреативного мышления, Б.А. Серебренников обращает внимание на его участие в процессах изменения языка. Вот один из примеров такого описания у Серебренникова: «В древнерусском языке некогда различались специальные глагольные времена – аорист, перфект, имперфект и плюсквамперфект. В современном русском языке эти глагольные времена уже не различаются. Одной из главных причин, способствующих исчезновению указанных времен, было, несомненно, развитие категории вида. Возможность выражения совершенного действия иными языковыми средствами делала ненужным существование особого прошедшего времени аориста, а также имперфекта. Здесь также произошло лишь изменение способов выражения категории вида» [Там же: 208].

Лингвокреативное мышление, по Серебренникову, «в известной степени ущербно» [Серебренников 1983: 249]. Во-первых, оно может «создавать совершенно нерациональную избыточность» [Там же: 108]. Во-вторых, оно характеризует предметы и явления окружающего мира «далеко не полно» [Там же: 249]. И наконец, в-третьих, оно «может даже в известной мере исказить действительность, отображая ее в каком-то определенном аспекте» [Там же]<sup>4</sup>. Выбор «необходимых строевых элементов при создании языковых единиц при лингвокреативном мышлении происходит стихийно» [Серебренников 1988а: 203], поэтому возможны случаи, «когда оно что-либо пропускает, т.е. оставляет невыраженным» [Там же: 210].

Отвечая на вопрос о том, возможно ли устранять недостатки лингвокреативного мышления и осуществлять их известную компенсацию, Б.А. Серебренников считает мощным корригирующим средством, обеспечивающим человеку

---

<sup>4</sup>Наблюдения Б.А. Серебренникова в этой области приобретают особую значимость в современной политической лингвистике, где поднимается вопрос об описании способов выражения ложной, фальсифицируемой информации в так называемых «фейковых» дискурсах (от англ. fake ‘подделка, фальшивка, подлог’).

«правильное понимание истинной сущности предметов и явлений материального мира», жизненный опыт человека и его жизненную практику [Серебренников 1983: 250]. Недостатки лингвокреативного мышления устраняются, по его выражению, когда «человек начинает пользоваться невербальными способами мышления» [Серебренников 1988а: 212], например прибегая к образному мышлению.

Многие теоретические идеи Б.А. Серебренникова могут быть использованы также при обосновании гипотезы о языковой картине мира и гипотезы лингвистической относительности. Серебренников является сторонником идеи о существовании двух картин мира у человека – «концептуальной» и «языковой», полагая при этом, что «концептуальная картина мира богаче языковой картины мира, поскольку в ее образовании, по всей видимости, участвуют различные типы мышления» [Серебренников 1988б: 107]. Полагая, что обе картины мира связаны между собой, Серебренников считает, что связь их осуществляется в языке двояким образом. Во-первых, «язык означает отдельные элементы концептуальной картины мира», что «выражается обычно в создании слов и средств связи между словами и предложениями» [Там же], и во-вторых, «язык объясняет содержание концептуальной картины мира, связывая в речи между собой слова» [Там же]. Поскольку в объяснении концептуальной картины мира принимают участие все известные данному языку элементы языковой картины мира (слова, формативы и средства связи между предложениями, а также синтаксические конструкции), то, по утверждению Серебренникова, «объяснения не входят в языковую картину мира» [Там же].

При рассмотрении феномена языковой картины мира Серебренников обращает особое внимание на роль грамматического строя и синтаксиса. В его понимании, «исследовать роль грамматического строя в создании языковой картины мира – значит определить, что выражают грамматические формативы и какое отношение это выражение имеет к созданию языковой картины мира» [Серебренников 1988а: 5]. Что же касается установления роли синтаксиса в «отражении картины мира», то она, по выражению Серебренникова, «довольно специфична и сложна» [Там же: 57].

Размышляя об «отражении картины мира» в языке, Б.А. Серебренников подчеркивает специфический характер такого отражения. По его словам, картина мира отражается в языке «не всегда достаточно последовательно, правильно и точно» [Серебренников 1988б: 107]. Однако, как замечает Серебренников, «человечеству никогда не угрожает опасность невозможности познания окружающего мира» в силу существования особых средств «компенсации недостатков познания человеком окружающего мира» [Там же]. Серебренников называет два средства такой компенсации. Это – уже упоминаемая «жизненная практика человека». И это – наука. При этом, как подчеркивает Серебренников, важно не забывать, что «язык не является единственным средством познания окружающего мира» и что «недостатки вербального мышления компенсируются различными типами неречевого мышления» [Там же].

Для обоснования гипотезы о лингвистической относительности представляют интерес размышления Б.А. Серебренникова об участии лингвокреативного мышления в концептуализации мира. По его наблюдению, «лингвокреативное мышление в каждом конкретном языке может по-особому членить континуум окру-

жающего мира» [Серебренников 1983: 109]. Точнее было бы даже сказать, что лингвокреативное мышление «заново членит мир» [Серебренников 1988а: 203]. Причем «первое членение мира осуществляется еще до возникновения языка» [Там же]. Самое парадоксальное в этом случае заключается в том, что «в языке может существовать то, что в мышлении фактически уже исчезло» [Серебренников 1983: 249]. Так, «русские родовые окончания, за исключением случаев, когда они обозначают пол, утратили какую-либо логическую мотивированность, хотя некогда они были мотивированы» [Там же]. В настоящее время, пишет Серебренников, «осознание местных падежей уже утратилось, но тем не менее они употребляются совместно с предлогами, ср. рус. *из города* (окончание *-а* представляет остаток древнего аблатива), *в городе* (окончание *-е* – остаток древнего локатива)» [Там же].

С другой стороны, утверждает Серебренников, в сознании человека существуют так называемые «понятийные категории», не совпадающие в смысловом плане с грамматическими категориями. В представлении Серебренникова, понятийные категории, являющиеся результатом опыта, важнее грамматических, поскольку они всегда присутствуют в сознании, тогда как грамматические категории очень изменчивы и даже могут исчезать из языка, как показывает история многих языков» [Серебренников 1976: 13].

Анализируя известный парадокс «люди членят мир по-разному, а думают совершенно одинаково» и способы его разрешения, Б.А. Серебренников полагает, что «в языке проявляется не только общечеловеческое логическое мышление» [Там же: 132, 146]. В нем «в очень сложном переплетении, представлены и общечеловеческие логические, и идиоэтнические элементы, и чисто понятийное мышление» [Там же: 146]. В любом языке, замечает Серебренников, «общий логический смысл всегда окружен своеобразным идиоэтническим ореолом», который может быть преодолен либо путем его усвоения при активном владении речью, либо за счет сложного процесса переразложения значений применительно к своему языку при массовом восприятии речи [Там же: 145].

Человеческая речь находится в тесной взаимосвязи со способами познания действительности, пишет Б.А. Серебренников, что приводит к тому, что логический строй мыслей у всех народов совпадает. Он полагает, что универсальное в языках мира не может быть сведено только к логическому строю мысли, единому для всех людей, и критикует тенденцию квалифицировать специфические особенности конкретных языков как экстралогические, несущественные для познавательной деятельности человека.

Замечая, что «современный подход в развитии мирового языкознания характеризуется повышенным вниманием к проблеме универсалии», Б.А. Серебренников говорит о необходимости определения «принципа разграничения универсальных явлений и лингвистических универсалий», поскольку у некоторых исследователей наблюдается стремление «отождествить “универсалии” с “универсальностью”» [Серебренников 1974: 50, 52].

Основу лингвистической универсалии, в видении Серебренникова, «составляет единообразие языкового, а не понятийного признака» [Там же: 52]. Исследование проявлений семантической понятийной категории в различных языках, однако, сводится «не к обнаружению единообразия ее выражения», а «к констата-

ции значительных различий в этом плане» [Там же: 52-53]. Серебренников отмечает одно чрезвычайно важное свойство универсалии. Универсалия, по его словам, «никогда не будет абсолютной, поскольку различные процессы, совершающиеся в языковой сфере, всегда накладывают определенные ограничения, затрудняющие возможность ее абсолютного распространения» [Там же: 53]. Поэтому, утверждает Серебренников, к универсалии более применим термин «фреквенталия», т.е. «явление высокой степени частотности», а не универсалия в «подлинном значении этого слова» [Там же].

Утверждая, что любая фреквенталия имеет свои ограничения, Серебренников предлагает следующее определение данного феномена: «Фреквенталия – это единообразный, изоморфный способ выражения внутрисистемных корреляций языковых элементов или однотипный по своему характеру процесс, дающий одинаковые результаты, проявляющиеся с достаточно высокой степенью частотности в различных языках мира» [Там же]. По Серебренникову, различаются два типа фреквенталий – «импликационные», предполагающие связь между явлениями, и «диахронические», под которыми понимаются «однотипные языковые процессы, приводящие к однотипным результатам» [Там же: 53, 54]. Примерами диахронических фреквенталий могут служить такие частотные изменения, как монофтонгизация дифтонгов или же ослабление гласных в неударных слогах.

В языкознании, по словам Серебренникова, нередко высказывалась мысль о том, что «общие закономерности языковых явлений указывают только на возможность изменения в определенном направлении», но не на самую необходимость изменения [Там же: 63]. Так, если известно, что в каком-либо языке существует звуко сочетание *тара*, то можно утверждать, что «интервокальное *р* может превратиться в *б*, которое в дальнейшем способно измениться в *ш* и, наконец, исчезнуть» [Там же]. Однако «никто не может сказать, когда наступит это изменение и наступит ли оно вообще, поскольку данное звуко сочетание может сохраняться на протяжении тысяч лет» [Там же]. И «если потенциально возможное изменение не осуществляется в силу сложившихся неблагоприятных обстоятельств в данный момент, то это еще не значит, что оно никогда не осуществится в будущем» [Там же].

В практике сравнительно-исторических исследований, по словам Серебренникова, никогда не ощущалось «настоятельной необходимости в предсказуемости языковых изменений» [Там же]. Ведь «всякое изучение истории языка обращено в прошлое, и главная задача историка языка – объяснить происхождение языковых явлений *post factum*» [Там же].

В плане осмысления проблемы реализма-номинализма в гуманитарном познании несомненный интерес представляют размышления Б.А. Серебренникова по вопросу о звукоподражании, а также о «происхождении звуко-символических слов». Последнее составляет, в его оценке, «одну из труднейших проблем общего языкознания» [Серебренников 1988б: 94]. Звукоподражательное слово, по выражению Серебренникова, «создается не ради звукоподражания, а для того, чтобы на основе звукоподражания создать звуковую оболочку для названия определенного звучания, независимо от того, будет ли оно представлено в языке как процесс, сопровождающийся звучанием, или как простое название звучания, например, *треск*, *звон* и т.д.» [Там же]. По мысли Серебренникова, «звукоподражательные слова всегда



неточны, поскольку само звукоподражание в языке очень несовершенно» [Там же: 93]. Человек, создающий звукоподражательное слово, по замечанию Серебренникова, «должен расчленил неартикулированный поток звуков на фонемно членимый комплекс», что носит «сугубо индивидуальный характер» [Там же: 94]. И возможно, полагает, Серебренников, что «у разных индивидуумов и носителей языка создаются какие-то целостные доминанты восприятия» [Там же].

Что же касается собственно звукосимволики, когда «определенные звуко-сочетания начинают применяться для выражения свойств различных процессов, предметов и явлений», то здесь, по мысли Серебренникова, происходили, по всей видимости, «какие-то сложные процессы переосмысления акустического восприятия» [Там же]. И осуществлялось его превращение «в средство передачи уже не акустических свойств, а особенностей различных предметов и процессов» [Там же]. Так, коми-зырянский глагол *труньгыны*, означающий «струиться», «подниматься (о дыме)», был первоначально связан с определенным чисто акустическим восприятием, как в случае с русским *тренькать*. Затем же «это слабое треньканье было использовано как средство передачи слабого дыма, когда он медленно поднимается вверх отдельными струйками» [Там же].

В этих размышлениях Б.А. Серебренникова о функциональном предназначении звукоподражания и звукосимволики в человеческом языке можно уловить неявные отзвуки теоретического противостояния воззрениям Н.Я. Марра о роли звукоподражания в генезисе языка. В статье «О происхождении языка (1926) Марр с другой теоретической акцентуацией так писал об этом: «...с самого начала мы должны отсечь глубочайшее заблуждение о какой бы то ни было роли звукоподражания в деле зарождения или возникновения человеческой речи. Напрасно в этом отношении лингвисты-индоевропейцы оспаривают положения психолога Вундта (Wundt). Факт же тот, что при возникновении языка человек не располагал таким количеством слов, чтобы расточать их на осознанное звукоподражательное выражение тех или иных явлений» (цит. по: [Концевич 1991: 572]). И далее: «Самое явление, звукоподражательная природа многих слов, отнюдь нами не оспариваемая, – результат позднейшей эволюции в восприятии того или иного слова за звукоподражательное только потому, что говорящий привык сочетать данное слово с определенным предметом, имеющим, действительно, в природном своем проявлении звуковое отношение...» [Там же].

Для общего языкознания представляет интерес также классическая тема о совершенствовании языкового механизма, рассматриваемая Б.А. Серебренниковым в связи с вопросом о существовании прогресса в языке. Серебренников различает два типа прогресса в развитии языка: прогресс относительный и прогресс абсолютный, «выражающийся в удовлетворении языком возрастающих потребностей общения» [Серебренников 1968: 123]. По его мысли, нельзя смешивать два явления совершенно разной природы – абсолютный прогресс развития языка и совершенствование языковой техники. Позже Б.А. Серебренников стал говорить уже о «лингвотехнике». В интерпретации К.Г. Красухина, под лингвотехникой Серебренников понимает «все способы языковых выражений», которые «не даются как нечто абстрактное и застывшее, но максимально совершенствуются» [Красухин 2003: 157].

В статье «Следует ли пренебрегать законами лингвотехники?» Б.А. Серебренников так писал о феномене совершенствования языкового механизма: «Всякий язык – это орудие общения. Любое орудие и инструмент со временем совершенствуются. Поэтому и человек, пользующийся языком, стремится к его совершенствованию. Правда, это совершенствование очень часто протекает стихийно, оно никем не планируется, но, тем не менее, оно происходит» [Серебренников 1986: 212]. Серебренников упоминает в этой связи о совершенствовании словарного состава языка и языкового механизма, о тенденции к облегчению произношения и тенденции к употреблению более экспрессивных форм. Он говорит о проявлении в языке двух типов тенденций: тенденций, направленных к «улучшению языковой техники и языкового механизма», и тенденций, направленных к «сохранению языка в состоянии коммуникативной пригодности» [Серебренников 1968: 42].

По мысли Б.А. Серебренникова, несмотря на наличие в языке абсолютного прогресса в развитии языка, «совершенствование языковой техники в языке никогда не достигает своего идеала» [Там же: 123]. Такое совершенствование «напоминает волнообразное движение: что-то улучшается на одном участке и одновременно ухудшается на другом, и наоборот» [Там же]. Прогресс здесь «никогда не идет по абсолютно возвышающейся кривой» [Там же]. По убеждению Серебренникова, «абсолютный прогресс в языке не может направлять изменений, способствующих улучшению языковой техники» [Там же: 124]. Это нетрудно доказать, замечает он, на самых простых примерах. Так, «для удовлетворения потребностей общения абсолютно безразлично, имеется ли в слове группа труднопроизносимых согласных, или она упрощена» [Там же]. Важно лишь, чтобы «данное слово что-то обозначало и было понятно говорящему и слушающему» [Там же].

\* \* \*

Б.А. Серебренников по праву входит в когорту подлинных корифеев науки XX века. Ведь «корифей» в исконном смысле этого слова (от греч. *κορυφαίος*) есть «предводитель». В древнегреческой трагедии это был предводитель хора. Борис Александрович и был таким настоящим предводителем на поприще отечественной науки о языке в один из драматических периодов ее становления. Его творческий и жизненный путь, полный света и подлинного драматизма, учит любви к истине, мужеству и высокой гражданственности.

В этих кратких заметках-размышлениях к столетию со дня его рождения предпринималась попытка осмыслить жизнь и творчество Б.А. Серебренникова под знаком понимания роли «человеческого фактора» в науке о языке. Данные заметки полны субъективизма. Но охарактеризовать личность такого масштаба и ее деятельность под силу только соборному научному разуму.

### **Литература**

*Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. 2 изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.

*Васильков Я.В.* Трагедия академика Марра // Христианский Восток: Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Т. 2 (VIII), Новая серия / Гл. ред. М. Б. Пиотровский. СПб.; М.: Изд-во РАН: Гос. Эрмитаж: Алетейя, 2001. С. 390 – 421.

*Волошинов В.Н.* (М.М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 192 с.

Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина / Под ред. акад. В.В. Виноградова. МГУ, 1952. 412 с. (ВЯ).

*Концевич Л.Р.* Примечания // Поливанов Е.Д. Труды по восточному языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 565-586.

*Красухин К.Г.* Борис Александрович Серебренников // Отечественные лингвисты XX века: Сб. ст. // РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. научн.-информ. исслед. Отд. языкознания. М., 2003. Ч. 2: (М – С). С. 148 – 162. (Сер. Теория и история языкознания).

*Лосев А.Ф.* В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М.: Наука, 1989. С. 5 – 92.

*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 39 тт. Т. XX. Изд. второе. М.: Изд-во политической литературы, 1961.

*Мочульский К.В.* Владимир Соловьев. Жизнь и учение. Париж: YMCA-Press, 1936. 264 с.

*Поливанов Е.Д.* Труды по восточному языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 623 с.

*Свадост-Истомин Э. П.* Как возникнет всеобщий язык? М.: Наука, 1968. 288 с.

*Серебренников Б.А.* Сравнительно-исторический метод и критика так называемого четырехэлементного анализа Н.Я. Марра // Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина. МГУ, 1952. С. 245 – 288.

*Серебренников Б.А.* О ликвидации последствий культа личности Сталина в языкознании // Теоретические проблемы современного советского языкознания. М.: Наука, 1964. С. 109 – 113.

*Серебренников Б.А.* Об относительной самостоятельности развития системы языка. М.: Наука, 1968. – 128 с.

*Серебренников Б.А.* К проблеме сущности языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 9 – 95.

*Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. 352 с.

*Серебренников Б.А.* Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания // Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976. С. 7 – 52.

*Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. 320 с.

*Серебренников Б.А.* Следует ли пренебрегать законами лингвотехники? // Литература. Язык. Культура. М.: Наука, 1986. С. 212 – 218.

*Серебренников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988а. 242 с.

*Серебренников Б.А.* Как происходит отражение картины мира в языке // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988б. С. 87 – 107.

*Серио П.* Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологиче-

ская дискуссия в России // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 1995. С. 321 – 341.

*Степанов Ю.С.* Язык и Метод: К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.

*Широков О.С.* Борис Александрович Серебренников (1915-1989) // Вестник Московского университета, сер. 9 «Филология». М., 1989. № 4. С. 71 – 74.

*Ярошевский М. [Г.]* Иероглифов теория // Философская энциклопедия. В 5 тт. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 239 – 240.

**RUSSIAN LINGUISTICS OF THE XXth CENTURY  
AND ITS PROMINENT FIGURES.  
B.A. SEREBRENNIKOV: THE LANGUAGE THEORY**

**Valentina I. Postovalova**

Principal Researcher, Institute of Linguistics of RAS  
125009 Moscow, Bolshoi Kislovsky lane, 1  
*aroni4@yandex.ru*

The paper aims to characterize the scientific work of B. A. Serebrennikov's (1915-1989) who was a prominent researcher and a top-rank organizer of science. In particular, it reveals the role of his ideas in the development of Russian linguistics as well as the significance of his views for the evolution of the contemporary linguistic thought. A special attention is paid to the fact that B. A. Serebrennikov worked within the framework of the so-called common linguistics, which was not divided into such sub-branches as psycholinguistics and sociolinguistics, linguoculturology and cognitive linguistics that are in progress nowadays. The paper shows that his linguistic ideas and approaches are consonant with the explorations in different domains of modern linguistics. These are the ideas of a unity of the universal and idioethnic in the language, of the correlation between linguistic and conceptual pictures of the world, of the ontological character of dialectal contradictions in the language, of averbal and linguocreative ways of thinking, of the absolute progress in the language and the impossibility to attain the ideal in the improvement of language technique. Different attempts to interpret the categories of "Marxist linguistics" in the Russian linguistics of the XXth century are also analyzed.

**Keywords:** "indivisible linguistics", philosophy of language, Marxist linguistics, dialectal contradiction, linguocreative thinking, the universal and the idioethnic, linguistic and conceptual pictures of the world, progress in the language, improvement of language technique.

**References**

*Alpatov V.M.* Istorija odnogo mifa: Marr i marrizm [The history of one myth: Marr and Marrism]. 2 izd. Moscow: Editorial URSS, 2004. 288 p.

*Vasil'kov Ja.V.* Tragedija akademika Marra [Academician Marr's tragedy]. Hristianskij Vostok: Serija, posvjashhennaja izucheniju hristianskoj kul'tury narodov Azii i Afriki [The Christian East]. Т. 2 (VIII), Novaja serija / М. В. Piotrovskij (ed.). SPB.; М.: Izd-vo RAN: Gos. Jermitazh: Aletejja, 2001, pp. 390–421.

*Voloshinov V.N.* (M.M. Bahtin). Marksizm i filosofija jazyka: Osnovnye problemy sociologicheskogo metoda v nauke o jazyke [Marxism and the philosophy of language: The main problems of sociological method in the science of language]. M.: Labirint, 1993. 192 p.

Voprosy jazykoznanija v svete trudov I. V. Stalina [The issues of linguistics in the light of I. V. Stalin's works]. V.V. Vinogradov (ed.). Moscow, MGU, 1952. 412 p.

*Koncevich L.R.* Primechanija [Comments]. Polivanov E.D. Trudy po vostochnomu jazykoznaniju [Polivanov E.D. Works on the Eastern linguistics]. Moscow: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1991, pp. 565–586.

*Krasuhin K.G.* Boris Aleksandrovich Serebrennikov [Boris Aleksandrovich Serebrennikov]. Otechestvennye lingvisty XX veka [The Russian linguists of the XXth century]. Moscow: RAN. INION. Centr gumanit. nauchn.-inform. issled. Otd. Jazykoznanija, 2003, ch. 2: (M–S), pp. 148–162. (Ser. Teorija i istorija jazykoznanija).

*Losev A.F.* V poiskah postroenija obshhego jazykoznanija kak dialekticheskoj sistemy [In search for building the general linguistics as a dialectal system]. Teorija i metodologija jazykoznanija: Metody issledovanija jazyka [The theory and methodology of linguistics: Methods of language research]. M.: Nauka, 1989, pp. 5–92.

*Marks K., Jengel F.* Cochinenija [Essays]. V 39 tt. T. XX. Izd. vtoroe. M.: Izd-vo politicheskoj literatury, 1961.

*Mochul'skij K.V.* Vladimir Solov'ev. Zhizn' i uchenie [Vladimir Solov'ev. Life and doctrine]. Paris: YMCA-Press, 1936. 264 p.

*Polivanov E.D.* Trudy po vostochnomu jazykoznaniju [Works on the Eastern linguistics]. M.: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1991. 623 p.

*Svadost-Istomin Je. P.* Kak vozniknet vseobshhij jazyk? [How does the universal language emerge?]. Moscow: Nauka, 1968. 288 p.

*Serebrennikov B.A.* Sravnitel'no-istoricheskij metod i kritika tak nazyvaemogo chetyrehjelementnogo analiza N.Ja. Marra [The comparative-historical method and the critical view of N.Ja. Marr's so-called four-element analysis]. Voprosy jazykoznanija v svete trudov I. V. Stalina, MGU, 1952, pp. 245–288.

*Serebrennikov B.A.* O likvidacii posledstvij kul'ta lichnosti Stalina v jazykoznanii [On the elimination of consequences of Stalin's cult of personality in linguistics]. Teoreticheskie problemy sovremennogo sovetskogo jazykoznanija, 1964, pp. 109–113.

*Serebrennikov B.A.* Ob odnositel'noj samostojatel'nosti razvitija sistemy jazyka [On the relative independence of the language system development]. Moscow: Nauka, 1968. 128 p.

*Serebrennikov B.A.* K probleme sushhnosti jazyka [Towards the problem of the language essence]. Obshhee jazykoznanie. Formy sushhestvovanija, funkcii, istorija jazyka [The General linguistics. Forms of existence, functions, history of the language]. M.: Nauka, 1970, pp. 9–95.

*Serebrennikov B.A.* Veroyatnostnye obosnovanija v komparativistike [Probabilistic grounds in comparative linguistics]. Moscow: Nauka, 1974. 352 p.

*Serebrennikov B.A.* Svodimost' jazykov mira, uchet specifiky konkretnogo jazyka, prednaznachennost' opisanija [The correlation between languages of the world, registration of the specificity of a certain language, aims of descriptions]. Principy opisanija jazykov mira [Principles of description of languages of the world]. M.: Nauka, 1976, pp. 7–52.

*Serebrennikov B.A.* O materialisticheskom podhode k javlenijam jazyka [On the materialistic approach to the language phenomena]. Moscow: Nauka, 1983. 320 p.

*Serebrennikov B.A.* Sleduet li prenebregat' zakonami lingvotehniki? [Should one neglect the laws of linguistic technique?]. Literatura. Jazyk. Kul'tura [Literature. Language. Culture]. M.: Nauka, 1986. pp. 212–218.

*Serebrennikov B.A.* Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i myshlenie [The role of human factor in the language: Language and thinking]. Moscow: Nauka, 1988 a. 242 p.

*Serebrennikov B.A.* Kak proishodit otrazhenie kartiny mira v jazyke [How the language reflects the picture of the world]. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira [The role of the human factor in the language: The language and picture of the world]. M.: Nauka, 1988 b. – S. 87–107.

*Serio P.* Lingvistika i biologija. U istokov strukturalizma: biologicheskaja diskussija v Rossii [Linguistics and biology. The beginnings of structuralism: the biological discussion in Russia]. Jazyk i nauka konca 20 veka: Sb. statej. Moscow: Ros. gos. gumanit. un-t, 1995, pp. 321–341.

*Stepanov Ju.S.* Jazyk i Metod: K sovremennoj filosofii jazyka [Language and method: Towards the contemporary philosophy of language]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 784 p.

*Florovskij G.*, prot. Puti russkogo bogoslovija [Ways of Russian theology]. Vilnius, 1991. 601 p.

*Shilkov Ju.M.* Filosofija jazyka N.Ja. Marra [N.Ja. Marr's philosophy of language]. Shilkov Ju.M. Jazyk i poznanie: Kognitivnye aspekty. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2013, pp. 131–146.

*Shirokov O.S.* Boris Aleksandrovich Serebrennikov (6 marta 1915 – 28 fevralja 1989) [Boris Aleksandrovich Serebrennikov (6 March 1915 – 28 February 1989)]. Vestnik Moskovskogo universiteta, ser. 9 «Filologija», 1989, no 4, pp. 71–74.

*Jaroshevskij M.* [G.] Ieroglifov teorija [The theory of hieroglyphs]. Filosofskaja jenciklopedija. V 5 tt. T. 2. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1962, pp. 239–240.



## БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Бессмертный полк. В его строю навсегда останутся и мои родители –  
**Савельев Борис Иванович (02.08.1924 – 31.08.2013)** и  
**Рахманкулова Изюм-Эрик Салиховна (14.09.1925 – )**.

Для **Бориса Савельева** война началась 22 июня 1941 года, когда на следующий день после своего выпускного бала шестнадцатилетний курсант Киевского артиллерийского училища №1 уже вел пулеметный огонь по немецким самолетам, бомбившим его родной Киев. Но настоящее боевое крещение младший лейтенант Савельев получил на передовой под Москвой, куда в середине октября 1941 года было направлено все Киевское артучилище. Их окопы проходили по Ленинградскому шоссе. Именно там вместе со своим расчетом «сорокопятки» он подбил свой первый немецкий танк.

Самые страшные бои для моего отца были под Старой Руссой. Вот воспоминания, записанные моей матерью с его слов: «разбитые избы, разрушенные церкви, поваленные телеграфные столбы, и кругом белым-бело, снега по пояс. Так что общее дело заключалось в том, что когда отказывали лошади, то впрягался расчет и тянул пушку вместо лошадей. В этой местности, говорили, в каждом сантиметре деревьев сидит по осколку. Здесь тяжело раненный Муса Джалиль попал в плен. Немцы здесь пять раз пытались перейти в наступление. Наши отражали атаки, иногда переходили сами к атакам. Как это выглядело, теперь даже страшно представить. Так, наши отступили под натиском немцев, и командир дивизии, сдавший деревню, был тут же на месте расстрелян. И сменившая эту дивизию бригада морячков, которые потопили в Таллине свои корабли и стали пехотинцами в черных бушлатах, должна была эту деревню отвоевать. Шли морячки вперед, утопая по пояс в снегу, а по ним строчили пулеметы, как по черным дроздам. Борис со своей пушкой поддерживал морячков. Тогда во время этой атаки Борис познакомился со своим лучшим другом Васей Данчевским, дружба с которым продолжалась более 60 лет. Та атака захлебнулась, но в следующую ночь восемнадцать храбрецов-морячков вырезали всех немцев в этой деревне. А вот потери в этой бригаде были такие страшные, что из всех ветеранов этой морской бригады мой муж знал только Васю и двух ветеранов, проживающих в Ленинграде» (И.-Э. Рахманкулова. Практика выживания. Повесть в трех частях. М.: Тезаурус, 2010, с. 148-149).

Милый, милый Василий Иванович Данчевский! Дорогой мой «дядя Вася», которого помню с самого детства, всегда такой светлый, добрый и радостный человек! Ты тоже по праву один из них – Бойцов Бессмертного Полка!

Отец был тяжело ранен в бою 7 февраля 1942 года. Война для него закончилась в забайкальских госпиталях Сретенска и Бийска, а вот для моей матери война еще была впереди.

**Изюм-Эрик Рахманкулова**, Зюма, как ее ласково называли родители и подруги, золотая медалистка, математическая звезда лучшей школы города Куйбышева, в сорок втором году только заканчивает десятый класс. Но уже твердо знает – с того самого дня, как прочитала статью Павла Лидова о казни своей ровесницы Зои Космодемьянской – что после окончания школы пойдет на фронт. И девочка-волжанка из интеллигентной татарской семьи, где отец инженер-путеец, а мать – врач-эпидемиолог, выдержит данное себе обещание и, сама не зная этого, будто подхватит эстафету,

переданную ей ее будущим мужем, которого она встретит только после войны. И пронесет бремя войны на своих худеньких плечах до самого праздника Победы, который будет отмечать в Праге.

Сразу после окончания школы семнадцатилетняя Зюма Рахманкулова, которую родители обучали немецкому языку с раннего детства, добровольцем поступает на ускоренные курсы военных переводчиков при эвакуированном в г. Ставрополь Куйбышевской области Военном институте иностранных языков. В сентябре 1943 года, в день ее совершеннолетия, Эрике Рахманкуловой присваивают звание младшего лейтенанта и отправляют на Первый Украинский фронт.

Наверное, есть какой-то символический смысл в том, что мой отец, потомственный киевлянин, защищал Москву, а моя мать, татарка с Волги, приняла свое боевое крещение под Киевом. И так хочется, чтобы все мы, и наши дети и внуки сердцем почувствовали этот смысл, чтобы вновь начать гордиться тем ушедшим в прошлое, замаранным обидной аббревиатурой, но, на самом деле, исполненным достоинства именем – советский человек!

Зюма была командирована в штаб 271 стрелковой дивизии, с которой в ноябре 1943 года брала Киев и форсировала Днепр. Затем весной 1944 года, когда дивизия форсировала Южный Буг, мама получила тяжелое обморожение, последствия которого потом сказывались всю жизнь. После госпиталя 4 ноября 1944 года она была переведена в группу ближней разведки средствами связи 5 полка связи первой гвардейской армии.

Началась самая опасная и самая захватывающая глава боевой биографии лейтенанта Изюм-Эрик Рахманкуловой. Бои шли в горной местности, штаб нуждался в проверенных оперативных данных. Как переводчик, замещающий в экстренных случаях начальника разведки полка, Зюма Рахманкулова вела допрос пленных, причем некоторые из полученных ею данных оказались столь ценными для штаба армии, что девушка была награждена орденом Красной Звезды. Как начальник разведгруппы, участвовала в разведке боем, ходила с разведзаданиями за линию фронта в Карпатах, участвовала в боях за Карпатский перевал, в боевых действиях на Венгерской равнине, переодетая гуцулкой, выходила на связь со Словацким восстанием, за что позже от правительства Словакии получила медаль участника Словацкого восстания. Война закончилась для нее не 9, а 10 мая в городке Высоке Мито, вместе с той пулеметной очередью немецкого снайпера, которой в первый день объявленного мира была убита ее лучшая подруга связистка Надя Прохорова, прошагавшая дорогами войны четыре года.

Еще один Боец Бессмертного Полка!

За свои боевые заслуги И.-Э.С. Рахманкулова была удостоена более 25 орденов и медалей, в том числе Ордена Красной Звезды, Ордена Великой Победы, Ордена отечественной Войны 2-й степени, Ордена Почетного Креста (Чехия).

Б.И. Савельев имеет более 30 орденов и медалей, в том числе Орден Красной Звезды, Орден Великой Победы, Орден отечественной Войны 1-й степени и медаль «За оборону Москвы».

Судьба свела моих родителей в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ), где отец учился на переводческом, а мама - на педагогическом факультете. Поженились перед окончанием института и понесли свою любовь через все 63 года совместной жизни до самой кончины отца.

## Бессмертный полк

---

После военного института отец служил в ГРУ, в отставку ушел в звании полковника, затем преподавал военный перевод в МГПИИЯ, 30 лет проработал в МГИМО на кафедре итальянского языка, а в последние годы обучал студентов АНХ при Правительстве РФ.

Мама защитила кандидатскую, а затем докторскую диссертацию по грамматике немецкого языка, заведовала кафедрами в МИЭМе, МГИМО, МОПИ, МГПУ. Стала профессором, заслуженным деятелем науки РФ, действительным членом международной академии информатики. Написала более 120 научных работ, в том числе несколько вузовских учебников. Подготовила многие поколения учеников, в том числе более 30 кандидатов и докторов наук. Написала замечательные мемуарные повести о войне и послевоенном мире «Наука выживания» и «Такое было время», а также более десяти документальных рассказов о Великой Отечественной войне.

Бориса Ивановича Савельева и Изюм-Эрик Салиховну Рахманкулову можно по праву считать одними из лучших представителей своего поколения, так много сделавшего для достойного будущего нашей страны.

Считаю народную акцию «Бессмертный полк» в высшей степени своевременной и полезной. Спасибо ее организаторам!

Дочь Б.И. Савельева и Э.С. Рахманкуловой  
доктор филологических наук, профессор,  
главный научный сотрудник Института языкознания РАН,  
*Дина Борисовна Никуличева*



Никуличева Д.Б. Бессмертный полк. В его строю навсегда останутся и мои...

---



**NEW! Master's Degree Program in Linguistics  
PSYCHOLINGUISTICS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION**

*Уважаемые коллеги!*

Сеченовский университет (Россия, Москва) – участник государственной Программы повышения международной конкурентоспособности ведущих вузов РФ «5-100», в рамках диверсификации образовательных программ открывает **новую магистерскую программу по направлению подготовки Лингвистика на английском языке «Психолингвистика межкультурной коммуникации (Psycholinguistics of Intercultural Communication)»**. Программа ориентирована, прежде всего, на иностранных граждан. Преподавательский состав – тоже международный, включает представителей России, США, Великобритании, Венгрии.

Целью данного образовательного продукта является подготовка нового поколения специалистов на основе сочетания западноевропейских и американских традиций в изучении межкультурной коммуникации и российских теоретических и экспериментальных подходов в области психолингвистики и этнопсихолингвистики. Нашим главным партнером в реализации программы является отдел психолингвистики института языкознания РАН.

Для обучения приглашаем бакалавров и специалистов в области **преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации, переводчиков, социологов, журналистов, политологов.**

***И.Ю. Марковина,***

к.ф.н., доцент, заслуженный работник Высшей школы РФ, заведующая кафедрой иностранных языков, директор Центра изучения иностранных языков,

Сеченовский университет

*e-mail:* [irina\\_markovina@mail.ru](mailto:irina_markovina@mail.ru)

*тел.:* +7 916 927 95 39

